

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 1 / 2018

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2018

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социал.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Медведев С. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2018

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Medvedev S. N.** – Doctor of Law, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshov A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Аверьянов А. В. О роли Донского региона в политике интеграции Северного Кавказа в 1920–1930-е гг.	8
Аргун М. Р., Салакая С. Ш. Деятельность администрации Абхазии накануне восстания 1866 г.	14
Величко Л. Н. Южный Кавказ в системе внешней политики США 1991–2001 гг.	20
Галкина Е. В. Распространение православия в Русской Америке в конце XVIII – середине XIX вв.	26
Гойбасханов А. А. Традиция и новации в культурном облике Северного Кавказа второй половины XIX в.	30
Денисов С. А. Прусские нобили на службе у Тевтонского ордена в XIII–XIV вв.	37
Кажаров А. Г. Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.)	48
Казаров С. С. Нахичеванские благотворители и общественные деятели братья Хатрановы	56
Кошман Ю. А. Здравоохранение Ставропольского края накануне Великой Отечественной войны	61
Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Пути формирования исторических центров городов-курортов Кавказских Минеральных Вод (конец XVIII–XX вв.)	68
Линец С. И. Судебный процесс 1966 г. в Минеральных Водах по делу пособников немецких оккупантов: особенности подготовки и проведения	75
Николаев Н. И. Проблемы войны и мира на страницах журнала «Вестник Европы» в 1898–1899 гг. (по материалам Л. З. Слонимского)	86
Николаенко Н. Д. Семейно-кизлярский (Кизлярский) полк Кавказского линейного казачьего войска	93
Смыков Е. В. Парфянская политика Марка Антония: оборона – наступление – безопасность границы	99
Степаненко Н. С. Армяне между Россией и Закубаньем в первой половине XIX в.	105
Тельменко Е. П. Начало реформ Савонаролы: монастырь Сан Марко и Тосканская конгрегация	112
Тропин Н. А. Николай Александрович Ридингер: служба петербургского полицмейстера (1867–1883 гг.)	118
Цориева И. Т. О некоторых аспектах историографии происхождения нартовского эпоса	125
Чикаидзе Ц. М. Политическая трансформация Ближнего Востока после Первой мировой войны	132

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаврилкина Ю. В. Понятие и структура компетенции государственных инспекций в Российской Федерации	139
Каледин М. Е. Пути развития ювенальной юстиции в России на примере динамики статьи 116 УК РФ	147
Ковалев Ю. С. К вопросу о судебном конституционном контроле в Российской Федерации	154
Кротов К. С. Юридическая ответственность за ложную эко-маркировку в России и зарубежных странах	159
Медведев С. Н. Наследственное право Испании	165

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бронская Л. И., Иванова И. Н. Дихотомия «свой/чужой» в современном кавказском и уральском текстах	170
Грязнова В. М. Имя прилагательное в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края	178
Гусаренко М. К. О способах выражения значений оптативов-пожеланий в испанском разговорном обыденном дискурсе в сопоставлении с русскими аналогами	187
Добрынина Е. Н. Функционально-прагматическое пространство политической интернет-коммуникации	193
Ласкова М. В., Беликова Я. Г. Национальная идентичность в контексте анализа футбольного дискурса английского языка	199
Сидоренко С. Г. Взаимосвязь семантики и прагматика языкового абсурда (методы интерпретации)	204
Сонина Е. В. Повседневность как экзистенциальная категория в творчестве Е. Гришковца (на примере произведений «Рубашка» и «Почти рукописная жизнь») .	210
Станько А. И., Лепилкина О. И. А. П. Чехов-публицист о системе наказаний в России	216
Шевченко Т. С. «Ходите достойно звания вашего»: роль православной лексики и цитат в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева (1940–1945 гг.)	221
Информация об авторах	227

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Averyanov A. V. On the role of the Don region in the policy of integration of the North Caucasus in 1920–1930	8
Argun M. R., Salakaya S. S. The administration of Abkhazia on the eve of uprising in 1866	14
Velichko L. N. South Caucasus in the US foreign policy system in 1991–2001	20
Galkina E. V. Spread of Russian America orthodoxy at the end of XVIII – first half of XIX centuries	26
Goybaskhanov A. A. Traditions and novation in the cultural image of the North Caucasus in the second half of the XIX century	30
Denisov S. A. Prussian nobles on the service of Theutonic Order in XIII–XIV centuries	37
Kazharov A. G. Formation of the Mountain ASSR and the problems of the national self-determination of the Kabarda and Balkaria (1920–1921)	48
Kazarov S. S. The Khatranov brothers: Nakhichevan's charities and common figures	56
Koshman Yu. A. Health care of the Stavropol territory on the eve of the Great Patriotic war	
Kudryavtsev A. A., Kudryavtsev E. A. The role of regional cultural heritage in socio-cultural development and the design of cities and tourist sites of the Stavropol region (on materials of Caucasian Mineral Waters)	61
Linets S. I. The legal process of 1966 in Mineralnye Vody over the case of the accomplices to the German invaders: peculiarities of preparation and conducting	75
Nikolaev N. Yu. The problems of war and peace on the pages of «Vestnik Evropy» («Herald of Europe») magazine, 1898–1899 (based on the materials of L. Z. Slonimsky)	86
Nikolaenko N. D. Family Kizlyar (Kizlyar) Regiment the Caucasian Linear Cossack Army	93
Smykov E. V. The Parthian policy of Mark Anthony: defense offensive border security	99
Stepanenko N. S. Armenians between Russia and Zakubanye in the first half of the XIX century	105
Telmenko E. P. The beginning of Savonarola's reforms: the San Marco monastery and the Tuscan congregation	112
Tropin N. A. Nikolai Ridinger: daily routine of Petersburg chief of police (1867–1883)	118
Tsorieva I. T. Some aspects of the historiography of the origin of the Nart epos	125
Chikaidze Ts. M. Political transformation of the Middle East after the First World war	132

LEGAL SCIENCES

Gavrilkina Yu. V. The concept and structure of the competence of state inspections in the Russian Federation	139
Kaledin M. E. The ways of development of juvenile justice in Russia by the example of the dynamics of article 116 of the Criminal Code	147
Kovalev Yu. S. On judicial constitutional control in the Russian Federation	154
Krotov K. S. Legal liability for false eco-marking in Russia and foreign countries	159
Medvedev S. N. Inheritance law in Spain	165

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bronskaya L. I., Ivanova I. N. «Us» and «Them» dichotomy in the modern Caucasian and Uralian texts	170
Gryaznova V. M. The adjective in the dialect of Nekrasov Cossacks in Stavropol region	178
Gusarenko M. K. On ways of expression of optative-wishes in Spanish conventional discredited discourse in comparison with Russian analogues	187
Dobrynina E. N. Functional and pragmatic space of political internet communication	193

Laskova M. V., Belikova Ya. G. National identity in the context of English football discourse analysis	199
Sidorenko S. G. The correlation of semantics and pragmatics of language absurd (interpretation methods)	204
Sonina E. V. Everyday life as an existential category in the work of E. Grishkovets (based on «Shirt» and «Almost handwritten life»)	210
Stan'ko A. I., Lepilkina O. I. A. Chekhov – the publicist on Russian penal system	216
Shevchenko T. S. «Live a life worthy of the calling you have received»: the role of the orthodox vocabulary and quotes in Iliya Surguchev's emigrant journalism (1940–1945) . .	221
Information about the authors	229

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 (47-57) 1917/1991

А. В. Аверьянов

О РОЛИ ДОНСКОГО РЕГИОНА В ПОЛИТИКЕ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена роли и месту Донского региона в государственной политике интеграции северокавказских автономий и бывших казачьих областей в общегосударственное политико-экономическое пространство в 1920–1930-е гг. Данная проблема имеет безусловную актуальность на современном этапе, поскольку изучение исторического опыта модернизации южнороссийского макрорегиона, в том числе республик Северного Кавказа, является гарантией стабильного и поступательного развития России в XXI в. В статье затрагивается проблема районирования и административно-территориального устройства юга РСФСР как важнейшего фактора успешной модернизации Северного Кавказа в 1920–1930-гг. В результате, в указанный период была сформирована модель интеграции Северокавказского макрорегиона с опорой на ресурсную базу промышленно развитых центров Донского региона,

под которым в статье понимается территория всех донских округов и районов, входивших в состав Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краёв, а также Ростовской области, образованной в 1937 г. Выбор Донского региона в качестве локомотива модернизации Северного Кавказа был обусловлен наличием мощной промышленной базы, многочисленного рабочего класса, крупнейшей партийной организации, высоким уровнем урбанизации. Особое внимание в статье уделено роли Ростова-на-Дону, Таганрога, Шахт и других донских городов в качестве крупнейших центров модернизации не только северокавказских автономий, но и аграрных районов Дона, Кубани и Ставрополя.

Ключевые слова: интеграция, модернизация, Юго-Восточная область, Северо-Кавказский край, Донской регион, Ростовская область, Ростов-на-Дону.

A. V. Averyanov

ON THE ROLE OF THE DON REGION IN THE POLICY OF INTEGRATION OF THE NORTH CAUCASUS IN 1920–1930

The article focuses on the role and place of the Don region in the state policy of integration of the North Caucasus autonomies and former Cossack regions in the national political-economic space in the 1920s–1930s. This problem has obvious relevance at the present stage, since the study of the historical experience of modernization of the South Russian macro-region, including the North Caucasus republics, is a guarantee of stable and progressive development of Russia in XXI century. The article addresses the issue of regionalization and administrative-territorial structure of the South of the RSFSR as the most important factor of successful modernization of the North Caucasus in the 1920s–1930s. The specified period featured the formation of model of integration of the North Caucasus macro-region. The resources of industrialized centers of the Don region served the

base of the model. The centers occupied the territory of all districts of the Don and districts that were part of the North Caucasus and Azov-black sea territories, and the Rostov region. The latter was founded in 1937. The choice of the Don region as a locomotive of modernization of the North Caucasus was caused by the presence of powerful industrial base, numerous working class, the largest party organization, high level of urbanization. Special attention is paid to the role of Rostov-on-Don, Taganrog, Shakhty and other Don cities as major centers of modernization not only the North Caucasus autonomies, but also agricultural regions of the Don, the Kuban and Stavropol.

Key words: integration, modernization, South East region, North Caucasus region, Don region, Rostov region, Rostov-on-Don.

Процесс интеграции окраинных территорий представлял собой важнейший фактор развития российского государства на протяжении всей его истории. В XX в. актуальность этой проблемы приобретала особую остроту в связи с радикальными политическими трансформациями в России. Ключевой задачей новых властей после 1917 и 1991 гг. было формирование привлекательной и эффективной интеграционной модели для регионов и населяющих их народов, обеспечивавшей их устойчивое развитие и лояльность центру. Российский юг являлся при этом своеобразным полигоном, где испытывались различные методы регионального управления.

Помимо изучения проблем национально-государственного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. в современной историографии значительное внимание уделяется вопросам государственной политики в отношении национальных меньшинств на Дону, Кубани и Ставрополье. В том числе теоретическим и практическим аспектам становления, развития и упразднения национальных районов, политики коренизации, исторической судьбе национальных меньшинств в довоенный период и во время Великой Отечественной войны. Эти проблемы исследуются в работах В. З. Акопяна [1,2], Н. Ф. Бугая [3, 4, 5], М. Е. Игнатовой [8], И. Г. Иванцова [9], О. К. Кайковой [10], Т. П. Хлыниной [12] и др. По-прежнему актуальным остаётся изучение опыта административно-территориального районирования в рамках политики интеграции и модернизации Северо-Кавказского макрорегиона.

Вслед за установлением советской власти на Дону, Кубани и Северном Кавказе после окончания Гражданской войны перед большевиками стояла задача скорейшей интеграции этих территорий в единое политико-экономическое пространство. Однако традиционная полиэтничность, неравномерность социально-экономического и культурного развития населяющих регион народов, взаимные исторические обиды и различная степень лояльности по отношению к советской власти выступали дезинтегрирующими факторами. Сохраняющиеся противоречия между казаками, иногородними крестьянами и горцами способствовали консервации этносоциальной напряжённости в бывших казачьих областях и в недавно созданных национальных административно-территориальных образованиях на Северном Кавказе.

Их первопричина, по мнению большевиков, сводилась к нерешённым экономическим проблемам, унаследованным от прежней власти,

сохранявшемуся национальному угнетению и экономическому неравенству [11, с. 580]. С целью исправления ситуации в состав вновь образованных северокавказских автономий были переданы территории упразднённой Терской области. Однако в скором времени стало очевидно, что данные меры, не смогли качественно переломить ситуацию и стать толчком к форсированному развитию национальных автономий, то есть решить проблему их экономической отсталости.

По этой причине было принято решение о создании крупных административно-территориальных единиц, в результате чего в 1924 г. была создана Юго-Восточная область, через некоторое время преобразованная в Северо-Кавказский край. Его созданию предшествовали бурные дискуссии на общегосударственном и региональном уровне о будущих границах и составе. Кубано-Черноморская область настаивала на образовании Северо-Кавказского края без Донской области и национальных автономий, с центром в Краснодаре или Армавире. Представители Дона, Терка и Ставрополья поддерживали проект Юго-Востокплана об образовании Средне-Кавказского экономического района с центром в Ростове. Итоговое «Положение о Юго-востоке России», куда вошло 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в Ростове-на-Дону, было принято ВЦИК 13 февраля 1924 г. [12, с. 161]. Решение о включении в Северо-Кавказский край донских округов, которым отводилась роль локомотива модернизации Северного Кавказа, было обусловлено наличием необходимой экономической и социально-политической ресурсной базы для интенсификации развития всего макрорегиона.

Несмотря на то, что Дон в годы Гражданской войны стал крупнейшим центром антибольшевистского сопротивления, ослабление и маргинализация казачества, ставка большевиков на быстро растущее иногороднее население, прежде всего в городах, делало его наиболее удобной площадкой для модернизации региона. Территория бывшей Области Войска Донского к началу и середине 1920-х гг. продолжала оставаться наиболее урбанизированным регионом на юге РСФСР. Согласно всесоюзной переписи 1926 г. в донских округах проживало 41,2 % всего городского населения Северо-Кавказского края [7]. По численности и доли городского населения в социальной структуре края донские округа значительно превосходили аналогичные показатели на Кубани, а также на Ставрополье и в северокавказских автономиях.

Так, во втором по численности в Северо-Кавказском крае Донском округе городское население насчитывало 451 тыс. человек, или 40 % от всех жителей. В то время как в крупнейшем в крае Кубанском округе - 211 тыс. человек, или 14,1 %. В Ставропольском округе - 60,4 тыс. и 9 % соответственно. По итогам первых пятилеток Ростовская область продолжала оставаться наиболее промышленно развитым и урбанизированным регионом на Северном Кавказе - 44 % городского населения в 1939 г. В то время как в Краснодарском крае и Орджоникидзевском (Ставропольском) крае эти показатели достигали 25 % и 20 % соответственно [7].

Примечательно, что до 1924 г. большевики не имели чётко сформулированного плана интеграции Северокавказского региона. В начале 1920-х гг. гораздо важнее представлялась задача образования СССР и удовлетворения территориальных претензий вошедших в её состав союзных республик. Так, с целью формирования рабочего класса на Украине и её индустриализации в состав УССР были включены такие крупные промышленные центры как Харьков и Юзовка (Донецк), а также Таганрог и Шахты, ранее входившие в состав бывшей Области Войска Донского. Однако после создания Северо-Кавказского края стало очевидным, что регион нуждался в укреплении производственной базы, которая могла быть расширена после возвращения в его состав части территорий, отошедших Украинской ССР. В 1924 г. в краевое подчинение были переданы Таганрог и Шахты, ставшие в период индустриализации в 1930-е гг. крупнейшими центрами промышленного производства в регионе. Рост значения Таганрога также был связан со строительством Волго-Донского канала и глубоководного морского порта [13, л. 61–62].

О значении Таганрога, ставшего вторым по значению городом в Донском регионе, свидетельствовал присвоенный ему в 1929 г. статус административного центра Донского округа после выделения из его состава Ростова-на-Дону. Наличие развитой промышленной базы и многочисленного пролетариата (9 % населения), а также удачное географическое расположение делало Таганрог вторым по значению городом Донского региона [13, л. 64].

В отчётном докладе о работе краевой партийной организации за 1924 г. А. И. Микоян отметил чрезвычайную важность оптимального районирования Северо-Кавказского края. Обозначив мотивы передачи в его состав Таганрога и Шахт, он подчеркнул, что в этническом и экономическом плане эти округа (Таганрогский

и Шахтинско-Донецкий) исторически тяготели к «РСФСР, к Северному Кавказу» [14, л. 4]. Динамика роста численности населения Таганрога и Шахт в 1920–1930-х гг. свидетельствовала об их высоком значении для промышленного, энергетического и транспортного развития не только Донского региона, но и всего Северного Кавказа.

Значительную долю населения крупнейших донских городов составлял пролетариат, который большевики рассматривали в качестве социальной опоры своей политики и наделяли значительными политическими привилегиями. В 1924 г. 51 % краевой партийной организации из 43 тыс. человек составляли рабочие [13, л. 33].

Таблица 1
Численность населения крупнейших городов
Области Войска Донского, донских округов
Северо-Кавказского края и Ростовской
области в 1897–1939 гг. [7]

	1897	1926	1939
Ростов-на-Дону	119 тыс.	308 тыс.	503 тыс.
Таганрог	51 тыс.	86 тыс.	189 тыс.
Шахты	16 тыс.	49 тыс.	135 тыс.
Новочеркасск	52 тыс.	62 тыс.	81 тыс.

Показательным на этом фоне представляется снижение роли в жизни региона бывшей столицы упразднённой Области Войска Донского – Новочеркаска. Краевое руководство констатировало его крайнюю неперспективность в рамках индустриального и экономического развития региона. По данным на 1926–1927 гг. доля пролетариата в Новочеркасске составляла всего 1 % населения, что обуславливало отсутствие социальной базы для реализации большевистской политики и падение к нему интереса со стороны краевых властей [13, л. 64].

Ключевую роль в жизни Северо-Кавказского края играл его административный центр, который определялся большевиками в качестве главного промышленного, транспортного, административного центра макрорегиона. Образ Ростова-на-Дону не только как «ворот Кавказа», но и его «столицы» в полной мере нашёл своё воплощение после революции, хотя тенденция роста влияния на Северокавказский регион обозначилась намного раньше¹. Ростов-на-Дону, как и весь Донской регион был своеобразной смычкой между Украиной, центральными российскими губерниями и Се-

¹ Во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону стал важнейшим транспортным узлом на юге России; с 1874 г. в городе функционировали Главные мастерские Владикавказской железной дороги.

верным Кавказом. И если на начальном этапе своего развития в этнокультурном и экономическом отношении Ростов тяготел к исторической Новороссии, то с конца XIX в. обозначилась его переориентация на Северокавказский регион, что окончательно было закреплено в 1920–1930-е гг.¹

В середине 1920-х гг. краевое руководство констатировало, что «город Ростов растёт в промышленном и торговом отношении. Тот факт, что Ростов стал центром Северо-Кавказского края явился, и впредь будет являться источником сильного и непрерывного роста влияния Ростова как культурного и хозяйственного центра на весь Край и более усиленного темпа развития промышленности и торговли Ростова» [15, л. 15].

Помимо экономического фактора, ставка большевиков на Ростов-на-Дону в качестве локомотива модернизации региона обуславливалась целым рядом идеологических, культурных и этносоциальных причин. Ростов-на-Дону являлся городом с богатым революционным прошлым: всероссийскую известность получила ростовская стачка 1902 г., значение которой было высоко оценено В. И. Лениным; в 1905 г. в ходе первой русской революции в Ростове-на-Дону произошла всеобщая политическая стачка, переросшая в вооружённое восстание. Будучи исторически неказачьим городом, Ростов, имевший образ города-космополита открытого культурным и социально-политическим влияниям, как нельзя лучше подходил для конструирования новой советской идентичности. Основную массу жителей Ростова составляли оторвавшиеся от корней иногородние переселенцы, которые резко контрастировали на фоне консервативного казачества. Стремительно увеличивавшееся население многонационального Ростова, особенно после присоединения к нему в 1928 г. заселённого преимущественно армянами Нахичевани-на-Дону, являло собой итог деятельности крупнейшего этнического плавильного котла на юге РСФСР.

Кроме того, Ростов-на-Дону, снискавший себе историческую славу торгового города, приобрёл значение крупного промышленного центра с многочисленным рабочим классом, а также крупнейшей в регионе партийной организацией. Роль партийных органов в проведении национальной политики большевиков на Северном Кавказе сложно переоценить. Они представляли собой важнейший меха-

низм реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений. Вовлечение представителей национальных меньшинств в работу советских и партийных органов было ключевым средством их гражданской интеграции. Краевой партийной организацией вёлся подробный учёт состояния и численности коммунистов в «русских» и национальных округах Северо-Кавказского края [16, л. 27].

На крупнейшую в регионе Ростово-Нахичеванскую партийную организацию возлагалась важнейшая задача по «усилению влияния ростовских рабочих на все краевые парторганизации» и «развитие всего края» [17, л. 20]. В том числе путём вовлечения в партийные ряды представителей национальных меньшинств, а также формирования рабочего класса в национальных автономиях, который должен составить социально-политическую опору большевиков на Северном Кавказе. С этой целью на предприятия Ростова-на-Дону, который стал своеобразной кузницей кадров для северокавказского пролетариата, в массовом порядке зачислялись рабочие из национальных автономий.

К началу 1930-х гг. на сорока семи ростовских предприятиях, среди которых выделялись Сельмаш, Лензавод, Красный Аксай, Северо-Кавказская обувная фабрика, трудилось более пяти сот рабочих из Чечни, Ингушетии, Дагестана и других автономий Северного Кавказа. Всего на донских заводах и фабриках предполагалось обучить свыше 4 тыс. северокавказских рабочих. Помимо выходцев из автономий вёлся подробный учёт представителей нацменьшинств, постоянно проживающих на территории Донского региона, в том числе немцев, поляков, армян, цыган, татар и других [6, л. 24].

Наряду с донскими предприятиями центрами воспитания национальных кадров стали ростовские учебные заведения. Так, в 1924 г. А. И. Микоян отмечал, что если два года назад в Ростове не обучалось ни одного студента из национальных автономий края, то на текущий момент в учебных заведениях города обучалось 300 студентов горцев, в том числе 150 человек на рабфаках и военных курсах [13, л. 21]. Данная практика, признанная на уровне краевого руководства вполне успешной, в перспективе получила широкое распространение во многих средне-специальных и высших учебных заведениях Ростова-на-Дону и сохраняется до сих пор.

Тем самым, в 1920–1930-х гг. произошло складывание Северо-Кавказского региона в единую самостоятельную хозяйственную и административную единицу. Впервые на государственном уровне была предпринята

¹ До 1887 г. Ростов-на-Дону был частью Екатеринославской губернии.

попытка преодоления отсталости северокавказских территорий за счёт организационного и экономического потенциала со стороны Кубани, Ставрополья и Донского региона, который выступал авангардом модернизации всего Северного Кавказа. Такая политика должна была стать гарантией решения национального вопроса, который носил подчинённый, «надстроечный» характер.

В идеологическом плане сложившаяся система межрегионального взаимодействия обуславливалась равенством всех наций и ликвидацией национального гнёта, следствием чего стала политика коренизации. С практической точки зрения – необходимостью форсированной модернизации и интеграции Северного Кавказа с опорой на ресурсную базу Дона, Кубани и Ставрополья. Ключевую роль в регионе играл Ростов-на-Дону, который представлял собой крупнейший на юге РСФСР промышленный, научно-образовательный и политический центр. Он стал своеобразной «метрополией» не только в отношении Северного Кавказа, но и Донского региона, долгие годы сохранявшего черты аграрного казачьего края. «Иногородний» социальный и многонациональный характер Ростова-на-Дону оптимальным образом

соответствовал задачам национальной политики большевиков – формированию советской идентичности на Дону и Северном Кавказе.

После разукрупнения Северо-Кавказского, Азово-Черноморского краёв и выделения самостоятельной Ростовской области, а также в послевоенные годы Ростов-на-Дону продолжал играть роль неформального регионального лидера, оставаясь административным, экономическим, военно-политическим, научно-образовательным центром Северо-Кавказского региона. В Ростове-на-Дону располагался штаб Северо-Кавказского военного округа, крупнейший в регионе Ростовский государственный университет, научные учреждения, координировавшие учебно-образовательную деятельность северокавказских вузов (СКНЦ ВШ). Ростов оставался важнейшим промышленным и транспортным центром Северо-Кавказского экономического района. Роль лидера макрорегиона, в свою очередь, благотворно влиял непосредственно на Ростова-на-Дону, обеспечивая высокие темпы его развития. С теми или иными изменениями данная модель отношений между субъектами юга РФ остаётся актуальной после распада Советского Союза и на современном этапе.

Литература

1. Акопян В. З. Образование новых армянских поселений на Дону в 1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 122–128.
2. Акопян В. З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930-е годы. Замыслы, осуществление, итоги // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 48–56.
3. Бугай Н. Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: Гриф и К, 2014. 420 с.
4. Бугай Н. Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие. М.: Гриф, 2015. 512 с.
5. Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.
6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.2287. Оп. 1. Д. 3951.
7. Демоскоп Weekly: интернет-сайт. URL: <http://demoscope.ru> (подсчёты автора) (Дата обращения: 07.11.2017).
8. Иванцов И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. 128 с.
9. Игнатова М. Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: КГТУ, 2005. 244 с.
10. Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: Исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. 20 с.
11. Протоколы X съезда РКП (б). М.: Партийное издательство, 1933. 954 с.
12. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 856.
14. ЦДНИРО. Ф.Р-7. ОП.1. Д. 14.
15. ЦДНИРО. Ф.Р-7. ОП. 1. Д. 100.
16. ЦДНИРО. Ф.Р-7. ОП. 1. Д. 559.
17. ЦДНИРО. Ф.Р-7. ОП. 1. Д. 746.

References

1. Akopyan V. Z. Obrazovanie novykh armyanskikh poseleniy na Donu v 1930-e gody (*The formation of new Armenian settlements on the Don in the 1930-s*) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 122–128. (In Russian).

2. Akopyan V. Z. Politika ukrainizatsii na Stavropol'e v 1920–1930-e gody. Zamysly, osushchestvlenie, itogi (*The policy of Ukrainization in Stavropol in the 1920s–1930s. Vision, implementation, outcome*) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 48–56. (In Russian).
3. Bugay N. F. Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoyashchee (*Caucasus. Ethnic minorities: the past and the present*). Moscow: «Grif» i K, 2014. 420 p. (In Russian).
4. Bugay N. F. Koreytsy Yuga Rossii: mezhetnicheskoe soglasie, dialog, doverie (*Koreans of Southern Russia: inter-ethnic harmony, dialogue, trust*). Moscow: Grif, 2015. 512 p. (In Russian).
5. Bugay N. F., Mekulov D. Kh. Narody i vlast': «sotsialisticheskiy eksperiment». 20-e gody (*Peoples and power: «socialist experiment». The 20s*). Maykop: Meoty, 1994. 424 p. (In Russian).
6. State archive of the Rostov region (GARO). F. 2287. Inv. 1. D. 3951. (In Russian).
7. Demoskop Weekly: internet-sajt. URL: <http://demoscope.ru> (Accessed: 07.11.2017) (In Russian).
8. Ivantsov I. G. Sovetskie formy «maloy avtonomii». Natsional'nye rayony i sel'sovety na Kubani. 1924–1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza) (*The Soviet forms of «low autonomy». National districts and village councils in the Kuban. 1924–1953. (on materials of the Kuban and the North Caucasus)*). Krasnodar: Al'fa-Print, 2013. 128 p. (In Russian).
9. Ignatova M. E. Grecheskiy i nemetskiy (Vannovskiy) natsional'nye rayony Krasnodarskogo kraia v 20–40-e gg. XX veka. (*Greek and German (Vannovsky) national regions of Krasnodar Krai in the 20s – the 40s of the XX century*). Krasnodar, 2005. 244 p. (In Russian).
10. Kaykova O. K. Natsional'nye rayony i sel'sovety v RSFSR: Istoricheskiy opyt Sovetskogo gosudarstva v reshenii problemy natsional'nykh men'shinstv v 1920–1941 gg. (*National districts and village councils in the Russian Federation: the Historical experience of the Soviet state in the solution of problems of national minorities in 1920–1941*). Moscow, 2007. 20 p. (In Russian).
11. Protokoly X s'ezda RKP (b). (*The protocols of the X Congress of the RKP(b)*). Moscow: Partijnnoe izdatel'stvo, 1933. 954 p. (In Russian).
12. Khlynina T. P., Krinko E. F., Urushadze A. T. Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskiy opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona. (*Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of region borders*). Rostov n/D: YuNTs RAN, 2012. 272 p. (In Russian).
13. The documentation centre of recent history in Rostov region (CDNIRO). F. 7. Inv. 1. D. 856. (In Russian).
14. CDNIRO. F.R.-7. Inv. 1. D. 14. (In Russian).
15. CDNIRO. F.R.-7. Inv. 1. D. 100. (In Russian).
16. CDNIRO. F.R.-7. Inv. 1. D. 559. (In Russian).
17. CDNIRO. F.R.-7. Inv. 1. D. 746. (In Russian).

УДК 94(479.22).081

М. Р. Аргун, С. Ш. Салакая

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАЦИИ АБХАЗИИ НАКАНУНЕ
ВОССТАНИЯ 1866 г.**

В статье рассматривается деятельность российской администрации в Абхазии после упразднения княжества и, в особенности, накануне Лыхненского восстания 1866 г. Политика первого начальника Сухумского военного отдела, так стала называться Абхазия, генерал-майора П. Н. Шатилова направленная на поддержку абхазского дворянства была признана Кавказской администрацией неверной, и он был смещен. Новый начальник Сухумского отдела В. М. Коньяр предлагал землю считать собственностью государства, которое вправе распорядиться ею полновластно, по своему усмотрению и утверждал, что никто в Абхазии не может быть признан

землевладельцем. Члены комиссии по подготовке крестьянской реформы отказывали местному дворянству в их притязаниях на крестьян и их земли, но в тоже время крайне грубо и заносчиво вели себя с крестьянами. Недоверие представителей новой администрации к абхазскому населению, включая дворянство, нежелание считаться с особенностями местного уклада жизни, высокомерие и грубость чиновников стали одной из причин массового выступления народа.

Ключевые слова: Абхазия, Российская империя, В. М. Коньяр, восстание, Д. И. Святополк-Мирский, крестьянская реформа, крепостное право.

M. R. Argun, S. S. Salakaya

THE ADMINISTRATION OF ABKHAZIA ON THE EVE OF UPRISING IN 1866

The article considers the activities of the Russian Administration in Abkhazia after the abolition of the principality and, in particular, on the eve of the Lychny uprising of 1866. The first chief of the Sukhumskii voennyi otdel (Sukhum Military Department), as Abkhazia came to be called, Major General P. N. Shatilov's policy in support of the Abkhazian nobility was recognized by the Caucasian Administration as incorrect, therefore he was displaced. The new chief of the Sukhum Department, V. M. Konyar, suggested that the land had to be considered the property of the State, which could dispose of it entirely at its own discretion, and asserted that no one in Abkhazia

could be recognized as a landowner. Members of the Editing Commission for the peasant reform had denied the local nobility their claims to the peasants and their lands, but at the same time, they were extremely rude and arrogant to the peasants. Mistrust of the representatives of the new Administration to the Abkhazian population, including the nobility, reluctance to reckon with the peculiarities of the local way of life, arrogance and rudeness of officials became the reasons for massive public protest.

Key words: Abkhazia, Russian Empire, V. M. Konyar, uprising, D. I. Svyatopolk-Mirsky, peasant reform, serfdom.

В июне 1864 г. сразу после окончания Кавказской войны было упразднено Абхазское княжество, принятое под покровительство Российской империи еще в 1810 г. Оно было преобразовано в Сухумский военный отдел, начальником которого был назначен командующий войсками в Абхазии генерал-майор П. Н. Шатилов. Бывший владетельный князь Абхазии, генерал-лейтенант Михаил Георгиевич Шервашидзе-Чачба (1806–1866 гг.), после этого был выслан в Воронеж, где вскоре и умер.

В своей деятельности П. Н. Шатилов опирался на помощь абхазских феодалов. Изменение порядка в этой иерархии, по его мнению, привело бы «к совершенному уничтожению высших сословий и лишило бы их всех преимуществ, установленных в их пользу вековыми обычаями ... и поэтому он считал необходимым вместе с прекращением обязательных сословных отношений установить размер вознаграждения господствующему классу за теряемые ими преимущества» [5, с. 78]. Его стремление

не нарушать традиционный уклад абхазской жизни привел к тому, что население довольно спокойно восприняло ликвидацию княжества и ссылку владетельного князя. Исходя из этого, мы можем видеть, что в государственном аппарате империи, были люди, стремившиеся к относительно мирной инкорпорации бывшего Абхазского княжества в Российскую империю. Однако эта политика, проводимая П. Н. Шатиловым, была признана идущей вразрез с интересами империи.

Через некоторое время после упразднения княжества была создана Комиссия по определению имущества бывшего владельца Абхазии Михаила Георгиевича Шервашидзе-Чачба во главе с генерал-майором Е. Понсэ. Данная комиссия также рассматривала качества деятельности управлявших лиц. Поэтому в несколько противоречивом виде ею представлена характеристика деятельности генерал-майора П. Н. Шатилова. Начальник Сухумского военного отдела был подвергнут критике. В своем докладе комиссия указала, только на слабые стороны деятельности генерала П. Н. Шатилова и не упомянула вовсе о положительных моментах деятельности и свойствах его характера, которыми он сумел, до известной степени, внушить к себе симпатию населения.

В 1866 г. генерал-майора П. Н. Шатилова сменил полковник В. М. Коньяр. Смена исходила от кругов близких к Наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, высшей правительственной инстанции на Кавказе. Данный подход свидетельствует об отрицательном отношении официальных властей Российской империи к деятельности генерала П. Н. Шатилова в Абхазии.

Вступив в должность В. М. Коньяр предпринял попытку быстро решить крестьянский вопрос Абхазии. Он отличался от своего предшественника, тем, что вовсе не желал рассматривать возможность возместить ущерб высшему сословию, а напротив, утверждал, что «никто в Абхазии не может быть признан землевладельцем; вся земля составляет собственность государства, которое вправе распорядиться ею полновластно, по своему усмотрению и согласно с видами своими» [3, с. 515] и заявил «о крайней распушенности и безнравственности высшего сословия» [5, с. 268]. Такое отношение, не могло не вызвать недовольство среди феодалов, так как действия В. М. Коньяра были направлены против их интересов, а для осуществления своих планов он использовал вооруженную силу. Не менее воинственно он был настроен и по от-

ношению к крестьянству. На одном из сходов он потребовал от крестьян сведения об отбываемых ими повинностях и пригрозил, в случае если они добровольно не предоставят таковые, то он заставит их сделать это силой оружия.

В 1866 г. началась работа по подготовке к проведению крестьянской реформы в Сухумском военном отделе. Была создана Комиссия по разбору личных и поземельных прав абхазцев во главе с майором С. Г. Баратовым. Член этой комиссии титулярный советник А. П. Черепов стремясь доказать крайнюю неразвитость социальных отношений в Абхазии писал: «При крайней небезопасности всего края, окружавшегося соседями голодными и хищными, существовала и внутренняя небезопасность, основанная на крайнем неуважении к собственности, личности и свободе людей. Как лучшее противодействие такому злу, чувство самосохранения породило у всех привычку – покоряться личности. Установившиеся отношения от напряженного состояния общественных уз выражаются словами: ахалапшю – заступник, патрон и хипшы – состоящий под покровительством [5, с. 159–160].

Говоря о социальном строе Абхазии того периода, можно скорее согласиться, хотя и с существенными оговорками, с председателем Сухумской сословно-поземельной комиссии полковником П. Д. Краевичем, который несколько позднее писал: «Абхазия и Самурзакань, прилегающие с одной стороны к горским обществам с демократическим устройством, а с другой – к странам, населенным Картвельским племенем с феодальными основаниями общественных учреждений, представляют по характеру своего общественного устройства среднее между теми и другими.

С одной стороны, стояла владетельская власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий, определявшее отношения между всеми сословиями и заключающее в себе, в известной мере, гарантии для обеспечения нарушения права и восстановления права нарушенного, или по крайней мере известного удовлетворения за нарушение его» [1, с. 746–747].

Примерно такого же мнения оказался и генерал-майор Е. Понсэ. Как отмечал впоследствии А. Н. Дьячков-Тарасов: «Генерал Понсэ экспериментально пришел к главному для

экономической жизни тезису: приобретение земель в Абхазии должно зависеть не от родovitости и власти, а только от обычного закона. Это убеждение генерала Понсэ весьма неприятно было встречено заинтересованными в поземельных вопросах тавадами и амистами: они сознавали, что, если русская власть всецело станет на сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществятся: мало того, если русская власть пристальнее взглянет в сословные отношения, то тавады и амисты потеряют всех: ах-уйю и ахашалов (зависимых крестьян и домашних рабов – С. С., М. А.). Становилось поэтому понятной необходимость «смешать шашки» – вызвать смуту в Абхазии. Темные народные массы, слыша про недовольство дворян, у которых не сходило с уст слово «земля», стали добиваться точных оснований недовольства. Вожаки смуты сообщили анхайе и ах-уйе, что русское правительство уже решило отобрать в казну все леса, абхазцев поселить в правильно распланированных селениях и ввести воинскую повинность. Простодушные дети лесов поверили своим «старшинам» и стали волноваться. Бывший в то время начальником Сухумского военного отдела полковник Коньяр, мало знакомый с краем, с характером и бытом абхазцев, не находивший, как Пацовский или впоследствии Гейман, необходимым непосредственное общение с народными массами, не придавал особенного значения волнениям этим, хотя был вполне о них осведомлен начальником Бзыбского округа Измайловым. Этот последний был не только не администратор, но человек с пренебрежением относившийся к абхазцам: последние не имели к нему ни малейшего доверия, боялись его. Такие отношения со стороны администрации к народу были благоприятны для вожаков народного восстания» [1, с. 907–908].

В рапорте кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому Коньяр писал, что целый ряд общин (Мчишнырц, Мугудзырхуа, Дурипш и др.) отказываются давать сведения о повинностях которые отбывают низшие сословия. Более того крестьяне заявили, «что зависимым сословиям выкупать самим себя нет ни надобности, ни желания, и что если Правительство хочет освободить их, то оно само обязано принять на себя и выкуп». Не имея возможность применения силы против отказывающихся давать сведения из-за отсутствия таковой, В. М. Коньяр отмечает, что «счел за полезное прекратить на время всякое настояние к выполнению со стороны народа каких-либо требований, относящихся до настоящего во-

проса». При этом он просил Святополк-Мирского прислать в Абхазию два батальона, с которыми он сможет «приступить к водворению порядка не опасаясь даже минутного не успеха». Он так же особо отмечал, что возникшее волнение «возбуждено влиятельными лицами разных сословий, владеющими крепостными людьми, так как эти лица рассчитывали, что крестьяне их будут освобождены не иначе, как с вознаграждением от казны. Увидевши ошибочность этого расчета, им легко было убедить даже самых крестьян, что, налагая выкуп на их самих, Правительство не только не улучшит их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа, они взамен настоящих повинностей будут платить государственную подать» [5, с. 180–181].

В следующем рапорте на имя кутаисского генерал-губернатора начальник Сухумского отдела пишет: «Сегодня жители вверенного мне округа сделали народную тревогу; тревога поднята со стороны общины Дберипш по распоряжению Смела Лакера совместно с Солахом Мааном. По тревоге прибыли в м. Ажичимгра: все жители общин: Дберипш, Джирхва, Багардын и Хоапи. Чтобы узнать с какой целью сделан сбор народа, был послан от меня народный судья Титу Маан, который воротившись объяснил, что он из всех расспросив узнал следующее:

1. Народ выражает не удовольствие, что помимо их желания удален владетель их.
2. Народ выражает не удовольствие, почему Правительство не хочет спросить желает ли он детей бывшего владетеля допустить остаться в Абхазии на помещичьих правах.
3. От чего Правительство помимо их желания хочет освободить всех от зависимости.
4. Требовать от окружного начальника выдачи всех арестантов, содержащихся за разные поступки в округе.

Все эти заявления и требования будут сделаны, как только соберется весь округ, и по их расчету все жители округа соберутся завтра или же непременно в понедельник, то есть 25-го сего июля» [5, с. 181–182].

Не способствовали успокоению обстановки и действия других царских чиновников и представителей администрации Сухумского отдела. Так, широкую известность получил случай, когда начальник Бзыбского округа З. А. Измайлов потребовал, что бы в его присутствии снимали шапки. Один из присутствовавших, по фамилии Миканба, ответил: «Мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайлова мы ещё не знаем». За «дерзкий» ответ он был аресто-

ван и отсидел в сухумской крепости несколько месяцев [4, с. 25–26].

Еще более резко вел себя член комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев А. П. Черепов, состоявший ранее и членом комиссии генерала Понсэ. Направленный в Бзыбский округ для сбора сведений о повинностях крестьян он своей грубостью спровоцировал конфликт в ряде общин округа. Сначала он вступил в конфликт с князьями Иналиповыми (Инал-ипа), обвинив их в том, что они присвоили себе помещичью власть и княжеское достоинство, будучи по происхождению простыми кузнецами. Это вызвало негодование не только представителей данного рода, но и большинства князей и дворян, увидевших в этом, покушение на свой социальный статус. Затем он выдвинул ультимативное требование к крестьянам о выдаче необходимых комиссии сведений, а также упрекнул их в том, что они по наущению князей и дворян считают себя их поданными, хотя на самом деле не так. Это привело к недовольству, как у высших сословий, так и самих крестьян.

Несмотря на просьбу начальника Бзыбского округа З. А. Измайлова «собирать сведения миролюбивым путем, А. П. Черепов настойчиво, не переменяя своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать требуемые сведения» [3, с. 61].

Грубые действия, угрозы и нежелание идти на компромисс А. П. Черепова и других чиновников привели к тому, что крестьяне отказывались давать членам комиссии любые сведения, а обстановка, особенно в Бзыбском округе все более накалялась.

Там же, где местное начальство сумело наладить отношения с населением, сбор сведений проходил без проблем. По свидетельству майора С. Г. Баратова, «19-го числа я, майор Бутми де Кацман с переводчиком моим, двумя писарями и конвоем казаков поехали в общину Тхил (Тхина).

Таким образом, я последовательно переезжал из общины в общину, — из Тхила в Челов (Члоу), Джигердо (Джгярда) и, наконец, 25-го числа я прибыл в Адзюбжа. — т.е. с 17-го по 25-е июля собраны сведения более 1/3 числа жителей Сухумского округа. Собрание и дача сведений со стороны жителей Сухумского округа, благодаря полному содействию окружного начальника и той почтительной и полной доверенности, которою пользовался он среди туземцев, шли превосходно, без малейшего сопротивления жителей...» [1, с. 822]. Кста-

ти, Бутми де Кацман отличился и в ходе Лыхненского восстания. Как отмечает начальник Сухумского отряда полковник фон Кульман: «В заключении долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что Сухумский окружной начальник майор Бутми де Кацман действием своим удержал от присоединения к мятежником около 2/3 населения вверенного ему округа и, успев собрать из преданных туземцев милицию, первым бросился на неприятеля, задержал его стремление при вторжении в город и подал тем возможность жителям, запоздавшим в своих домах, укрыться благополучно в крепости и на суда. Кроме того, названный штаб-офицер, сообщая мне постоянно верные сведения о намерениях неприятеля, способствовал мне к принятию своевременно необходимых мер предосторожности» [3, с. 68].

Таким образом, политический курс В. М. Коньяра и приближенных ему чиновников вызвал неприязнь и откровенную враждебность у большинства населения Абхазии.

Впоследствии кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский назвал в числе административных ошибок, приведших к восстанию следующие: «1-ое, неудовлетворительный личный состав и неправильные административные действия чинов местных управлений. 2-ое, провоз в Абхазию тела бывшего владельца. 3-ее, замедление в определении прав членов дома Шервашидзе и 4-ое, неудачный выбор чиновника Черепова и включение в инструкцию, данную ему, одного, по совершенно верному выражению кн. Мирского, неловкого пункта» [5, с. 277–278].

В этих условиях крестьяне попросили начальника Сухумского военного отдела В. М. Коньяра разрешить им отправить депутацию во главе с авторитетным эшерским крестьянином Османом Шамба в Тифлис, «чтобы из уст Великого Князя Наместника узнать эту истину и, в свою очередь объяснить древние права обитателей Абхазии» [1, с. 908]. Однако В. М. Коньяр и А. П. Черепов сочли это недоверием к себе и в выезде в Тифлис депутации было отказано. Полковник Коньяр обещал сам приехать на сход населения в Бзыбскую Абхазию и выслушать его требования для передачи Наместнику. Вскоре после этого он отправился в с. Дурипш, где на сходе «объявил собравшимся, что правительство намерено освободить зависимые сословия от свободных и что предварительно до освобождения желает знать, какую повинность несли своим владельцам зависимые от них сословия, прислал чиновника для собирания сведений. Затем объявил:

1 – что они должны сообщить эти сведения чиновнику А. П. Черепову верно со всею точностью, чтобы по ним можно было впоследствии определить выкупную плату зависимых сословий, 2 – выкуп должен быть из собственности зависимых сословий, переоцененной из натуральных повинностей на деньги, но когда этот выкуп последует с соизволения государя императора, это ему не известно, однако как бы велика или мала ни была выкупная сумма – она будет с рассрочкою так, что правительство не допустит народ разориться...» [5, с. 212]. При этом он предупредил собравшихся о том, что если эти сведения «они добровольно не дадут, то он заставит их сделать это силою оружия». Однако несмотря на увещания и угрозы крестьяне продолжали отказываться давать какие-либо сведения Черепову.

25 июля В. М. Коньяр в сопровождении чиновников А. П. Черепова, З. А. Измайлова, нескольких офицеров и 80 казаков объявил, что «поедет в Бзыбский округ для наказания жителей» [5, с. 213]. Учитывая, что положение было довольно тревожным, Коньяр взял с собой также Георгия и Александра Шервашидзе-Чачба, сына и брата последнего владетельного князя и нескольких местных князей и дворян. Не создавая тревожную ситуацию и не придавая «происшествиям» слишком большого значения, он, в надежде использовать свое личное «влияние», взял для сопровождения небольшое количество казаков и офицеров для того чтобы не только остановить начавшееся движение, но и заставить население немедленно исполнить приказ начальства [2, с. 142]. Это стало фатальной ошибкой.

26 июля по предложению начальника Сухумского отдела состоялся народный сход в древней столице Абхазского княжества с. Лыхны на исторической поляне перед владетельским дворцом, издавна бывшим местом народных сходов собралось около 7 тыс. человек. Вначале В. М. Коньяр фактически повторил свое выступление в Дурипше и потребовал бесприкословно дать все требуемые Череповым и другими членами комиссии сведения. Выступавший от имени собравшегося народа эшерский крестьянин Осман Шамба (глава несостоявшейся крестьянской депутации в Тифлис) прямо обвинил В. М. Коньяра: «Со вступлением вашим в управление Абхазиею, вы давите и притесняете нас... Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие наши проступки. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением, и мы не в силах больше терпеть» [6].

Выступавший попросил, отправить абхазскую депутацию к Кавказскому Наместнику великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой не проводить реформу в Абхазии, если же в этом им будет Наместником отказано, разрешить им выселиться в Турцию.

В ответной речи В. М. Коньяр стал угрожать собравшимся: «Правительство наше желает водворить спокойствие в крае, обеспечить собственность и безопасность всех жителей. Оно не может терпеть дурных людей. Вы достойны более строгих наказаний, потому что вы неоднократно давали слово исправиться, а между тем на деле нисколько не исправляетесь; я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех дурных людей и если бы все абхазцы оказались преступными и достойными наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их в Россию, а не в Турцию, как это вы желаете; ибо выселиться в Турцию вы сами желаете, а дурные люди достойны, чтобы их наказали, а не исполнили их желания. Подозрение ваше о том, что будто я сам без разрешения высшего начальства приступил к собиранию сведений по крестьянскому вопросу, совершенно неосновательно. В Российской империи не может быть никакого важного распоряжения без соизволения государя императора» [6]. И тут предположения Коньяра не оправдались. Для наказания участников восстания и предотвращения подобных выступлений в будущем правительство организовало выселение в Османскую империю около 20 тыс. абхазов, в основном жителей горных районов, которые хотя и не принимали массового участия в восстании, но к которым представители администрации Сухумского Отдела относились с наибольшим недоверием. [7, с. 59–71].

Напряженность в итоге вылилась в открытое возмущение, и привело к началу восстания 1866 г. Полковник В. М. Коньяр, сопровождавшие его чиновники Черепов и Измайлов, 4 офицера и 54 казака были убиты в Лыхны в самом его начале [2, с. 148].

Как представители царской администрации, относившиеся резко отрицательно к участникам восстания и вообще к абхазскому населению, так и участники и очевидцы этих событий не однократно отмечали ошибки В. М. Коньяра и его окружения, как один из главных поводов вспыхнувшего восстания.

Несмотря на то, что в ходе следствия была выявлена неблагоприятная роль В. М. Коньяра и других чиновников в начале восстания 1866 г., правительство использовала целый ряд его

предложений и рекомендаций. Так основным виновником восстания было признано абхазское дворянство мусульманского вероисповедания, к которому с крайним недоверием относились начальник Сухумского отдела и его окружение. Озвученная А. П. Череповым и другими мысль о том, что в Абхазии отсутствуют крепостнические отношения, была положена в основу проведенной в Абхазии крестьянской реформы.

Таким образом, мы видим, что помимо усиления национально-колониального гнета, немаловажную роль в начале столь трагического

для абхазов Лыхненского восстания 1866 г. (помимо погибших, казненных, отправленных на каторгу, тюрьмы и ссылку участников восстания, свыше 20 тыс. человек покинули родную землю и переселились в пределы Османской империи) сыграл и субъективный фактор – грубость начальника Сухумского военного отдела В. М. Коньяра и других представителей царской администрации и их недоверие к местному населению, включая высшие сословия и нежелание изучить особенности уклада абхазской жизни.

Источники и литература

1. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов / сост.: Д. Ю. Шапсугов, А. Ф. Авидзба, С. Ш. Салакая, З. А. Яхтанигов. Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ, 2017. 928 с.
2. Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1955. 228 с.
3. Документы по истории Грузии. Т. II. Ч. I. / под ред. Ш. К. Чхетия. Тбилиси: [б.и.], 1954. 908 с.
4. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990. 155 с.
5. Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. III. / сост. А. Э. Куправа, А. Ф. Авидзба, С. Ш. Салакая. Сухум: АБИГИ им. Д. И. Гулиа, 2012. 628 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 74.
7. Салакая С. Ш. О махаджирстве 1867 года // Кавказские научные записки. 2012. №1. С. 59–71.

References

1. Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. V. 30. Pamyatniki prava abkhazov (*Anthology of monuments of the rights of the peoples of the Caucasus. V. 30. The Monuments of the Law of the Abkhaz*) / compiled by D. Yu. Shapsugov, A. F. Avidzba, S. Sh. Salakaya, Z. A. Yakhtanigov. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of management, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the RF, Russian Federation, 2017. 928 p. (in Russian).
2. Dzidzaria G. A. Vosstanie 1866 goda v Abkhazii (*The Uprising of 1866 in Abkhazia*). Sukhumi: Abgosizdat, 1955. 228 p. (in Russian).
3. Dokumenty po istorii Gruzii (*Documents on the history of Georgia*). Vol. II. Part I / under the editorship of Sh. K. Chkhetia. Tbilisi: b.i., 1954. 908 p. (in Russian).
4. Lakoba S. Z. Ocherki politicheskoy istorii Abkhazii. (*Essays on the Political History of Abkhazia*). Sukhumi: Alashara, 1990. 155 p. (in Russian).
5. Materialy po istorii Abkhazii XIX veka. (*Materials on the history of Abkhazia of the XIX century*). Vol. III. / compiled by A. E. Kuprava, A. F. Avidzba, S. Sh. Salakaya. Sukhum: Abkhaz institute of humanitarian research named after D.I. Gulia, 2012. 628 p. (in Russian).
6. Russian State Military Historical Archives (RGVIA). F. 400. Inv. 1. D. 74. (in Russian).
7. Salakaya S. Sh. O mahadzhistve 1867 goda. (*On Muhajir of 1867*) // Kavkazskie nauchnye zapiski. 2012. No. 1. P. 59–71. (in Russian).

УДК 94(479.22):321(74/79)

Л. Н. Величко

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США 1991–2001 гг.

Изменение приоритетов во внешнеполитическом курсе Вашингтона совпадают с периодом деятельности того или иного президента. Современные исследователи говорят о «президентских доктринах», которые являлись ответом на изменяющиеся исторические реалии. «Холодная война», окончившаяся распадом советской системы, повлияла на оформление идеи глобального лидерства США, которое было сформулировано в «Доктрине Клинтона».

Автор предприняла попытку раскрыть особенности геополитической стратегии Соединённых Штатов по установлению контроля над Heartland в период формирования новой внешнеполитической системы. В представленной статье Южный Кавказ показан не столько как арена соперничества Вашингтона и Москвы, сколько как регион, в котором опробовались технологии внешнеполитического

взаимодействия с новыми государствами, возникшими на постсоветском пространстве, прежде всего Россией, рассматривающей Кавказ как зону безусловного своего влияния. Стремясь заполнить стратегический вакуум, Соединённые Штаты использовали различные рычаги влияния на Грузию, Армению и Азербайджан, чтобы ослабить российское воздействие, а также не допустить активизации Ирана и Турции. Это была политика «проб и ошибок», которая показала, что абсолютного первенства здесь США не будут иметь, но именно в этот период Вашингтону удалось решить главную задачу – не допустить полного контроля России над «мостом Европа – Азия».

Ключевые слова: «Доктрина Клинтона», Южный Кавказ, НАТО, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Национальная стратегия США, 907-я поправка.

L. N. Velichko

SOUTH CAUCASUS IN THE US FOREIGN POLICY SYSTEM IN 1991–2001

The change in priorities in the foreign policy course of Washington coincides with the presidential term of this or that president. Modern researchers talk about «presidential doctrines» that were a response to changing historical realities. The Cold War, which ended in the collapse of the Soviet system, influenced the design of the idea of global leadership of the United States, which was formulated in the Clinton Doctrine.

The author made an attempt to reveal the peculiarities of the geopolitical strategy of the United States to establish control over Heartland during the formation of a new foreign policy system. The article shows the South Caucasus not so much as an arena of rivalry between Washington and Moscow, but as the region, where one tested the technologies of foreign policy cooperation with the new States that emerged in the

post-Soviet space, primarily Russia, which considers the Caucasus to be the zone of its unconditional influence. In an effort to fill the strategic vacuum, the United States has used various levers of influence on Georgia, Armenia, and Azerbaijan to weaken Russia's influence and prevent Iran and Turkey from becoming more active. It was the policy of «trial and error», which showed that the United States would not have absolute leadership here, but it was during that period when Washington managed to solve the main problem – to prevent full control of Russia over the «Europe – Asia bridge».

Key words: Clinton Doctrine, South Caucasus, NATO, Collective Security Treaty Organization (CSTO), National Security Strategy USA, 907th Amendment.

На сегодняшний день, одним из векторов внешней политики США, нуждающимся в значительной стратегической корректировке, являются отношения с государствами Южного Кавказа. Признавая их геополитическое зна-

чение для Соединённых Штатов, самостоятельной концепции в отношении этих стран за последние двадцать шесть лет так и не было разработано, а сформулированная в 1997 г. «Доктрина Тэлбота» безнадежно устарела.

Между тем, интерес США к этому региону берёт своё начало в 20-х гг. XX в., когда Вашингтон пытался активно участвовать в судьбе Армении, в частности, при формировании её территориальных границ и в отношении признания геноцида армян в Османской империи. Однако в отсутствии жизненно важного геополитического интереса к региону в тот период, США отдали пальму первенства Великобритании, которая, наряду с Германией, Османской империей и Советской Россией активно участвовала в судьбе, ставшего независимым, Закавказья [1; 2].

После распада СССР и начала формирования независимых государств на постсоветском пространстве, США не торопились активно включаться в борьбу за политическое влияние, в силу объективных причин. Во-первых, по-прежнему не было актуального геостратегического интереса, поскольку этот регион рассматривался как «зона влияния России»; во-вторых, не проявлялся «национальный» интерес США, в связи с тем, что исторически ни Южный Кавказ, ни пограничные с ним зоны не находились когда-либо в сфере непосредственного влияния Соединённых Штатов; в-третьих, в 90-е гг. с новой силой разгорелись межэтнические конфликты, решение которых могло затянуться на неопределённое время. Кроме того, активных конкурентов, за исключением Российской Федерации, переживающий кризис становления, в этом регионе у США не было. Региональные игроки, такие как Турецкая республика и Исламская республика Иран, заняли выжидательную позицию. С одной стороны, они не располагали значительными экономическими ресурсами, способными поддерживать реформы в южнокавказских государствах; с другой стороны, участие в региональной политике на Кавказе принесло больше проблем для них, чем политических дивидендов. Турция ориентировалась на европейскую интеграцию, поэтому её активное участие в политике Кавказа неизбежно привело к вмешательству в Нагорно-Карабахский конфликт, а Иран с недоверием смотрел на независимый Азербайджан, опасаясь сепаратистских настроений в северных иранских районах, населённых азербайджанцами [3].

В этой связи, администрация Дж.Буша-старшего, в отсутствии оформленной региональной политики, предпочла действовать в рамках «большой стратегии», суть которой сводилась к обеспечению экономической стабильности с последующим ростом, установлению и укреплению демократических режимов, а так-

же созданию зоны безопасности. Однако не столько сложное экономическое положение государств в регионе, сколько межэтнические конфликты определяли установление нового регионального *status quo* на Южном Кавказе. К середине 90-х гг. Россия фактически определила основу своего стратегического присутствия в рамках трёх форматов: миротворчества, защиты границ СНГ и военного присутствия в Грузии и Армении [11].

Институционально главная роль России здесь была закреплена созданием в 1992 г. региональной международной организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), фактически установившего российско-центричную систему с превалированием военно-политических инструментов влияния. Кроме того, в 1996 г. Россия и главы Армении, Азербайджана и Грузии подписали декларацию «За межнациональное согласие, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе», в которой подчёркивалось признание и уважение Россией независимости и суверенитета Азербайджана, Армении и Грузии, при этом делался акцент на то, что Россия выступает за развитие и углубление сотрудничества и интеграции в регионе, а также участие кавказских государств в международных организациях. Заявив о себе как о гаранте стабильности в регионе, Россия фактически подготовила условия для создания Вашингтоном альтернативной внешнеполитической стратегии [8].

Многие исследователи отмечают, что США не были готовы к столь быстрому крушению советской системы, поэтому администрация Дж.Буша не смогла выработать новой стратегии, относительно государств, появившихся на пространстве бывшего СССР. Деятельность его администрации ограничилась признанием независимости южнокавказских государств и установлением с ними дипломатических отношений в 1991–1992 гг. Избранному в ноябре 1992 г. Биллу Клинтону, понадобилось несколько месяцев, прежде чем он и его администрация сформулировали новую внешнеполитическую программу, автором которой часто называют Энтони Лэйка, советника по национальной безопасности, который уже в сентябре 1993 г., заявил, что преемницей «доктрины сдерживания» должна стать «стратегия расширения свободного мирового сообщества рыночных демократий» [8].

Первостепенной задачей национально-го масштаба во внешнеполитическом курсе провозглашался принцип продвижения экономических интересов США в мире, а также

распространение демократии и свободы при поддержке Вашингтона особенно в странах бывшего Советского Союза. В этой доктрине была и военно-политическая составляющая – использование военной силы в случае необходимости, что по существу означало расширение НАТО [12; 13].

Французский эксперт по США Жюльен Зарифян отмечает, что в случае с Южным Кавказом американские аналитики 1990-х и 2000-х гг. предупреждали, что не следует переоценивать значение региона, поскольку ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Грузии не было жизненно важных для США интересов. Но на мировой «шахматной доске» он занимал значительное место: расположенный в центре Евразии, т.е. в центре «Heartland», он являлся согласно геополитической теории Х. Маккиндера «регионом, который должен контролироваться любой властью, претендующей на доминирование в мире». Эта же географическая особенность была интересна и с точки зрения транспортировки нефти в Европу из Каспийского региона, минуя Россию и Иран. Кроме того, с 2000-х г. Армению, Грузию и Азербайджан стали рассматривать как «локальных геополитических игроков», борющихся с международным терроризмом при поддержке США [12]. В этой связи особым союзником являлся Азербайджан, исламское государство, член Организации Исламской конференции (с 2011 г. Организация исламского сотрудничества), сотрудничество (партнерство или взаимодействие) с которым позволило показать мировому сообществу, что США не противостоят «мусульманскому миру», а сражаются с исламским фундаментализмом.

Одним из субъективных факторов, оказавших влияние на проявление к этому региону интереса со стороны США, стала активизация армянских лоббистских организаций, целью которых явилась защита и продвижение армянских интересов: Армянского национального комитета Америки (ANCA) и Армянской ассамблеи Америки (AAA) [5].

Однако, несмотря на живой интерес к региону со стороны бизнеса и отдельных политических групп, в Национальной стратегии США Южный Кавказ не выделялся как особый геополитический сектор. Только в 1996–1997 гг. американский политолог и дипломат, заместитель государственного секретаря США, Струоб Тэлбот сформулировал внешнеполитическую стратегию на Кавказе, которая заключалась в продвижении политических и экономических реформ в этих странах, способствующих, в том числе урегулированию региональных

конфликтов, поддержка энергетической безопасности и продвижение интересов коммерческих компаний США в регионе. По существу, она была продолжением стратегии администрации Дж.Буша, с той лишь оговоркой, что США должны проводить здесь «политику партнерства с различным уровнем глубины» [11].

Прежде всего, Вашингтон сосредоточил свои усилия на экономической поддержке независимости государств, с целью недопущения создания пророссийского блока в регионе на фоне оформлявшегося СНГ. С 1992 г., после установления с государствами Кавказа дипломатических отношений Белый дом берёт на себя обязательства через агентство по международному развитию (USAID) оказать гуманитарную помощь Армении, Грузии и Азербайджану, включающую как прямое датирование экономики, так и программы по поддержке здравоохранения и образования. Финансовая поддержка осуществлялась в рамках «Закона о внешней помощи», с поправками, внесенными в 1992 г. в соответствии с разделом 201 «Акта о поддержке свободы». Так Грузия получила более 3 млрд. дол., а Армения более 2 млрд дол. Однако на слушаниях в Комитете по иностранным делам в текст законопроекта был включен особый раздел о запрете на помощь Азербайджану – 907 поправка, в которой отмечалось, что США не будут предоставлять помощь Азербайджану, пока правительство этого государства не прекратит блокаду и применение силы в отношении Армении и Нагорного Карабаха [9]. Эту поправку называют победой армянского лобби в Конгрессе, подчёркивая, что она не способствовала урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, но создала определённые трудности американскому бизнесу. Практически с момента своего подписания она вызвала протесты со стороны крупных нефтяных компаний, которые стремились к участию в транспортировке Каспийской нефти и вели тесное сотрудничество с государственными структурами Азербайджана. Несмотря на принятие этого документа в 1994 г. был заключён так называемый «Контракт века», целью которого стала разработка глубоководных месторождений «Азери», «Чираг», «Гюнешли», находящихся в азербайджанском секторе Каспия. Контракт был подписан тринадцатью компаниями, в том числе американскими Амоко, МакДермотт, Юнокал, Эксон и Пензойл. Доминирующее положение в проекте первоначально заняла британская компания British Petroleum с долей в 17,127 %, затем американская компания Амоко 17,010 %.

Спустя некоторое время British Petroleum, объединившаяся с Амоко, стала основным игроком в этом консорциуме и с тех пор сыграла «особую» роль в экономической, а также геополитической жизни Азербайджана, сблизив его с ЕС [4]. Несмотря на то, что 907 поправка так и не была отменена, 30 сентября 1996 г. в Б. Клинтон подписал закон о помощи Азербайджану, включая Нагорный Карабах, где неправительственные и международные организации могли использовать и ремонтировать государственные сооружения, такие как жилищные и складские помещения, клиники, больницы и транспортные средства с целью эффективной доставки гуманитарных услуг и поставок нуждающемуся гражданскому населению.

В 1997 – 1998 гг. в США неуклонно повышался интерес к Азербайджану не только в связи с углеродными ресурсами. Республика заняла прочное место в планах США и ЕС по созданию транспортного коридора «Восток – Запад», по существу являющегося возрождением Великого шелкового пути. Администрация Б.Клинтон активно поддерживала развитие межгосударственных контактов, пиком которых стал визит президента Г.Алиева в США в июле-августе 1997 г. Однако в ноябре 1997 г. Конгресс утвердил Закон об иностранных операциях на 1998 г, в котором предполагалась финансовая помощь государствам Южного Кавказа и отдельно оговаривались территории, пострадавшие в результате межнациональных конфликтов, в частности Абхазия и Нагорный Карабах. Отмечалось, что из средств, ассигнованных по статье 2397, не менее чем 250 мил. долларов США должны быть предоставлены для оказания помощи региону Южного Кавказа, при условии, что из выделенных средств 37 % получит Грузия и 35 % – Армения, а 28 % должны быть использованы для преодоления последствий конфликтов на территории Абхазии и Нагорного Карабаха. На Азербайджан по прежнему распространялась 907 поправка, однако, обходя её, Экспортно-импортный банк, Агентство по торговле и развитию и корпорации частных зарубежных инвестиционных компаний могли оказывать финансовую поддержку государству [7].

С 1996 по 1997 гг. начинает обретать реальные контуры заинтересованность Запада Грузией как транзитного коридора углеродного топлива, следствием чего становится строительство нефтепровода Баку–Супса и Баку–Тбилиси–Джейхан.

Чтобы создать единую экономическую платформу не только финансовой помощи странам

Южного Кавказа, но и способствовать их активной интеграции в мировое экономическое пространство, а также обеспечить поступательное развитие демократии 3 августа 1999 г. в Конгрессе был принят закон «Стратегия Шёлкового пути». Это широкомасштабная программа поддержки государств Центральной Азии и Южного Кавказа включала помимо общих задач, таких как поощрение и укрепление независимости, суверенитета, демократического управления и уважения прав человека, ряд специальных: содействие активному участию в разрешении региональных конфликтов и устранение препятствий для трансграничной торговли; развитие инфраструктуры, необходимой для коммуникаций и транспорта; поддержка образования, здравоохранения, энергетики и торговли на оси Восток-Запад, для того чтобы построить сеть международных связей и между этими странами, ориентировав их на рынок стран Евро-Атлантического сообщества; способствовать активности бизнеса и инвестиций в регионе. Поддержку региону предполагалось осуществлять через каналы Международного банка реконструкции и развития, Международной финансовой корпорации и Европейского банка реконструкции и развития. Кроме того, оговаривалось, что США должны содействовать развитию регионального военного сотрудничества между странами Южного Кавказа и Центральной Азии посредством программ, таких как создание Центральноазиатского миротворческого батальона и «Партнерства ради мира» в рамках Организации Североатлантического договора. Отдельной статьёй шли условия отказа в помощи, включающие такие факты как нарушение прав человека, разработка ракетных технологий и оружия массового уничтожения, поддержка международного терроризма [10].

Таким образом, экономическое развитие государств Южного Кавказа, по мнению политических деятелей США, должно быть связано с установлением политической стабильности в регионе и преодолением межэтнических конфликтов. Именно их разрешение стало для США основной трудностью на пути укрепления лидирующих позиций в регионе.

Вашингтон предпочёл не вмешиваться в межэтнические споры напрямую, полагая, что трансграничные связи и общее экономическое пространство станут внутренним стимулом их разрешения. Действуя через ООН и одобряя мероприятия ОБСЕ, США не брали на себя функции арбитра, занятые вопросами распада Югославии, сложной ситуацией в Сомали

и проблемами на Гаити и опасаясь, что прямое военное вмешательство в «кавказские конфликты» приведёт к военному ответу со стороны России. Поэтому ведущую роль в их урегулировании Соединённые Штаты передали России, которая стала наращивать военное присутствие в регионе. Министр обороны США У. Перри в рамках военно-политической стратегии ведомства в 1994–1997 гг. неоднократно обращался к принципу «превентивной обороны», полагая, что Россия не может отречься от своего имперского прошлого и не откажется от идеи восстановления зоны своего влияния. Задачу США он видел в военной поддержке независимых государств, прежде всего, способствуя перевооружению этих стран. Поскольку внутренняя безопасность для США основывается на неременном и обязательном лидерстве в мире, Вашингтон должен взять на себя обязательства по организации зон безопасности, которыми после распада Советского Союза стали Восточная Европа и Центральная Азия с Южным Кавказом.

Активным союзником США в этом вопросе стала Грузия, которая в отличие от Азербайджана не располагала энергетическими ресурсами и не имела политического лобби подобно Армении. Разгоревшийся грузино-абхазский конфликт 1992–1993 гг. и убеждённость грузинского правительства в том, что Москва открыто поддерживает Абхазию, заставило руководство Грузии в лице её президента Э.Шеварднадзе выбрать евроатлантический курс внешней политики. 23 марта 1994 г. Грузия присоединилась к программе альянса «Партнерство ради мира», которую так же подписали Азербайджан, Армения и Россия. Весной 1999 г. Грузия стала участницей другой программы сотрудничества НАТО и стран-партнеров в области планирования обороны «Planning and Review Process» (PARP) – «Процесс планирования и анализа». Участие в этой программе окончательно определило вектор внешнеполитического движения Грузии, которая поспешила выйти из ОДКБ и потребовала вывести российские войска со своей территории. Уже в ноябре 1999 г. на саммите ОБСЕ в Стамбуле было принято решение до 1 июля 2001 г. убрать российские базы из Грузии.

Таким образом, десятилетие, последовавшее за распадом Советского Союза, стало для США периодом стратегического планирования нового внешнеполитического формата, реализация которого на практике, воплощалась в различных регионах мира, в том числе и на Южном Кавказе.

Основным внешнеполитическим приоритетом Вашингтона после окончания «холодной войны» стало продвижение своих экономических интересов, которые соотносились с соображениями национальной безопасности и практически идентифицировались с ней. Глобализация экономики влекла за собой различные формы интеграции, основанной не только на принципах открытости рынков и гомогенизации экономического уклада, вовлеченных в нее стран, но и создавались предпосылки расширения пространства свободы и демократии в американском понимании. Поэтому деятельность США в отношении трёх независимых государств Южного Кавказа, проводившаяся в рамках «стратегии расширения мирового свободного сообщества рыночных демократий», понималась в глобальном смысле, не имела региональной специфики [6].

Основной задачей Вашингтона в этом регионе на протяжении 1990-х гг. стало обеспечение своего присутствия и недопущение возникновения регионального лидера, прежде всего в лице Российской Федерации. Отдавая отчёт в том, что абсолютное лидерство США здесь невозможно ввиду геополитических преимуществ России, складывающихся на протяжении длительного времени, администрация Клинтона смогла создать в регионе «климат наибольшего благоприятствования для США», особенно в Грузии, ставшей их последовательным партнёром, на политику которого Вашингтон оказывал прямое влияние. Этого нельзя сказать в отношении Армении и Азербайджана, но многовекторность их внешней политики тоже следует расценивать как успешное влияние США. Ввиду того, что Южный Кавказ продолжает оставаться важной стратегической точкой в контроле над Ближним Востоком и Центральной Азией, противостояние здесь России и США не теряет актуальности.

Источники и литература

1. Амбарцумян К. Р. Английское военное присутствие в пределах Большого Кавказа в 1918–1920 годах и его итоги // История: факты и символы. 2017. № 3. С. 168–176.
2. Амбарцумян К. Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 8–15.
3. Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. №2. С. 75–108.
4. Рзаев Ф. 907-я поправка: история и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 148–153.

5. Сучков М. А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 18–24.
6. Сучков М. А. Кавказ в американской парадигме Большого Ближнего и Среднего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4. С. 133–138.
7. Foreign operations, export financing, and related programs appropriations act, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/plaws/publ118/PLAW-105publ118.pdf> (Дата обращения: 25.01.2018).
8. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. policy toward the South Caucasus: Take Three. Carnegie Endowment for International Peace. 2017. 44 p. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_310_Rumer_Sokolsky_Stronski_Caucasus_Final_Web.pdf. (Дата обращения: 25.01.2018).
9. Sec. 907. Restriction on assistance to Azerbaijan//Bill and resolution texts for 1989-1992 (101st-102nd Congresses). URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532/text> (Дата обращения: 31.01.2018).
10. Silk Road Strategy Act of 1999. H. R. 1152 (106th). URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152> (Дата обращения: 31.01.2018).
11. Talbott S. A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Baltimore, Maryland July 21, 1997. URL: <https://1997-2001.state.gov/regions/nis/970721talbott.html> (Дата обращения: 31.01.2018).
12. Zarifian J. U. S. Foreign Policy in the 1990s and 2000s, and the Case of the South Caucasus (Armenia, Azerbaijan, Georgia) // European journal of American studies. URL: <http://journals.openedition.org/ejas/11135> (Дата обращения: 27.01.2018).
13. National Security Strategy of the United States 1993 URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1993.pdf> (Дата обращения: 27.01.2018).
14. A National Security Strategy of engagement and enlargement 1994. URL: <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf?ver=2014-06-25-121219-500> (Дата обращения: 25.01.2018).
15. A National Security Strategy for A New Century. 1997// <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1997.pdf?ver=2014-06-25-121242-623> (Дата обращения: 26.01.2018).

References

1. Ambarcumjan K. R. Anglijskoe voennoe prisutstvie v predelah Bol'shogo Kavkaza v 1918–1920 godah i ego itogi (*The English military presence within the Greater Caucasus in 1918–1920 and its results*) // Istorija: fakty i simvolj. 2017. No. 3. P.168–176. (In Russian).
2. Ambarcumjan K. R. Mesto Juzhnogo Kavkaza v sovetsko-tureckom sbliženii v 1920–1921 gg. (*The place of the South Caucasus in the Soviet-Turkish rapprochement in 1920–1921*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2017. No. 3. P. 8–15. (In Russian).
3. Zhurbej E. V. Strategija nacional'noj bezopasnosti SShA v 90-e gg. XX v. (*The US national security strategy in the 1990s. XX century*) // Ojkumena. 2015. No. 2. P. 75–108. (In Russian).
4. Rzaev F. 907-ja popravka: istorija i perspektivy (*907th Amendment: history and prospects*) // Central'naja Azija i Kavkaz. 1999. No. 4. P. 148–153. (In Russian).
5. Suchkov M. A. Vlijanie lobbi-grupp na formirovanie vneshnej politiki SShA na Juzhnom Kavkaze (*Influence of lobby groups on the formation of US foreign policy in the South Caucasus*) // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. No.3 (30). P. 18–24. (In Russian).
6. Suchkov M. A. Kavkaz v amerikanskoj paradigme Bol'shogo Blizhnego i Srednego Vostoka (*Caucasus in the American paradigm of the Greater Near and Middle East*) // Kaspiskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2010. No. 4. P. 133–138. (In Russian).
7. Foreign operations, export financing, and related programs appropriations act, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/plaws/publ118/PLAW-105publ118.pdf> (Accessed: 25.01.2018).
8. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U. S. policy toward the South Caucasus: Take Three. Carnegie Endowment for International Peace.2017. 44 p. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_310_Rumer_Sokolsky_Stronski_Caucasus_Final_Web.pdf. (Accessed: 25.01.2018).
9. Sec. 907. Restriction on assistance to Azerbaijan//Bill and resolution texts for 1989-1992 (101st-102nd Congresses). URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532/text> (Accessed: 31.01.2018).
10. Silk Road Strategy Act of 1999. H. R. 1152 (106th). URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152> (Accessed: 31.01.2018).
11. Talbott S. A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Baltimore, Maryland July 21, 1997. URL: <https://1997-2001.state.gov/regions/nis/970721talbott.html> (Accessed: 31.01.2018).
12. Zarifian J. U. S. Foreign Policy in the 1990s and 2000s, and the Case of the South Caucasus (Armenia, Azerbaijan, Georgia) // European journal of American studies. URL: <http://journals.openedition.org/ejas/11135> (Accessed: 27.01.2018).
13. National Security Strategy of the United States 1993 URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1993.pdf> (Accessed: 27.01.2018).
14. A National Security Strategy of engagement and enlargement 1994. URL: <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf?ver=2014-06-25-121219-500> (Accessed: 25.01.2018).
15. A National Security Strategy for A New Century. 1997// <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1997.pdf?ver=2014-06-25-121242-623> (Accessed: 26.01.2018).

УДК 94 (798)

Е. В. Галкина

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ
В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.**

Статья посвящена распространению православия в Русской Америке в конце XVIII – середине XIX вв. Желание получить огромные выгоды заставляло многих русских отправляться в далекие земли, в том числе, и Русскую Америку, и предпринимать трудные путешествия, сопряженные с опасностями и рисками. Официальной датой основания православной церкви в Северной Америке принято считать 24 сентября 1794 г., и это было обусловлено прибытием православной миссии на остров Кадьяк под началом архимандрита Иоасафа. Дальнейшая православная миссия была связана с деятельностью святителя Иннокентия (И. Е. Вениаминова), проделавшего огромную работу для духовного просвещения коренных народов Аляски и Алеутских островов. Трудности православной миссии были определены как сложностями повседневной жизни на далеких островах,

так и отношениями с аборигенами, зачастую жестоким обращением русских с коренным населением. Поэтому внимание автора обращено на непростые взаимоотношения русских с жителями Русской Америки в деле их религиозно-духовного просвещения. Продажа Аляски в 1867 г. США изменила и господствующий статус православной церкви в Русской Америке, которая не получив поддержку новых американских властей, потеряла свое влияние на коренное население. Протестантизм вытеснил православие в Русской Америке, но не полностью, так как свою миссионерскую деятельность православная церковь продолжает и до сих пор.

Ключевые слова: православие, православная миссия, церковь, Русская Америка, Алеутские острова, Святитель Иннокентий, алеуты, просвещение.

E. V. Galkina

**SPREAD OF RUSSIAN AMERICA ORTHODOXY
AT THE END OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURIES**

The article is devoted to the establishment of Russian Orthodoxy in America in the late XVIII – middle XIX centuries. The desire to gain huge benefits forced many Russians to go to distant lands, including Russian America, and undertake difficult trips involving risks and danger. The official date of foundation of the Orthodox Church in North America was considered September 24, 1794, and this was due to the arrival of the Orthodox mission to the island of Kadjak under the leadership of Archimandrite Joasaph. The further Orthodox mission was connected with the activities of St. Innocent (I. E. Veniaminov), who did a great job for spiritual enlightenment of the indigenous peoples of Alaska and the Aleutian Islands. The difficulties of the mission were determined by the complexities of everyday life on distant islands, and relations with

Aborigines, often the cruel treatment of Russians with the indigenous population. Therefore, the author's attention is focused on complicated relationships of Russians with aborigines of Russian America in their religious and spiritual enlightenment. The sale of Alaska in 1867 to the United States changed the dominant status of the right-glorious church in Russian America, which, having not received the support of the new American authorities lost its influence on the indigenous population. Protestantism ousted Orthodoxy in Russian America, but not completely, because the Orthodox Church continues its missionary activity to this day.

Key words: Orthodoxy, Orthodox mission, church, Russian America, Aleutian Islands, St. Innocent, Aleuts, enlightenment.

Изучение Русской Америки актуально как для американских, так и отечественных ученых, так как эта земля находилась под российской

юрисдикцией со времени её открытия 1732 г. вплоть до продажи США в 1867 г. В настоящее время историки нуждаются в осмыслении ряда

событий, фактов духовной жизни того периода, для того, чтобы лучше узнать повседневные духовные, религиозные практики жителей тех далеких от России земель.

Актуальность исследования связана и с востребованностью современных исследований, написанных на стыке наук, в нашем случае, религиозного (теологического) и исторического знания, что особенно характерно для открытого плюралистического подхода к современным исследованиям, как американским, так и отечественным.

Целями автора статьи являются анализ основных тенденций распространения православия в Русской Америке, а также восстановление исторической памяти о незаслуженно забытых именах великих русских людей, в данном случае, – И. Е. Вениаминова (Святителя Иннокентия).

Желание получить огромные выгоды заставляло многих русских отправляться в неизвестные земли, в том числе, и Русскую Америку, и предпринимать трудные путешествия, сопряженные с неимоверными усилиями и опасностями.

«Православие и просвещение, суть первые дары, которыми должен поделиться человек, просвещенный на краю Нового Света», – эта мысль важнейшего сановников России – государственного канцлера графа Н. П. Румянцева [14] руководила правительством, местным начальством и самими промышленников с первых лет проникновения русских на Американский материк [10, с. 253].

Официальной датой основания православной церкви в Северной Америке принято считать 24 сентября 1794 г., и связано это с прибытием православной миссии на о. Кадьяк под началом архимандрита Иоасафа [9, с. 1361–1370]. Однако имеются достоверные документальные свидетельства о более раннем распространении православия в Северной Америке. Кроме сведений И. Е. Вениаминова (он писал о 1759 г.), существуют вполне достоверные сведения знаменитой экспедиции капитана Дж. Кука, которая в 1778 г. посетила русские поселения на о. Уналашке и обнаружила как американские «индейцы сотворили молитву по обычаю греческой церкви, который очень напоминает католический» [15, с. 748–749].

На о. Кадьяк православие пришло уже во времена пребывания там Г. И. Шелихова, основателя Российско-Американской компании (РАК) и первого ктитора американских церквей. «Г. Шелихов, в числе многих своих планов и намерений в рассуждении пользы Американского края, имел в виду преимущественно распространять христианство и устраивать церкви» [7, с. 17].

Первая православная миссия столкнулась с большими трудностями, как в повседневной жизни, так и личностного характера. Так, архимандрит Иоасаф в 1799 г. вместе с иеромонахом Макарием, иеродиаконом Стефаном и др. утонули в море на пути на о. Кадьяк на судне «Феникс».

До этого иеромонахи Макарий и Ювеналий за осень 1794 г. объехали весь остров Кадьяк и окрестили в православие всех местных жителей. На следующий год иеромонах Макарий окрестил жителей всех островов Уналашкинского отдела. «Первый просветитель или креститель иеромонах Макарий отнюдь не употреблял каких-либо насильственных мер для того, чтобы окрестить их [алеутов], да он не имел ни надобности, ни средств употреблять их; потому что алеуты охотно принимали новую веру. Лучшим доказательством этому может быть то, что о. Макарий переезжал с места на место и, отправляясь в дальние селения, не имел при себе никого для своей безопасности, кроме одного русского для прислуги. Те же самые алеуты перевозили, питали и берегли его, которых он должен был крестить» [4, Ч. 2, с. 145].

Стараниями Г. И. Шелихова жители Северной Америки получили весомую возможность ознакомиться с началами православия. Из «Доклада Комитета об устройстве Русских американских колоний» мы имеем такие свидетельства: «Промысловые партии занимали берега и воды, где производили сой промысел, во имя Русского Правительства; водружали на них доски и знаки с изображением креста и слов «земля Русского владения»; приводили в русское подданство, где могли, туземцев и даже обращали их в христианство» [8, с. 6–7]. Г. И. Шелихов ходатайствовал об открытии церковной епархии в Америке, но в силу обстоятельств гибели архимандрита Иоасафа, который должен был возглавлять эту епархию, планам не суждено было сбыться. Вскоре скончался и сам Г. И. Шелихов, и были прекращены активные действия по открытию епархии.

Ряд источников отражает повседневные и духовные практики аборигенов через их взаимоотношения с РАК с 1799 г., которая управляла владениями России на крайнем Северо-Западе Америки [1; 2; 8; 16; 13; 14]. Отношения русских с коренным населением было достаточно жестоким, о чем свидетельствуют многочисленные источники [16; 12, с. 162–180, 181–202]. Сближению русских с аборигенами Аляски и Алеутских островов способствовало внедрение начал православной конфессии на островах Атка, Кадьяк, Ситка, Уналашка. Большая роль в этом принадлежит святителю Иннокентию (Ивану Евсеевичу Попову-Вениаминову).

Иван Евсеевич вырос в бедной семье пономаря, в 1818 г. окончил Иркутскую духовную семинарию. По окончании семинарии, по распоряжению ректора архимандрита Павла сменил фамилию и стал Вениаминовым в честь недавно скончавшегося епископа Иркутского Вениамина [11]. В 1822 г. по настоянию Российско-Американской компании (РАК) он отправился с православной миссией в Северную Америку для духовного просвещения алеутов. По уставу РАК (пункту 36) на неё были возложены обязанности «иметь всегда достаточное количество священников и церковнослужителей в Русских Американских колониях и содержать в надлежащем порядке церкви» [8, с. 29–30].

Сначала Вениаминов жил на алеутском острове Уналашка [8], терпел все лишения, «разделяя недостатки дикого края» [11]. К тому времени на Уналашке существовало 10 поселений, где жили 470 алеутов, креолов и русских. Из опубликованных писем И. Е. Вениаминова К. Т. Хлебникову можно узнать подробности его миссионерской деятельности, трудностях его путешествий по огромному приходу, о многих тяготах жизни в далекой Америке [13, с. 180].

И. Е. Вениаминов, приступив к исполнению своих религиозных обязанностей на о. Уналашка, расширил свою духовную миссию на все острова восточной цепи Алеутских островов, Аляску. Им было организовано строительство на Уналашке православной церкви Вознесения Господня [1, с. 101]. Во всех своих свидетельствах, письмах, донесениях Св. Синоду он отмечает добровольный характер принятия православия алеутами [4, с. 144]. Однако можно усомниться в этом, так как этот «добровольный» характер принятия православия алеутами был подкреплён льготой от платежа ясака [4, с. 149–150].

Святитель Иннокентий изучал местные наречия, составил первую научную грамматику алеутского языка [3; 6], перевел ряд духовных книг на этот язык аборигенов [5].

В 1834 г. Вениаминов был переведен на о. Ситха в Новоархангельск, где обращал в православие колошей и кадьяков. Там было открыто духовное училище, в котором помимо основного образования дополнительно обучали языкам американских аборигенов (алеутскому и др.).

В 1839 г. он был возведен в протоиереи, а после смерти супруги был пострижен в монахи и возведен в архимандриты. С 1841 г. Иннокентий стал епископом Северо-Американским и Камчатским, совершал многочисленные по-

ездки по епархии, совершал церковные службы, организовывал катехизические школы при церквях, сам обучал детей в них.

Кроме Иннокентия и другие монахи, посылаемые в Русскую Америку, распространяли православную веру среди коренных жителей Аляски и других островов (известны дневники иеромонахов Илариона, Феофила, священников Николая, Никиты, Ивана Бортновского и др.) [16, с. 193–195]. Они исполняли православные обряды, миссионерские обязанности для населения редутов – охотников, торговцев и служащих РАК, а также для новообращенных в православие индейцев. Однако отношения с аборигенами складывались у православных священников далеко не всегда так гладко, как писал Иннокентий в своих письмах [13]. Так, в 1796 г. индейцы убили иеромонаха Ювеналия из-за того, что он уж слишком рьяно пытался приобщить их к христианству, «исправлять» их традиционные обычаи [16, с. 191]. Отметим, что ритм деятельности русской православной церкви, исполнение религиозных культов не подходили к нормам и условиям жизни индейцев. Так, многие православные праздники совпадали со временем их активных промыслов, когда индейцев невозможно было от них отвлечь. Тем не менее, по мнению ряда ученых, деятельность первых христианских миссий можно считать в Русской Америке довольно успешной [2; 16, с. 199–201].

Продажа Аляски в 1867 г. США изменила и господствующий статус православной церкви в Русской Америке, она потеряла и свое влияние на население, и, естественно, не получила поддержку новых американских властей. Протестантизм вытеснил православие (но не полностью, свою деятельность в США православная церковь продолжает и до сих пор), и это было объяснимо протестантскими корнями американской цивилизации в целом.

Таким образом, православие в Русской Америке в конце XVIII – середине XIX вв. стало основной религиозной конфессией, оно имело поддержку в лице властей – Российско-Американской компании. Православная миссия на Аляске и Алеутских островах возглавлялась авторитетными священниками – прежде всего, И. Е. Вениаминовым (Иннокентием), чей авторитет сыграл большую роль в деле духовно-религиозного просвещения коренных жителей Русской Америки, укрепления основ православия сначала в Русских Американских колониях, а затем после продажи Аляски – в США.

Источники и литература

1. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Синодальная Типография, 1883. 769 с.

2. Болховитинов Н. Н. Россия и США: Архивные документы и исторические исследования. М.: ИНИОН, 1984. 105 с.
3. Вениаминов И. Алеутский букварь. М.: Синодальная Типография, 1836. 48 с.
4. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб.: Типография Императорской Российской академии, 1840. Ч. 1, 2.
5. Вениаминов И. Начатки христианского учения, или Краткая Священная история и Краткий Христианский катехизис. СПб.: Синодальная Типография, 1840. 179 с.
6. Вениаминов И. Опыт грамматики алеутско-лисовского языка. СПб.: Синодальная Типография, 1846. 241 с.
7. Вениаминов И. Состояние Православной церкви в Российской Америке // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1840. № 6. Т. 4. XXVI. Отд. V. С. 17.
8. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб: Типография Департамента внешней торговли, 1863. Ч. 1. 757 с.
9. Львов А. Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке православной миссии, об основании Кадьякской епархии и деятельности там первых миссионеров // Прибавление к Церковным ведомостям. 1894. № 38. С. 1361–1370.
10. Мамышев В. Н. Американские владения России // Библиотека для чтения. 1855. №4. Т. CXXX (130). № 2. С. 204–292.
11. Митрополит Иннокентий // Рижский вестник. 1879. № 78. 9 апреля.
12. Окунь С. Б. Российско-американская компания / под ред. и с предисл. Е. Д. Грекова. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд., 1939. 260 с.
13. Письма И. Вениаминова К. Т. Хлебникову. Сост. и прим. Р. Г. Ляпуновой и Е. А. Окладниковой // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / отв. ред. А. Д. Дридзо, Р. В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994. С. 151–189.
14. Письмо графа Н. П. Румянцева к камергеру Резанову // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1850. №9. Т. VII. № 44.
15. Россия и США: становление отношений, 1765-1815. Сборник документов / сост. Н. Н. Башкина, Н. Н. Болховитинов и др.; редкол. С. Л. Траск и др. М.: Наука, 1980. 752 с.
16. Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. / отв. ред. А. Д. Дридзо, Р. В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994. 373 с.

References

1. Barsukov I. P. Innokentii, mitropolit Moskovskii i Kolomenskii. Po ego sochineniyam, pis'mam i rasskazam sovremennikov (*Innokentii, Metropolitan of Moscow and Kolomna. In his writings, letters and stories of contemporaries*). Moscow: Synodal Printing House, 1883. 769 p. (In Russian).
2. Bolkhovitinov N. N. Rossiya i SShA: Arkhivnye dokumenty i istoricheskie issledovaniya (*Russia and the United States: Archive documents and historical research*). Moscow: INION, 1984. 105 p. (In Russian).
3. Veniaminov I. Aleutskii bukvar' (*Aleutian primer*). Moscow: Synodal Printing House, 1836. 48 p. (In Russian).
4. Veniaminov I. Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela (*Notes on the islands of Unalaska Department*). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi akademii, 1840. Part. 1, 2. (In Russian).
5. Veniaminov I. Nachatki khristianskogo ucheniya, ili Kratkaya Svyashchennaya istoriya i Kratkii Khristianskii katekhizis (*The rudiments of Christian doctrine, or Short Sacred History and a Short Christian Catechism*). St. Petersburg: Synodal Printing House, 1840. 179 p. (In Russian).
6. Veniaminov I. Opyt grammatiki aleutsko-lis'evskogo yazyka. (*Experience of the Aleut-Lisowski language grammar*). St. Petersburg: Synodal Printing House, 1846. 241 p. (In Russian).
7. Veniaminov I. Sostoyanie Pravoslavnoi tserkvi v Rossiiskoi Amerike (*The state of Orthodox Church in Russian America*) // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. 1840. No. 6. Vol. 4. XXVI. Vol. V. P. 17. (In Russian).
8. Doklad Komiteta ob ustroistve russkikh amerikanskikh kolonii (*Report of the Committee of the Russian unit of the American colonies*). St. Petersburg: Printing Department of Foreign Trade, 1863. Part 1. 757 p. (In Russian).
9. Lvov A. Kratkie istoricheskie svedeniya ob uchrezhdenii v Severnoy Amerike pravoslavnoj missii, ob osnovanii Kad'jaskoj eparhii i dejatel'nosti tam pervykh missionerov (*Brief historical information on the establishment of North American Orthodox Mission, on the basis of Kadyakskoy diocese and activities of the first missionaries*) // Pribavlenie k Tserkovnym vedomostyam. 1894. No. 38. P. 1361–1370. (In Russian).
10. Mamyshev V. N. Amerikanskie vladeniya Rossii (*American ownership of Russia*) // Biblioteka dlya chteniya. 1855. No. 4. Vol. CXXX (130). No.2. P. 204–292. (In Russian).
11. Mitropolit Innokentii (The Metropolitan Innocent) // Rizhskii vestnik. 1879. No.78. April 9. (In Russian).
12. Okun' S. B. Rossiisko-amerikanskaya kompaniya / ed by E. D. Grekov (*Russian-American Company*) / Ed. and foreword by E. D. Grekov. Moscow – Leningrad: State socioeconomic edition, 1939. 260 p. (In Russian).
13. Pis'ma I. Veniaminova K. T. Khebnikovu. Sost. i prim. R. G. Lyapunovoi i E. A. Okladnikovoi (*Letters of Veniaminov to K. T. Khebnikov. Comp. and approx. R. G. Lyapunov and E. Okladnikova*) // Russkaya Amerika. Po lichnym vpechatleniyam missionerov, zemleprokhodtsev, moryakov, issledovatelei i drugih ochevidtsev / ed. by A. D. Dridzo, R. V. Kinzhlov. Moscow: Mysl', 1994. P. 151–189. (In Russian).
14. Pis'mo grafa N. P. Rumyantseva k kamergeru Rezanovu (*Letter of Count N. P. Rumyantsev to the chamberlain Rezanov*) // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. 1850. No. 9. Vol. VII. No. 44. (In Russian).
15. Rossiya i SShA: stanovlenie otnoshenii, 1765–1815. Sbornik dokumentov (*Russia and the United States: the establishment of relations, 1765–1815. Collection of documents*). Moscow: Nauka, 1980. 752 p. (In Russian).
16. Russkaya Amerika. Po lichnym vpechatleniyam missionerov, zemleprokhodtsev, moryakov, issledovatelei i drugih ochevidtsev (*Russian America. For personal impressions of missionaries, land explorers, sailors, explorers and other eyewitnesses*) / ed. by A. D. Dridzo, R. V. Kinzhlov. Moscow: Misl', 1994. 373 p. (In Russian).

УДК 94 (470.6) "18"

А. А. Гойбасханов

ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИИ В КУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья повествует о диалоге между северокавказской традицией и культурными новациями, проникавшими в повседневную жизнь местных горских народов после вхождения края в состав Российской империи. Большую роль в данном процессе играли статусность и престиж предлагавшихся артефактов обновления. Подчеркивается роль образовательных и культурно-просветительских учреждений в развитии взаимопонимания и в налаживании мирной и созидательной жизни в северо-восточной части Кавказа, которые активно внедрялись в край российской стороной. Немалое значение имела деятельность имперской интел-

лигенции, способствовавшей становлению горских просветителей, которые выступали в качестве связующего звена между местной культурной традицией и культурными новациями, в которых предстояло жить горским народам. Их деятельность содействовала внедрению имперских культурных стереотипов в горскую среду, разъясняла перспективы развития для местных народов.

Ключевые слова: Российская империя, горские народы, Северный Кавказ, традиция, культурная новация, модернизация, культурные и образовательные учреждения.

A. A. Goybaskhanov

TRADITIONS AND NOVATION IN THE CULTURAL IMAGE OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article describes the dialogue between the North-Caucasus tradition and cultural novation, penetrating the everyday life of local highlanders after joining the Russian Empire. The status and prestige of the suggested renovation artefacts played a big role in this process. The role of educational and cultural organization, which were introduced in the region by the Russian side, in the development of the common understanding and making up the peaceful and creative lift in the north-eastern part of the Caucasus is

underlined. The activities of imperial intellectuals were of great importance as they contributed to the appearance of highland educators, connected local cultural traditions and cultural innovations. Their activities promoted the introduction of imperial cultural stereotypes into highland surroundings, showed perspectives for the local development.

Key words: Russian Empire, highlanders, North Caucasus, tradition, cultural innovation, modernization, cultural and education organizations.

Угасание военно-политического кризиса первой половины столетия открывало возможности для культурной трансформации северокавказского региона, который вступал на путь модернизации. К началу изучаемого периода уже был накоплен большой опыт во взаимопознании сторон межкультурного диалога, и теперь процесс сближения народов Северного Кавказа с другими народами Российской империи ещё больше ускорился [11].

Особенно заметными были изменения на бытовом уровне. Обыденностью стало применение в домах горских жителей русской печи, высокого стола и стульев, посуды из фаянса.

Постепенно сбывалась мечта А. С. Пушкина, который считал, что, когда у горцев появится самовар, это станет подлинной революцией в их сознании. «Самовар был бы важным нововведением», – рассуждал он в своём произведении «Путешествие в Арзрум» [18, с. 376]. И мечта великого поэта во второй половине столетия воплотилась в реальность. При освещении жилых помещений всё чаще встречались керосиновые лампы, которые заправлялись горючей смесью, изготовленной из местного сырья.

Дома зажиточных горцев начинают перекрывать железом, а в окна вставляются сте-

клянные полотна. Стремясь подчеркнуть свой статус и прихвастнуть перед односельчанами, некоторые зажиточные люди пристраивали на своих домах балконы, хотя реальная потребность в них отсутствовала. Таким образом они демонстрировали собственную успешность и состоятельность. Далеко не каждый мог построить для себя дом с каменным фундаментом, а то и с полуподвальным помещением. Как правило, такие постройки раньше появлялись в равнинных селениях, в большей степени подвергавшихся культурному воздействию славянских соседей. Изменилась и застройка горских и казачьих поселений. Учитывая снижение градуса военного противостояния в крае, уже не было необходимости превращать места своего проживания в крепости, а потому селиться начинали более широко, с прямыми улицами, площадями в центре. Как правило, здесь производилась стационарная торговля, располагались здания местных административных учреждений [3, с. 337–338].

Данный процесс межкультурного сближения нельзя назвать ровным и бесконфликтным. Любопытно, что достаточно консервативно местное горское население относилось к своей одежде, крайне болезненно реагировало на конъюнктуру в этой сфере. Если казаки и те русские поселенцы, которые достаточно давно перебрались на Северный Кавказ, охотно примеряли на себя горские образцы одежды и учились у местных народов, как их правильно носить [17, с. 301], то последние весьма настороженно воспринимали новомодные тенденции, исходившие от пришлого населения. Уместно привести фрагмент из воспоминаний одного из жителей, который получил русское образование и вернулся в отчий дом, но вынужден был сменить свою одежду, чтобы не вызвать у односельчан негативной реакции: «один только сумасшедший позволил бы себе в русской одежде расхаживать по улицам в ауле» [1, с. 10]. Как правило, одеть на себя европейские образцы одежды соглашались те горцы, которые проживали в городах, преимущественно в иноэтничной среде. И если сами модели одежды вызывали настороженность, то качественное фабричное сукно пользовалось широкой популярностью и шло на изготовление привычных видов костюмов.

Гораздо быстрее к нововведениям адаптировалась женская мода. Исследователи обратили внимание на то, что во второй половине столетия перестали встречаться женские пояса, изготовленные из серебряных блях, а вместо них популярными сделались украшения,

полностью изготовленные из серебра с позолотой, гравировкой и т.п. декором [3, с. 338].

Достаточно консервативны были горцы и в культуре питания. Это было связано не столько с прочностью местных традиций, сколько с возможностями получить доступ к новым видам продуктов, не обуславливалось отсутствием желания расширения своего продуктового рациона. По мере распространения картофеля, гречихи, свёклы они всё чаще оказывались на столе у местных жителей. Особой популярностью пользовались разные сорта чая, которые завозились в регион. Процесс чаепития поощрял употребление сахара и различных кондитерских изделий, которые, впрочем, пока считались элементом роскоши.

В российском общественном сознании сложилось в целом комплиментарное отношение к жителям региона. Было немало тех, кто с большой симпатией относился к культурному багажу населения этой южной окраины страны. Существовала устойчивая потребность в изучении лингвистических особенностей края, и здесь мы наблюдаем ощутимые успехи, сделанные отечественной наукой.

Так, усилиями выдающегося специалиста П. К. Услара были подготовлены обобщающие труды по языкам народов северо-восточной части региона. Что особенно важно, разрабатывалась и методика изучения этих языков, что, по мнению исследователя, давало возможность в дальнейшем успешно преступить к обучению местных жителей русской грамоте. Предполагалось создать письменность, которая опиралась бы на «русское основание». Со временем удалось бы вытеснить арабское влияние из этой сферы и сделать грамотность населения массовой, а не только уделом узкого круга лиц.

Важно отметить, что П. К. Услар считал такой шаг важной мерой по нейтрализации взаимной нетерпимости, которая, безусловно, сохранялась после долгих лет противостояния, имевших место в предшествующие десятилетия и вызванных среди прочего культурным недопониманием сторон. Не пытаясь приукрасить действительность, П. К. Услар в одной из своих статей писал об этом следующее: «Моральное сближение с чуждым народом, покорённым силою оружия или дипломатическими трактатами, – обыкновенно заключаемыми без ведома и согласия народного, – представляет большие затруднения, которые могут проистекать из различных причин. Бывает иногда, что все классы народонаселения, при новом порядке вещей, чувствуют себя в худшем ма-

териальном положении, чем прежде. <...> Это есть, без сомнения, самый естественный повод к неудовольствию» [20, с. 1]. Среди мер, направленных на нормализацию взаимоотношений, учёный выделял распространение грамотности, которая со временем должна была обеспечить прогресс в разных сферах бытия автохтонного населения Кавказа.

К числу исследователей, благодаря которым языки народов края были описаны, структурированы, связаны с русской грамматикой относился В. Ф. Миллер [14; 15; 16]. Как отмечал М. М. Ковалевский – другой незаурядный специалист в области социологии и юриспруденции, занимавшийся местной проблематикой, его труды не смогли бы состояться без филологических изысканий коллеги [7, с. 7]. Естественно, достижения этих исследователей не могли сразу стать доступными для большинства местных жителей. Грамотность была уделом лишь немногих из них. Но в дальнейшем эти изыскания стали подлинным «золотым фондом» кавказоведения и до сих пор широко востребованы в научно-образовательной сфере.

Ещё в конце 50-х гг. имперскими властями был утверждён «Устав горских школ», который позволил регламентировать деятельность учебных заведений, открывавшихся в крае и предназначенных для образования и воспитания местного юношества в духе государственного порядка. Страна нуждалась в грамотных и квалифицированных специалистах, а специфика региона диктовала ещё и свои, особые требования к таким людям. Будучи выходцами из местной среды, они должны были стать связующим звеном между империей и теми народами, которые здесь проживали.

Среди достаточно успешных проектов в сфере образования можно назвать открывшуюся в 1861 г. школу в Темир-Хан-Шуре. Своим появлением она обязана слиянию двух других учебных заведений – мусульманской школы, ранее находившейся в Дербенте, и местной окружной горской школы. Предполагалось, что в ней будут одновременно проходить курс обучения до 65 школьников, причём содержание сорока человек казна брала на себя. Это были т.н. казённокоштные учащиеся, а за остальных платили деньги их родители и администрация наместничества. Срок обучения исчислялся тремя годами, и за это время предполагалось дать учащимся основные знания в области чтения, письма, арифметики и т.п. Этнический состав предполагался смешанным. Помимо детей русских чиновников, здесь проходили учебный курс и дети горцев из числа состоятельных фамилий.

Как оказалось, предлагаемый учебный курс не соответствовал возросшим потребностям школьников. Полученные знания не позволяли затем продолжить обучение в средних учебных заведениях, а потому с 1874 г. вместо школы учреждается прогимназия. К концу десятилетия здесь уже училось 227 человек, что свидетельствует о важности и популярности гимназии в глазах населения. И такое отношение мы видим не только на этом примере [3, с. 338–339].

Следует отметить, что жители Северного Кавказа прекрасно понимали необходимость поощрять образование среди юношества и старались оказывать материальную поддержку тем ученикам, которые нуждались в этом. Так, в Дербенте в феврале 1885 г. возник замысел выделять пособия городским учащимся, для чего предполагалось учредить специальное общество. Его устав был принят в январе 1886 г., а в апреле оно начало свою работу [8, с. 291]. Это говорит об изменении мировоззрения у значительной части местного населения, которые задумывались о будущем своих детей и желали их успешной инкорпорации в имперскую структуру.

Произошли изменения и в Новагинской школе военных воспитанников. Ею с 1857 г. занималось командование Тенгинского полка, которое рассудило, что статус этого учебного заведения необходимо повысить, и в 1861 г. переквалифицировало его в горское окружное училище. Расположенное во Владикавказе, оно считалось наиболее престижным в Осетии. Ребята могли получить здесь и полезные ремесленные навыки, т.к. в подготовительном классе они занимались дополнительно токарным, слесарным ремёслами, учились портняжному и сапожному делу и т.п. Во главе пансиона находился полковник Эглау, а попечителем выступал надворный советник Стоянов. Преподавательский коллектив был интернационален и, помимо русских, здесь работали выходцы из числа кавказских народов.

Кроме него, здесь действовали 38 церковно-приходских школ, а общая численность учащихся достигла 3828 человек. Основной упор в таких школах делался на изучение грамоты и Закона Божьего, что соответствовало задачам, ставившимся миссионерами, действующими в регионе [5, с. 158–159].

В целом надо отметить, что опыт по привлечению армии для создания образовательных учреждений в крае оказался удачен и для своего времени продуктивен. Достаточно широко он применялся в первой половине столетия, когда наряду с аманатскими школами при ча-

стях действовали школы, где совместно с солдатскими детьми проходили обучение и дети из числа местных народов. Примечательно, что командование учитывало конфессиональную специфику таких слушателей и давало им возможность знакомиться с мусульманским вероучением [19, с. 161–178].

Полученный результат нашёл своё продолжение и во второй половине XIX в., когда в разных частях Северного Кавказа стали открываться новые школы при военных частях. Как правило, они действовали при штаб-квартирах полков, которые были расквартированы в крупных горских селениях.

В Чечне, в Грозном была открыта трёхклассная горская школа, причём при ней имелся пансион, и дети могли находиться здесь длительное время. Один из классов был подготовительным и помогал юным учащимся готовиться к освоению расширенного образовательного материала. Свою деятельность эта школа начала в 1862 г., и её опыт был признан весьма удачным. Примечательно, что уже через шесть недель после начала учебного года обучающиеся могли читать на своём родном языке. При этом большинство из них никогда до этого не держали в руках перо.

Здесь трудился выдающийся просветитель Пётр Карлович Услар, принявший активное участие в разработке учебных программ и сам почерпнувший немало знаний в ходе общения с муллой Янгулбаем Хасановым. Для нужд школы прапорщиком Кеди Досовым был подготовлен первый чеченский букварь, который был выпущен типографским способом в Тифлисе в конце 1862 г. В дальнейшем, опираясь на полученный опыт, А. И. Бартоломей подготовил новый чеченский букварь [2, с. 38–41].

Школы стали открываться в селениях Старый Юрт, Ведено, Большой Чечен, Брагуны, Новый Юрт, Кень-Юрт. С 1870 г. одноклассная горская школа с подготовительным отделением была открыта и в Назрани. От грозненской она отличалась только меньшим количеством учащихся, а учебные программы были схожими.

Для черкесских детей со второй половины 80-х гг. XIX в. стали действовать горские школы в Майкопе и Лабинске. Они давали образование в объёме двухклассного начального училища и пользовались большой популярностью у местного населения. Закончившие эти учебные заведения могли рассчитывать на карьерный рост на государственной службе и попытаться продолжить образование в более статусных учебных заведениях.

Известны случаи, когда открывшиеся школы вскоре переставали работать. Это было связа-

но не с отсутствием желания у местных жителей давать своим детям образование, а с банальным отсутствием денег на их содержание. В качестве примера можно привести школы в селениях Качмазукино, Куденетово 1-е, Шарданово, открывшиеся в 1875 г. Но уже в 1878 г. они закрылись, и в других селениях Кабарды и Балкарии школы отсутствовали вплоть до 90-х гг. XIX в. Затем ситуация резко поменялась, и «школы грамотности» открылись сразу в 27 селениях. Это позволило одновременно работать с 522 учениками, причем, по весьма скромной программе. Основной упор делался на обучение чтению и письму.

Свои школы были у карачаевцев и ногайцев. Это были светские учебные заведения, но в них учитывались и конфессиональные особенности местного населения [3, с. 339–340].

Местные жители находили возможным открывать сельские школы за счёт собственных средств. Так поступил чеченец Шугаип Алиев, который вместе с односельчанами посёлка Тембулат-Юрт открыл школу для изучения русской, чеченской и арабской грамоты [4, с. 767].

Открывались учебные заведения и для девочек. Их отличительной особенностью было наличие предметов, связанных с домоводством. Будущие хозяйки должны были уметь шить, вязать, готовить пищу. Это не освобождало их от занятий письмом и чтением, арифметики и обязательного изучения «Закона Божьего». Такие школы существовали в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Владикавказе, Нальчике. Примечательно, что ряд женских школ содержался исключительно на частные пожертвования, что, безусловно, говорит о востребованности подобных заведений. Однако зависимость от субъективных причин (невозможность своевременно находить необходимые суммы жертвователями) делало такие учебные заведения крайне уязвимыми, и они нередко от этого закрывались.

Северокавказская общественность неоднократно поднимала вопрос о создании специализированных школ, программа обучения которых отвечала бы насущным хозяйственным потребностям края. Отсюда и пожелания иметь учебные заведения с углублённым изучением основ аграрного дела, различных ремёсел и т.п. Примерами такой школы могут являться Батапашинское училище, Владикавказское ремесленное училище. В них обучались как русские дети, так и горцы. Иногда в составе училища открывалось ремесленное отделение, где могли приобщиться к занятию столярным и токарным делом не только подростки, но и взрослые. В качестве примера

можно назвать Учкуланское училище, которое начало свою работу в 1897 г. и стало примером для других учебных заведений [3, с. 340–341].

К числу хронических проблем можно отнести недостаток учительских кадров, которые останавливали многие перспективные начинания. Далеко не все специалисты были готовы отправиться в отдалённые горские селения, а местным жителям зачастую не хватало средств, чтобы отправить своих детей в те посёлки, где школы уже были открыты. Выходом стало открытие педагогических курсов в Нальчике, Темир-Хан-Шуре. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие выходцы из духовных семинарий в дальнейшем предпочли работать обычными учителями, не став связывать свою судьбу с религиозной службой.

Безусловно, главные усилия общественности и кавказской администрации были направлены на учебную подготовку юношества. Но интерес в получении образования проявляли и уже взрослые, состоявшиеся люди. Развитие экономики давало сведущим специалистам существенные конкурентные преимущества, а потому возникла потребность в обучении и этих категорий жителей региона. Для них открывались воскресные школы, где можно было в свободное от работы время научиться читать и писать. Правда возможности посещать такие школы имели лишь жители крупных городских центров – таких как Ставрополь, Дербент и Владикавказ.

Если собственных возможностей удовлетворить потребности в получении знаний не хватало, выходцы с территории Северного Кавказа отправлялись в соседние регионы, например, в Баку и Тифлис. Сюда нередко приезжали жители Дагестана. Для таких соискателей знаний учреждались специальные стипендии, и за казённый счёт можно было получить проживание и пропитание. Но большинство горцев всё же обучались в Екатеринодарской и Ставропольской гимназиях, закончив которые, они могли в дальнейшем продолжить образование в столичных вузах. Конечно, таких людей было немного, но их пример был весьма важен для соотечественников, которые всё активнее включались в модернизационные процессы.

Наряду со светским образованием на Северном Кавказе продолжали действовать и школы при мечетях. Они пользовались популярностью у части населения, которая опасалась, что, если их дети попадут в русское учебное заведение, они могут поколебаться в своей религиозности. В одном только Дагестане таких школ насчитывалось около девятисот. Они

имели устоявшуюся систему обучения и достаточно успешно справлялись с теми задачами, которые перед ними ставились. Закончив такую школу, ребёнок мог читать по-арабски и получал представления об основах мусульманской веры.

Определённая конкуренция, которая возникла между этими видами учебных заведений, не всегда благотворно сказывалась на просвещении жителей региона. Существовало довольно сильное предубеждение друг к другу, что объясняется тем вооружённым противостоянием, которое имело место в первую половину столетия. Было немало тех, кто в своё время искренне разделял мюридистские идеи Шамиля и воспитывал своих детей на их почитании. Высказывались небезосновательные замечания о том, полученное религиозное образование не всегда находит практическую реализацию в повседневности. Окончив школу при мечети, горцы нередко забывали о том, чему их учили.

Но даже при наличии подобных конфликтных факторов все учебные заведения старались прививать своим слушателям определённые социально-нравственные нормы, которые обеспечивали лояльность к государству. В этом отношении мусульманское духовенство достаточно успешно инкорпорировалось в российское правовое пространство. Власти видели в нём свою опору и готовы были всячески поддерживать [13, с. 27].

Ещё одним проявлением модернизационного преобразования Северного Кавказа стали различные культурно-просветительские учреждения, которые повсеместно начали появляться в крае. Прежде всего, речь идёт о библиотеках, наличие которых сделалось отличительной особенностью крупных городов, в частности, Владикавказа, Ставрополя, Темир-Хан-Шуры, Майкопа. Свои библиотеки имели и школы, хотя сами их фонды отличались скудостью и нерегулярным пополнением.

Зачастую эти библиотеки формировались благодаря доброй воле отдельных энтузиастов, которые тратили на их содержание собственные средства. Нередко общественные библиотеки становились дискуссионной площадкой для наиболее социально активной части населения. Речь идёт об учащейся молодёжи, достаточно критично оценивавшей политическую ситуацию в стране. Из уст местной администрации не раз звучали обвинения в адрес этих учреждений, но при этом библиотеки продолжали функционировать, и вопрос об их закрытии не ставился. Все понимали необходимость просвещения и мирились с наличи-

ем революционного вольнодумства, сводя всё к проискам отдельных «неблагонадёжных» лиц [3, с. 344–345].

Другим местом для интеллектуального общения были музеи. В них аккумулировалась информация, касающаяся природных особенностей региона (Пятигорский отдел Кавказского горного общества) [10, с. 161], различных естественноисторических проблем (Терский областной музей во Владикавказе) и т.п. [6, с. 149–171].

Повсеместно стали появляться общественные организации и научные общества, активно занимавшиеся краеведческими изысканиями, профессиональный уровень которых был достаточно высок для своего времени [9, с. 336–362].

Своеобразным символом культурного преобразования Кавказа стал театр. Он был олицетворением престижа, демонстрируя не только уровень интеллектуальных претензий населения, но и способность и желание властей содействовать этому [12, с. 10]. На сценах местных театров выступали как приезжие труппы, так и собственные коллективы, по отзывам современников отличавшиеся высоким профессиональным мастерством. Примечательно, что с театром были связаны и местные просветители. Например, во Владикавказском театре работал К. Л. Хетагуров, и не случайно, что в его творчестве мы встречаем драматические произведения. Знакомая с образцами русской культуры, такие горские интеллектуалы в дальнейшем способствовали созданию и собственных, национальных театров.

Успехи в постижении региона были бы невозможны без активной поддержки со стороны нарождавшейся горской интеллигенции, которая считала своим долгом приложить все усилия, чтобы добиться просвещения своих наро-

дов, сформировать их позитивный имидж. Так, в филологических изысканиях П. К. Услар опирался на неоценимую помощь чеченца Кеди Досова, аварца Айдемира Чиркеевского, лака Абдулы Омарова и многих других энтузиастов. Можно предположить, что далеко не все их имена сохранились для истории, но их труд способствовал сохранению важной информации о народах, которые они представляли.

Системные модификации, произошедшие на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв., не могли не затронуть и культурный облик народов региона. Это прослеживается как в материальной сфере, так и в духовных сторонах жизни местных обществ. Произошедшие изменения имели экзогенный характер и были инициированы российским влиянием. Вместе с тем процесс трансформации обладал глубоко специфичными чертами, что делало ситуацию в регионе непохожей на аналогичные процессы в других частях империи.

Представляется, что горцы выработали оптимальную модель своего общественного устройства, и получившие распространение культурные нормы и традиции делали её достаточно устойчивой и органичной. Появившиеся новации ещё должны были доказать свою состоятельность, а потому весьма осторожно воспринимались населением.

Носителями модерна в культуре были, как правило, те, кто успел приобщиться к новым ценностям во время получения образования в русских учебных заведениях – как в пределах края, так и в других частях империи, в том числе в столице. Их пример способствовал внедрению имперских культурных стереотипов, показывал перспективы развития для местных народов.

Источники и литература

1. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: [б.и.], 1873. Вып. 7. С. 1–80.
2. Ахмадов Б., Великая Н. Учитель // Приязни добрые плоды (издание 2-е, дополненное) / под ред. В. Б. Виноградова, С. Н. Лукаша. Армавир: АГПУ, 2008. С. 38–41.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
4. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I, – История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
5. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
6. Кобахидзе Е. И. Источники из истории создания Терского областного музея // Известия СОИГСИ. 2016. 22 (61). С. 149–171.
7. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. Т. I. 342 с.
8. Козубский Е. И. История Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1906. 468 с.
9. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. Ставрополь: СГУ, 2011. 524 с.
10. Край наш Ставрополье: Очерки истории / науч. ред. Д. В. Кочура и В. П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.
11. Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа. Назрань: [б.и.], 2013. 200 с.

12. Литвиненко М. А., Плиева Ж. Х., Русанов И. К. Русский театр в Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1971. 260 с.
13. Матвеев В. А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы / под ред. и с послесл. В. Б. Виноградова. Армавир – Ростов-на-Дону: [б.и.], 2004. 64 с.
14. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. I. (Осетинские тексты) // Учёные записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. I. М.: Унив. тип., 1881. 166 с.
15. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II. Исследования // Учёные записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. II. М.: Унив. тип., 1882. 303 с.
16. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. III. Исследования // Учёные записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. VIII. М.: Унив. тип., 1887. 216 с.
17. Орывки из писем с Кавказа // Военный сборник. СПб.: Тип. департамента уделов, 1865. Т. XLIII. С. 299–320.
18. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Худ. лит., 1987. 527 с.
19. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / под ред. Н. Н. Велюхой. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2011. 248 с.
20. Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: [б.и.], 1870. Т. III. Раздел IV. С. 1–30.

References

1. Amirov G.-M. Sredi gorcev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista) (*Among mountaineers of the Northern Dagestan (from the high school boy's diary)*) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Tiflis, 1873. Vol. 7. P. 1–80. (In Russian).
2. Ahmadov B., Velikaja N. Uchitel' (*The teacher*) // Prijazni dobre plody (izdanie 2-e, dopolnennoe) / ed by V. B. Vinogradova, S. N. Lukasha. Armavir, 2008. P. 38–41. (In Russian).
3. Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) (*The history of the North Caucasus population (the end of the XVIII c. – 1917)*) / ed. A. L. Narochnickij. Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russian).
4. Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do nashih dnei (*The history of Chechen from antique up to present time*): In 2 vol. Vol. I, – Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do konca XIX veka. Groznyj: GUP «Knizhnoe izdatel'stvo», 2008. 828 p. (In Russian).
5. Klychnikov Ju. Ju. Rossijskaja gosudarstvennost' i severokavkazskaja arhaika: V poiskah preodolenija protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki (*Russian statehood and the North Caucasian archaic: In search of overcoming contradictions (XVIII – the beginning of XXI centuries). Historical essays*). Moscow: LENAND, 2015. 368 p. (In Russian).
6. Kobahidze E. I. Istochniki iz istorii sozdanija Terskogo oblastnogo muzeja (*The source books on the history of establishing the Terek regional museum*) // Izvestija SOIGSI. 2016. 22 (61). P. 149–171. (In Russian).
7. Kovalevskij M. M. Sovremennij obyčaj i drevnij zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshhenii (*The modern custom and ancient law. The customary law of Osetins in historical and comparative interpretation*). Moscow, 1886. Vol. I. 342 p. (in Russian).
8. Kozubskij E. I. Istorija Derbenta (*The history of Derbent*). Temir-Han-Shura, 1906. 468 p. (In Russian).
9. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo XX v. (*The North-Caucasus historiographic tradition: the second half of the XVIII – the beginning of the XX c.*). Stavropol': SSU, 2011. 524 p. (In Russian).
10. Kraj nash Stavropol'e: Ocherki istorii (*Our region is Stavropol land: the historical essays*) / ed. by D.V. Kochura and V. P. Nevskaja. Stavropol': Shat-gora, 1999. 528 p. (In Russian).
11. Kul'tura mira v tradicijah i obyčajah narodov Severnogo Kavkaza (*The culture of the world in traditions and customs of the people of the Northern Caucasus*). Nazran', 2013. 200 p. (In Russian).
12. Litvinenko M. A., Plieva Zh. H., Rusanov I. K. Russkij teatr v Osetii (*The Russian theatre in Ossetia*). Ordzhonikidze: Ir, 1971. 260 p. (In Russian).
13. Matveev V. A. Rossijskoe musul'manstvo na Severnom Kavkaze: istoricheskie aspekty problem (*The Russian Moslemism in the North Caucasus: the historical aspects of the problem*) / ed by V. B. Vinogradova. Armavir – Rostov-on-Don, 2004. 64 p. (In Russian).
14. Miller V. Osetinskie jetjudy. Ch.I. (Osetinskie teksty) (*Ossetic essays. Part 1. Ossetic texts*) // Uchjonye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij. Issue I. Moscow, 1881. 166 p. (In Russian).
15. Miller V. Osetinskie jetjudy. Ch.II. Issledovanija (*Ossetic essays. Part 2. Studies*) // Uchjonye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij. Issue. II. Moscow, 1882. 303 p. (In Russian).
16. Miller V. Osetinskie jetjudy. Ch.III. Issledovanija (*Ossetic essays. Part 3. Studies*) // Uchjonye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij. Issue. VIII. Moscow, 1887. 216 p. (In Russian).
17. Otryvki iz pisem s Kavkaza (*Fragments of the letters from the Caucasus*) // Voennyj sbornik. Vol. XLIII. St.Petersburg, 1865. P. 299–320. (In Russian).
18. Pushkin A. S. Sochinenija. (Works). In 3 Vols. Vol.3. Proza. Moscow: Hud. lit., 1987. 527 p. (In Russian).
19. Pylkov O. S. Rossijskaja armija v transformacionnyh processah na Severnom Kavkaze (konec XVIII – pervaja polovina XIX vv.) (*The Russian army in the transformational processes in the North Caucasus (the end of the XVIII – the first half of the XIX cc.)*) / ed by N. N. Velikaja. Armavir: IP Shurygin V. E., 2011. 248 p. (In Russian).
20. Uslar P. K. O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gorcami (*On the spread of the literacy among highlanders*) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Tiflis, 1870. Vol. III. Razd. IV. P.1–30. (In Russian).

УДК 94(430.2)

С. А. Денисов

ПРУССКИЕ НОБИЛИ НА СЛУЖБЕ У ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В XIII–XIV вв.

Предметом исследования является прусская знать, ставшая опорой Тевтонского ордена при освоении Пруссии в XIII–XIV вв. Цель работы заключается в характеристике положения нобилей на основе их состава и имущественного положения. Для этого при помощи просопографического анализа, сравнительно-исторического и типологического методов построен полный перечень знатных лиц, отсутствующий в настоящее время в историографии. На основе обширного материала актов, хроник и исторических сочинений XIII–XVI вв. проведена дифференциация прусской знати и выявлены их обязанности в отношении Ордена. В результате установлено, что прусская знать состояла из трех групп (крупные, средние и мелкие

землевладельцы), которые различались по размерам земельных наделов и обязанностям (военная служба, выплата налогов, строительство укреплений). При этом на первое место, в условиях постоянных вооруженных конфликтов, выходила военная служба. Знание местности и связь с местным населением обусловили разнообразие военных функций, выполняемых нобилиями. Они привлекались для военных кампаний как советники, проводники и разведчики, а также совершали набеги на соседние земли и командовали гарнизонами крепостей. Все это свидетельствует об их большом значении для политики Ордена в Пруссии.

Ключевые слова: нобиль, Тевтонский орден, земельный надел, военная служба, Самбия.

S. A. Denisov

**PRUSSIAN NOBLES ON THE SERVICE OF THEUTONIC ORDER
IN XIII – XIV CENTURIES**

The article studies Prussian nobility, who supported Theutonic order in its conquest of Prussia in XIII–XIV centuries. The main goal of the study is to describe the state of nobility on the ground of their composition and property. To reach the goal a list of Prussian noblemen, which was missing in historiography, was made. The list was compiled with the use of prosopographical analysis, comparative-historical and typological methods. On the ground of vast material of acts, chronicles and historical works of XIII–XVI centuries the differentiation of Prussian noblemen was made; its duties in relation to Order were determined. Following the findings it can be claimed, that Prussian nobility consisted of three groups (large, middle and

small landowners), which differed by size of estates and duties (military service, taxes, building of fortification). Under the conditions of permanent militaries campaigns, the military service took the first place. Knowledge about locality and the ties with local tribes preconditioned a variety of nobility's military functions. They were involved in campaigns as advisers, guides and scouts. Noblemen also raided on neighboring lands and commanded garrisons of castles. All of that attested to their large importance for the policy of Order in Prussia.

Key words: nobleman, Theutonic order, landownership, military service, Sambia.

Покорение Тевтонским орденом Пруссии в XIII–XIV вв. включало в себя, помимо военного давления, ряд административных мер, нацеленных на организацию жизни местного населения. Одной из таких мер стало привлечение Орденом на службу прусской знати за счет раздачи земельных владений. Используя эту политику, орденой администрации удалось найти в нобилиях опору и подавить Великое восстание пруссов (1242–1283).

В соответствии с этим одним из ключевых вопросов для понимания того, как происходило становление власти Ордена в Пруссии, является то, каким было положение (состав и имущество) местных нобилей, перешедших к нему на службу.

В историографии поддерживался вывод о включении местной знати в социально-экономическую систему Тевтонского государства. Нобили получали земельные владения и осво-

божались от всех повинностей, кроме военной [1, с. 102; 4, с. 281–287; 7, с. 49–51; 10, с. 154–157; 22, с. 77–78, 102–104; 23, с. 28–30; 30, р. 114–115; 31, с. 164; 43, с. 471–472], и, со своей стороны, активно поддерживали власть Ордена, видя в нем гарантию своего благосостояния [7, с. 23; 8, с. 123; 10, с. 130]. Широкое освещение этот вопрос получил в работах немецких остфоршеров XIX – первой половины XX вв., положительно оценивавших колонизацию Пруссии [10, с. 3–8]. Это связано с поиском в Германии основ национальной идентичности, происходившим в различных областях знания [9] и наблюдаемом в других государствах этого времени [2]. При этом Й. Фойгт выделил три категории знати: витинги (представители старой прусской элиты, имевшие родовые владения), ленники (владевшие землей за службу) и «кульмцы» (владели землей на основе Кульмского права) [47, с. 419]. Эту классификацию использовала В. И. Матузова, указав, что положение витингов и ленников было схожим и отличалось только тем, что первые обладали наследственным аллодом, не обязуясь за это быть вассалами Ордена [4, с. 287].

Несмотря на перечисленные выводы, полно характеризующие общее положение прусской элиты под властью Ордена и дающие представление о входящих в неё группах, состав и имущество знати не были рассмотрены в полной мере: многие персоны остались вне поля исследователей. Для решения данного вопроса используем просопографический анализ, представляющий собой характеристику социальной группы на основании статуса её отдельных представителей [3]. С его помощью рассмотрим максимально возможный круг лиц, относящихся к прусской знати, что позволит наиболее полно охарактеризовать её состав и имущественное положение.

Сведения об имуществе и составе прусских нобилей содержатся, главным образом, в грамотах, выданных Орденom или Церковью и устанавливающих наследственное право нобилей на жалующий ему земельный надел. Данные документы построены по определенному формуляру, который состоял из обозначений дарителя и адресата, преамбулы, публичного объявления, изложения обстоятельств дела и распоряжений по его существу, сведений об удостоверительных знаках, указаний на место и время выдачи и сигнатуры. В некоторых случаях к перечисленным элементам добавлялся запрет на нарушение документа. Грамоты определяли размер земельного надела, который предоставлялся пруссу, и условия его

использования (как правило, выплата налога и военная служба). В отдельных случаях указывалось, по какой причине прусский нобиль получил земельное владение. Трудность изучения документов состоит в том, что орденская администрация выдавала такие грамоты, как знатым пруссам, так и рядовым общинникам [17, с. 510.17960–511.18.025; 35, с. 146, № 220], и зачастую не указывала «изначальный» статус прусса. Поэтому для более точного выделения нобилей, упомянутых в грамотах, сопоставим рассматриваемый актовый материал с хрониками и списком знатных самбов, оставшихся верными Ордену во время Великого восстания [39, с. 448–449. № 718]. При этом распределим «просопографические анкеты» по прусским землям, а в рамках них – по родам:

Самбия

а) род Склодо

1) Склодо. Витинг из волости Кведенов [39, с. 448–449. № 718]. Отец Варгуло и Налубе. В 1258 г. Замландский епископ Генрих (1254–1274) подтвердил право Склодо на наследственное владение землями в Кведенове [44, с. 34, № 64]. По всей видимости, земли были изначально пожалованы Склодо за службу, так как в 1260 г. он участвовал на стороне Ордена в сражении в Куронии на р. Дурбине [17, с. 426.10624–10690; 35, с. 96–97, № 84; 42, с. 260; 46, с. 63];

2) Варгуло. Признал власть Ордена до Великого восстания в 1242 г. В 1261 г. Дитрих Руфус, комтур Кёнигсберга (1256–1262, 1278) подтвердил Варгуло право, полученное им от предыдущего комтура Бурхарда фон Хорнхаузена (1255–1256), на владение землями с 25 крестьянскими семьями, 10 из которых жили в Кведенове, 15 – в волости Тапиау. Нобилю также подтверждалось право большого и малого суда [8, с. 119; 17, с. 437.11585–11636; 19, с. 565. № 60; 35, с. 105, № 101; 39, с. 448. № 718; 47, с. 428–429];

3) Налубе, брат Варгуло. Отказался перейти с другими знатыми самбами на сторону Ордена во время осады пруссами Кёнигсберга в 1262 г., что послужило поводом для подготовки похода рыцарей на волость Кведенов. Был изгнан за это своим братом Варгуло в волость Скокен, потеряв всё имущество. После этого перешел на сторону Ордена [17, с. 437.11585–11636; 35, с. 105, № 101; 42, с. 260; 47, с. 428];

б) род Кандейм

1) Гедуне. Витинг из волости Меденов. Перешел вместе с частью племени на сторону рыцарей во время обороны замка Бальги в 1240-х гг. [16, с. 4. № 2]. Упоминается в Христбургском

договоре как владелец деревни Гейдов в Вармии [38, s. 163. № 218]. В 1254–1255 гг. выступил на стороне крестоносцев, возглавляемых королем Богемии Оттокар II (1253–1278) и направлявшихся для покорения Самбии. В 1262 г. получил в наследственное владение деревню Пальседе в Вармии и земельный надел в Самбии. Нобилию жаловалось право большого и малого суда. За это он и его наследники обязались нести военную службу («вместе со своими людьми», «cum eorum hominibus») и участвовать в строительстве укреплений [4, с. 283; 10, с. 154–155; 17, s. 417.9974–418.10039; 33, s. 7–8; 39, s. 142. № 174; 35, s. 90–92, № 71]. Известны также его брат Рингел, убитый во время наступления Ордена на Самбию, и сын Виссеггауд [23, s. 15; 17, s. 418.9981–9985; s. 418.10034–10038; 33, s. 7; 35, s. 91, № 71; 46, s. 62]. В 1301 г. Замландский епископ Зигфрид (1296–1314) подтвердил право собственности наследников Гедуне (к которым, видимо, относился и Виссеггауд) на деревню Алксове вместе с прилегающими полями, лугами, пастбищами и лесами, в которой они имели право большого и малого суда [16, s. 4. № 2]. За это наследники Гедуне и их люди должны были участвовать в походах Ордена и защите его земель («на конях и с оружием», «equis et armis»), а также строить новые укрепления [16, s. 4. № 2];

Далее следуют нобили, сведения о принадлежности которых к определенному роду отсутствуют в источниках:

1) Милигедо. Принимал участие в обороне крепости Бартенштейн в 1263 г., во время которой был убит, совершая вылазку [17, s. 446.12386–12450; 33, s. 68–70; 35, s. 110–111, № 119]. Имел сыновей Сантунге и Пердора и внука Гедете, которые получили за свою верность Ордену в 1339 г. от магистра Дитриха фона Альтенбурга (1335–1341) три деревни, Торпине, Гелайне, Дулсейнкисис с земельным наделом в 122 гаккена по Магдебургскому праву. За это они обязались участвовать в военных кампаниях Ордена («на конях и с оружием», а также «вместе со своими людьми») и в строительстве укреплений [40, s. 183–184].

2) Троппо. Витинг. Участвовал вместе с Милигедо в обороне крепости Бартенштейн, во время которой также был убит. Согласно грамоте, выданной в 1262 г. ландмейстером Пруссии Хелмериком фон Рехенбергом (1262–1263), он получил в наследственное владение поле Плотемейстон около Меденове и поле Лустейвнен около Сурвейстена, две деревни Кеймал и Хевксене со всеми прилегающими дорогами, поле Лауксинен и 9 крестьянских

семей (Самбия). Троппо и его потомки наделялись правом большого и малого судов. За ними закреплялись обязанности военной службы и строительства новых укреплений («вместе со своими людьми») [4, с. 282; 17, s. 446.12451–447.12460; 33, s. 68–70; 39, s. 141. № 173; 35, s. 111, № 119];

3) Поманда. Участвовал в обороне замка Бальга в 1239 г., введя в заблуждение осаждавших пруссов [5, с. 284; 11, S. 191; 17, S. 364.5381–5423; 35, S. 64, № 26; 42, S. 250];

4) Лаукстиете. Вероятно, командовал гарнизоном замка Лохштедт (Виклантсорт) около 1270 г., названного по его имени [24, s. 94; 26, s. 399; 27, s. 259; 35, s. 109, № 112];

5) Наудиота. Сын нобилия Йодуте. Был избран восставшими самбами в качестве вождя в 1295 г., однако затем выдал заговор рыцарям. Получил земельные угодья от Ордена в 1307 г. [17, s. 542.20618–543.20687; 35, s. 161, № 262; 36, s. 82];

6) Гертвиг Защищал от пруссов замок Шникенберг в 1239 г., оборонявший мост (дамбу) к замку Бальга. Его сын Гертвиг вместе с нобилем Буссо получили от Вейнхарда фон Кверфурта, ландмейстера Пруссии (1288–1299) в 1290 г. 60 гуффенов в поле Покарвис по Кульмскому праву. Владение было наследственным и передавалось вместе с правом большого и малого суда. В имущество входили также луга, пастбища и леса. За это нобили были обязаны участвовать в кампаниях Ордена [17, s. 363.5271–5282; 35, s. 63, № 24; 39, s. 346–348. № 557]. Внук Гертвига Фома, жил в первой половине XIV в. в замке Бранденбург [17, s. 598.25562–25576; 35, s. 213, № 122];

7) Бонсе. Камерарий волости Побетен в 1270-х гг. Получив отказ в просьбе взять вторую жену, начал подстрекать пруссов к восстанию, за что был казнен [17, s. 493.16487–494.16520; 19, s. 576. № 96; 35, s. 136, № 190];

8) Ибото. Витинг из волости Лаптау. Отец Накокса и Керсе [39, S. 448. № 718]. Получил в 1255 г. за службу Ордену от вице-ландмейстера Пруссии Бурхарда фон Хорнхаузена (1254–1255) 20 семей в деревне Койте и поле Лабота с правом малого суда. За это витинг и его наследники обязались нести военную службу в пользу Ордена «щитом и копьем» («clipeo et lancea»), а также выплачивать ежегодно фунт воска и кульмский денарий или 6 эльбингских денариев [38, s. 228. № 306]. Владения Ибото были подтверждены в 1258 г. вице-ландмейстером Пруссии Герхардом фон Хирцбергом (1257–1259) [44, s. 29–30. № 59] и в том же году – Замландским епископом Генрихом [44, s. 33. № 63].

9) Накокс и Керсе. Сыновья Ибото. В 1261 г. Дитрих Руфус пожаловал им во владении, перешедшем по наследству от отца, право большого суда [39, s. 116-117. № 140]. В 1262 г. Андреас Фиш, фогт Замландского епископа (1261–1262), пожаловал им деревню Сипайне с правом большого и малого суда. За это нобили обязались нести военную службу («щитом и копьем») и выплачивать ежегодно фунт воска и 5 кёнигсбергских денариев [15, s. 140-141. № 139];

10) Скардуно. Витинг из волости Варген [39, s. 449. № 718]. За верность Ордену получил от Дитриха Руфуса 16 октября 1261 г. в наследственное владение 20 семей в волостях Варген (деревни Преверинн и Ратой) и Гробове (деревня Каркарнис) вместе с обрабатываемыми полями и лугами. Нобилу даровалось право большого и малого суда. За это он и его потомки были обязаны нести военную службу в пользу Ордена («щитом и копьем»), участвовать в строительстве укреплений, а также ежегодно выплачивать фунт воска и кёльнский денарий или 5 кёнигсбергских денариев [39, s. 114–115. № 138];

11) Ромике и Гилберс. Витинги. Получили от Дитриха Руфуса 24 декабря 1261 г. за службу Ордену в наследственное владение 10 семей в деревне Гирстенис вместе с прилегающими полями и лугами. За это они должны были нести военную службу («щитом и копьем»), а также выплачивать ежегодно фунт воска и кульмский денарий [39, s. 125. № 148];

12) Тируне. Витинг из волости Лаптау [39, s. 448. № 718]. Получил 3 января 1262 г. от Андреаса Фиша в наследственное владение 7 семей в деревне Тринтиейтен вместе с обрабатываемыми полями, лугами, пастбищами, лесами. Нобилу даровалось право большого и малого суда. За это он и его наследники были обязаны защищать владения Ордена и участвовать в его кампаниях («щитом и копьем»), а также строить укрепления и выплачивать ежегодно фунт воска и кёльнский денарий или 5 кёнигсбергских денариев [39, s. 128–129. № 155];

13) Бериске. Витинг из волости Гирмау [39, s. 449. № 718]. Получил от Дитриха Руфуса 19 августа 1261 г. в наследственное владение 5 семей в деревне Сунегоге с правом малого суда. Орденский чиновник в той же грамоте подтвердил право собственности витинга на 11 гаков в деревне Бартен [39, s. 113-114. № 137];

14) Палсток. Витинг из волости Кайм [39, s. 449. № 718]. Получил от Дитриха Руфуса, 21 декабря 1261 г. в наследственное владение в деревне Гринде (волость Лабиау) 6 гаков, включая поля и луга. За это он и его потомки

должны были нести военную службу («щитом и копьем») в пользу Ордена, а также ежегодно выплачивать фунт воска и кёльнский денарий [39, s. 121. № 144];

15) Самбил. Витинг из волости Рудау [39, s. 449. № 718]. Получил за службу Ордену в наследственное владение 2 гаков в деревне Сиргите (волость Берау). Нобилу жаловалось право малого суда [39, s. 430. № 687]. Его сын Гланде получил от Вейнхарда фон Кверфурта 22 января 1298 г. в той же деревне дополнительно к наследству 5 семей в наследственное владение. Ему жаловалось право малого суда. За это он был обязан участвовать в походах Ордена («на конях и с оружием»), а также возводить новые укрепления [39, s. 430. № 687];

16) Сваммучел. Витинг из волости Лаптау [39, s. 449. № 718]. Получил от Дитриха фон Гатерслебена, ландмейстера Пруссии (1271–1273), 24 февраля 1271 г. в поле Баусдинс 8 гуффенов. Имел брата Нейпроте, получившего согласно тому же документу 2 гуффена в поле Баусдинс. Нобилим даровалось право малого суда [39, s. 207–208. № 300];

17) Запеле. Витинг из волости Тапиау [39, s. 449. № 718]. Получил от Людвига Вальдерсхейма, ландмейстера Пруссии (1263–1269) в наследственное владение поле Кнепние вместе с 5 семьями и 4 гаков в поле Бехлакен (Беллаукен) по Кульмскому праву, расположенные в волости Тапиау [39, s. 204. № 293]. Согласно грамоте ландмейстера Пруссии Конрада Зака (1302–1306), пожалованной 14 февраля 1305 г. потомкам Запеле, не названным по имени, эти владения обменивались на 4 гаков в деревне Вайкседиес также по Кульмскому праву. За это они должны были ежегодно уплачивать фунт воска, кёльнский денарий или 5 кульмских денариев, а также нести военную службу («на конях и с оружием») в пользу Ордена, участвуя в его походах и защищая его земли, и возводить новые укрепления [39, s. 530–531. № 842];

18) Гранде. Витинг из волости Лаптау [39, s. 449. № 718]. В 1255 г. получил от комтура Кёнигсберга Бурхарда фон Хорнхаузена (1255–1256) 7 крестьянских семей в деревне Тринтиейтен в той же волости с правом малого суда [37, s. 146, № 519]. В 1258 г. его владения были подтверждены вице-ландмейстером Пруссии Герхардом фон Хирцбергом [44, s. 31. № 60];

19) Альберт Диабол. Нобиль из волости Кведенов [39, s. 449. № 718], служил переводчиком у Замландского епископа [44, s. 90. № 182]. В 1296 г. Замландский епископ Зигфрид подтвердил его право владения на деревню Маскирн, 6 крестьянских семей у поля Сикен

с правом большого и малого суда, пожалованные Андреасом Фишем в 1261–1262 гг. За это нобиль обязался служить «на конях, с щитом и копьем» («cum equis, clipeo et hasta») [44, s. 90. № 182]. Помимо этого до 1327 г. Альберт получил от Замландского епископа Иоанна (1319–1344) 1 гакен земли у деревни Маудитен [45, s. 166. № 246]. Имел потомков Оттокара, Луку и Иоанна де Сикена [45, s. 166. № 246].

20) Оттокар. Сын Альберта Диабола. В 1327 г. Замландский епископ Иоанн подтвердил право Оттокара на владение земельными участками Луки и Иоанна де Сикена, умерших бездетными. Нобилу даровалось право большого и малого суда. Также Оттокару подтверждалось право владения 1 гакеном, расположенным рядом с деревней Модитен. За это он и его потомки обязались нести военную службу («на конях и с оружием»), а также выплачивать фунт воска и 1 кельнский денарий или 5 прусских пфеннингов [45, s. 166. № 246]. Эти же земли упоминаются в документе о разграничении владений Замландского епископа и Ордена в 1331 г. [45, s. 184. № 270].

21) Скудо. Нобиль из волости Лаптау [39, s. 448. № 718]. В 1296 г. Замландский епископ Зигфрид подтвердил право владения нобилля на 4 гакена, расположенные в волости Лаптау и пожалованные ландмейстером Пруссии Конрадом фон Тирбергом (1283–1288). За это нобиль должен был нести обязанности и выплачивать налог, как за остальные владения [44, S. 88].

Судовия

1) Скоманд. Витинг. Вождь судовов в волости Керасима. Совершал набеги на Кульмскую землю, находившиеся под властью Ордена, используя как собственные силы, так и привлекая на свою сторону литовцев и русских в 1263, 1271, 1277, 1278 гг. [17, s. 474.14807–14823; s. 475.14899–476.14962; 19, s. 573. №№ 87–88; s. 576. № 97; 35, s. 127, № 164; s. 128, № 166]. В 1280 г. войска Ордена под руководством магистра Мангольда фон Штернберга (1280–1283) совершили поход в волость Керасима, разорив дом Скоманда [17, s. 503.17361–504.17420; 19, s. 578. № 103; 35, s. 142, № 209]. Несмотря на это, нобиль оказал покровительство плененному Людвигу фон Либенцелю и отпустил его на свободу [17, s. 504.17421–505.17.479; 34, s. 38–39; 35, s. 142, № 210]. В дальнейшем под давлением Ордена перешел на Русь вместе с семьей и слугами, однако в 1280–1282 гг. вернулся и признал власть Ордена [12, s. 57–58; 14, s. 183; 17, s. 505.17480–17511; 19, s. 578. № 103; 34, s. 58; 35, s. 143, № 211; 42, s. 267–268]. Участвовал в походе рыцарей на Литву

в 1284 г. в качестве проводника, завершившемся разорением замка и волости Гарту [17, s. 515.18374–516.18483; 34, s. 65–66; 35, s. 147, № 223]. По словам Петра из Дюсбурга, Скоманд возвратил духовенству икону с изображением Иисуса Христа и Богоматери, захваченную во время его похода в Польшу [19, s. 580. № 108; 35, s. 147, № 224 17, s. 516.18484–517.18553]. В 1285 г. ландмейстер Пруссии Конрад фон Тирберг пожаловал в наследственную собственность Скоманду и его трем сыновьям Рукалсу, Гедете и Гальму деревню Стейнию вместе с лугом Пенковео и поле, в обмен на это перечисленные судовиты должны были нести военную службу в пользу Ордена и строить укрепления [15, s. 181–182. № 168; 39, s. 297–298. № 464];

2) Гальма. Витинг. Сын Скоманда. В 1339 г. хохмейстер Дитрих фон Альтенбург (1335–1341) пожаловал ему 5 гуффенов на поле Костен [21, s. 117; 40, s. 182–183. № 254];

3) Дитрих Скоманд. Витинг. Внук Скоманда. В 1366 г. хохмейстер Винрих фон Книпроде (1351–1382) пожаловал ему 50 гуффенов земли в волости Гирдав, на которых нобиль основал деревню Дитрихсдорф [41, № 453]. В 1376 г. Дитрих вместе с ленником Иоганном Траупе подарили Генриху Ашинбунеру 60 гуффенов в деревне Фриденберг [25, № 105];

4) Йедет (Гедета). Вождь судовов, волость Кименов. Имел сына Лупрехта. Перешел в 1283 г. вместе с семьей, челядью и 1500 соплеменниками на сторону Ордена, не в силах противостоять постоянным нападениям рыцарей. Был крещен. В 1289–1299 гг. ему были пожалованы земельные владения около Меденика (волость Варген) и в поле Шлакклаукен в Самбии [17, s. 510.17912–17959; 35, s. 145–146, № 219; 39, s. 440. № 704].

5) Лупрехт. Витинг. Сын Гедеты. В 1328 г. хохмейстер Вернер фон Орсельн (1324–1330) подтвердил право собственности Лупрехта на отцовские земли, а также пожаловал ему в наследственное владение 3 гакена в Меденике (вместо земельного надела в Шлакклаукене) и 4 гакена на поле Мекайм. Нобилу жаловалось право большого и малого суда. За это он и его наследники были обязаны нести военную службу («на конях и с оружием») и возводить укрепления [25, s. 26–28; 32; 48–50, № VIII]. В 1352 г. Винрих фон Книпроде подтвердил владения Лупрехта, а также даровал ему (на тех же условиях) 4 гуффена в поле Ассунер в Бартии [25, s. 52–53, № XI];

6) Руссиген. Участвовал в набеге на польские земли в 1280 г. Отдал христианину захваченную икону с изображением Богоматери. Пе-

решил в том же году на сторону Ордена вместе с семьей и слугами, обратившись к комтуру Бальги [17, s. 502.17257–503.17352; 35, s. 141–142, № 207];

7) Кантегерд. Витинг. Получил в 1280–1282 гг. под надзор пленного рыцаря Людвига фон Либенцеля и был обращен им в христианство. Перешел после этого на сторону Ордена вместе с 1600 соплеменниками. В 1285 г. Конрад Тирберг пожаловал Кантегерду и его сыновьям поле Повунден (вместе с прилегающими лугами, пастбищами и лесами) в Помезании, куда судовиты были отправлены для поселения. За это Кантегерд и его сыновья были обязаны участвовать в кампаниях Ордена («вместе со своими людьми») и строить укрепления [17, s. 506.17565–17573; s. 508.17786–509.17816; 19, s. 579. № 104, 106; 21, s. 117, 120, 123–124; 35, s. 143, № 212; s. 145, № 217; 39, s. 285. № 472; 42, s. 267];

8) Звинниеннен. Витинг. Перешел на сторону Ордена вместе с братьями. В 1285 г. получил поле Повунден совместно с Кантегердом на тех же условиях [21, s. 117; 39, s. 285. № 472];

Бартия

род Рендалиев

1) Гирдав. Витинг. Командовал обороной замка Гирдавия. Был осажден пруссами около 1270 г. и принужден покинуть замок [17, s. 442.12077–12112; 35, s. 109, № 113; 42, s. 233];

Далее следуют нобили, не относящиеся к определенному роду:

1) Нумо и Дерско. Были переселены Орден в волость Гарту в Литве. После разорения области Орден в 1284 г., упростили братьев освободить захваченных ими соплеменников, а затем в интересах рыцарей разбили литовцев, совершивших поход на Польшу [17, s. 517.18554–518.18617; 35, s. 147–148, № 225; 34, s. 68–69];

Помезания

1) Матто. Витинг. В 1260 г. Помезанский епископ Альберт (1258/1259–1286) подтвердил наследственное владение нобилей землей рядом с Фрайштадтом по Кульмскому праву. За это он должен был участвовать в военных кампаниях Ордена и платить 1 фунт воска и кельнский денарий [13, s. 97–101; 37, s. 173. № 627]. Матто участвовал на стороне рыцарей в битве на р. Дурбине в 1261 г. [17, s. 353.4387–4400; 35, s. 55–56, № 7; s. 96–97, № 84];

2) Гунто. Витинг. Сын Матто. В 1323 г. Вармийский епископ Эберхард (1301–1326) и помезанский капитул подтвердили право владения Гунто на земли, полученные им ранее и расположенные к северу от Ризенбурга [40, № 437];

3) Самиле. Отец Туссина. Перешел на сторону Ордена во время осады замка Христбург

в 1279 г. Тайно поставлял провизию осажденным, но был схвачен и после пыток отправлен к защитникам замка [4, с. 282; 17, s. 464.14000–14028; 24, s. 100; 33, s. 84–85; 35, s. 121–122, № 145];

4) Иона. Сын Саргина. Владел замком Белихов в 1280-х гг., расположенным на р. Оссе и осажденном пруссами. Отстоял замок благодаря помощи Конрада Шваба, брата Ордена [17, s. 466.14149–14172; 35, s. 122–123, № 148].

Погезания

1) Накейм. Ленник. Участвовал в набегах на ятвягов в конце 1270-х гг. [17, s. 498.16927–499.16940; 34, s. 29–30; 24, s. 242–243; 35, s. 139, № 198]. Сохранилась грамота от 7 февраля 1304 г. о разделе его земель, расположенных в деревне Штангау (волость Вальдау в Самбии), между его вдовой, Катариной и детьми Руликке и Наглинге. За полученную часть имущества Руликке и Наглинге обязались нести военную службу («на конях и с оружием») и возводить укрепления [4, с. 285; 39, s. 508. № 814].

Надровия

1) Тирско участвовал в походе надров на Кёнигсберг в 1255 г., завершившемся разорением города. Был оставлен командовать гарнизоном замка Виллов, но перешел на сторону Ордена [17, s. 420.10170–10200; 18, s. 602; 35, s. 92–93, № 73]. Остался командовать гарнизоном замка, получив должность кастеляна [17, s. 486.15835–15850; 35, s. 131, № 175]. Был проводником в войске Бурхарда фон Хорнхаузена в походе на Вохеншторф в 1255 г., завершившемся разрушением замка Капостете [6, с. 29; 17, s. 420.10201–10226; 18, s. 602; 35, s. 93, № 74]. Имел сына Маудела, который также перешел на сторону Ордена [17, s. 420.10170–10200; 35, s. 92–93, № 73];

Галиндия

род Монтеминов

1) Посдрапуот. Витинг. Жил вместе с матерью Немедой в замке Беселеда. Участвовал в обороне замка во время осады его пруссами в 1274 г. [17, s. 480.15319–15362; 24, s. 112–113; 28, s. 44; 33, s. 125, 134–135; 35, s. 131, № 174];

Скаловия

1) Сурбанч, Свисдета, Сурдета. Витинги. Перешли на сторону Ордена ок. 1274 г., после чего Скаловия покорилась рыцарям [17, s. 492.16363–16397; 19, s. 576. № 95; 35, s. 135, № 188];

Натангия

1) Сабине, Гаувина, Станто, Тринта, Миссино. Попытались поднять восстание против Ордена в 1295 г., однако затем раскаялись, понеся наказание [17, s. 541.20555–542.20617; 35, s. 160–161, № 262];

Вармия

1) Кодрун. Перешел на сторону рыцарей во время осады ими крепости Гонеды (Бальги) в 1238 г. С его помощью крепость была захвачена [17, s. 361.5095–5119; 32, s. 105; 35, s. 62, № 19];

2) Мукко. Ленник. Нес военную службу Вармийскому епископу Эберхарду. Участвовал в походах Ордена против литовцев в 1324 г. [17, s. 604.26074–605.26149; 35, s. 190. № 352–353; 42, s. 524–525];

Таким образом, приведенные нами «анкеты» отражают положение 74 нобилей и позволяют дать характеристику их составу и имущественному положению. Прежде всего, речь идет о географическом распределении нобилей. Около половины «анкет» (39) касаются жителей Самбии. Остальные области представлены меньше: из Судовии происходят 12 нобилей, из Натангии – 5, из Помезании – 4, из Скаловии, Бартии и Погезании – по 3, из Вармии и Надровии – по 2, из Галиндии – 1. Данная диспропорция объясняется различным освещением положения нобилей в источниках. В наибольшей степени в хрониках и актах представлены состав и имущество самбийской знати (рис. 1), привлеченной на сторону Ордена благодаря земельным пожалованиям в 1240–1260-е гг. Напротив, знать Скаловии и Судовии подчинилась власти Ордена гораздо позднее, была менее надежной опорой и меньше освещена в источниках. Часто местные нобили использовали

подчинение Ордену как военную хитрость [17, s. 490.16229–492.16338; 19, s. 575–576. № 94; 35, s. 134–135, № 186] и были вынуждены перейти на сторону рыцарей только после постоянного военного давления. Часть нобилей получила земли в Самбии, часть – в Помезании, что имело целью укрепить их верность Ордену, который гарантировал сохранность владений.

Вместе с тем, данный вопрос является частью более общей проблемы взаимодействия нобилей и Ордена. Как видно из представленных «анкет», нобили зачастую переходили на сторону рыцарей во время сражений (Поманда, Самиле, Тирско, Маудел, Кодрун). В то же время в зависимости от смены политической обстановки, они возглавляли восстание против Ордена (Сабине, Гаувина, Станто, Тринта, Миссино). Это означает, что местная элита лавировала между Ордену и его противниками в условиях нестабильной политической ситуации, стремясь получить от этого выгоду.

Для нобилей, перешедших на сторону Ордена, данная выгода заключалась в земельных пожалованиях, определявших их статус как вассалов. В приведенных нами «анкетах» представлено имущество 40 нобилей, размер которого часто точно не указан. Поэтому для более точного определения того, какое имущественное положение занимал нобиль, воспользуемся сведениями о его военной службе, по отношению к которой выделяются несколько групп:



Рис 1. Опорные пункты и центры владений пруссов, служивших Ордену в XIII-XIV вв. Составлена на основе карты «Пруссия и Литва в XIII в.», подготовленной В.И. Матузовой [5]. ● Шникенберг - замки, возглавляемые кастелянами из среды пруссов, ● Варген - центры волостей, где жили пруссы, перешедшие на сторону Ордена, ★ Кёнигсберг - орденские замки и города, обороняемые пруссами.

1) нобили, участвующие в походах Ордена с челядью и в полном вооружении (Буссо, Гедуне, Гедете, Гертвиг, Дитрих Скоманд, Звинниенен, Кантегерд, Пердор, Сантунге, Троппо). Речь идет о владельцах крупных наделов, размером более 40 гуффенов;

2) знатные пруссы, которые служат «щитом и копьем» (Бериско, Гилберс, Ибото, Керсе, Накос, Палсток, Ромике, Скардуно, Тируне) или участвуют в кампаниях «на конях и с оружием» (Альберт Диабол, Виссегауд, Гланде, Лупрехт, Наглинге, Оттокар, Рулике и потомки Запеле). Обе названные группы составляют пруссы, имеющие земельный надел 4–40 гуффенов и обязанные платить ежегодный налог;

3) нобили, имеющие надел менее 4 гуффенов и освобожденные от военной службы (Нейпроте и Самбил).

Как видно, основную часть рассматриваемой нами прусской знати составляют представители второй группы, которых можно отнести к средним землевладельцам. Именно они, по всей видимости, представляли местную элиту в орденском войске и вместе с крупными землевладельцами являлись опорой орденской администрации на покоренных землях. При этом к указанным нобилям относятся и витинги, и ленники, и «кульмцы». Многие витинги (Гилберс, Гланде, Сваммуцил и другие) владели имуществом на основе военной службы, выплаты налогов и строительной повинности (как и ленники), а некоторые из них (Матто, Запеле и его потомки) обладали имуществом на основе Кульмского права. Все это позволяет скорректировать классификацию, предложенную Й. Фойгтом. Можно говорить о группах крупных, средних и мелких землевладельцев-ленников, складывающихся в середине XIII – начале XIV вв. и комплектовавшихся в рассматриваемом нами случае из знатных лиц. Разнообразие определяющих их терминов связано с их положением до и после покорения Пруссии Орденом.

Как видно из представленных «анкет», нобили наделялись также судебными полномочиями, состоявшими из права большого и малого суда (13 лиц) или только из права малого суда (4 человека). Данные права распространялись на землевладение нобилей и были наследственными. Практически все нобили, наделенные судебными функциями, происходили из Самбии или получили там наделы, что связано с лучшим освещением в источниках их положения. В то же время небольшое количество таких нобилей не позволяет сделать конкрет-

ные выводы о связи между их правом суда и имуществом или военной службой.

Более широко в хрониках и исторических сочинениях представлены военные обязанности прусской знати:

1) непосредственное участие в кампании, в том числе в качестве советников и проводников (Матто, Склодо, Тирско). В 1311 г. магистр Ордена Карл фон Трир (1311–1324) использовал войско витингов для отражения набега великого литовского князя Витеня (1293–1315) [20. s. 454], а в 1338 г. Орден использовал знать Натангии и Самбии для защиты Байербурга от литовцев [20. s. 493];

2) командование гарнизоном замка (Гертвиг, Гирдав, Тирско, Маудел, Лаукстиете, Иона, Посдрапоут, Фома);

3) участие в набегах на соседние земли (Накейм);

4) разведывательная служба. Так, два неизвестных по имени витинга участвовали в качестве разведчиков в орденском войске, защищавшем в 1381 г. от литовцев Рагнит [20, s. 607];

Разнообразие обязанностей, выполняемых нобилями в орденском войске, говорит об их большом значении для кампаний. Хорошо знающие местность, имеющие авторитет среди местного населения, они выступали незаменимыми соратниками. Напротив, измена одного нобилей могла привести к полному уничтожению отряда.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Прусские нобили, переходя на сторону Ордена, пытались лавировать в сложных политических условиях между двумя противоборствующими сторонами, рыцарями и своими соплеменниками, стремясь получить от этого выгоду. Основная часть нобилей, перешедших на сторону Ордена, происходила из Самбии, что связано с активной раздачей земельных владений в этой области. Актовый материал позволяет выделить три группы знати, различающиеся по размерам имущества и связанными с ним обязательствами, определявшими их статус как вассалов Ордена: крупные, средние и мелкие землевладельцы-ленники. Разнообразие применяемых к ним терминов отражает их фактическое положение до и после покорения Пруссии Орденом. Во втором случае это положение было связано с военной службой, подразумевавшей разнообразные функции, выполняемые в войске и свидетельствующие о большом значении нобилей для кампаний Ордена.

Источники и литература

1. Бокман Х. Немецкий орден: монография / перевод, предисловие и комментарии В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004. 273 с.
2. Дудина Т. П. «Внутренняя история» народа и её теоретико-художественные рецепции 30–40-х годов XIX века // История: Факты и символы. 2016. №3. С. 81–89.
3. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М.: Наука, 1974. 293 с.
4. Матузова В. И. Прусские нобили и Немецкий орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 281–287.
5. Матузова В. И. Примечания // Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / издание подготовила В. И. Матузова. М.: Ладомир, 1997. С. 253–345, карта.
6. Новиков А. С. Роль Надровии в сопротивлении экспансии Тевтонского ордена в XIII в. // Калининградские архивы: Сб. ст. Вып. 11. Калининград: Издательство БФГУ им. Иммануила Канта, 2014. С. 25–33.
7. Пашуто В. Т. Помезанская Правда как исторический источник: монография. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 184 с. 9 рис.
8. Риер Г. Я. Кёнигсберг XIII – начала XVI вв. – оплот агрессии немецкого рыцарства в Прибалтике: дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1953. 283 с.
9. Ряполов В. В. «Колониальный вопрос» в Германии (1870-е – 1880-е гг.): в поисках национальной идентичности // История: Факты и символы. 2016. №2. С. 78–86.
10. Трокаль Т. В. Государство Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 269 с.
11. Bacsko L. von. Geschichte Preussens. Buch 1–3. Königsberg: G. L. Hartung, 1792. 422 s.
12. Białuński G. Emigracja Prusów w XI–XIV wieku // Pruthenia. 2008. T. 3. S. 35–63.
13. Białuński G. Ród Pipina // Pruthenia. 2010. T. 5. S. 91–112.
14. Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. 624 s.
15. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 1. Königsberg: bei den Gebrüder Vorländer, 1836. 233 s.
16. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 3. Königsberg: im Verlage der Gebrüder Vorländer, 1848. 200 s.
17. Di Kronike von Pruzinlant des Nicholaus v. Jeroschin // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 303–624.
18. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 5 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870. S. 594–623.
19. Die ältere Hochmeisterchronik // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 3 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. S. 540–709.
20. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 2 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1863. S. 453–662.
21. Dobrosielska A. Uwagi o udziale Jaćwiegów w kolonizacji krzyżackiej // Pruthenia. 2010. T. 5. S. 113–132.
22. Dygo M. Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309) // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN SA, 2008. S. 53–78.
23. Ewald A. L. Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Buch 3. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses, 1884. 170 s.
24. Ewald A. L. Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Buch 4. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses, 1886. 344 s.
25. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, XX. HA, OF GÄ, OF.
26. Hartknoch Ch. Alt- und Neues Preussen. Franckfurt; Leipzig; Königsberg: in Verlegung Martin Hallervorden, 1684. 795 s.
27. Historia brevis magistrorum ordinis Theutonici generalium // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 4 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870. S. 254–274.
28. Kotzebue A. von. Preussens ältere Geschichte. Bd. 2. Riga: C. J. G. Hartmann, 1808. 445 s.
29. Kreuzfeld J. G. Eine Meinung über den Adel der alten Preussen. Königsberg: Gedruckt mit Kanterischen Christen, 1784. 56 s.
30. Lavissee E. Études sur l'histoire de Prusse. P.: Librairie Hachette et Cie, 1885. 346 p.
31. Lohmeyer K. Geschichte des Ost- und Westpreussen. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1880. 290 s.
32. Lucas David's Preussische Chronik / Hrgb. von E. Hennig. Bd. 2. Königsberg, 1813. 207 s.
33. Lucas David's Preussische Chronik / Hrgb. von E. Hennig. Bd. 4. Königsberg: In der Hartung'schen Hofbuchdruckerei, 1813. 182 s.
34. Lucas David's Preussische Chronik / Hrgb. von E. Hennig. Bd. 5. Königsberg: In der Hartung'schen Hofbuchdruckerei, 1813. 245 s.
35. Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussae // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. S. 21–219.
36. Prekop D. Wojna Zakonu krzyżackiego z Litwą w latach 1283–1305. Toruń: Centrum Edukacji Europejskiej, 2004. 189 s.
37. Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts / Hgb. von M. Perlach. Königsberg i Pr.: Ferd. Beyer vormals Th. Theiles Buchhandlung, 1876. 440 s.
38. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 1 / Hrgb. von A. Philippi. Königsberg: Hartung'sche Verlagsdruckerei, 1881. 251 s.
39. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. H. Seraphim. Königsberg: Hartung'sche Verlagsdruckerei, 1909. 724 s.
40. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Hft. 1 / Hgb. von M. Hein. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1944. 288 s.
41. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Hft. 1 / Hgb. von K. Conrad. Marburg: Hartung, 1986. 289 s.
42. Simon Grunau's Preussische Chronik / Hrgb. von M. Perlach. Bd. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1876. 272 s.

43. Tumler M. Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zum neuesten Zeit. Wien: Panorama, 1955. 746 s.
44. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1891. 131 s.
45. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1898. 256 s.
46. Vercamer G. Verwaltungs-, Siedlungs- und Landwirtschaftsweise sowie Gesellschaftsaufbau und Begräbnissitten der Preußen besonders auf Gebiet der Komturei Königsberg vor und während der frühen Deutschordensherrschaft // Preußenland. 2011. Jahrbuch 2. S. 7–76.
47. Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 3. Königsberg: im Verlage der Gebrüder Vorländer, 1828.

References

1. Bokman H. Nemeckij orden: monografiya (*German order*) / translation, preface and comment by V. I. Matuzova). Moscow: Lodomir, 2004. 273 p. (In Russian).
2. Dudina T. P. «Vnutrennyaya istoriya» naroda i eyo teoretiko-hudozhestvennye recepcii 30–40-h godov XIX veka («*Inner history*» of nation and its artistic-theoretical receptions 30–40s of XIX century) // Istoriya: Fakty i simvoly. 2016. No. 3. P. 81–89. (In Russian).
3. Kazhdan A. P. Social'nyy sostav gosподstvyushchego klassa Vizantii XI–XII vv.: monografiya (*Social composition of the ruling class of Byzantium of XI–XII centuries*). Moscow: Nauka, 1974. 293 p. (In Russian).
4. Matuzova V. I. Prusskie nobili i Nemeckij orden (*Prussian noblemen and German order*) // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1987 / ed. by A. P. Novosel'cev. Moscow: Nauka, 1989. P. 281–287. (In Russian).
5. Matuzova V. I. Primechaniya (*Notes*) // Petr iz Dusburga. Hronika zemli Prusskoj. Moscow: Lodomir, 1997. P. 253–345, map. (In Russian).
6. Novikov A. S. Rol' Nadrovii v soprotivlenii ehkspansii Teytonskogo ordena v XIII v. (*The role of Nadrovia in resistance of expansion of Theutonic order*) // Kaliningradskie arhivy. Issue. 11. Kaliningrad: BFGU im. Immanuila Kanta, 2014. P. 25–33. (In Russian).
7. Pashuto V. T. Pomezanskaya Pravda kak istoricheskij istochnik: monografiya (*Pomezanskaya Pravda as a historical source*). Moscow: SA USSR, 1955. 184 p. 9 tables. (In Russian).
8. Rier G. YA. Kyonigsberg XIII-nachala XVI vv. – oplot agressii nemeckogo rycarstva v Pribaltike. (*Königsberg in XIII – beginning of XVI centuries – stronghold of aggression of German knighthood in the Baltic region. PhD thesis*). Minsk, 1953. 283 p. (In Russian).
9. Ryapolov V. V. «Kolonial'nyy vopros» v Germanii (1870–e – 1880–e gody): v poiskah nacional'noj identichnosti («*Colonial question*» in Germany (1870–1880): in search of national identity) // Istoriya: Fakty i simvoly. 2016. No. 2. P. 78–86. (In Russian).
10. Trokal' T. V. Gosudarstvo Teytonskogo Ordena v Prussii v XIII-nachale XIV veka. Dissertaciya... kandidata istoricheskikh nauk. Rukopis' (*State of Theutonic order in Prussia in XIII-beginning of XIV centuries. PhD thesis*). Moscow, 2004. 269 p. (In Russian).
11. Baczo L. von. Geschichte Preussens. Buch 1–3. Königsberg: G.L. Hartung, 1792. 422 s.
12. Białuński G. Emigracja Prusów w XI–XIV wieku // Pruthenia. 2008. T. 3. S. 35–63.
13. Białuński G. Ród Pipina // Pruthenia. 2010. T. 5. S. 91–112.
14. Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. 624 s.
15. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 1. Königsberg: bei den Gebrüder Vorländer, 1836. 233 s.
16. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 3. Königsberg: im Verlage der Gebrüder Vorländer, 1848. 200 s.
17. Di Kronike von Pruzinlant des Nicholaus v. Jeroschin // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 303–624.
18. Die ältere Chronik von Oliva // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 5 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870. S. 594–623.
19. Die ältere Hochmeisterchronik // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 3 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. S. 540–709.
20. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 2 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1863. S. 453–662.
21. Dobrosielska A. Uwagi o udziale Jaćwiegów w kolonizacji krzyżackiej // Pruthenia. 2010. T. 5. S. 113–132.
22. Dygo M. Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309) // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza I społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN SA, 2008. S. 53–78.
23. Ewald A. L. Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Buch 3. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses, 1884. 170 s.
24. Ewald A. L. Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Buch 4. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses, 1886. 344 s.
25. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, XX. HA, OF GÄ, OF.
26. Hartknoch Ch. Alt- und Neues Preussen. Franckfurt; Leipzig: Königsberg: in Verlegung Martin Hallervorden, 1684. 795 s.
27. Historia brevis magistrorum ordinis Theutonici generalium // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 4 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870. S. 254–274.
28. Kotzebue A. von. Preussens ältere Geschichte. Bd. 2. Riga: C.J.G. Hartmann, 1808. 445 s.
29. Kreuzfeld J. G. Eine Meinung über den Adel der alten Preussen. Königsberg: Gedruckt mit Kanterischen Christen, 1784. 56 s.
30. Lavissee E. Études sur l'histoire de Prusse. P.: Librairie Hachette et Cie, 1885. 346 p.

31. Lohmeyer K. Geschichte des Ost- und Westpreussen. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1880. 290 s.
32. Lucas David's Preussische Chronik / Hrgb. von E. Hennig. Bd. 2. Königsberg, 1813. 207 s.
33. Lucas David's Preussische Chronik / Hrgb. von E. Hennig. Bd. 4. Königsberg: In der Hartung'schen Hofbuchdruckerei, 1813. 182 s.
34. Lucas David's Preussische Chronik / Hrgb. von E. Hennig. Bd. 5. Königsberg: In der Hartung'schen Hofbuchdruckerei, 1813. 245 s.
35. Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussae // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. s. 21–219.
36. Prekop D. Wojna Zakonu krzyżackiego z Litwą w latach 1283–1305. Toruń: Centrum Edukacji Europejskiej, 2004. 189 s.
37. Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhundert / Hgb. von M. Perlach. Königsberg i Pr.: Ferd. Beyer vormals Th. Theiles Buchhandlung, 1876. 440 s.
38. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 1 / Hrgb. von A. Philippi. Königsberg: Hartung'sche Verlagsdruckerei, 1881. 251 s.
39. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. H. Seraphim. Königsberg: Hartung'sche Verlagsdruckerei, 1909. 724 s.
40. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Hft. 1 / Hgb. von M. Hein. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1944. 288 s.
41. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Hft. 1 / Hgb. von K. Conrad. Marburg: Hartung, 1986. 289 s.
42. Simon Grunau's Preussische Chronik / Hrgb. von. M. Perlach. Bd. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1876. 272 s.
43. Tumler M. Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zum neuesten Zeit. Wien: Panorama, 1955. 746 s.
44. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1891. 131 s.
45. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1898. 256 s.
46. Vercamer G. Verwaltungs-, Siedlungs- und Landwirtschaftsweise sowie Gesellschaftsaufbau und Begräbnissitten der Prußen besonders auf Gebiet der Komturei Königsberg vor und während der frühen Deutschordensherrschaft // Preußenland. 2011. Jahrbuch 2. S. 7-76.
47. Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 3. Königsberg: im Verlage der Gebrüder Vorträger, 1828.

УДК 93/99(470.64)

А. Г. Кажаров

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОРСКОЙ АССР И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ (1920–1921 гг.)**

В статье проанализированы проблемы национально-государственного развития горских народов в условиях начального этапа советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1920–1921 гг. Это был период активного поиска эффективных форм укоренения Российского государства в регионе в новых политико-идеологических условиях послевоенного времени. Советская власть в целях поиска опоры в среде горских народов и привлечения их на свою сторону принимает историческое решение о формировании автономий на Северном Кавказе, результатом которого стало провозглашение многонациональной Горской АССР.

Однако национальная автономия в форме именно коллективной автономии не была следствием социально-политических процессов в регионе и национального самоопределения. На провозглашение Горской АССР повлияло в большей степени инерция восприятия советской властью

национально-государственных альтернатив в годы революции и Гражданской войны в 1917–1920 гг. Освободив идеологию и практику горской государственности этого периода от наиболее радикальных элементов, она провозгласила Горскую АССР.

Как оказалось, не все народы Северного Кавказа были готовы к принятию коллективной модели горской автономии. В частности, этнополитические процессы в Кабарде предполагали иной вектор государственно-политического развития. Важно было и то, что представители большинства народов, которые предполагалось включить в Горскую АССР, фактически оказались в стороне от процесса ее институционализации. Все это негативно повлияло на перспективы функционирования горской коллективной автономии.

Ключевые слова: Кабарда, Балкария, Горская АССР, национальная политика, самоопределение.

A. G. Kazharov

**FORMATION OF THE MOUNTAIN ASSR AND THE PROBLEMS
OF THE NATIONAL SELF-DETERMINATION OF THE KABARDA
AND BALKARIA (1920–1921)**

The article analyzes the problems of the national and state development of the mountain peoples in the conditions of the initial stage of Soviet state construction in the North Caucasus in 1920–1921. This was a period of active search for effective forms of rooting of the Russian state in the region in the new politico-ideological conditions of the postwar period. The Soviet government, in order to find support among the mountain peoples and bring them to their side, made a historic decision on the formation of autonomies in the North Caucasus, which resulted in the proclamation of a multinational Mountain ASSR.

However, national autonomy in the form of precisely collective autonomy was not a consequence of socio-political processes in the region and national self-determination. The proclamation of the Mountain ASSR was influenced more by the inertia of the perception by the Soviet authorities of national-state al-

ternatives during the years of the revolution and the Civil War in 1917–1920. Having liberated the ideology and practice of the mountain statehood of this period from the most unrealistic elements, it proclaimed the Mountain ASSR.

As it turned out, not all the peoples of the North Caucasus were ready to adopt a collective model of mountain autonomy. In particular, the ethno political processes in Kabarda assumed a different vector of state-political development. It was also important that the representatives of most of the peoples that were supposed to be included in the Mountain ASSR actually turned out to be on the sidelines of the process of its institutionalization. All this affected negatively the further prospects for the functioning of the mountain collective autonomy.

Key words: Kabarda, Balkaria, Mountain ASSR, national policy, self-determination.

Национально-государственное развитие Кабарды и Балкарии в начале 1920-х гг. во многом было предопределено проблемами, связанными с их включением в состав Горской АССР, провозглашение которой явилось результатом поиска новой властью эффективных форм управления горскими народами Северного Кавказа. В этих условиях завершилось оформление национально-государственной воли кабардинского народа, результатом которой стала борьба за образование Кабардинской автономной области. В данном контексте, несомненный научный интерес представляет изучение проблем формирования горской коллективной автономии на рубеже 1920–1921 гг.

В политике советской власти на Северном Кавказе в 1920 г. выделяются два этапа, которые характеризовались разными подходами к опыту национально-государственного позиционирования народов региона в условиях революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.

Советская власть, как и другие военно-политические силы, в условиях Гражданской войны стремилась привлечь национально-государственные образования Северного Кавказа на свою сторону. Однако, как показал ход событий, опыт государственно-политического позиционирования горских народов существенным образом не повлиял на ход, характер и итоги военно-политического противостояния.

Наряду с «общероссийским» измерением, на Северном Кавказе развивались локальные этнополитические процессы, инициированные революцией 1917 г. и имевшие фундаментальный (в северокавказском измерении), но ограниченный (в общероссийском масштабе) характер. Противостояние главных участников военно-политической борьбы на этом этапе не затрагивало глубинных основ функционирования горских этнических социумов. Гражданская война охватила Северный Кавказ во многом «территориально», так как ее причины, цели и задачи имели внешнее по отношению к региону происхождение. Внутренние же региональные факторы не были задействованы в достаточной мере для того, чтобы играть доминирующую роль в военно-политических процессах. К. А. Чхеидзе, участник Гражданской войны в Кабарде, в своих воспоминаниях писал: «Кабардинцы в массе ощущали гражданскую войну как нечто навязанное им извне... Они в массе не считали гражданскую войну неизбежной и для себя особенно существенной. Но не от них зависело ее течение. Во имя жизни, мира и труда они довольно легко принимали то антибольшевистскую, то большевистскую «защитную» окраску» [31, с. 87].

Советская власть, демонстрировавшая в 1918 – начале 1919 г. заинтересованность в сотрудничестве с признавшими ее национальными силами Северного Кавказа, в разгар военно-политического противостояния отказалась от поддержки даже просоветских государственных образований. В результате, к моменту окончания Гражданской войны в политической повестке дня не было определенных проектов национально-государственного устройства горских народов.

Весной и летом 1920 г. советская власть не была готова к национально-государственному обустройству народов Северного Кавказа, но, столкнувшись с серьезными проблемами в ходе советизации горских народов, осенью того же года вынуждена была пойти на корректировку своей политики. Это выразилось в провозглашении Горской АССР, что напрямую не вытекало из текущей политической ситуации, а стало следствием переосмысления опыта государственно-политического развития горских народов в Гражданской войне. Анализируя сложившуюся ситуацию, известный исследователь А. Х. Кармов пришел к выводу, что советская власть «вынуждена была учитывать факт существования Горской республики в 1918–1919 гг.» [15, с. 42].

На наш взгляд, история национально-государственных процессов на Северном Кавказе в период Гражданской войны в 1918–1920 гг. не сводится только к Горской республике. Терская республика также была важным элементом национально-государственного строительства горских народов. Рассматривая это явление, Р. С. Мулукаев еще шестьдесят лет назад отмечал, что она была образована в результате национально-политического позиционирования самих народов Терской области, а не центральной советской власти [21, с. 6, 7].

Значимость Терской республики в истории национально-государственного строительства горских народов заметно возрастает, если учесть, что Первый съезд народов Терка состоялся в конце января 1918 г., то есть до провозглашения Горской республики в мае 1918 г. На этом съезде были сформированы органы власти Терской республики, заложены основы дальнейшего развития.

Советская власть пыталась использовать Терскую республику для консолидации народов против государственно-политических инициатив горской либеральной интеллигенции, но только в 1918 – начале 1919 г., а позднее открыто игнорировала сам факт существования Горской республики. Иначе Горская АССР была

бы провозглашена значительно раньше. Советское правительство, как нам представляется, сознательно не пошло на такой шаг, несмотря на то, что соответствующие предложения были озвучены некоторыми представителями новой горской политической элиты [13, с. 390].

По национальному составу, территориальной организации и идеологическим основаниям Горская республика и Горская АССР имели больше различий, чем общих черт. В то же время есть существенные основания проводить исторические параллели между Терской республикой и Горской АССР. Однако более взвешенным и объективным представляется другой подход, суть которого состоит в том, что Горская АССР стала результатом национально-государственных процессов альтернативных как Горской, так и Терской республик.

Окончание Гражданской войны привело к созданию благоприятных политических условий для советизации народов России, что, в свою очередь, требовало решения национального вопроса. Возможности его реализации В. И. Ленин обозначил в телеграмме Г. К. Орджоникидзе, в которой рекомендовал в отношениях с горскими народами подчеркивать их «автономию и независимость» [19, с. 175].

Однако в горской автономии не были заинтересованы руководители Кавказского бюро ЦК РКП(б) и, в первую очередь, сам Г. К. Орджоникидзе. Представляется, ему импонировала апробированная модель дореволюционного кавказского наместничества. В новых условиях эту роль могло бы выполнить Кавказское бюро РКП(б) или другие северокавказские органы власти и управления, которые формировались в течение 1920 г. Об этом свидетельствует стойкое неприятие идеи горского самоопределения даже в рамках РСФСР руководителями Кавбюро ЦК РКП(б), ярко проявившееся на съезде народов Терка, открывшегося 6 августа 1920 г. во Владикавказе.

На съезде были подведены итоги работы и определены ближайшие задачи советской власти, но вопросы формирования национальных автономий не обсуждались. При наличии у центральной власти оформленной модели решения проблем национальной автономии и соответствующего поручения довести об этом до сведения горских народов, Г. К. Орджоникидзе, несомненно, это сделал бы, и съезд народов был самым подходящим для этого форумом. Но этого не произошло. Более того, Г. К. Орджоникидзе, затронув вопрос о бывшей Горской республике, отметил, что она не получила поддержки горцев [13, с. 546]. Такое от-

ношение народов к указанной форме государственности являлось серьезным аргументом в его глазах против реанимирования ее в той или иной форме.

В середине 1920 г. политический бандитизм стал для советской власти грозной опасностью [12, с. 76]. Несмотря на предпринимаемые усилия, местным властям не удавалось стабилизировать общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе. В таких условиях В. И. Ленин подверг критике линию Г. К. Орджоникидзе и принял решение откорректировать политику советской власти в регионе. По мнению А. Х. Даудова, он лично руководил разработкой основных направлений национальной политики на Северном Кавказе [10, с. 46].

В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) дважды рассматривало общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе. По их итогам было дано поручение И. В. Сталину разработать основы национальной политики в отношении горских народов [24, л. 1] и отправить его для этой цели на Северный Кавказ [14, с. 188].

21 октября 1920 г. И. В. Сталин прибыл во Владикавказ, а уже 27 октября 1920 г. пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б), состоявшийся во Владикавказе под его руководством, принял постановление «О горской автономии», в котором отмечалась своевременность образования многонациональной республики горцев [22, с. 228].

После пленума состоялось совещание коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа. В своем выступлении И. В. Сталин дал общую оценку политического положения Советской России, но не коснулся вопросов национально-государственного развития горских народов [18, с. 6–8]. Тем не менее, было поддержано решение пленума Кавказского бюро ЦК РКП(б) о формировании горской коллективной автономии [18, с. 63].

На совещании отсутствовали представители балкарского, кабардинского, карачаевского и чеченского народов [18, с. 64, 65]. Они приехали с опозданием уже после принятия решения о форме национально-государственного устройства горцев Терка. Сталин встретился с ними после совещания. Как сообщалось в газете «Кермен», на встрече присутствовали представители Чечни и Кабарды. На ней было принято решение о создании комиссии, которая должна была разработать основные положения коллективной национальной автономии [13, с. 606]. Стоит отметить, что в состав комиссии не вошли представители Балкарии, Кабар-

ды, Карачая и Чечни. На наш взгляд, встреча Сталина с опоздавшими лидерами некоторых народов свидетельствует о наличии серьезных расхождений по вопросу формирования коллективной горской автономии.

30 октября 1920 г. Сталин направил Ленину телеграмму, в которой предложил провести административно-политическое размежевание казаков и горцев, а также создать для горских народов единую автономную республику [23, с. 51, 52]. Одновременно, В. М. Квиркелия, по распоряжению И. В. Сталина, отправил телеграмму окружным исполнительным комитетам о созыве съезда народов Терской области 15 ноября [16, с. 353]. Цель созыва горского съезда объявлена не была. И только во второй телеграмме, было сказано, что на съезде И. В. Сталин будет делать доклад «Об автономии горских народностей и выделении казахских отделов в особую губернию» [2, с. 324].

17 ноября 1920 г. во Владикавказе начал работу второй съезд народов Терека [20, с. 34], на котором Сталин объявил «волю Советского правительства» о формировании национальной автономии в виде Горской АССР [25, с. 399]. По предложению И. В. Сталина, делегации от народов начали избирать своих представителей, которые должны были отправиться в Москву для выработки конкретных механизмов образования Горской республики. Отношение представителей Кабарды и Балкарии к факту провозглашения Горской республики было разным. Делегаты Балкарии восприняли его положительно, о чем свидетельствует решение балкарской фракции съезда об избрании «М. А. Энеева делегатом от балкарцев и членом комиссии, которая ... должна отправиться в Москву для выработки Конституции ГАСССР» [13, с. 615].

Делегаты от Кабарды идею создания Горской республики фактически не поддержали. Позиция руководителей Кабарды была обусловлена опытом пребывания в составе Терской республики, в рамках которой она потеряла немало земель [26, с. 127, 128], тем более, что территориальные претензии соседних народов к Кабарде после Гражданской войны не уменьшились.

Для предотвращения проблем с позиционированием кабардинского народа в отношении к вопросу о вхождении в состав ГАСССР, на съезд, проходивший в Нальчике 26 ноября – 1 декабря 1920 г., приехал С. М. Киров [13, с. 616], где выступил с докладом об автономии горских народов. Съезд, состоявшийся после фактического провозглашения Горской республики, вынес решение о вхождении в ее состав

Кабарды и Балкарии [13, с. 618]. Таким образом, Кабарда вынуждена была согласиться с вхождением в Горскую АССР [1, с. 50].

Кавказское бюро ЦК РКП (б) в декабре 1920 г. утвердило проект Конституции Горской республики [3, с. 90], а 20 января 1921 г. ВЦИК декретировал образование коллективной национальной автономии горских народов [17, с. 97]. Процесс ее конституирования должен был завершиться на Учредительном съезде, созыв которого растянулся на несколько месяцев.

Как видно из телеграммы В. М. Квиркелия в Карачаевский ревком, открытие Учредительного съезда первоначально планировалось 20 марта [28, л. 15]. Однако, съезд состоялся только в апреле. Созыв горского съезда замедлился в результате принятого комиссией В. И. Невского, направленной ВЦИК в начале 1921 г. на Северный Кавказ для изучения земельного вопроса, решения об отторжении от Кабарды значительной части ее территории для передачи малоземельным народам региона. Это способствовало изменению позиции руководства Кабарды в вопросе вхождения в состав Горской АССР. Обострение кабардино-карачаевских отношений в феврале-марте 1921 г. также негативно влияло на позицию руководства Кабарды по вопросу о вхождении в состав Горской АССР [28, л. 26].

Эти обстоятельства усиливали сомнения по поводу целесообразности вхождения Кабарды в Горскую республику. Однако ВЦИК несколько раз откладывал рассмотрение доклада В. И. Невского и принял благоприятное для Кабарды решение земельно-территориальных вопросов [6, л. 109, 120, 135].

Учредительный съезд советов Горской АССР начал свою работу 16 апреля 1921 г. [11, с. 66]. На съезде С. М. Киров заявил: «Ваша молодая республика должна будет показать, что советская власть на Востоке – это не большевистские эксперименты, а жизненная необходимость многомиллионных масс» [4]. Однако «большевистский эксперимент», каковым, несомненно, являлась Горская АССР, трудно было представить «жизненной необходимостью» для горских народов.

Об этом свидетельствуют слова одного из руководителей Горской АССР Н. И. Дзедзиева, который при обсуждении вопроса о выходе Кабарды из состава коллективной автономии 2 июня 1921 г. напомнил, что Б. Э. Калмыков с самого начала был против вхождения Кабарды в состав Горской республики: «... на недавнем Учредительном съезде народов Горской республики почти все были сторонниками

объединения всех народов Терской области за исключением небольших групп и отдельных личностей, как например, Такоев и Калмыков, которые были с самого начала противниками объединения (выделено нами. – А. К.)» [5, л. 23].

Сам Б. Э. Калмыков 10 июня 1921 г. открыто говорил, что вопрос о Горской республике обсуждался «с ноября месяца и съезд народов был, но кабардинские делегаты и тогда были недовольны постановкой вопроса о Горской республике, и я лично от имени делегатов протестовал против образования Горской республики (выделено нами. – А. К.)» [7, л. 34]. При этом он не раз повторял тезис о том, что мнение кабардинского народа по этому вопросу не спрашивали. Он утверждал, что «Кабардинский округ искусственно вошел в состав Горской республики... без широкого обсуждения этого вопроса в самих массах...» [7, л. 34].

25 апреля 1921 г. на заседании Горского ЦИК были проведены выборы руководителей структур власти Горской АССР. И. Б. Зязиков предложил кандидатуру Т. Э. Эльдарханова, представителя Чечни, на должность председателя Горского ЦИК [28, л. 1], который еще до революции 1917 г. представлял Терскую область в Государственной думе Российской империи и был одним из немногих деятелей Горской АССР, имевших опыт государственной и политической деятельности. Будучи депутатом, он всегда стремился предотвратить конфликты между народами Северного Кавказа [8, с. 183].

Председателем Совета народных комиссаров Горской АССР был избран С. Такоев из Осетии, которого в эмигрантских изданиях называли «наименее националистичным» деятелем [32, с. 12]. Всего в ГорЦИК были включены 66 человек (по одному депутату от 25 тыс. населения). Соответственно этому места распределялись следующим образом: от Чечни – 18, Кабарды – 10, Осетии – 7, Дигории – 2, Балкарии – 3, Ингушетии – 3, Карачая – 4, Грозного – 7, Владикавказа – 6, казаков – 3, армии – 3 [9, с. 34].

В СНК Горской АССР Осетинский округ имел 5 представителей, в том числе и пост председателя СНК Горской АССР, Ингушетия – 3, в том числе пост заместителя председателя. В то же время в его составе не было представителей Карачая, Балкарии, Кабарды и Чечни, то есть четырех из шести горских народов, вошедших в состав коллективной республики [30, л. 2]. Такое распределение «портфелей» создавало неразрешимые проблемы «общества» народов Горской АССР. Скорее всего, из-за нежелания представителей Кавбюро ЦК

РКП (б) вмешиваться в вопросы формирования властных органов молодой республики, выборы в них привели к парадоксальной ситуации. Горская АССР была призвана выработать коллективные механизмы решения проблем [27, с. 115], но это невозможно было сделать, поскольку большинство членов СНК республики представляли ее меньшинство. Такая форма решения принципиальных кадровых вопросов, не могла стать основой для строительства новой жизни в крае. В результате, через месяц после окончания работы Учредительного съезда советов Горской АССР, съезд народов Кабарды в июне 1921 г. вынес решение о выходе из состава Горской АССР [13, с. 667]. Борьба руководства Кабарды за собственную автономию завершилась принятием 1 сентября 1921 г. декрета ВЦИК об образовании Кабардинской автономной области [13, с. 687, 688].

Подводя итоги, необходимо отметить, что горские народы вступили в послевоенный этап развития без определенной программы национально-государственного устройства и ясных перспектив. Ни региональная элита, ни центральная власть не имели четких представлений о форме административно-политической реинтеграции горских народов в новое российское государство. Сложность и противоречивость исторических реалий состояла в том, что большевики в годы гражданской войны не имели твердой социальной опоры в «горах». Северный Кавказ политически и идеологически не вписывался в теорию и практику советской власти.

Реакция народов региона на процессы советизации привела к военному сопротивлению. Если в годы гражданской войны основная линия военно-политического противостояния на Северном Кавказе проходила между общероссийскими силами, то в ходе начавшейся весной 1920 г. советизации проявилось противостояние собственно между государственной властью и горскими народами.

На принятие решения о провозглашении Горской АССР ушло не много времени – сентябрь–ноябрь 1920 г. Инициатива горских народов или новой советской административно-политической элиты при ее создании практически не прослеживается. Только после провозглашения Горской республики были проведены соответствующие народные съезды, на которых не ставились альтернативные варианты национальной автономии горских народов, а только разъяснялся смысл данной формы государственного устройства.

Руководство Кабарды неоднократно выражало принципиальное несогласие по вопросу

вхождения в состав Горской АССР. Однако в условиях, когда центральная советская власть провозгласила «свою волю» на съезде народов Терека в необходимости создания горской автономии, открыто выступить не решилось, поскольку это могло быть воспринято как выступление против линии «партии и народа». Под административно-политическим давлением Кабарда вынуждена была войти в состав Горской республики.

К сожалению, эгоистические интересы отдельных руководителей ГАСССР привели к ситуации, когда представители большинства на-

родов, входивших в Горскую республику, были отсечены от активного участия в конкретной работе органов власти и управления. Они оказались вне государственных структур власти, в рамках которых принимались судьбоносные для всех народов решения. В результате создавались условия для принятия решений, которые могли противоречить или угрожать интересам отдельных народов. Несомненно, такой фактор не мог не стать серьезным препятствием для легитимации Горской республики как общей коллективной государственности части горских народов.

Источники и литература

1. Боров А. Х., Думанов, Х. М., Кажаров, В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
2. Борьба за советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.): документы и материалы. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. 357 с.
3. Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.
4. Горская АССР. Бюллетень Учредительного съезда Советов Горской Советской Социалистической Республики. Владикавказ, 1921. № 3.
5. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. 204. Оп. 1. Д. 4.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 5. Д. 1.
7. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225.
8. Дарчиева С. В. Государственная Дума Российской империи и вопросы экономического, политического и культурного развития Северного Кавказа (1906–1917 гг.). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2015. 260 с.
9. Даудов А. Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2012. Вып. 1. С. 31–41.
10. Даудов А. Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. (Проблемы национально-государственного строительства): дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1984. 220 с.
11. Даудов А. Х. Социально-экономическое развитие Горской Автономной Советской Социалистической Республики (1920–1924 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 1997. 337 с.
12. Дзидзоев В. Д. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ: Алания, 1997. 244 с.
13. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
14. История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978. В 2-х тт. М.: Мысль, 1979. Т. I. 424 с.
15. Кармов А. Х. Выделение Кабарды из Горской АССР и образование Кабардинской автономной области // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. Вып. VII. С. 42–58.
16. Кокиев Г. А. Борьба кабардинской бедноты за советскую власть // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 318–362.
17. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): Сборник документов. М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.
18. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Ростов-на-Дону: Издание Донского отделения Государственного издательства, 1921. 65 с.
19. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 51. 573 с.
20. Летифов А. Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1972. 228 с.
21. Мулукаев Р. С. Из истории Терской автономной советской республики (март 1918 – февраль 1919 г.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе: Трансжелдоиздат, 1958. Т. XXI, выпуск I (История). С. 5–24.
22. Орешин С. А. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015. 279 с.
23. Репрессированные народы. Казаки // Шпион. 1994. № 1 (3). С. 51–52.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 107.
25. Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 4. 488 с.
26. Улигов У. А. Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1972. 163 с.
27. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.
28. ЦГА РСО-А. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 58.

29. ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 4.
30. ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 66.
31. Чхеидзе К. А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик: КБИГИ, 2008. 120 с.
32. Юсуф-бек. Коммунисты – националы (Картины с натуры) // Горцы Кавказа. 1932. № 30. С.10–13.

References

1. Borov A. H., Dumanov H. M., Kazharov V. H. Sovremennaja gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovlenija, problemy (*Modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of becoming, problems*). Nalchik: El-Fa, 1999. 184 p. (In Russian).
2. Bor'ba za sovetskiju vlast' v Severnoj Osetii (1917–1920 gg.): dokumenty i materialy (*The struggle for Soviet power in North Ossetia (1917–1920): Documents and materials*). Ordzhonikidze: The North Ossetian Book Publishing House, 1957. 357 p. (In Russian).
3. Bugaj N. F., Mekulov D. H. Narody i vlast': «socialisticheskij jeksperiment» (20-e gody) (*Peoples and Power: «Socialist Experiment» (1920s)*). Maikop: Meoty, 1994. 424 p. (In Russian).
4. Gorskaja ASSR. Bjulleten' Uchreditel'nogo s'ezda Sovetov Gorskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki Gorskaya ASSR (*Bulletin of the Constituent Congress of Soviets of the Mountain Soviet Socialist Republic*). Vladikavkaz, 1921. No. 3. (In Russian).
5. State Archive of Contemporary History of the Republic of North Ossetia-Alania (GANI RSO-A). F. 204. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
6. State Archives of the Russian Federation (GARF). F. 130. Inv. 5. D. 1. (In Russian).
7. GARF. F. 5677. Inv. 2. D. 225. (In Russian).
8. Darchieva S. V. Gosudarstvennaja Duma Rossijskoj imperii i voprosy jekonomicheskogo, politicheskogo i kul'turnogo razvitija Severnogo Kavkaza (1906–1917 gg.) (*State Duma of the Russian Empire and issues of economic, political and cultural development of the North Caucasus (1906–1917)*). Vladikavkaz: IPI SOIGSI VSC RAS and RNO-A, 2015. 260 p. (In Russian).
9. Daudov A. H. Gosudarstvennoe ustrojstvo Gorskoj ASSR (*The state structure of the Mountain ASSR*) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. 2012. Issue. 1. P. 31–41. (In Russian).
10. Daudov A. H. Obrazovanie i razvitie Gorskoj ASSR. 1920–1924 gg. (Problemy nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva) (*Education and development of the Mountain ASSR. 1920–1924 (Problems of national-state construction)*). Leningrad: LSU Publ., 1984. 220 p. (In Russian).
11. Daudov A. H. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Gorskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki (1920–1924 gg.) (*Socio-economic development of the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic (1920–1924 gg.)*). St. Petersburg: StPSU Publ., 337 p. (In Russian).
12. Dzidzoev V. D. Nacional'naja politika: uroki opyta (*National policy: lessons of experience*). Vladikavkaz: Alania, 1997. 244 p. (In Russian).
13. Dokumenty po istorii bor'by za sovetskiju vlast' i obrazovanija avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.) (*Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922)*). Nalchik: Elbrus, 1983. 800 p. (In Russian).
14. Istoriya nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR, 1917–1978. V 2-h tt. (*The history of national-state construction in the USSR, 1917–1978. In 2 vols.*). Moscow: Thought, 1979. Vol. I. 424 p. (In Russian).
15. Karmov A. H. Vydelenie Kabardy iz Gorskoj ASSR i obrazovanie Kabardinskoj avtonomnoj oblasti (*The separation of Kabarda from the Mountain ASSR and the formation of the Kabardin Autonomous Oblast*) // Istoricheskij vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva KBR i KBNC RAN. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2008. Issue. VII. P. 42–58. (In Russian).
16. Kokiev G. A. Bor'ba kabardinskoj bednoty za sovetskiju vlast' (*The struggle of the Kabardian poor for the Soviet power*) // Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G. A. Kokieva. Sbornik statej i dokumentov. Nal'chik: Jel'-Fa, 2005. P. 318–362. (In Russian).
17. Konstitucii i konstitucionnye akty RSFSR (1918–1937): Sbornik dokumentov (*Constitutions and constitutional acts of the RSFSR (1918–1937): Collection of documents*). Moscow: Vedomosti Publishing House of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1940. 298 p. (In Russian).
18. Kraevoe soveshhanie kommunisticheskikh organizacij Dona i Kavkaza (*The marginal meeting of the communist organizations of the Don and the Caucasus*). Rostov on Don: Publication of the Don Branch of the State Publishing House, 1921. 65 p. (In Russian).
19. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. (*Full composition of writings. 5th ed.*). Moscow: The Publishing House of Political Literature, 1967. Vol. 51. 573 p. (In Russian).
20. Letifov A. L. Istoricheskij opyt nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze (*Historical experience of national-state construction in the North Caucasus*). Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1972. 228 p. (In Russian).
21. Mulukaev R. S. Iz istorii Terskoj avtonomnoj sovetskoj respubliki (mart 1918 – fevral' 1919 g.) (*From the history of the Terek Autonomous Soviet Republic (March 1918 – February 1919)*) // Izvestija Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Ordzhonikidze: Transzheldozdat, 1958. T. XXI, vypusk I (Istoriya). P. 5–24. (In Russian).
22. Oreshin S. A. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Severnom Kavkaze. 1917–1921 gg. (*National-state construction in the North Caucasus. 1917–1921*). Moscow: MSU Publ., 2015. 279 p. (In Russian).
23. Repressirovannye narody. Kazaki (*Repressed peoples. Cossacks*) // Shpion. 1994. № 1 (3). P. 51–52. (In Russian).
24. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Inv. 3. D. 107. (In Russian).
25. Stalin I. V. Sochinenija (*Compositions*). Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1947. Vol. 4. 488 p. (In Russian).

26. Uligov U. A. Iz istorii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Kabardino-Balkarii (*From the history of nation-building in Kabardino-Balkaria*). Nalchik: Elbrus, 1972. 163 p. (In Russian).
27. Hlynina T. P., Krinko E. F. Istorija, politika i naciestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (*History, politics and nation building in the North Caucasus*). Rostov on Don: UNSC of RAS publ., 2014. 434 p. (In Russian).
28. TsGA RSO-A. F. P-36. Inv. 1. D. 58. (In Russian).
29. TsGA RSO-A. F. P-41. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
30. TsGA RSO-A. F. P-41. Inv. 1. D. 66. (In Russian).
31. Chheidze K. A. General Zaur-bek Dautokov-Serebrjakov. Grazhdanskaja vojna v Kabarde (*General Zaur-bek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda*). Nalchik: KBIGI, 2008. 120 p. (In Russian).
32. Jusuf-bek. Kommunisty – nacionaly (Kartiny s natury) (*Communists – nationals (Pictures from life) // Gorcy Kavkaza*. 1932. No. 30. P. 10–13. (In Russian).

УДК 94(470)

С. С. Казаров

НАХИЧЕВАНСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ БРАТЬЯ ХАТРАНОВЫ¹

Статья посвящена общественной и благотворительной деятельности известнейших представителей нахичеванской элиты – братьев Хатрановых. Традиции благотворительности в семье Хатрановых были заложены ещё их дедом – городским головой Арутюном Погосовичем, а затем их отцом. Они жертвовали деньги на ремонт церквей и расширение кладбища. Их благие дела были продолжены их потомками братьями Павлом и Иваном Хатрановыми. Оба они предпринимательскую деятельность успешно сочетали с благотворительностью, а также добросовестной службой на благо родного города. Вся их жизнь была связана с родным городом: братья Хатрановы родились в Нахичевани-на-Дону и здесь же окончили свои

дни. Один из них – Павел Егорович был городским головой и гласным городской думы, Иван Егорович был известным благотворителем. С именем Ивана Егоровича связано открытие сиротского приюта для нахичеванских детей. Он же выступил душеприказчиком исполнения завещания своей тетки, оставившей деньги для строительства богадельни и кладбищенской церкви. Братья Хатрановы, по свидетельству современников, отличались чуткостью, добротой, отзывчивостью и щедростью. Оба они своими делами оставили по себе добрую память среди своих сограждан.

Ключевые слова: благотворитель, купец, Нахичевань-на-Дону, донские армяне, гласный, городская дума.

S. S. Kazarov

THE KHATRANOV BROTHERS: NAKHICHEVAN'S CHARITIES AND COMMON FIGURES

The article is devoted to public and charitable activities of the famous representatives of the Nakhichevan elite – the Khatranov brothers. Traditions of charity in the Khatranov family were laid by their grandfather – the city head Harutyun Pogosovich, and then their father. They donated money to repair churches and expand the cemetery. Their descendants, brothers Pavel and Ivan Khatranov, continued their good deeds. Both of them successfully combined entrepreneurial activity with charity, as well as conscientious service for the benefit of their native city. Their whole life was connected with their native city: the Khatranov brothers were born in Nakhichivan-on-Don and ended their days there. One

of them – Pavel Egorovich – was a city head and a public representative of the city дума, Ivan Egorovich was a well-known benefactor. The name of Ivan Yegorovich is connected with the opening of an orphanage for Nakhichevan children. He also acted as the executor of his aunt's will, which left money for the construction of an almshouse and a cemetery church. The Khatranov brothers, according to contemporaries, were distinguished by their sensitivity, kindness, responsiveness and generosity. Both of them by their deeds left a good memory among their fellow citizens.

Key words: philanthropist, merchant, Nakhichevan-on-Don, Don Armenians, deputy, city дума.

Огромнейшим авторитетом в Нахичевани на-Дону конца XIX – начала XX вв. пользовались родные братья Иван Егорович и Павел Егорович Хатрановы. Оба они были не только крупными купцами, но и общественными деятелями и благотворителями, оставившими по

себе добрую память среди своих сограждан. Но каждый из них стяжал славу именно на своем, близком его душе, поприще.

Основная цель данной статьи – на примере деятельности братьев Хатрановых раскрыть традиции благотворительности в среде дон-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-01-00319.

ских армян, сочетающиеся с успешной предпринимательской и общественной деятельностью на благо родного города.

Род Хатрановых был широко известен в Нахичевани-на-Дону ещё со времен переселения армян из Крыма на Дон в 1779 г. Их предки были названы первым историком донских армян Г. Патканяном в числе самых богатых и влиятельных крымских армян-переселенцев. Дед братьев Хатрановых – Арутюн Погосович Хатранов занимал в 1818–1820 гг. занимал должность городского головы [4, с.79]. Именно он оказался в числе тех, кто в 1818 г. принимал в Нахичевани Императора Александра I, впервые посетившего этот в те времена чисто армянский город. Г. Патканян сообщает о нем ещё один интересный факт: Арутюн Хатранов был ярким противником захоронения усопших в оградах городских церквей (такой обычай у нахичеванских армян имел место, но подобной чести удостоивались только те граждане, которые имели особые заслуги перед приходом) уже на смертном одре выделил десять тысяч рублей расширение городского кладбища [5, с. 26].

Благотворительные традиции в семье были успешно продолжены его сыном – Кеворком Арутюновичем Хатрановым. Благодаря усилиям его и другого нахичеванского купца Александра Аладжалова проведен капитальный ремонт одного из важнейших символов крымских переселенцев – монастыря Сурб Хач [4, с. 279]. Ну, а уже затем благотворительные традиции были продолжены их потомками – братьями Павлом и Иваном Хатрановыми, о которых и пойдет речь.

Младший из братьев – Павел Егорович (Погос Кеворкович) Хатранов родился в Нахичевани-на-Дону в 1849 г., и в числе немногих юношей из местной элиты получил систематическое образование в Халибовском армянском училище в Феодосии.

Нельзя не отметить, что и коммерческая, и общественная деятельность Павла Егоровича прочно опиралась на тот фундамент, который был заложен его предками. Да, и сам он был весьма успешным продолжателем их дела. Получив в наследство корпус кирпичных магазинов на Полицейской площади города и крупное имение на р. Самбек в Ростовском округе, он с течением времени приобрёл кирпичный дом на Базарной площади, корпус кирпичных магазинов на правом берегу р. Дон, кирпичный амбар с домом на 26 линии, ещё один кирпичный амбар с домом на 24 линии; кирпичный дом на Соборной площади, дачу в близи Нахичевани-на-Дону, а также кирпичный магазин в Таганроге [2, л. 41].

Занятие торговлей Павел Егорович сочетал с активной общественной деятельностью на благо общества. Начало его общественно-политической деятельности относится к моменту образования Нахичеванского городского управления. С 1880 по 1914 г. он постоянно избирался гласным Городской Думы. Список выполняемых им в разное время общественных поручений был столь велик, что занял бы не один лист. Перечислим лишь наиболее значимые из них. С 1880 по 1881 гг. – он член приёмного комитета Нахичеванского Общества Взаимного Кредита; в 1884–1888 гг. – Член Совета местного Благотворительного общества; 1874–1878 гг. – член Совета Человеколюбивого общества. Избирался на должность председателя Больничной комиссии Городской Думы, являлся председателем комиссии по углублению протока р. Дон [1, с. 12, 18].

9 сентября 1897 г. П. Е. Хатранов баллотировался на должность городского головы, но впервые случился казус: оба претендента – сам Павел Егорович и его оппонент – Давид Егорович Ходжаев, не смогли получить более половины наличных голосов [6]. По этой причине Войсковой Атаман на основании ст. 119 Городового положения назначил Нахичеванским городским головой на четырёхлетие 1897–1901 гг. пользовавшегося особым доверием властей Минаса Ильича Балабанова [7].

Кульминацией общественной деятельности П. Е. Хатранова в родной Нахичевени, несомненно, было избрание его в 1899 г. на должность Нахичеванского городского головы, которую он исполнял в течение всего положенного срока. Насколько позволяют судить материалы заседания Городской Думы, П. Е. Хатранов был разумным и выдержанным человеком, всегда пытавшимся найти компромисс в любом спорном вопросе. Так 26 января 1900 г. под его председательством состоялось заседание гласных Нахичеванской городской Думы, на котором рассматривалось предложение городского головы соседнего г. Ростова Е. Хмельницкого о присоединении Нахичевани к открытию в Ростове новой Судебной Палаты и Окружного суда и принятии на средства Нахичевани части ежегодного расхода в сумме 15 тыс. руб. на содержание окружного суда, исчисляемого в 45 тыс. в год. Городской голова П. Е. Хатранов дополнил доклад заключением финансовой комиссии, по которому в виду стеснённого материального положения городского бюджета рекомендовалось это предложение отклонить. Однако с заключением финансовой комиссии не согласился гласный Г. Х. Чалхушьян, ко-

торый заявил о том, что гласным и городу не должно быть всё равно, где будет находиться Окружной суд, – в Новочеркасске ли, Таганроге или Ростове. Он указал на тесные экономические связи Нахичевани и Ростова и роль нахичеванцев в деле развития Ростова-на-Дону. Разгорелся горячий спор. В этих условиях городской голова П. Е. Хатранов предложил компромиссный вариант: отвести бесплатно место по размещению Палаты, а если будет открыт только один Суд – ассигновать 5 тыс. руб. год. Однако большинство гласных все-таки высказало сомнение относительно предложения ростовчан [8].

Кроме муниципальной работы, Павел Егорович принимал участие в финансовой деятельности местных крупных банковских учреждений. Так, в течение 21 г. он бессменно состоял членом учетного комитета при Ростовской конторе Государственного банка, в течение 18 лет (по день смерти) – членом такого же комитета при местном отделении Азово-Донского коммерческого банка и несколько лет членом учетного комитета функционировавшего в Ростове Сельскохозяйственного банка.

Он был широко известен не только в Нахичевани, но и в соседнем Ростове, о чём свидетельствует его избрание председателем правления Донского акционерного общества печатного и издательского дела [9]. Началось это было положено тогда, когда вместе с С. Х. Арутюновым Павел Егорович основал газету «Приазовский край», затем уже состоял сначала членом правления Донского акционерного общества печатного и издательского дела в Ростове-на-Дону, а после смерти Кушнарера был избран председателем правления, какие обязанности нес в течение нескольких лет, вплоть до 1914 г. включительно. По признанию самого Павла Егоровича, работая в редакции газеты «Приазовский край» бок о бок с молодежью, он будто бы подпитывался их энергией и сам чувствовал себя молодым.

За долгие труды в области банковской деятельности он был награжден званием Потомственного почетного гражданина и орденом Св. Станислава 2-й степени.

И как общественный деятель, и как человек, он отличался редкой добротой, сердечностью, искренне и охотно откликался на все хорошее, полезное, доброе. Умер П. Е. Хатранов в родной Нахичевани-на-Дону 29 сентября 1916 г. на 68 году жизни [10].

Об огромном авторитете Павла Егоровича Хатранова и любви к нему граждан города свидетельствует описание процедуры похоро-

рон, которые состоялась 2 октября 1916 г. На квартире покойного в 10 ½ утра состоялась торжественная лития, которую отслужил настоятель Крестовоздвиженского монастыря архимандрит Муше совместно с 12 армянскими священниками. Из квартиры гроб с покойным на руках принесли в Нахичеванский Собор, где произошло его отпевание. Во время отпевания в Соборе архимандрит о. Муше произнес прочувственную речь, в которой обрисовал деятельность Павла Егоровича как благотворителя и председателя армянского Человеколюбивого общества. Желая расширить дело благотворения и призрения сирот, Павел Егорович сделал все, что возможно в силах человека и не щадил личных средств. Благодаря его энергии и денежным жертвам, удалось открыть в армянском поселке училище и поставить дело обучения на должную высоту. С особым вниманием покойный относился к делам начального и среднего образования и в бытность городским головой сделал немало добра, широко раскрывая двери школ для беднейшей части города. Его общественная деятельность снискала ему уважение всего населения и многие с благодарностью в сердце будут вспоминать о Павле Егоровиче, как о человеке, никогда не отказывающимся протянуть руку помощи. При стечении огромной массы народа погребальный кортеж направился из Собора на Армянское кладбище, где прах П. Е. Хатранова был предан земле. На похоронах присутствовали ростовский городской голова Е. Н. Хмельницкий, бывший нахичеванский городской голова М. И. Балабанов, консулы иностранных государств Е. И. Кундури и К. Д. Диамантиди, член правления Донского акционерного общества А. Б. Тараховский, директор классической гимназии статский советник Кузнецов, председатели и члены разных армянских и русских благотворительных и духовно-просветительских учреждений, почти все гласные нахичеванской думы, родные и знакомые покойного. Примечательно присутствие на похоронах бывшего городского головы М. И. Балабанова, имевшего весьма напряженные отношения с большинством гласных городской думы. Это как нельзя лучше свидетельствует как об уважении Минаса Ильича к своему бывшему коллеге, так и об авторитете и добром характере самого Павла Егоровича. Гласные Думы, в свою очередь, предложили почтить память П. Е. Хатранова учреждением стипендии его имени или иным полезным или добрым делом [11].

На могиле покойного присяжный поверенный Г. Чубаров взволнованным голосом про-

изнес речь о значении общественных заслуг покойного и его трудах в области городского и общественного управления. По его словам, Павел Егорович имел благородное сердце и отзывчивую душу. Веление его сердца всегда влекли его к добру, правде и истине. Во время своего сравнительно непродолжительного управления делами города, он принес много пользы и добра для населения. Он всегда вносил примирение и труд. Как общественный деятель, Павел Егорович заслужил благодарность общества. Он всегда стремился к широкой общественной работе и всюду оставил по себе добрую память. Отличаясь высокими свойствами духа, он всегда делал добро для ближних, входил в нужды людей, и никогда не отказывал им в помощи. Светлая и чистая его личность останется незабвенной для всех его знавших.

Выступивший последним также артист Калфаян отметил, что доброта Павла Егоровича была главной особенностью его натуры [12].

Его старший брат – Иван Егорович (Ованес Кеворкович) Хатранов (1831–1918) более известен как купец и благотворитель, хотя одно время и он принимал активное участие в делах городского управления. Его отец, купец второй гильдии Егор (Кеворк) Хатранов, готовил старшего сына в свои преемники. С этой целью он отдал его на обучение в Московскую практическую академию коммерческих наук, среднее учебное заведение, в котором, наряду с общеобразовательными предметами, преподавались товароведение, экономика, торговое право, бухгалтерия и т.д., по окончании которой Иван Егорович вернулся в родную Нахичевань и занялся коммерческими делами. Первоначально он, наряду с другими крупными нахичеванскими купцами, принимал участие и в решении городских дел: его имя мы находим в списках гласных Городской Думы на 1880–1884 [3, л. 175].

Однако затем, по-видимому, думские дела отошли на второй план, и он нашел для себя более важное и нужное дело. Во всяком случае, его имя в списках гласных Городской Думы мы вплоть до 1917 г. уже более не находим.

Первое благое дело, благодаря которому Иван Егорович оставил по себе добрую память в сердцах своих сограждан – это точное исполнение духовного завещания своей тетки Акулины Павловны Аладжаловой, которая после своей смерти завещала все свои капиталы на постройку церкви и богадельни, а также часть средств оставила на похороны беднейших граждан Нахичевани-на-Дону. Все это было в точности выполнено под внимательным и неусыпным контролем И. Е. Хатранова, результа-

том чего стало строительство и освящение 11 июня 1881 г. кладбищенской церкви Сурб Карапет, которая, кстати, и сегодня является историческим памятником Пролетарского кладбища города Ростова-на-Дону. Не случайно бывший гласный нахичеванской и ростовских городских Дум И. М. Келле-Шагинов, весьма скупой на похвалы в адрес своих соотечественников-нахичеванцев, в опубликованных недавно воспоминаниях называет Ивана Егоровича «сознательным и честным гражданином своего родного города» [4, с. 277].

Нельзя не добавить, что сам И. Е. Хатранов был крупнейшим домовладельцем Нахичевани-на-Дону. Как свидетельствует опись недвижимого имущества владельцев Нахичевани-на-Дону за 1915 г., ему принадлежали обширные владения на Базарной площади, № 5–2 (стоимостью 14.000 р.), на Площади Толстого, № 34 (стоимостью 2100 р.), на 2-й Степной улице (стоимостью 4550 р.), а также ряд участков на правом берегу р. Дон [14, с. 56, 65].

На состоявшемся в начале 1913 г. объединенном собрании уполномоченных армянских приходов под председательством А. И. Салтыкова было сообщено, что в 1910 г. И. Е. Хатрановым на дело благотворительности был пожертвован дом, в котором открыт приют его имени. Позднее, в 1916 г. И. Е. Хатранов подарил церковному попечительству 30 тыс. рублей с тем, чтобы эта сумма была им обращена в неприкосновенный капитал, а проценты с него расходовались на образование 10 стипендий для армян-сирот имени жертвователя и его жены. В переживаемое обществом тревожное время стипендии назначались сиротам-беженцам, бежавшим от турецких зверств. Собрание уполномоченных церковных приходов выразило благодарность жертвователю и избрало особую депутацию для личного выражения ему благопожеланий от имени собрания уполномоченных. 3 января 1916 г. в своем доме для сирот приюта его имени И. Е. Хатранов устроил елку, на которой детям были розданы подарки [13]. Уже будучи почти слепым и глухим стариком, Иван Егорович продолжал посещать своих питомцев. И они платили ему своей детской любовью за его доброту и внимание.

Скончался Иван Егорович Хатранов в феврале 1918 г. в преклонном возрасте и был похоронен на том самом Армянском кладбище г. Нахичевани-на-Дону, благоустройству которого он отдал много сил и внимания. Деятельность братьев Хатрановых являет собой замечательный пример истинного служения родному городу и своему народу.

Литература и источники

1. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы. 1907. № 4.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 923.
3. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 251.
4. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. 320 с.
5. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону: [б.и.], 1917. 123 с. (на армян. яз.).
6. Приазовский край. 1897. № 248.
7. Приазовский край. 1897. № 258.
8. Приазовский край. 1900. № 27.
9. Приазовский край. 1911. № 99.
10. Приазовский край. 1916. № 250.
11. Приазовский край. 1916. № 260.
12. Приазовский край. 1916. № 261.
13. Приазовский край. 1916. № 337.
14. Оценка недвижимости имуществ г.Нахичевани-на-Дону для взимания городского оценочного сбора и для раскладки земских сборов за 1915 г. Нахичевань-на-Дону: Тип. С. Я. Авакова, 1915. 74 с.

References

1. Vedomosti Nahichevanskoj-na-Donu gorodskoj dumy (*Vedomosti of Nakhichevan-on-Don of the City Duma*). 1907. No. 4. (In Russian).
2. State archive of Rostov territory (GARO). F. 91. Inv. 1. D. 923. (In Russian).
3. GARO. F. 91. Inv. 1. D. 251. (In Russian).
4. Kelle-Shaginov I. M. Moya edinstvennaya zhizn'. Dnevnik i vospominaniya (*My only life. Diaries and memories*). Rostov-on-Don: Starye russkie, 2015. 320 p. (In Russian).
5. Patkanyan G. Istoriya Novoj Nahichevani (*History of New Nakhichevan*). Nahichevan'-on-Don, 1917. 123 p. (In Armenian).
6. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1897. No. 248. (In Russian).
7. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1897. No. 258. (In Russian).
8. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1900. № 27. (In Russian).
9. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1911. № 99. (In Russian).
10. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1916. № 250. (In Russian).
11. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1916. № 260. (In Russian).
12. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1916. № 261. (In Russian).
13. Priazovskij kraj (*Priazov Region*). 1916. № 337. (In Russian).
14. Ocenka nedvizhimosti imushchestv g.Nahichevani-na-Donu dlya vzimaniya gorodskogo ocenochного сбора i dlya raskladki zemskih sborov za 1915 g. (*Estimation of real estate property of Nakhichevan-on-Don city for collection of urban assessment fee and for the calculation of land charges for 1915*). Nahichevan'-on-Don: Tip. S. Ya. Avakova, 1915. 74 p. (In Russian).

УДК 94(470)

Ю. А. Кошман

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье изучается процесс развития здравоохранения накануне войны в Ставропольском крае. В предвоенный период медицинским работникам и властям пришлось столкнуться с определёнными сложностями в организации системы здравоохранения. Также автор обращается к анализу итогов, с которыми край подошёл к началу Великой Отечественной войны, что было сделано партийными и общественными организациями для выстраивания четкой структуры в системе здравоохранения. В статье раскрывается как решались вопросы санитарно-эпидемиологического благополучия в крае, с какими сложностями пришлось столкнуться медицинским работникам. Помимо вопросов, связанных улучшением санитарно-эпидемиологической ситуации в крае, медицинские работни-

ки принимали участие в разработке и апробации новейших методов лечения раненых и больных воинов участников Советско-Финской войны, которые впоследствии применялись уже в Великой Отечественной войне. Кроме того, предвоенное время являлось периодом активного строительства курортной сети края, которая была оснащена новейшим оборудованием и инструментарием, что в сочетании с природными факторами и грамотными специалистами позволило в сжатые сроки развернуть во время Великой Отечественной войны на Кавказских Минеральных Водах крупнейшую госпитальную базу страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные медики, здравоохранение, госпитальная база, медицина, врачи.

Yu. A. Koshman

HEALTH CARE OF THE STAVROPOL TERRITORY ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the development of public health services on the eve of the war in the Stavropol Territory. In the prewar period, medical workers and authorities had to face certain difficulties in organizing the health care system. The article also analyzes the outcomes on the eve of the Great Patriotic War, what exactly was done by the party and public organizations to build a clear structure in the health care system. How the issues of sanitary and epidemiological prosperity in the province were solved, what difficulties the medical workers had to face. In addition to issues related to the improvement of the sanitary and epidemiological situation in the province, medical

workers took part in the development and testing of new methods to treat wounded and sick warriors of the participants in the Soviet-Finnish war, which were subsequently used in the Great Patriotic War. In addition, the pre-war period was a period of active construction of the resort network of the province, which was provided with the latest equipment and tools. Combined with natural factors and competent specialists it allowed the deployment of the largest hospital base in the country during the Great Patriotic War in the Caucasian Mineral Waters.

Key words: Great Patriotic War, military doctors, health care, hospital base, medicine, doctors.

Актуальность поднимаемой в статье проблемы обусловлена необходимостью научного осмысления значимости работы здравоохранения в период военных конфликтов. Для решения данной задачи следует обратиться к опыту организации системы здравоохранения накануне войны, проанализировать особенности выполнения задач по обслуживанию мир-

ных граждан и реализации государственной задачи по реабилитации воинов в экстремальных для края и страны условиях.

Отдельными вопросами истории здравоохранения занимались исследователи советского времени, есть работы наших современников. Вопросам развития курортов в XIX–XX в. посвящена работа Краснокутской Л. И. и Михай-

ленко В. И. «Управление курортами Кавминвод (1803–2003)» [11], в исследовании Селивановой Н. Ф. «Страницы истории Ессентукского здравоохранения» рассказывается об истории возникновения и развития в городе Ессентуки системы здравоохранения [17]. Монография Копыловой Е. Э. и Краснокутской Л. И. «Становление и развитие военно-медицинской службы на Кавказских Минеральных водах (1803–2007 гг.)» посвящена истории развития курортов [12]. Отдельное внимание вопросам здравоохранения отводится в труде Ованесова Б. Т., Судавцова Н. Д. «Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.)», но большие временные рамки работы не позволили исследователям раскрыть вопрос становления и развития здравоохранения накануне Великой Отечественной войны широко [13].

В связи с лакунами, имеющимися в комплексе литературы по поднимаемой проблеме, целью данной работы является проследить на основании архивных материалов историю развития здравоохранения накануне войны в Ставропольском крае. Кроме того, представляется целесообразным проанализировать ситуацию по следующим направлениям: к каким итогам подошло Ставрополье накануне Великой Отечественной войны; что было сделано партийными и общественными организациями для выстраивания четкой структуры в системе здравоохранения; как решались вопросы санитарно-эпидемиологического благополучия в крае; с какими сложностями пришлось столкнуться медицинским работникам.

Помимо вопросов, связанных с улучшением санитарно-эпидемиологической ситуации в крае, медицинские работники принимали участие в разработке и апробации новейших методов лечения раненых и больных воинов участников советско-финской войны, которые впоследствии применялись уже в Великой Отечественной войне. Предвоенное время являлось периодом активного строительства курортной сети края, которая была оснащена новейшим оборудованием и инструментарием, что в сочетании с природными факторами и грамотными специалистами позволило в сжатые сроки развернуть во время Великой Отечественной войны на Кавказских Минеральных Водах крупнейшую госпитальную базу страны.

Накануне войны Ставрополье являлось важной сельскохозяйственной, энергетической и курортной базой страны. Благоприятные климатические условия позволяли производить широкий ассортимент продукции растениеводства и животноводства, определяли преиму-

щественно сельскохозяйственную специализацию региона.

В 1930-е гг. здравоохранению края уделялось большое внимание. В это время шло его коренное переустройство, принимались меры по улучшению медицинского обслуживания. Число поликлиник и врачебных амбулаторий увеличивалось, строились детские поликлиники. Шёл процесс подготовки и обеспечения учреждений здравоохранения квалифицированными кадрами. Число врачей только с 1937 г. по 1940 г. увеличилось в городах края – с 358 до 497, на селе – с 143 до 260; количество средних медицинских работников удвоилось. [2, л. 206]

Высокий уровень смертности населения в изучаемый период во многом был связан с чрезвычайно высокими показателями материнской и младенческой смертности, поэтому в центре внимания региональной власти было улучшение ситуации с родовспоможением. В крае более чем втрое увеличилось количество родильных коек. По мере укрепления экономики колхозов, власти выделяли больше средств на медицинское обслуживание, значительно выросло количество колхозных родильных домов и консультаций. Роддомов в крае было построено более десяти за два года, таким образом их стало 32, женских консультаций было 63. Число колхозных роддомов увеличилось на 35 итогов составив 171 роддом. Широкое развитие получила стационарная и сезонная сеть детских яслей, как городах, так и в колхозах.

К 1941 г. в крае было открыто 11 новых больниц, составив 120 больниц, увеличилось число поликлиник и амбулаторий на 44, достигнув 379 [14, л. 103]. Возросло число женских консультаций, фельдшерско-акушерских пунктов, станций и пунктов скорой помощи, молочных кухонь, туберкулёзных санаториев. В результате к 1940 г. снизился уровень смертности.

В Орджоникидзевском крае расходы на здравоохранение увеличились с 1935 г. по 1940 г. в два с лишним раза, на медико-санитарное строительство было затрачено 15 миллионов рублей. Лечебная сеть на 1939 г. в Орджоникидзевском крае была распределена в 12 городах и 53 сельских районах, Карачаевской и Черкесской автономных областях и Кизлярском округе, вошедшем в состав края в 1938 г. [13, с. 160]. Выросла и окрепла сеть учреждений здравоохранения, было открыто 23 противозидемических станции; количество больниц на селе увеличилось с 76 до 98, фельдшерско-акушерских пунктов – с 295 до 384, число боль-

нических коек выросло более чем на одну треть [2, л. 206].

Серьёзным тормозом в развитии здравоохранения в крае была нехватка кадров медработников в связи с этим открывались новые учебные заведения. Три средних медицинских школы. Пятигорская фельдшерско-акушерская школа с тремя отделениями (фельдшерское, акушерское и фельдшерско-акушерское), ессентукская фельдшерская школа с двумя отделениями (фельдшерское медсестринское), черкесская фельдшерско-акушерская школа с двумя отделениями (фельдшерско-акушерское и медсестринское) [13, с. 276]. В медицинских школах в 1938 г. обучалось 1153 человека. В 1939 г. было выпущено 90 фельдшеров, 240 акушеров. В 1938 г. осуществлялись мероприятия по подготовке 1505 дезинфекторов, оспопрививателей, помощников санитарных инспекторов. [13, с. 159] В 1938 г. был открыт Ставропольский государственный медицинский институт.

Большое внимание уделялось санитарному состоянию населённых пунктов. К этой работе привлекались широкие слои населения. В городах, селах, колхозах, на предприятиях начали создаваться сандружины. На базе медицинских училищ и педагогических институтов были организованы краткосрочные курсы медсестёр и санитарок. Широко практиковалась сдача норм «Готов к санитарной обороне» (ГСО). Так, в зеленчукском районе в кружках ГСО, организованных в колхозах, на предприятиях и учреждениях, регулярно занимались до 300 женщин. Были созданы 3 санитарные дружины, в которых обучалось около 100 человек. В Малом Карачае в колхозах и учреждениях было организовано 11 кружков ГСО, в которых санитарное дело изучали 167 женщин. Бесперебойно работали кружки ГСО на шахтах «Орджуголь» и «Местшахстрой». В Микоян-Шахаре первый выпуск медицинских курсов дал 80 медсестёр и 40 санитарок [10, с. 291–292].

Для улучшения лечебно-профилактической и противоэпидемической работы в крае в январе-марте 1940 г. были изданы ряд приказов по Орджоникидзевскому крайздравотделу. В соответствии с приказом Наркомздрава СССР от 19 августа 1939 г. по Орджоникидзевскому краю с 1 января 1940 г. было создано 17 санитарно-эпидемических станций. Эпидемиологические организации городов курортов: Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск и Минеральные Воды были объединены с Госсанэпидемстанцией, и создана единая организация «Санитарно-эпидемические станции» [13, с. 164].

Работа всех звеньев народного хозяйства по благоустройству и оздоровлению населённых мест, рост материального благосостояния и культуры населения изменили показатели здоровья. Практически были ликвидированы такие заболевания как холера, чума, натуральная оспа. Резко сократилась заболеваемость малярией, трахомой, дифтерией, скарлатиной, лептоспирозом, туберкулёзом и другими болезнями. Для усиления борьбы с малярией в 1940 г. в крае были созданы 52 противомаларийных учреждения [8, л. 8, л. 8 об].

Для контроля и предупреждения эпидемических болезней ещё в 1934 г. по просьбе местных советов в городе Ставрополе приказом НКЗ СССР была организована противочумная станция. К 1940 г. Орджоникидзевская противочумная станция имела в крае три противочумных пункта, реммастерские и вагон лабораторию.

Станция оказывала большую помощь местным органам здравоохранения в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Наука и медицина того времени не знали действенного средства для предупреждения заболеваний чумой. Профилактические прививки были малоэффективны, так как вакцины, приготовленные из убитых микробов, не создавали у человека и животных напряжённого иммунитета. В противочумной станции проводила свои научные эксперименты научный сотрудник М. П. Покровская. Она выполнила ряд исследований, позволивших изучить чумной бактериофаг¹, создать противочумную вакцину (АМП), разработать клеточные основы противочумного иммунитета.

Путём обработки активного микроба чумы бактериофагом был получен мутант, обладающий всеми свойствами чумных бактерий, но потерявший способность вызывать заболевание чумой. После введения таких микробов у экспериментальных животных создавалась невосприимчивость к последующему заражению смертельными дозами чумного микроба. В противочумной станции были проведены сотни опытов с введением этого мутанта наиболее чувствительным к чуме животным – мышам, сусликам, морским свинкам. Случаев заболевания чумой от этой культуры мутанта не было. На последнем этапе эксперимента

¹ Бактериофаг – вещество, способствующее растворению, уничтожению бактерий. Это такие вирусы, избирательно поражающие бактериальные клетки. Чаще всего бактериофаги размножаются внутри бактерий и вызывают их лизис (растворение клеток и их систем, в том числе микроорганизмов, под влиянием различных агентов, например ферментов, бактериолизин, бактериофагов, антибиотиков.

М. П. Покровская провела опыт на себе, что было очень смело с её стороны, так как исход мог быть летальным.

Также с помощью препарата бактериофага медработники проводили работу по снижению смертности от летних детских поносов. К работе привлекались местные работники детских консультаций, больниц, амбулаторий, фельдшерских пунктов. В результате резко снизилась смертность от поносов среди детей. В некоторых больницах при участии работников противочумных учреждений проводилось внедрение бактериофага в хирургическую практику сельских врачей, что также дало хорошие результаты.

Для края, где важной отраслью являлось животноводство, одним из серьёзных заболеваний был бруцеллез. Для исследования данной болезни была создана бруцеллезная станция, тесно сотрудничавшая с органами здравоохранения. Проводилось обследование рабочих, овцеводческих, мясомолочных совхозов. Выявленным больным оказывалась помощь в лечении.

Противочумная станция проявила большое участие в работе по исследованию туляремии, как по обследованию эпизоотии, так и по обследованию и помощи больному населению.

Была оказана помощь Краснодарскому краю в проведении обследования грызунов, так как у них не имелось возможности обеспечить эту работу.

Работниками противочумной станции велась большая санитарно-просветительная работа, 726 бесед на различные темы. Проходили конференции врачей, на которых заслушивались доклады по вопросам бактериофага и туляремии. Проведен инструктаж врачей в постановке реакций агглютинации и кожных проб по туляремии [3, л. 2].

Свою задачу по обеспечению эпидемического благополучия края, не допущению развития опасных инфекций – чумы, холеры, туляремии, бруцеллёза противочумная организация выполнила успешно.

В крае сложилась развитая система курортов, получившая название Кавказских Минеральных Вод. В 1930-е г. шло активное строительство санаториев наркоматами, ведомствами для лечения своих работников. Так, санаторий «Россия», был построен в 1936 г. для финбанковских работников. Стоимость путёвки была в то время 1200 рублей. В марте 1941 г. санаторий был передан ЦК союза финбанковских работников, а стоимость путёвки была снижена до 900 рублей. В годы войны, санаторий стал эвакуогоспиталем № 2048 [15, л. 1а].

Курорты Орджоникидзевского края превратились во всесоюзную здравницу. На 5-й краевой партийной конференции 13–16 марта 1940 г. отмечалось, что за вторую пятилетку на курортах края были построены и введены в эксплуатацию 21 новый санаторий, обслужено 1075 тысяч больных. За 1939 г. было обслужено свыше 250 тысяч больных [6, л. 81].

В городах Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск функционировало 107 крупных санаториев, пансионатов и домов отдыха на 18,9 тысячи коек. В них за год поправляли своё здоровье около 150 тысяч человек, в том числе в 53 санаториях Кисловодска лечилось 74 тысячи человек, в Ессентуках в 26 санаториях – 39,3 тысячи человек, в 12 санаториях Пятигорска – 15 тысяч человек и 16 санаториях Железноводска – 14,2 тысячи человек. [13, с. 191].

Шло строительство домов отдыха и санаториев в Карачаевской и Черкесской АО. В 1940 г. на Тебердинском курорте работало 6 санаториев и Домов отдыха, такие как «Горное ущелье» – на 260 коек, №6 «Джамагат» – на 75 коек, №5 «Клухорий» – на 225 коек летом и 150 – зимой, №4 «Теберда» на 150 коек [14, л. 1]. Санатории обслуживали до 6500 человек в год [1, л. 206].

Здравницы были укомплектованы опытными кадрами, имели современную лечебную базу, использовали новейшие методики лечения. В городах-курортах широко использовались для лечения природные факторы: минеральные источники, тамбуканские грязи, горный воздух, терренкуры, туристические маршруты.

На курортах КМВ было сосредоточено 2/3 врачей края, так как на 1 января 1940 г. в крае имелось 1518 врачей, в том числе по курортам Пятигорска 226, Кисловодска 448, Ессентуках 268, Железноводске 59. При этом численность населения в крае составляла 1 951 242 человека [7, л. 76].

Местные власти уделяли большое внимание санитарному состоянию городов. Особое внимание уделялось обследованию источников водоснабжения, главным образом колодцев, бассейнов. Когда летом 1940 года в городах Кавминвод произошла вспышка желудочно-кишечных заболеваний, с 21 августа по 9 сентября в амбулатории обратились 1043 человека, из которых госпитализировано было 388 человек [5, л.9]. Краевые власти, опасаясь эпидемии азиатской холеры, просили командировать специалиста из Москвы. 7 сентября 1940 г. приехал профессор патологоанатомической анатомии Талалаев, инфекционист профессор Киреев, бактериолог – профессор Ермольева,

которые приступили к работе каждый по своей специальности.

В целях профилактики и предупреждения разрастания инфекции уже с 5 сентября была начата вакцинация по всем городам Кавминводской группы и уже на 10 сентября было охвачено 14 тысяч человек [5, л. 14].

29 сентября 1940 г. профессор Талалаев писал в заключении: «При изучении заболеваний в Пятигорске 7 сентября в день приезда я получил некоторые сведения об имеющемся заболевании, а 8 сентября утром мною осмотрены больные. Полученная клиническая картина болезни полностью привела к отрицанию азиатской холеры (которая промыванием желудка, как известно, не снимается). Убедившись, что азиатская холера в Пятигорске не имеет место, я уведомил телеграммой-молнией Наркома Митерева об отрицании мною азиатской холеры 9 сентября в Пятигорске. Вся клиническая, патологоанатомическая картина и бактериологические данные позволили мне поставить вопрос о наличии пищевого отравления» [5, л. 54].

10 октября 1940 г. прокурор края в крайкоме ВКП(б) доложил о результатах расследования органами прокуратуры дела о преступно халатном отношении к соблюдению санитарных правил в Железноводске, Пятигорске, Кисловодске, результатом чего явились острокишечные заболевания населения края [5, л. 71]. Виновные были привлечены к уголовной ответственности.

По результатам лечения были сделаны выводы, которые были систематизированы и уже в первой декаде июня по заданию Курсанупра и по согласованию с санитарным управлением Красной Армии профессором А. И. Нестеровым и доктором Х. М. Фрейдиным были проведены межкурортные научные конференции на Кавказских Минеральных водах и грязевых курортах Крыма. Был сделан вывод о том, что лечение курортными факторами и в особенности пользование ими на курортах являлось для многих форм военно-травматических поражений органов движения и нервной (в частности периферической) системы мощным и эффективным методом функциональной терапии, входящим как важнейшая составная часть в комплекс так называемой восстановительной терапии военно-травматических поражений.

Ученые курортологи-клиницисты разработали классификацию показаний лечения на курортах, что позволило наиболее эффективно назначать курсы лечения по тем или иным заболеваниям. Например, И. А. Валидинский раньше других начал с успехом применять ми-

неральную железноводскую воду для лечения ран наряду с основными методами лечения. Погружение в ванну отмороженных конечностей или с ранами мягких тканей вызывало уменьшение отеков, успокоение болей, быструю демаркацию, а после операции быстрое заживление культи [9, л. 3]. Результаты исследований способствовали быстрейшему выздоровлению раненых и больных воинов в будущей Великой Отечественной войне.

Кроме того, что врачи принимали участие в разработке новых методов лечения, ученые ставропольского края находились в составе экспедиции на финском фронте. Врачи Покровская, Каганова, Скаценко, Булгакова занимались лечением раненых бактериофагом. В результате этой работы было установлено, что бактериофаг являлся мощным средством для борьбы с инфекцией в ранах. Практика показала, что чем раньше начиналось лечение, тем лучше были результаты [3, л. 40].

Покровской был разработан новый цитологический метод исследования раневого экссудата (с помощью препаратов отпечатков), который позволял оценить иммунологический статус раненого, состояние реакции со стороны ретикулоэндотелиальной системы. Цитологический метод дал возможность даже в условиях фронтовой обстановки следить за динамикой раневого процесса, контролировать эффективность применяемых лечебных мероприятий. Этот метод был использован для ранней диагностики газовой гангрены и изучения раневого сепсиса. Простота способа исследования позволила широко внедрить его в практику госпиталей.

Результаты научной работы экспедиции и накопленный опыт впоследствии успешно применялся на фронтах Великой Отечественной войны. Большую научно-исследовательскую работу провели также ученые Пятигорского бактериологического института результаты которой применяли для лечения больных и раненых.

В результате слаженной работы всех звеньев органов здравоохранения и властей система мероприятий, проведенных в крае в конце 1930 – начале 1940 гг., привела к снижению инфекционных и ряда других заболеваний.

В январе 1941 г. итоги развития системы здравоохранения в крае подвела IV сессия Орджоникидзевского краевого совета депутатов трудящихся [13, с. 170]. Кроме успехов обсуждали и недочеты в состоянии здравоохранения. Работа крайздраотдела подверглась критике, потому что он не осуществлял необходимого оперативного квалифицированного ру-

ководства районными и городскими отделами здравоохранения, проявляя оторванность от работ медицинских учреждений. Сессия призвала работу крайздравотдела неудовлетворительной и обязала исполкомы советов края улучшить руководство и контроль за работой органов здравоохранения, оказывая им повседневную практическую помощь.

Главному аптечному управлению было поручено принять меры к улучшению снабжения медикаментами и предметами ухода населения и лечебные учреждения. Правлениям колхозов было запрещено закрывать роддома и постоянные детские ясли без разрешения крайздравотдела. Торгующие организации края обязаны были обеспечить бесперебойное снабжение больниц, санаториев и домов отдыха, роддомов, детских яслей продуктами питания. Большое внимание было уделено тому, чтобы развернуть работу по дальнейшему укреплению санитарно-оборонной работы и подъёму культуры в деревне [13, с. 183]. Подводя итоги работы в здравоохранении края, сессия выявила серьёзные недостатки в его развитии и признала работу Крайздравотдела неудовлетворительной. Внимание депутатов было сосредоточено не только на устранении недостатков, но и намечены меры по дальнейшему развитию здравоохранения края.

Анализ состояния системы здравоохранения перед Великой Отечественной войной показывает, на Ставрополье сложилась развитая система здравоохранения. Выросла сеть учреждений здравоохранения, были открыты новые эпидемические станции, сотрудники которых получили практический опыт, выезжая в командировки для ликвидации эпидемий по всей стране. Увеличилось количество больниц и фельдшерско-акушерских пунктов на селе.

Все эти мероприятия позволили четко и слаженно развернуть госпитальную сеть в первые месяцы войны. В результате мероприятий, проведённых в области здравоохранения, в крае шло неуклонное снижение инфекционных и других заболеваний. При лечении раненых и больных участников советско-финской войны была практически доказана эффективность бальнеологической базы Ставрополя, результаты работы и опыт врачей позже использовался в годы Великой Отечественной войны. При развёртывании госпитальной базы в городах КМВ учитывалось не только наличие материальной базы для госпиталей, но и курортные факторы лечения раненых. Во время войны с Финляндией в лечение раненых активно включились ставропольские медики. На Кавказские Минеральные Воды направлялись для лечения тяжело раненые и обмороженные бойцы и командиры Красной Армии.

Таким образом, проанализировав архивные документы мы можем заключить, что накануне Великой Отечественной войны в крае проводилась систематическая работа по улучшению и развитию системы здравоохранения. В начале войны ставропольские власти реагируя на внешние вызовы, сумели адаптировать медицинское обслуживание к экстремальным условиям. Обобщая можно выделить следующие результаты: была налажена работа госпитальной базы, где проходили лечение раненые и больные воины, начиная с советско-финской войны, была сформирована сеть больниц и поликлиник, проведена работа по созданию санитарно-эпидемических организаций, которые проводили профилактические мероприятия по предупреждению возникновения и распространения эпидемий.

Источники и литература

1. Бекижев М. М. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкесии (1920–1967 гг.) Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1969. 192 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК) Р-1852. Оп. 3. Д. 93.
3. ГАСК Ф. Р-2770. Оп. 3. Д. 7.
4. Государственный архив новой истории Ставропольского Края (далее – ГАНИСК) Ф. 1. Оп. 2. Д. 13.
5. ГАНИСК Ф. 1. Оп. 1. Д. 694.
6. ГАНИСК Ф. 1. Оп. 1. Д. 599.
7. ГАНИСК Ф. 1. Оп. 1. Д. 672.
8. ГАСК Ф. Р-2795. Оп. 1. Д. 39.
9. Госпитальное дело. 1947. №6.
10. Койчужев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов-на-Дону: РГПУ, 1998. 482 с.
11. Краснокутская Л. И., Михайленко В. И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004. 160 с.
12. Копылова Е. Э., Краснокутская Л. И. Становление и развитие военно-медицинской службы на Кавказских Минеральных Водах (1803–2007 гг.). Ессентуки: Издательский дом, 2007. 222 с.
13. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.). Ставрополь: ООО «Стройиздат-Грантстрой», 2007. 544 с.

14. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (далее – СГМЗ) Ф. 98 Д. 68.
15. СГМЗ им Прозрителева и Пправе. Ф. 169. Д. 1.
16. СГМЗ им Прозрителева и Пправе. Ф. 170. Д. 1.
17. Селиванова Н. Ф. Страницы истории Ессентукского здравоохранения: Ветеранам Великой Отечественной войны и труда, всем медицинским работникам посвящается Минеральные Воды: ОАО «Издательство «Кавказская здравница», 2005. 242 с.

References

1. Bekizhev M. M. Partijnoe rukovodstvo kul'turnym stroitel'stvom v Karachaevo-Cherkessii (*Party management of cultural construction in Karachaevo-Cherkessia (1920–1967)*). Cherkessk: Stavropol Book Publishing House, Karachay-Cherkessia Branch, 1969. 192. (In Russian).
2. The State Archives of the Stavropol Territory (GASK) R-1852. Inv. 3. D. 93. (In Russian).
3. GASK F. P-2770. Inv. 3. D. 7. (In Russian).
4. The State Archive of the New History of the Stavropol Territory (GANISK) F.1. Inv. 2. D. 13. (In Russian).
5. GANISK F. 1. Inv. 1. D. 694. (In Russian).
6. GANISK F. 1. Inv. 1. D. 599. (In Russian).
7. GANISK F. 1. Inv. 1. D. 672. (In Russian).
8. GASK F. P-2795. Inv. 1. D. 39. (In Russian).
9. Gospi'tal'noe delo. 1947. No. 6. (In Russian).
10. Koychuev A. D. Karachayevskaya Karachaevskaia avtonomnaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 (*Autonomous Region during the Great Patriotic War of 1941–1945*). Rostov on Don: RSPU publ., 1998. 482 p. (In Russian).
11. Krasnokutskaja L. I., Mihajlenko V. I. Upravlenie kurortami Kavminvod (1803–2003). (*Management of resorts in the Caucasian Mineral Waters (1803–2003)*). Pjatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2004. 160 p. (In Russian).
12. Kopylova E. Je., Krasnokutskaja L. I. Stanovlenie i razvitie voenno-meditsinskoj sluzhby na Kavkazskih Mineral'nyh Vodah (1803–2007 gg.). (*Formation and development of military medical service in the Caucasian Mineral Waters (1803–2007)*). Essentuki, 2007. 222 p. (In Russian).
13. Ovanesov B. T., Sudavcov N. D. Zdravoohranenie Stavropol'ja (1918–2005 gg.). (*Public health services of the Stavropol Territory (1918–2005)*). Stavropol': ООО «Strojizdat-Grantstroj», 2007. 544 p. (Stavropol) (In Russian).
14. Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve them. G. N. Prozriteleva and GKPrave (SGMZ) F. 98. D. 68. (In Russian).
15. SSMZ them to Prosperiteva and Prave. F. 169. D. 1. (In Russian).
16. SSMZ them to Prosecutor and Prave. F. 170. D. 1. (In Russian).
17. Selivanova N. F. Stranicy istorii Essentukskogo zdravoohranenija.: Veteranam Velikoj Otechestvennoj vojny i truda, vsem medicinskim rabotnikam posvjashhaetsja / (*Pages of the history of Essentuki Health: Dedicated to the veterans of the Great Patriotic War and Labor and all medical workers*). Mineral'nye Vody: ОАО «Izdatel'stvo «Kavkazskaja zdravnica», 2005. 242 p. (In Russian).

УДК 94(470):615.8

А. А. Кудрявцев, Е. А. Кудрявцев

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ И ПРОЕКТИРОВАНИИ ГОРОДОВ
И ТУРИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД)**

Кавказские Минеральные Воды с начала XIX в. развивались как особая историко-культурная и лечебно-оздоровительная территория России, где возникновение, социокультурное развитие и проектирование наиболее значимых городов, было тесно связано с их лечебно-оздоровительными функциями бальнеологических здравниц российского и мирового значения. Авторами дан обобщающий исторический обзор формирования особого социокультурного пространства городов КМВ, продемонстрирована зависимость этого процесса от макроисторического контекста, в связи с чем, показано как менялся облик и городская жизнь в переломные моменты российской истории.

Возникнув на базе русских крепостей и казачьих станиц у целебных источников региона, эти города-курорты, прежде всего Пятигорск и Кисловодск, на протяжении длительного периода формировались не только как бальнеологические курорты и уникальные лечебно-оздоровительные центры,

но и как крупные объекты социокультурного назначения. Однако конец XX и начало XXI вв. ознаменовались бурным ростом индивидуальной и общественной застройки, которая не редко диссонирует с архитектурными ансамблями исторических центров городов КМВ, нарушая стройную композицию их историко-художественного облика, подавляя его однообразием городского ландшафта и примитивностью пространственных решений. В статье впервые подробно исследуется архитектурно-строительное проектирование наиболее значимых объектов культурного наследия Пятигорска и Кисловодска, выполненное в XIX – начале XX вв. выдающимися зодчими того времени, которые определили архитектурно-художественный облик их исторических центров, требующих сегодня бережного сохранения и использования.

Ключевые слова: культурное наследие, проектирование, исторический центр, город-курорт, архитектура, туризм, музеефикация, имидж.

A. A. Kudryavtsev, E. A. Kudryavtsev

**THE ROLE OF REGIONAL CULTURAL HERITAGE IN SOCIO-CULTURAL
DEVELOPMENT AND THE DESIGN OF CITIES AND TOURIST SITES
OF THE STAVROPOL REGION (ON MATERIALS
OF CAUCASIAN MINERAL WATERS)**

Since the beginning of the nineteenth century Caucasian Mineral Waters developed as a special historical, cultural, therapeutic territory of Russia, where appearance, sociocultural development and design of the most important cities, was closely linked to their therapeutic functions of balneological health resorts of national and world significance.

Based on Russian fortresses and Cossack villages located by the springs, the cities, especially Pyatigorsk and Kislovodsk, were formed not only as spa resorts and unique health centers, but also as large objects of social and cultural purpose. Architectural and structural design of the most significant objects of cultural

heritage of Pyatigorsk and Kislovodsk, made in the XIX – early XX centuries by well-known architects of that time, defined the architectural and artistic image of their historic centres. The authors give a general historical overview of the formation of a special sociocultural space of the cities of the Caucasian resorts, the dependence of this process on the macrohistorical context is shown, which reflects how the face and city life changed at critical moments in Russian history.

Key words: cultural heritage, design, historical center, resort city, architecture, tourism, museumification of the image.

Кавказские Минеральные Воды входят в число уникальных территорий России, которые в 1992 г. Указом Президента Российской Федерации от 27 марта 1992 г. и Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июля 1992 г. получили статус особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказские Минеральные Воды, федерального значения.

Возникнув в конце XVIII – начале XIX вв. как русские крепости, казачьи станицы и посты на Азово-Моздокской линии у целебных источников минеральной воды, они быстро превратились в известные бальнеологические курорты, получившие широкую известность в России и за рубежом. Сформировавшиеся на их базе города Кавказских Минеральных Вод, такие как Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск, сегодня являются значительными городами Ставропольского края, знаменитыми бальнеологическими лечебно-оздоровительными курортами, архитектурный облик исторических центров которых проектировался выдающимися зодчими Северного Кавказа XIX–XX вв.

На протяжении многих веков город выступал древнейшей и, в то же время, наиболее современной формой расселения людей, в которой с наибольшей полнотой нашел отражение уровень экономического, социокультурного, административно-территориального и этносоциального развития человечества на определенных этапах его истории.

Каждый исторический период отмечен формированием своих градостроительных традиций и архитектурных задач, отражающих динамику развития и характер социально-экономического и политического устройства данного моно- или полиэтнического сообщества.

Особое место здесь принадлежит северокавказскому городу, возникнувшему в наиболее развитых областях региона в последние века до н.э. и просуществовавшему на основной территории Северного Кавказа до конца XIV в., когда почти все средневековые города региона, кроме Дербента, погибли, в результате нашествия Тимура (1395 г.).

Возрождение северокавказской городской жизни повсеместно началось уже в XVIII в. и было связано с укреплением России на Северном Кавказе, когда на смену средневековым восточным градостроительным традициям пришли российские, впитавшие в себя как русские, так и западноевропейские.

В статье впервые исследованы пути формирования исторических центров двух крупнейших городов-курортов КМВ и показаны их генезис в пределах сложившейся планировочной

структуры городов Пятигорска и Кисловодска, где были возведены наиболее значимые архитектурно-художественные ансамбли.

Одновременно, в работе показано что, город является одним из важнейших памятников материальной и духовной культуры, ценнейшим объектом культурного наследия, которое может и должно помочь современному северокавказскому обществу осмыслить и объективно оценить сегодняшние реалии, определить новые перспективные направления этнокультурного развития и поддержания здесь атмосферы межэтнического диалога и мира.

Одной из важнейших задач проектирования и развития городской среды является не механическое объединение объектов культурного наследия, а создание нового единства исторических архитектурных ансамблей, гармонично сочетающихся с современной застройкой. При проектировании развития исторически сложившихся городов, каковыми на территории Ставропольского края, прежде всего, являются города особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказских Минеральных Вод: Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки, из которых два первых наиболее известны своими курортами и памятниками культурного наследия.

Лечебные свойства многочисленных минеральных источников были хорошо известны не только местным жителям, но и даже многим восточным завоевателям (на КМВ находилась летняя ставка правителей Золотой Орды), а с конца XVIII в. они приобретают популярность в России.

Оценив значение кавказских вод, император Александр I в 1803 г. издал рескрипт «О признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства» [4, с. 104].

Первым русским поселением на КМВ являлась крепость Константиновская, возведенная в 1780 г. [5, №31, с. 46], как одно из укреплений Азово-Моздокской оборонительной линии [5, №9, с. 26], расположенное на склоне горы Машук на высоте 510 м. над у.м. Позднее, в ходе своего развития, город был в 1830 г. переименован в Пятигорск (по названию расположенной рядом горы «Бештау», по-тюркски «пять гор») и получил статус окружного города Кавказской области.

Несмотря на свое военно-стратегическое значение, Пятигорск стал формироваться как бальнеологический курорт, в котором его лечебные функции во многом определяли проектирование исторического ядра и формирование памятников культурного наследия.

Уже в начале XIX в. у подножья г. Машук появилось селение Горячие воды, которое быстро росло и благоустраивалось, в том числе в значительной мере благодаря государственному финансированию, которое сумел добиться генерал А. П. Ермолов.

Учитывая тревожную обстановку, связанную с Кавказской войной, города и поселения КМВ охранялись по приказу императора, специальными военными командами и казаками, что, несомненно, накладывало отпечаток на проектирование и строительство главных социокультурных и лечебно-оздоровительных объектов кавминводских городов, а так же домов наиболее состоятельных местных горожан и столичной аристократии. К середине XIX в., несмотря на тревоги и опасности продолжавшейся войны, КМВ и, особенно его наиболее благоустроенные города Пятигорск и Кисловодск, становятся весьма популярными в России. Сюда на лечение и отдых активно приезжают, как многочисленные военные Кавказского корпуса, так и петербургская и московская знать, дворяне и купцы из других губерний.

Некоторые известные культурные и лечебные (ванные) сооружения Пятигорска и Кисловодска, как и знаменитое «водяное общество», стали объектами поэтического творчества великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Овеянные романтикой его знаменитого романа «Герой нашего времени», они сегодня являются местами паломничества туристов, поддерживая положительный имидж города и его памятников культурного наследия.

Начало плановой застройки исторического центра Пятигорска было положено стараниями генерала А. П. Ермолова, который добился государственного финансирования для городов КМВ и нашел в столице итальянских архитекторов из Швейцарии братьев Джузеппе и Джованни Бернардацци. По заключенному в 1822 г. контракту, братья выполнили на КМВ 147 проектов, сформировавших исторический облик города и его основные архитектурные объекты, многие из которых, сохранившиеся до наших дней, являются памятниками культурного наследия Пятигорска. Именно вокруг этих архитектурных ансамблей формировалась планировка и инфраструктура исторического ядра города, его современный исторический центр. Бернардацци спроектировали парки и сады, которые были разбиты на Горячей горе, а знаменитый «Цветник», устроенный по их проекту, и сегодня является одной из главных достопримечательностей Пятигорска и центром его культурной жизни.

Братья Бернардацци спроектировали генеральные планы практически всех курортных городов КМВ, на многие годы, определив развитие тогда еще небольших населенных пунктов около главных минеральных источников: Горячих, Кислых, Железных, Горьких (Ессентуки) вод. В основе генеральных планов каждого из них, было создание тщательно спроектированного архитектурного центра вокруг источника [6, с. 24–28].

В архитектурные ансамбли этих исторических центров входили не только лечебные здания и сооружения, но и дома состоятельных жителей города, строения военного и культурного назначения.

В Пятигорске итальянские зодчие спроектировали и заложили широкий липовый бульвар, который выступал одной из достопримечательностей города и его осевой линией застройки. У подножья Машука был устроен прекрасный грот Дианы (Эльбрус) в честь научно-военной экспедиции на Эльбрус генерала Емануэля (1829 г.), а на обрывистом склоне горы возвели беседку с романтическим названием «Эолова арфа», в честь греческого бога ветров.

В начале XX в. известные лечебные и социокультурные объекты города были дополнены рядом новых ванных, водолечебниц, родоносовой и грязевой лечебницами (Ново-Сабаневские-соврем. Пушкинские, Тиличевские-соврем. Пироговские и др.), выступающими и сегодня яркими памятниками культурного наследия ушедшей эпохи. Важнейшим событием в культурной жизни города было возведение в «Цветнике» Лермонтовской галереи с летним театром и музыкальной эстрадой [7, с. 28].

Значительный вклад в проектирование, застройку и благоустройство исторического центра Пятигорска внесли местные и столичные архитекторы, а так же реализация проекта известного профессора Э. Э. Карстенса «О необходимости создания и переустройства в Пятигорске парков, как одной из мер улучшения курорта» [4, с. 107].

Весьма значимыми этносоциальными объектами города и памятниками культурного наследия, вписанными в планировку исторической части города, являлись культовые сооружения Пятигорска, в котором до революции было шесть православных храмов, синагога, кирха, армянская церковь.

Важным этапом в проектировании и развитии планировки исторического центра Пятигорска стало возведение целого ряда великолепных архитектурных ансамблей общественных и жилых строений, таких как гостиница «Цен-

тральная», «Бристоль», «Эрмитаж», «Каменная», кинотеатры «Бомен», «Феномен», «Лира», «Колизей», вилла Э. Э. Карстенса в античном стиле, дом Мациевского в стиле модерн, питьевые бюветы на улице Церковной (Соборной) и др.

В проектировании и строительстве этих архитектурных сооружений, многие из которых и сегодня украшают город и являются памятниками культурного наследия, принимали участие известные архитекторы: Е. Ф. Шреттер, И. С. Гуцин, Э. Б. Ходжаев, О. И. Зелинский, А. И. Кузнецов и др. Наряду с исторической частью города проектировались и застраивались новые жилые и дачные пригороды Пятигорска (Провал, Карачаевка и др.).

После революции Советское государство уделило особое внимание курортным городам КМВ и ряд декретов Центрального правительства, датированных 1919–1923 гг. ставили вопрос о их реорганизации и развитии [2, 3].

В 20–30-е гг. XX в. планировка и инфраструктура города не потерпела крупных изменений, надо отметить лишь повышение комфортности и туристической привлекательности таких объектов культурного наследия, как Академическая (бывшая Елизаветинская) галерея и Народные ванны, к которым были пристроены прекрасные каменные лестницы.

В годы Великой Отечественной войны санатории Пятигорска, как и других городов КМВ, превратились в госпитали, где на протяжении всей войны (исключая период немецкой оккупации города с 9 августа 1942 г. по 11 января 1943 г.) принимали и лечили раненых.

Сразу по окончании войны в Пятигорске начали активно восстанавливаться городская инфраструктура и курортная деятельность, был открыт парк культуры и парк «Цветник», построена каменная лестница к скверу Лермонтова.

В послевоенные годы основные усилия были направлены на восстановление и реконструкцию старых довоенных и строительство новых санаториев, возведение промышленных и хозяйственных предприятий и объектов города, его транспортной и городской инфраструктуры, разрушенного войной жилого фонда.

И хотя, дальнейшее проектирование и строительство новых промышленных и бытовых, социальных и жилых объектов, не всегда удавалось безболезненно вписать в сложившуюся планировку исторического центра города, Пятигорск сохранил свой статус одного из главных курортно-туристических центров региона, бережно охраняющего свое культурное наследие.

Одним из главных исторических городов Ставропольского края, в значительной мере сохранившим свое обширное культурное наследие, является всемирно известный бальнеологический и кардиологический курорт – Кисловодск. Отмечая особый статус курортов КМВ, и прежде всего Кисловодска, известный французский инженер-гидротехник Ж. Франсуа писал: «В целой Европе не существует такого счастливого сочетания столь разнообразных ключей на сравнительно небольшом пространстве» [8, с. 5].

Город расположен в Кисловодской котловине, окруженной горами на высоте 817 м. над у.м. Эта территория богата памятниками археологии различных эпох – от каменного века до XVIII в. н.э., которые активно исследуются и проливают свет на древнюю и средневековую историю региона. В настоящее время на территории города и в его окрестностях выявлено более 280 археологических объектов, относящихся к различным эпохам и археологическим культурам. Многочисленные археологические артефакты, полученные в ходе раскопок, хранятся в местных и столичных музеях, в том числе, почти двадцать тысяч находок хранятся в Кисловодском историко-краеведческом музее.

Своим возникновением и мировой славой город обязан уникальным источникам минеральной воды «нарзана», обладающего прекрасными лечебными свойствами.

Название воды происходит от кабардинского «нарт-сано», т.е. «богатырская вода» – вода эпических кавказских героев – «нартов». Первым в России «лечение» целебным нарзаном из Кислого колодца испробовал командующий Кавказской линией генерал-лейтенант И. И. Морозов, проведший здесь в 1798 г. со своей семьей и свитой два месяца. Вскоре 7 марта 1803 г. Александр I направил военному губернатору князю П.Д. Цицианову рескрипт о возведении у Кислого колодца русского укрепления, призванного «обезопасить приезжавших туда на лечение больных» [4, с. 81], а позднее, 24 апреля 1803 г., появился известный указ об организации на Кавказских Минеральных Водах лечебных заведений «за счет государственных средств».

Планировка города, определявшая современную городскую структуру Кисловодска, складывалась из трех основных частей: крепости с форштадтом, возведенной 10 июня – 10 октября 1803 г.; курортной зоны, сформировавшейся вокруг целебного источника (Кислого колодца) и казачьей станицы, вокруг нарзанового источника (Кислого колодца); казачьей

станции, возникшей в 1825 г. и просуществовавшей до 1958 г., когда ее территория полностью вошла в состав городской.

В проектировании планировки и архитектурного облика Кисловодска, начавшегося с 1812 г. приняли участие многие известные российские архитекторы, среди которых особое место принадлежит выдающимся зодчим этого времени – братьям Бернардацци, а также Самуилу Ивановичу Уптону, приглашенному наместником на Кавказе М. С. Воронцовым после смерти итальянцев. В отличие от первых, возводивших свои архитектурные ансамбли в классическом стиле, С. И. Уптон строил в романтическом. В середине XIX в. зодчий выстроил великолепную Нарзанную галерею в позднеготическом стиле и перестроил стрелу крепость, придав ей декоративное оформление. В городе были возведены дом известного землевладельца, предпринимателя и общественного деятеля А. Ф. Реброва, гостиница «Ресторация», благоустроены берега Ольховки и другие сооружения.

А. Ф. Ребров прославился своей меценатской деятельностью, а в его знаменитом «доме с колоннами», описанном М. Ю. Лермонтовым в «Княжне Мери», гостили А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, цесаревич Александр II и многие другие выдающиеся люди России.

В 1848 г. Ребровым был установлен первый мемориальный памятник Кисловодска – каменный крест на Крестовой горе в связи с 50-летием открытия курортного сезона в 1798 г. генералом И. И. Мороковым.

Однако, до появления железнодорожной ветки от станции Минеральные Воды до Кисловодска в 1893 г., развитие курорта и планировки города шло в основном за счет частного домостроения в достаточно скромных объемах. За счет средств военного ведомства в 70-е гг. XIX в. было возведено лишь одно общественное сооружение – ванное здание для нижних чинов, пристроенное к Нарзанной галерее.

Появление железнодорожного сообщения резко активизировало посещаемость курорта и способствовало интенсификации застройки города преимущественно за счет частного капитала.

Одним из крупных культурных объектов, играющим и сегодня важную роль в планировке исторического центра Кисловодска, стало возведение в 1895 г. по проекту архитектора Е. И. Дескубиса, на средства акционерного общества Владикавказской железной дороги, прекрасного здания Курзала, с великолепным театральным залом на 650 мест.

На знаменитой Тополевой аллее (современный Курортный бульвар) в 1903 г. были

построены в художественно-декоративном стиле главные нарзанные ванны (архитектор А. Н. Клепинин), а в 1905 г. роскошная казенная гостиница «Гранд-отель» (сегодня санаторий «Нарзан») с лифтом, центральным отоплением и нарзанными ваннами.

В 1910 г. было закончено строительство нового вокзала и с этого же времени Кисловодск стал круглогодичным курортом, а в 1912 г. была возведена знаменитая «колоннада» города (архитектор Н. Н. Семенов), которая и сегодня является его визитной карточкой.

13 июня 1913 г. император Николай II издал Указ «Об обращении слободы Кисловодской в город» [4, с. 83], что отразилось на пути проектирования и застройки города, на формировании его исторического ядра.

К числу историко-культурных объектов последнего относились христианские храмы: восемь православных храмов, два старообрядческих прихода и армянская церковь.

С начала XX в. регулярную планировку города значительно дополнили мелкие мастерские и промышленные предприятия, разнообразные торговые лавки, магазины и питейные заведения.

Постепенно Кисловодск становится одним из самых модных курортов Российской империи и даже приобретает с начала XX в. славу ее «третьей летней столицы».

После революции, в 20-е гг. и во время первых пятилеток, на базе старых гостиниц и особняков открылись советские санатории, которые в 30-е годы были дополнены 17-ю новыми курортными здравницами и крупной грязелечебницей, оказавшими значительное влияние на развитие планировки города.

В 60–80-е гг. XX в. в Кисловодске активно наращивался лечебно-оздоровительный потенциал и продолжилось строительство новых и реконструкция старых санаториев, что благоприятно отразилось на посещаемости и заполняемости его санаториев.

В начале 90-х гг. XX в., Кисловодск, как и все другие города-курорты КМВ, переживали значительный спад в своем развитии, связанный с общим социально-экономическим и административно-структурным кризисом в Российской Федерации постсоветского времени. Однако, в рамках проводимых реформ было отмечено выдающееся эколого-курортное значение Кисловодска, как и других курортов Кавказских Минеральных Вод, которые Указом Президента РФ от 27 апреля 1992 г. вошли в состав особо охраняемого региона Российской Федерации – Кавказских Минеральных Вод.

После известного спада 90-х гг., Кисловодск смог преодолеть кризис и к началу XXI в. здесь уже функционировало более 100 санаториев.

Изменение социально-экономической ситуации в городах-курортах КМВ с начала XXI в. благоприятно отразилось на проблеме сохранения, изучения и музеефикации обширного культурного наследия региона. Здесь особое место принадлежит вопросам реконструкции и бережной реставрации сохранившихся архитектурных и археологических объектов ушедших эпох, а так же сохранению исторического облика сформировавшихся в XIX–XX вв. центров городов Кавказских Минеральных Вод с их неповторимыми архитектурными ансамблями. Сегодняшняя планировка и застройка на территории их древнейшего ядра должна проводиться только строго в рамках существующего законодательства об охране памятников культурного наследия и, если она возможна и необходима, то главной задачей нового проектирования и архитектурно-композиционного решения возводимых объектов является их симбиоз с уже существующими архитектурными ансамблями, где новое дополняет, а не перечеркивает достижения прошлых исторических эпох.

Не меньшего внимания и популяризации заслуживают объекты и места пребывания великих представителей российской культуры и науки, которые посетили Пятигорск и Кисловодск и другие города-курорты КМВ в XIX – на-

чале XX вв. Это прежде всего: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. А. Алябьев, М. И. Глинка, А. С. Аренский, С. В. Рахманинов, И. Е. Репин, А. Куинджи, Н. А. Ярошенко, М. В. Нестеров, Д. И. Менделеев, Н. И. Пирогов, Ф. И. Шаляпин, А. М. Горький, А. И. Солженицын и многие другие известные политические, военные и общественные деятели России XIX–XX вв.

Туристическая привлекательность подобных объектов культурного наследия, вписанных в современную застройку, значительно повышается их мемориальной связью с именами выдающихся деятелей российской и мировой культуры и науки, что способствует повышению положительного имиджа этих городов-курортов.

Мировая и общероссийская практика показали, что наиболее правильным с научной точки зрения и эффективным с экономической, является создание музеев под открытым небом федерального или регионального значения, в состав которых входят не только территории археологического или исторического культурного памятника, но и прилегающие ландшафтные зоны исторической среды обитания человека.

При этом надо учитывать, что «В городах курортного района получают развитие не только курортная, но и другие функции» [7, с. 40], которые, образуя сложные сочетания, «формируют градообразующую базу городов» [7, с. 40].

Источники и литература

1. Белозеров В. С. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. М.: Ваш Выбор. ЦИРЗ, 1997. 80 с.
2. Декрет СНК от 20 марта 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: [б.и.], 1943. С. 320–322.
3. Декрет СНК «О реорганизации курортного дела» от 13 марта 1923 г. // Собрание Узаконений Правительства РСФСР. М.: [б.и.], 1923. №21. С. 255–256.
4. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / ред Д. В. Кочура, А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Книжное издательство, 2002. 702 с.
5. Наш край (Документы, материалы. 1777–1917 гг.). Ставрополь: Книжное издательство, 1977. 424 с.
6. Полезные сведения для посетителей. Пятигорск: Типография Управления Кавказских Минеральных Вод, 1876. 154 с.
7. Смирнов С. А. Путеводитель к Кавказским Минеральным Водам. Пятигорск: Типография Управления Кавказских Минеральных Вод, 1864. 106, XXV с.; 2л. карт.
8. Франсуа Ж. Программа работ по устройству КМВ / пер. с франц. Я. Я. Верлина // Медицинский сборник. 1875. №26. С. 1–95.

References

1. Belozеров V. S. Kavkazskie Mineral'nye Vody: jevolucija sistemy gorodov jekologo-kurortnogo regiona (*Caucasian Mineral Waters: the evolution of urban system of ecological-resort region*). Moscow: Vash vibor, 1997. 80 p. (In Russian).
2. Dekret SNK ot 20 marta 1919 goda «O lecebnyh mestnostjah obshhegosudarstvennogo znachenija» (*Decree of Council of People's Commissars of March 20, 1919, "On the therapeutic areas of national importance"*) // Sbornie zakononii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g. 1919. No. 121. (In Russian).
3. Dekret SNK «O reorganizacii kurortnogo dela» ot 13 marta 1923 g. (*Council of People's Commissars' Decree "On the reorganization of the resort" dated March 13, 1923*) // Sbornie zakononii Pravitel'stva RSFSR. 1923. No. 21. P. 255–256. (In Russian).
4. Istorija gorodov i sel Stavropol'ja (*The history of cities and villages of the Stavropol territory*) / ed by D. V. Kochura, A. A. Kudryavtsev. Stavropol': Publishing house, 2002. 702 p. (In Russian).

5. Nash kraj (Dokumenty, materialy. 1777–1917 gg. (Our region (*Documents, materials. 1777–1917*). Stavropol': Publishing house, 1977. 424 p. (In Russian).
6. Poleznye svedeniya dlja posetitelej (*Useful information for visitors*). Pyatigorsk: Printing House Of Administration Of The Caucasian Mineral Waters, 1876. 154 p. (In Russian).
7. Putevoditel' k Kavkazskim Mineral'nym Vodam (*Smirnov S. A. Guide to Caucasian Mineral Waters*). Pyatigorsk: Printing House Of Administration Of The Caucasian Mineral Waters, 1864. 106, XXV p. (In Russian).
8. Programma rabot po ustrojstvu KMV (*Program of works on the KMV*) / translated Ja.Ja. Verlin // Meditsinskii sbornik. 1875. No. 26. С. 1–95. (In Russian).

УДК 94(47+57)«1942/1943»

С. И. Линец

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1966 ГОДА В МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ ПО ДЕЛУ ПОСОБНИКОВ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ: ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ¹

В статье освещаются проблемы проявлений коллаборационизма на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны, когда большая часть края находилась в немецкой оккупации. Автор рассматривает преступную деятельность полицейских структур и их немецких покровителей в городе Минеральные Воды в 1942–1943 гг., осуществивших истребление мирных советских граждан. Раскрыт механизм подготовки оккупационными властями массового истребления еврейского населения осенью 1942 года и участие в нем местных коллаборационистов. Исследуется послевоенная деятельность органов КГБ по раскрытию преступлений пособников нацистов и их последующему многолетнему розыску на территории Советского Союза. Подчеркивается, что срока давности таким

преступлениям не существует. Подробно освещаются особенности подготовки и проведения судебного процесса по делу бывших полицейских, проходившего в городе Минеральные Воды в 1966 г. Анализируется участие широких кругов общественности в проведении судебных слушаний, акцентируется внимание на отношении населения к вынесению сурового справедливого приговора, вынесенного Военным трибуналом бывшим немецким пособникам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ставропольский край, Минеральные Воды, немецкая оккупация, коллаборационизм, полиция, истребление мирных граждан, розыск немецких пособников, Военный трибунал, освещение в СМИ, справедливое возмездие.

S. I. Linets

THE LEGAL PROCESS OF 1966 IN MINERALNYE VODY OVER THE CASE OF THE ACCOMPLICES TO THE GERMAN INVADERS: PECULIARITIES OF PREPARATION AND CONDUCTING

The article throws light upon the gaps in the manifestations of collaborationism in Stavropol territory during the Great Patriotic War, when a greater part of the territory was under the German occupation. The author examines the criminal activity of the police structures and their German patrons in the town of Mineralnye Vody in 1942–1943 who carried out mass extermination of peaceful Soviet citizens. The author reveals the mechanism of the preparation by the occupation authorities of the mass extermination of the Jewish population in Autumn 1942 and the participation in it of the local collaborationists. The post-war activity of the KGB bodies to expose the crimes of the Nazi accomplices and their subsequent searches in the territory of the Soviet Union is also examined. It

is emphasized, that there is no prescription for such crimes. The peculiarities of the preparation and conducting of the legal process over the case of the former policemen held in 1966 in the town of Mineralnye Vody are described in detail. The participation of the large circles of the public in the conducting of the legal procedures is analyzed, the attitude of the population to the severe verdict delivered by the Court-Martial to the former German accomplices is accentuated.

Key words: the Great Patriotic War, Stavropol territory, German occupation, collaborationism, police, extermination of peaceful citizens, search for German accomplices, Court-Martial, Media coverage, just revenge.

Прошло почти 73 года после окончания Великой Отечественной войны. Однако ее геро-

ические и трагические отголоски по-прежнему отзываются в исторической памяти народа.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффективность избирательной медиатизации» №16-21-08001».

В войне с гитлеровской Германией согласно официальным уточненным данным Советский Союз потерял 26,6 миллионов человек: в кровопролитных сражениях на фронте, мирных граждан на захваченных врагом советских территориях, в немецких концлагерях [10, с. 43].

Целью данной работы является исследование одной из самых страшных страниц минувшей войны – карательной политики немецких захватчиков, осуществлявшейся ими на временно оккупированной территории СССР, в данном случае – на территории Ставропольского края, в городе Минеральные Воды. Автором рассматривается преступная деятельность местных коллаборационистов-полицейских, принимавших участие в массовых акциях по уничтожению мирного населения и затем в течение нескольких десятилетий скрывавшихся от возмездия. В этой связи исследуется послевоенная оперативно-розыскная работа местных органов КГБ по раскрытию преступлений бывших пособников нацистов, поиску виновных лиц и преданию их суду.

По различным проблемам коллаборационизма на Северном Кавказе, в том числе на Ставрополье, в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии в последние десятилетия были опубликованы несколько научных работ и значительное количество статей. Это, прежде всего, монографии М. В. Андриенко и С. И. Линца [3], Г. А. Беликова [4], Е. И. Журавлева [15], Е. Ф. Кринко и Т. П. Хлыниной [19], содержательные статьи З. В. Бочкаревой [9], А. П. Мякшева [24], Р. Р. Хисамутдиновой [37] и др.

В них раскрыты особенности проявлений коллаборационизма в регионе в период его оккупации немецкими войсками, определены основные направления и содержание экономического, административного, военного коллаборационизма, исследованы масштабы и мотивы сотрудничества части советских граждан с врагом, в том числе участие местных пособников оккупантов в массовом истреблении мирных граждан.

Вместе с тем, всё ещё недостаточно исследованным является вопрос, связанный с поиском после окончания Великой Отечественной войны бывших коллаборационистов, обвинявшихся в участии в издевательствах и уничтожении советских граждан и преданию их суду. По данной проблеме на материалах Ставропольского края вышли в свет только две работы: Л. Глебовой [12], а также А. Л. Попутько и Ю. Н. Христинина [26]. Поэтому данная проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Карательная политика немецких захватчиков была направлена не только против партизан и подпольщиков, которые вели борьбу с оккупационным режимом, но и против мирного населения. В первую очередь по политическим мотивам уничтожению подлежали коммунисты, сотрудники НКВД, советские активисты. По этническому принципу, в соответствии с бесчеловечной, так называемой «расовой теорией» Гитлера, полностью истреблялось еврейское население, в том числе женщины и дети.

Для реализации этих чудовищных планов на оккупированной территории создавалась разветвленная сеть различных охранных, полицейских и карательных структур. В их состав гитлеровцы набирали местных коллаборационистов, советских граждан, либо добровольно предложивших свои услуги врагу, либо, что имело место значительно чаще, взятых на службу по принуждению.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, воспоминания людей, переживших немецкую оккупацию, а также послевоенные исследования отечественных и зарубежных историков, масштабы сотрудничества с гитлеровскими захватчиками на оккупированных территориях СССР были весьма значительными. Достаточно сказать, что во всех городах и в крупных сельских населенных пунктах на оккупированной территории гитлеровцами были назначены бургомистры, старосты, созданы административные, экономические и полицейские структуры с участием советских граждан. Точные количественные данные, характеризующие масштабы коллаборационизма, до сих пор являются предметом дискуссий в историческом сообществе. Причем, разброс мнений достаточно велик. Так, к примеру, М. А. Гареев определяет численность предателей, оказавшихся только в подразделениях вермахта и в других военных структурах врага, всего в 200 тысяч человек, [11, с. 49] в то время как С. И. Дробязко – в 1,3–1,5 млн человек [13, с. 131–133]. Что касается общего количества лиц, которые были вынужденно, под угрозой расправы со стороны оккупантов сотрудничать с ними, т.е. так называемых «пассивных коллаборационистов», то их численность могла доходить до 22 млн человек. Это составляло примерно 25 % от общего числа советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях [38, с. 510–511].

Битва за Кавказ продолжалась 442 дня – с 25 июля 1942 года и до 9 октября 1943 года. В ходе наступления гитлеровских войск на зна-

чительной части территории региона был установлен немецкий оккупационный режим. При этом для краев и республик продолжительность его существования была разной: наибольшей для Краснодарского края и наименьшей для части территорий Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Что касается немецкой оккупации Ставропольского края, то она началась в первых числах августа 1942 г. и завершилась изгнанием врага в конце января 1943 г., т.е. длилась около полугода. Эвакуация городского и сельского населения с территории края проводилась в спешке, при острой нехватке времени и транспортных средств. Поэтому, согласно архивным данным, в восточные районы страны было вывезено всего лишь около 120 тысяч человек [21, с. 51]. Как отмечают А. Кругов и О. Парфенов, «... с учетом беженцев «под немцем» оказалось около двух миллионов человек» [20, с. 18]. А по состоянию на конец 1939 г. в Ставропольском крае численность населения составляла 1 млн 759 тысяч человек [29, с. 9]. Следовательно, масштабы эвакуации населения оказались мизерными. Не успевшие или не желавшие уехать жители края и беженцы должны были теперь приспособиваться к новой жизни в условиях немецкого оккупационного режима...

Регион Кавказских Минеральных Вод был захвачен передовыми частями 1-й немецкой танковой армии генерала Клейста в период с 8 по 15 августа 1942 г. Вслед за войсковыми подразделениями сюда прибыли различные карательные и административные учреждения, приступившие к оформлению структуры оккупационного режима. Согласно сообщению краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, подготовленному к 17 июня 1944 г. на основе 110 актов, в период оккупации на территории Ставропольского края гитлеровцами и их пособниками было истреблено 31645 мирных советских граждан и 277 военнослужащих Красной армии [27, с. 118]. При этом по подсчетам И. А. Альтмана жертвы Холокоста составили 19700 человек, а по информации А. И. Кругова, использовавшего материалы судов над изменниками Родины, в городах и сельских населенных пунктах Ставрополья было истреблено около 25000 евреев [2, с. 280–281].

В город Минеральные Воды немецкие войска вошли 8 августа 1942 года. На следующий день здесь обосновалась ортскомендатура во главе с военным комендантом города майором

Бартом. Всего несколько дней потребовалось ему и его сотрудникам для подбора «кадров» из местного населения для укомплектования штатов управления городской полиции. Начальником управления полиции города Минеральные Воды Бартом был назначен Е. Ф. Завадский. Еще в сентябре 1941 г. на фронте он попал в плен и вскоре встал на путь измены Родине. В течение почти года предатель выслуживался перед своими хозяевами и летом 1942 г. в составе немецкой армии прибыл на Северный Кавказ. Гитлеровцев вполне устраивала его кандидатура еще и потому, что Е. Ф. Завадский был родом из этих мест. Поэтому он хорошо знал Минеральные Воды, его окрестности и, главное, многих местных жителей [18].

Рьяно взявшись за порученное дело, он быстро нашел себе помощников. К. Н. Науменко стал старшим полицейским и одновременно занял пост инструктора городской полиции. По его предложению в полицию был взят на работу П. И. Гришан, ранее дезертировавший из рядов Красной армии. Еще через несколько дней секретарем управления полиции стал Г. П. Божко, а старшим полицейским поселка имени Анджиевского – Т. Л. Тарасов. При ортскомендатуре в качестве переводчика служил М. П. Габ, «кровавый Митька», как называли его местные жители, этнический немец (фольксдойче), гражданин СССР, перешедший на службу к гитлеровцам еще в 1941 г. в городе Николаев на Украине [18].

Именно эти шесть пособников немецких оккупантов обвинялись в истязаниях и массовых убийствах советских граждан. Сотрудники Управления КГБ по Ставропольскому краю искали их долгие годы и, наконец, в 1966 году эти поиски завершились арестом предателей. О том, какая это была непростая для чекистов работа, можно судить, к примеру, по долголетней истории поисков одного из обвиняемых – М. П. Габа, гражданина СССР. В январе 1943 г. он вместе с отступающей с Северного Кавказа немецкой армией оказался на Украине. Здесь работал в качестве переводчика при дорожно-строительном отделе в селе Михайловка Николаевской области. Затем М. П. Габ поменял свое имя и фамилию и стал Дмитрием Габовым. С поддельными документами в феврале 1944 г. сумел вступить в ряды Красной армии. После войны уехал как можно дальше от мест своих преступлений – в Сахалинскую область, где устроился работать заведующим на складе [18]. Надеялся, что здесь его не найдут. Однако просчитался, так как через много лет работниками госбезопасности всё же был разоблачен.

«Через двадцать лет, в 60-е годы, в одном из жителей Южного Сахалина по оттопыренным ушам был опознан и переводчик М. Габ...», — отмечает А. Мосинцев [22]. И вот теперь вместе со своими поделщиками по кровавым преступлениям он со страхом ожидал суда.

Еще более сложной для чекистов задачей был поиск и разоблачение Г. П. Божко. Пытаясь уйти от неминуемого возмездия, он проявил в достижении этой цели, казалось бы, максимальную изворотливость и изощренность. Г. П. Божко, в частности, утверждал на суде, что в Минеральных Водах никогда не был и полицейским здесь не служил. В это время он, якобы, был узником немецкого концлагеря Освенцим, где состоял даже в лагерном подполье. Однако специально проведенная экспертиза показала, что лагерный знак на руке подсудимого ни по цвету краски, ни по размерам цифр, ни по способу их нанесения, не имеет никакого сходства со знаками, которые имели бывшие узники Освенцима [35]. Кроме того, журналист А. Ф. Лебедев, автор книги «Солдаты малой войны», в которой на основе документальных фактов рассказывалось о героической деятельности лагерного подполья, своими показаниями быстро развеял миф о «героической» деятельности Г. П. Божко [1].

Отступая вместе с немецкой армией с территории Северного Кавказа в январе 1943 г., поменял свою фамилию и Е. Ф. Завадский. Теперь он, уже как Е. Ф. Михайлюк, вступил в ряды Красной армии, однако, ненадолго. Вскоре дезертировал и занялся грабежами и разбоем. За это привлекался к уголовной ответственности, выдавая себя вначале уроженцем Ленинграда, а затем Харькова [8]. Но и такая замысловатая «биография» не спасла Е. Ф. Завадского от возмездия.

Накануне судебного процесса в течение нескольких месяцев следователи кропотливо проводили свою работу, опираясь на архивные документы, в том числе немецкие, опрашивая сотни свидетелей, невольно ставших очевидцами преступлений этих гитлеровских пособников-палачей. Нельзя было упустить ни одну деталь, которая дала бы возможность обвиняемым поставить под сомнение объективность суда! 29 объемных томов составили уголовное дело №27, в которых были собраны неопровержимые доказательства преступлений бывших коллаборационистов-полицейских [6].

После этого все материалы следствия были переданы в суд. Он работал с небольшим перерывом в зале клуба «Авиароботник» Минераловодского аэропорта города Минеральные

Воды в течение 13 дней, с 31 января по 12 февраля 1966 г. с несколькими перерывами, вызванными ухудшением здоровья отдельных обвиняемых. Изменников Родины судил Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа под председательством генерал-майора юстиции Г. Г. Нафикова. Государственное обвинение поддерживали заместитель военного прокурора Северо-Кавказского военного округа полковник юстиции И. В. Задорожный и помощник военного прокурора подполковник юстиции А. Е. Дорогов. В качестве общественного обвинителя на суде выступал пенсионер, бывший железнодорожник В. И. Белослудцев [35].

В ходе судебного процесса все шестеро обвиняемых были допрошены, были также заслушаны свидетельские показания около 120 граждан, тщательно изучены несколько тысяч документов. Кроме того, в ходе работы суда были продемонстрированы два документальных фильма — «Захватчикам не уйти от расплаты» и «По следам фашистского зверя», снятые кинематографистами Азербайджана и Грузии в 1943 г., всего через несколько месяцев после освобождения городов Кавказских Минеральных Вод от немецких оккупантов. Часть этих кинодокументов рассказывала, в том числе, и о преступлениях гитлеровцев и их пособников-полицейских, совершенных в городе Минеральные Воды. Обвиняемые увидели на экране следы своих зверств, когда демонстрировалась эксгумация трупов их жертв, извлеченных из противотанкового рва у бывшего стекольного завода.

Согласно сообщениям краевой прессы, ежедневно в ходе работы Военного трибунала в зале присутствовали сотни местных жителей. Один из них, В. К. Домницкий, давая интервью автору данной статьи, вспоминал: «Желание у жителей города попасть на суд было огромное. Зал суда не вмещал желающих людей, переживших оккупацию. Ужасы злодеяний фашистов и их приспешников витали в людской атмосфере. Хотелось своими ушами услышать и глазами увидеть предателей, оценить их своим проклятием и броским словом ненависти и презрения» [16]. Поскольку желающих присутствовать на судебных заседаниях было намного больше, на площади перед зданием клуба аэровокзала были установлены громкоговорители, транслировавшие каждое слово, которое звучало в зале. К. П. Домницкий участвовал в судебном процессе в качестве народного заседателя, избранного местным населением. Поэтому его сыну В. К. Домницкому однажды разрешили пройти в зал суда и в течение не-

скольких минут поприсутствовать на одном из заседаний. Ему запомнилась в этой связи царившая там атмосфера: «В фойе стояло много людей прямо и справа. Поднявшись на балкон, я через плечо незнакомого мужчины увидел перед собой небольшую трибуну. За трибуной стояла женщина, видимо, свидетель. Слева в армированной клетке сидело 6 человек, правда, если их так можно назвать – «человек». Я догадался, что это прислужники немцев. На сцене стоял длинный стол, покрытый красной скатертью. За столом сидели три человека, кто они, я тогда не знал точно. Правда, подумал про себя: «Наверное, судьи» [16]. На оглашение приговора немецким пособникам-коллаборационистам, который был вынесен 12 февраля 1966 г., пришли более 2000 человек [31].

В ходе работы Военного трибунала, допроса обвиняемых, предъявления неопровержимых свидетельств их преступных деяний выяснилось, что только трое из шести обвиняемых – М. П. Габ, П. И. Гришан и Е. Ф. Завадский – признались в совершенных ими преступлениях. Правда, каждый из них при этом пытался разными аргументами и объяснениями оправдать свое участие в уничтожении советских граждан. Скажем, Е. Ф. Завадский «... тоном прокурора начал свою речь с обвинения военных преступников. Дескать, непосредственными исполнителями кровавых злодеяний, совершенных в Минеральных Водах, являлись фашистские палачи Барт, Винц, Штольмец, Фукс, Ройтгардт... А он, Завадский, вовсе ни при чем, исполнял волю хозяев» [8].

Остальные трое подсудимых, несмотря на убедительные доказательства их участия в истреблении советских граждан, в том числе показания многочисленных очевидцев, всячески отрицали свою вину. Особенно упорно и настойчиво это делали, как свидетельствуют материалы судебного процесса, К. Н. Науменко и Т. Л. Тарасов. Причем, против них, своих мужей, в ходе следствия и на суде дали показания даже их жены. М. Н. Науменко, в частности, указала на тот факт, что служить в полицию ее муж пошел добровольно, вполне осознанно, проигнорировав категорические возражения жены и тестя [36]. В свою очередь, жена Т. Л. Тарасова передала следователям КГБ вещественные доказательства: золотое кольцо и корпус золотых часов, которые ее муж в 1942 г. снял с казненных людей и присвоил [33].

Несмотря на отказы в признании своих кровавых преступлений, такая тактика поведения на суде предателям не помогла: все трое – К. Н. Науменко, Т. Л. Тарасов и Г. П. Божко –

были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Впрочем, и признавшие свою вину М. П. Габ и Е. Ф. Завадский также не избежали смертной казни. Только П. И. Гришан, благодаря тому, что в годы Великой Отечественной войны не только совершал преступления, но и воевал на фронте и получил несколько тяжелых ранений в боях с врагом, был приговорен к 15 годам лишения свободы. Суд вынес также решение о конфискации у П. И. Гришана имущества, лишил его всех наград и воинского звания младший лейтенант запаса [31].

Разумеется, суд Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа, работавший в Минеральных Водах в начале февраля 1966 г., как и любой другой суд, включал в себя перечень однотипных, похожих по своему содержанию мероприятий. Вместе с тем, следует отметить, что по целому ряду позиций, составлявших в совокупности подготовку и работу данного суда, характер и содержание обвинений подсудимых, общественный резонанс, он имел и свои важные характерные особенности, присущие только ему специфические черты. Поэтому целесообразно выделить и такие особенности данного судебного процесса, и его определенные сходства с другими подобными судами над бывшими коллаборационистами.

Во-первых, это был первый на Ставрополье открытый суд над изменниками Родины, проведенный только через 21 год после окончания Великой Отечественной войны. К примеру, в Краснодарском крае такой первый открытый суд состоялся уже в ходе войны, в июле 1943 г.

Во-вторых, все шестеро подсудимых, являвшихся в период оккупации Минеральных Вод сотрудниками городского управления полиции, обвинялись в преступлениях, совершенных в разные периоды существования немецкого оккупационного режима и в отношении различных групп советских граждан. Прежде всего, они принимали активное участие в истреблении около 10 тысяч граждан еврейской национальности, привезенных из всех городов Кавказских Минеральных Вод и умерщвленных в период с 1 по 9 сентября 1942 г. в районе стекольного завода. Следовательно, эта акция имела этническую подоплеку и являлась одной из многочисленных зловещих составных частей Холокоста. Причем, Е. Ф. Завадский и М. П. Габ накануне, 30 августа 1942 г., принимали участие в совещании, которое в Минеральных Водах проводил начальник Пятигорского отделения службы безопасности СД-12 гауптштурмфюрер Винц. На этом секретном совещании был составлен план уничтожения всех

евреев, находившихся тогда в городах Кавказских Минеральных Вод: 1 сентября 1942 г. – в Минеральных Водах, 2 – 8 сентября – в Пятигорске, Ессентуках и Железноводске, 9 сентября – в Кисловодске [18].

Именно Е. Ф. Завадскому, как начальнику управления полиции Минеральных Вод, военный комендант полковник Барт поручил предварительно подготовить списки всех 500 евреев, проживавших тогда в городе. Секретарь управления полиции Г. П. Божко, в свою очередь, провел регистрацию еврейских граждан [18].

В ходе расправы над еврейским населением 1 сентября 1942 г. полицейские с применением силы заталкивали обреченных на смерть людей в немецкие «душегубки», в которых они погибали всего через несколько минут от удушения выхлопными газами (окисью углерода). В этой связи отметим, что на Нюрнбергском судебном процессе над главными немецкими военными преступниками, который проходил в 1945–1946 гг., помощник главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов в своем выступлении указывал: «... с бесспорной очевидностью явствует, что массовое умерщвление людей «душегубками» впервые было установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией в Ставропольском крае» [25, с. 295]. При этом в перечне документов, которые были предоставлены советской стороной международному суду в Нюрнберге, данный акт имел обозначение как «документ под № СССР-1» [25, с. 295]. Как раз истребление еврейского населения в районе города Минеральные Воды, в котором участвовали сотрудники городского управления полиции, и являлось по времени проведения этой бесчеловечной акции и по количеству жертв таким массовым убийством с применением «душегубок».

Одним из первых преступления немецких палачей и их пособников-полицейских расследовал в Минеральных Водах член Чрезвычайной Государственной Комиссии, писатель, академик А. Н. Толстой. Летом 1943 г. он приехал из Москвы специально для выявления многочисленных фактов истребления советских граждан на Ставрополье. В частности, А. Н. Толстой принимал участие в эксгумации трупов, извлеченных из противотанкового рва в районе стекольного завода. Позже он в этой связи отмечал: «Показаниями свидетелей и медицинским исследованием трупов можно установить, что для умерщвления немцы применяли, кроме расстрела, также удушение окисью углерода в герметически закрытых, специально для такого убийства построенных

машинах. Военнопленный механик Фенихель дал нам подробное описание такой машины, построенной на «Заводе строительства автокузовов а/о Берлин» [28, с. 28]. Бывший прокурор города Минеральные Воды В. Г. Огороков, также участвовавший в июле 1943 г. в эксгумации трупов, в своем выступлении на суде указывал: «У отдельных умерщвленных рот и нос были забиты землей, что свидетельствует о том, что часть жертв сбрасывалась в ров еще живыми. В отдельных местах противотанковой траншеи было сплошное залегание трупов. На 105-ти метрах рва слой трупов достигал полутора метров» [17].

В-третьих, в середине декабря 1942 г. все обвиняемые участвовали в облаве, устроенной немцами для поимки разведывательно-диверсионной группы «Месть», состоявшей из девяти советских воинов. Она была выброшена на парашютах с самолета в районе горы Змейка в окрестностях города Минеральные Воды. В ходе скоротечного боя один десантник был убит, а восемь были захвачены в плен. Затем в ходе длительных допросов М. П. Габ не только выполнял роль переводчика, но и сам лично истязал пленных десантников [22]. Данный эпизод, на наш взгляд, можно трактовать как участие полицейских в проведении военной акции.

В-четвертых, все шестеро обвиняемых в конце декабря 1942 г. принимали участие в аресте советских граждан И. А. Советова, М. А. Захарова, В. Г. Карнышина, Д. И. Шейко, В. И. Табурченко и других, всего 17 человек. В большинстве своем это были руководящие работники Минераловодского железнодорожного узла, которых немецкие оккупанты арестовали по подозрению в принадлежности к партийно-советскому активу города. Затем в начале января 1943 г., согласно показаниям свидетельницы К. С. Камышевой, полицейские и немецкие солдаты вывели их из тюремной камеры. М. П. Габы зачитал список арестованных, все 17 человек были погружены в автомашины и вывезены за город к противотанковому рву. Здесь всех их расстреляли. Случилось это 8 января 1943 г., всего за три дня до освобождения Красной армией города Минеральные Воды от немецкой оккупации. Свидетелем расстрела был житель города А. Н. Розанов, дававший свои показания на этом судебном процессе и учивавший подсудимых в качестве палачей, принимавших непосредственное участие в казни советских граждан [34]. В частности, суд отметил, что расстрелом советских патриотов лично руководил М. П. Габ [18]. Таким

образом, всем шестерым пособникам немецких оккупантов было предъявлено обвинение в непосредственном участии в аресте и убийстве партийно-советских активистов, т.е. в преступлении с политической подоплекой.

В-пятых, при подготовке материалов данного суда и затем в ходе его работы следователи и судьи обращались для дачи свидетельских показаний к бывшим пособникам немецких оккупантов, полицейским, ранее уже отбывшим наказание за свои преступления. Они в 1942 г. здесь же, в Минеральных Водах, принимали участие в карательных акциях против советских граждан вместе с К. Н. Науменко, Т. Л. Тарасовым, Г. П. Божко, М. П. Габом, Е. Ф. Завадским и П. И. Гришаном, сидевшими теперь на скамье подсудимых. Одним из них был А. Д. Иванов. Он рассказал, в частности, как в середине сентября 1942 г. обвиняемые выводили обреченных людей на казнь из камер полицейской управы Минеральных Вод. Дальше произошел следующий диалог: «А вы участвовали, Иванов? – спрашивает председатель Военного трибунала. – И я участвовал. Вместе с Божко, Науменко, Завадским, Гришаном насильно раздевал людей и загонял в «душегубку». В тот день в машину мы затолкали человек 35–40. Были, конечно, дети» [32]. В качестве свидетелей давали показания и бывшие «пассивные» коллаборационисты, служившие в оккупационных немецких органах власти в городе Минеральные Воды, но не уличенные в совершении тяжелых преступлений. В этой связи интерес представляет по прошествии уже более 20 лет после окончания Великой Отечественной войны отношение к ним со стороны других советских граждан. Его можно проиллюстрировать на примере журналистского штампа, который отчетливо передает атмосферу народной памяти о трагических событиях минувшей войны. «К свидетельскому столу вызываются поочередно Раиса Владимировна Ткаченко, Антонина Ивановна Мирошникова, Капитолина Степановна Камышева. Вынужденные прислуживать оккупантам и их холоум, они невольно оказывались очевидцами драматических событий», – подчеркивал в своем репортаже из зала суда корреспондент городской газеты «Коммунист» В. Беляев [7].

Кроме того, следует отметить, что в ходе работы Военного трибунала, прежде всего во время допросов каждого из обвиняемых, другие подсудимые активно свидетельствовали против своего же бывшего полицейского-сослуживца. К примеру, М. П. Габ, давая показания, в самом начале судебного процесса утверждал: «Я лично видел, как Тарасов стрелял в безо-

ружных людей. Хорошо помню, что на период массовых расстрелов всем полицейским выдавали дополнительно по 30 или 35 патронов. Значит, они использовались. Сам был очевидцем, как однажды в полицейском управлении шел дележ драгоценностей, снятых с расстрелянных» [5]. Понятно, что все они пошли на такой шаг, чтобы попытаться как можно больше переложить вину за преступления на других, постараться обелить себя, чтобы избежать самого сурового наказания. Однако эти попытки оказались тщетными: каждый из подсудимых получил своё наказание, соизмеримое с тяжестью совершенных им преступлений.

В-шестых, двое из шести обвиняемых ранее уже были осуждены Военными трибуналами за измену Родине, т.е. по пункту 1-му статьи 58-й Уголовного кодекса РСФСР. Г. П. Божко получил пять лет лишения свободы, а К. Н. Науменко – 25 лет [33]. Но оба они тогда, конечно, скрыли свою службу в полиции и преступное участие в зверском массовом уничтожении мирных советских граждан, а также военнослужащих Красной армии в городе Минеральные Воды в 1942–1943 гг. Поэтому оба прежних приговора были отменены ввиду возникших новых фактов и данных об их преступлениях.

Работа Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа по осуждению немецких пособников, проходившая в начале 1966 г. в городе Минеральные Воды, подробно освещалась на страницах местных средств массовой информации. В краевых газетах «Ставропольская правда», «Кавказская здравница», Минераловодской городской и районной газете «Коммунист» журналисты практически ежедневно публиковали статьи о подготовке и ходе этого судебного процесса. Они, в частности, сообщали читателям о предъявленных бывшим полицейским обвинениях, основанных на показаниях очевидцев и свидетелей их преступлений, приводили конкретные факты карательных действий, пыток и расстрелов, в которых все шестеро обвиняемых принимали непосредственное и активное участие. На страницах газет помещались также фотографии из зала суда и фотоматериалы периода Великой Отечественной войны, имевшие прямое отношение к данному судебному процессу.

Газетные публикации, разумеется, не только отражали своим содержанием ту общественную атмосферу, которая складывалась в городе Минеральные Воды и на всей территории Ставропольского края вокруг этого судебного процесса, но и в значительной степени формировали и укрепляли ее. Поэтому журналисты

в своих репортажах о работе Военного трибунала использовали лексику и терминологию, поднимавшую у читателя «градус» ненависти к пособникам немецких оккупантов, подводили его к мысли о неотвратимости самого сурового их наказания. «Клятвоотступники», «свора палачей», «подлецы и изменники», «звериное нутро предателей», «изверги», «душегубы» и другие столь же жесткие определения в адрес пособников нацистов воспринимались тогда советскими гражданами вполне адекватно и с пониманием происходящего события [31]. Все были единодушны в том, что возмездие должно свершиться!

Широкий общественный резонанс этого судебного процесса нашел также свое отражение в многочисленных воспоминаниях, которые оставили жители Минеральных Вод и их окрестностей, являвшиеся в 1942–1943 гг. свидетелями преступлений бывших полицейских. Эти свидетельства собирались в первую очередь для усиления на суде доказательной базы против пособников оккупантов. Вместе с тем, такие воспоминания записывались и после завершения работы Военного трибунала. В частности, для пополнения экспозиций и фондов местных музеев, рассказывавших о событиях Великой Отечественной войны.

Такие материалы позже активно использовались в проведении военно-патриотической работы среди молодежи, в краеведческой работе, в написании книг, очерков, статей о событиях минувшей войны. К примеру, Г. А. Куреленок, которому в 1942 г. было 12 лет, был очевидцем истребления еврейского населения. Он, в частности, видел, как полицейский Т. Л. Тарасов металлическим предметом выбивал золотые зубы у обреченных к смерти людей, а затем расстреливал их у противотанкового рва. Несколько раз лично Т. Л. Тарасов и другие полицейские избивали Г. А. Куреленку и его друзей за невыполнение распоряжений полицейской управы [23, л. 2].

Широкий общественный резонанс этого судебного процесса проявился также через многочисленные отклики советских граждан, направлявших свои полные трагизма письма, воспоминания, требования беспощадно покарать палачей в редакции краевых и местных газет. Это тот случай, когда можно утверждать, что такие материалы были написаны не под

диктовку местных чиновников, а явились результатом глубоких душевных переживаний и страданий. Для многих авторов этих посланий, прежде всего ветеранов Великой Отечественной войны, они были вызваны воспоминаниями о минувшей войне, о гибели своих однополчан, родных и близких людей. К примеру, среди них встречались и письма, где приводились факты гибели членов семьи и знакомых граждан именно в Минеральных Водах в период оккупации города немецкими войсками. Следовательно, бывшие коллаборационисты, обвиняемые на данном судебном процессе, также прямо или косвенно были повинны в уничтожении этих людей. Ветеран Великой Отечественной войны А. Каневец из села Солуно-Дмитриевское Ставропольского края в своем письме отмечал: «Когда я прочитал в газете о судебном процессе над сообщниками гитлеровских палачей, изменниками Родины..., то у меня содрогнулось сердце. Какое злодеяние сделано этими холуями фашистских разбойников. ... От своего имени и от имени своих товарищей по оружию, видевших ужасы гадов-фашистов и их подручных, требую сурово наказать гитлеровских палачей по всей строгости нашего закона» [17].

Сотрудник Пятигорского санатория Министерства обороны СССР М. И. Сивриновский прислал в редакцию местной газеты «Кавказская здравница» фотографии отца и двух младших сестер 19 и 16 лет, которые в начале сентября 1942 г. немецкими палачами и их пособниками-полицейскими были убиты и брошены в противотанковый ров за городом Минеральные Воды. Вместе с ними была казнена и мать М. И. Сивриновского. Потерявший всю свою семью, переживший немало скорбных, горестных минут, он теперь взывал суд к отмщению и суровому наказанию за смерть невинных жертв, своих родных людей [32].

Судебный процесс над пособниками немецких оккупантов, проходивший в городе Минеральные Воды в 1966 году, стал своеобразной точкой отсчета для продолжения работы по выявлению коллаборационистов, совершивших свои преступления на территории Ставропольского края в 1942–1943 гг. Он наглядно показал, что время не властно над людской памятью, что историческая справедливость восторжествует и виновные понесут заслуженное наказание.

Литература

1. Алексеев В. Перед лицом неопровержимых улик // Коммунист. Орган Минераловодского райкома и горкома КПСС, районного и городского Советов депутатов трудящихся Ставропольского края. 1966. 11 февраля.
2. Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 544 с.

3. Андриенко М. В., Линец С. И. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов. Пятигорск: ПГЛУ, РИА-КМВ, 2009. 156 с.
4. Беликов Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
5. Беляев В. Кровавые следы злодеяний // Коммунист. 1966. 2 февраля.
6. Беляев В. Пришло время расплаты // Коммунист. 1966. 1 февраля.
7. Беляев В. Свидетели обличают убийц // Коммунист. 1966. 6 февраля.
8. Беляев В. Черное обелить невозможно // Коммунист. 1966. 4 февраля.
9. Бочкарева З.В. Социальная демагогия и реальность: торгово-промышленная политика нацизма на Ставрополье в период фашистской оккупации // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь: СГУ, 2005. С. 521–529.
10. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М.: Вече, 2010. 384 с.
11. Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. №4. С. 42–52.
12. Глебова Л. Когда я снова буду... М.: Молодая гвардия, 1970. 205 с.
13. Дробязко С. И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценках молодых: Сб. статей студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: Архив РОА, 1997. С. 127–134.
14. Дядиченко В. Час возмездия. Не уйти от расплаты // Коммунист. 1966. 13 февраля.
15. Журавлев Е. И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006. 232 с.
16. Информант – Виктор Константинович Домницкий – родился в 1947 году, имеет высшее военное образование, капитан 1-го ранга в отставке. В настоящее время является председателем Минераловодского районного отделения Ставропольской краевой общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Интервью, продолжительностью в 47 минут, проходило 15 октября 2016 года в городе Минеральные Воды в помещении данной организации.
17. Канивец А. Сурово покарать предателей // Коммунист. 1966. 6 февраля.
18. Коротин А. Этого не забыть и не простить! // Ставропольская правда. 1966. 15 января.
19. Крино Е. Ф., Хлынина Т. П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.
20. Кругов А., Парфенов О. Предатели и пособники. Как ими становились // Открытая газета. 2016. №41. 19–26 октября.
21. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 г. – октябрь 1943 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 492 с.
22. Мосинцев А. Беспамятство // Кавказский край. 1992. 2–8 марта.
23. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Краеведческий музей» Минераловодского городского округа Ставропольского края. Научный вспомогательный фонд №415. Воспоминания Г. А. Куреленка. Записаны 23 февраля 1966 года.
24. Мякшев А. П. Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Том 12. Серия История. Международные отношения. Выпуск 4. С. 114–117.
25. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т.3. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. 816 с.
26. Попутько А. Л., Христинин Ю. Н. Именем ВЧК: Документальная повесть-хроника о ставропольских чекистах. Ставрополь: Книжное издательство, 1988. 400 с.
27. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Ставрополь: Книжное издательство, 1962. 515 с.
28. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.). Документы и материалы. Ставрополь: Книжное издательство, 2000. 175 с.
29. Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. Ставрополь: Книжное издательство, 1968. 220 с.
30. Фененко М. Перед лицом неопровержимых фактов // Кавказская здравница. 1966. 4 февраля.
31. Фененко М. Суд над изменниками Родины. Возмездие свершилось. // Кавказская здравница. 1966. 13 февраля.
32. Фененко М. Суд над изменниками Родины. Как бандиты не выкручиваются... // Кавказская здравница. 1966. 9 февраля.
33. Фененко М. Суд над изменниками Родины. Перед лицом неопровержимых фактов // Кавказская здравница. 1966. 4 февраля.
34. Фененко М. Суд над изменниками Родины. Свидетели обличают // Кавказская здравница. 1966. 5 февраля.
35. Фененко М. Суд над изменниками Родины. Час расплаты близится // Кавказская здравница. 1966. 12 февраля.
36. Фененко М. Улики неопровержимы // Кавказская здравница. 1966. 8 февраля.
37. Хисамутдинова Р.Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. №3(7). С. 117–124.
38. Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.): учебное пособие для студентов вузов / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 896 с.

References

1. Alekseev V. Pered litsom neoproverzhimyykh ulik (*In the face of irrefutable evidence*) // Kommunist. Organ Mineralovodskogo rajkoma i gorkoma KPSS, rajonnogo i gorodskogo Sovetov deputatov trudyashchikhsya Stavropol'skogo kraja. 1966. February 11. (In Russian).

2. Al'tman I. A. Zhertvy nenavisti: Kholokost v SSSR 1941–1945 (*The victims of hatred: the Holocaust in the USSR in 1941–1945*). Moscow: Kolleksiya «Sovershenno sekretno», 2002. 544 p. (In Russian).
3. Andrienko M. V., Linets S. I. Naselenie Stavropol'skogo kraia v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: otsenka povedencheskikh motivov (*The population of Stavropolsky Krai during the Great Patriotic War: the assessment of behavioural motives*). Pyatigorsk: PSLU publ., RIA-KMV press., 2009. 156 p. (In Russian).
4. Belikov G. A. Okkupatsiya. Stavropol'. Avgust 1942 – yanvar' 1943 (*Occupation. Stavropol. August 1942 – January 1943*). Stavropol': Fond dukhovnogo prosveshcheniya, 1998. 151 p. (In Russian).
5. Belyaev V. Krovavye sledy zlodeyanij (*The bloody trails of crimes*) // Kommunist. 1966. February 2. (In Russian).
6. Belyaev V. Prishlo vremya rasplaty (*The day of reckoning has come*) // Kommunist. 1966. February 1. (In Russian).
7. Belyaev V. Svideteli oblichayut ubijts (*The witnesses convict murderers*) // Kommunist. 1966. February 6. (In Russian).
8. Belyaev V. Chernoe obelit' nevozmozhno (*It is impossible to rehabilitate the evil*) // Kommunist. 1966. February 4. (In Russian).
9. Bochkareva Z. V. Sotsial'naya demagogiya i real'nost': torgovo-promyshlennaya politika natsizma na Stavropol'e v period fashistskoy okkupatsii (*Social demagoguery and reality: trade and industrial policy of Nazism in Stavropolsky krai during the fascist occupation*) // Stavropol'e: pravda voennykh let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentakh i issledovaniyakh. Stavropol': SSU publ., 2005. P. 521–529. (In Russian).
10. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter' (*The Great Patriotic War unclassified. The Book of Losses*). Noveyshee spravocnoe izdanie / G. F. Krivosheev, V. M. Andronikov, P. D. Burikov, V. V. Gurkin. Moscow: Veche press, 2010. 384 p. (In Russian).
11. Gareev M. A. O mifakh starykh i novykh (*About old and new myths*) // Voenno-istoricheskiy zhurnal. 1991. No. 4. P. 42–52. (In Russian).
12. Glebova L. Kogda ya snova budu... (*When I will be again...*) Moscow: Molodaya gvardiya, 1970. 205 p. (In Russian).
13. Drobyazko S. I. Sovetskie grazhdane v ryadakh vermakhtha. K voprosu o chislennosti (*The Soviet citizens in the Wehrmacht. Revisiting the quantity*) // Velikaya Otechestvennaya vojna v otsenkakh molodykh: Sb. statey studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Moscow: Arkhiv ROA, 1997. P. 127–134. (In Russian).
14. Dyadichenko V. Chas vozmehdiya. Ne uyt' ot rasplaty (*The Retaliation. It's impossible to avoid retribution*) // Kommunist. 1966. February 13. (In Russian).
15. Zhuravlev E. I. Kollaboratsionizm na Yuge Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945 gg.) (*Collaborationism in the south of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945)*). Rostov on Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2006. 232 p. (In Russian).
16. The informant – Viktor Konstantinovich Domnitsky – was born in 1947, has a higher military education, captain of the 1st rank retired. Currently, he is the chairman of Mineralovodsky District Department of Stavropol Regional Public Organization of veterans (pensioners) of war, labor, the Armed Forces and law enforcement agencies. The interview, which lasted 47 minutes, was held on October 15, 2016 in the city of Mineralnye Vody in the premises of this organization. (In Russian).
17. Kanivets A. Surovo pokarat' predatelye (*Traitors should be severely punished*) // Kommunist. 1966. February 6. (In Russian).
18. Korotin A. Ehtogo ne zabyt' i ne prostit'! (*We will never forget and forgive!*) // Stavropol'skaya pravda. 1966. January 15. (In Russian).
19. Krinko E. F., Khlynina T. P. Istoriya Severnogo Kavkaza v 1920–1940-e gg.: sovremennaya rossiyskaya istoriografiya (*The History of the North Caucasus in 1920s–1940s: modern Russian historiography*). Rostov on Don: SSC of RAS publ., 2009. 304 p. (In Russian).
20. Krugov A., Parfenov O. Predateli i posobniki. Kak imi stanovilis' (*Traitors and henchmen. How did they become ones*) // Otkrytaya gazeta. 2016. No. 41. October 19–26. (In Russian).
21. Linets S. I. Severnyy Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 g. – oktyabr' 1943 g.) (*The North Caucasus before and during the German-fascist occupation: the conditions and peculiarities of development (July 1942 – October 1943)*). Pyatigorsk: PSLU publ., 2009. 492 p. (In Russian).
22. Mosintsev A. Bepamyatstvo (*Unconsciousness*) // Kavkazskiy kray. 1992. March 2–8. (In Russian).
23. Municipal budgetary cultural institution «Local History Museum» of Mineralovodcheskiy urban district of Stavropolsky krai. Scientific support fund № 415. The memories of G.A. Kurelenka. Recorded on February 23, 1966. (In Russian).
24. Myakshev A. P. Kollaboratsionizm na Severnom Kavkaze: istoricheskaya pravda ili istoricheskiy mif? (*Collaborationism on the North Caucasus: historical truth or historical myth?*) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. 2012. Vol. 12. Series Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Issue 4. P. 114–117. (In Russian).
25. Nyurnbergskiy protsess nad glavnymi nemetskimi voennymi prestupnikami (*Nuremberg trial of the main German war criminals*). Sbornik materialov v semi tomakh / ed by A. Rudenko. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1958. 816 p. (In Russian).
26. Poput'ko A. L., Khristinin Yu. N. Imenem VCHK: Dokumental'naya povest'-khronika o stavropol'skikh chekistakh (*In the name of the Cheka: Documentary story-chronicle of the Stavropol chekists*). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 400 p. (In Russian).
27. Stavropol'e v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945 gg. (*Stavropolsky krai during the Great Patriotic War in 1941–1945*) Sbornik dokumentov i materialov. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 515 p. (In Russian).
28. Stavropol'e v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii (avgust 1942 g. – yanvar' 1943 g.) (*Stavropolsky krai during the German-fascist occupation (August 1942 – January 1943)*). Dokumenty i materialy. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 175 p. (In Russian).
29. Stavropol'e za 50 let (*Stavropolsky krai over a fifty-year period*). Sbornik statisticheskikh materialov. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 220 p. (In Russian).
30. Fenenko M. Pered litsom neoproverzhimykh faktov (In the face of irrefutable facts) // Kavkazskaya zdravitsa. 1966. February 4. (In Russian).

31. Fenenko M. Sud nad izmennikami Rodiny. Vozmezdие svershilos' (*The trial of the traitors to the Motherland. The retribution has come*). // Kavkazskaya zdravnitsa. 1966. February 13. (In Russian).
32. Fenenko M. Sud nad izmennikami Rodiny. Kak bandity ne vykruchivayutsya... (*The trial of the traitors to the Motherland. How the bandits don't ride out ...*) // Kavkazskaya zdravnitsa. 1966. February 9. (In Russian).
33. Fenenko M. Sud nad izmennikami Rodiny. Pered litsom neoproverzhimyykh faktov (*The trial of the traitors to the Motherland. In the face of irrefutable facts*) // Kavkazskaya zdravnitsa. 1966. February 4. (In Russian).
34. Fenenko M. Sud nad izmennikami Rodiny. Svideteli oblichayut (*The trial of the traitors to the Motherland. The witnesses convict*) // Kavkazskaya zdravnitsa. 1966. February 5. (In Russian).
35. Fenenko M. Sud nad izmennikami Rodiny. Chas rasplaty blizitsya (*The trial of the traitors to the Motherland. The day of reckoning has come*) // Kavkazskaya zdravnitsa. 1966. February 12. (In Russian).
36. Fenenko M. Uliki neoproverzhimy (**The evidence is irrefutable**) // Kavkazskaya zdravnitsa. 1966. February 8. (In Russian).
37. Khisamutdinova R. R. Problema kollaboratsionizma v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v sovremennoy rossiyskoy istoriografii i zarubezhnoy literature (*The problems of collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War in modern historiography and foreign literature*) // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. No. 3(7). P. 117–124. (In Russian).
38. Khrestomatiya po otechestvennoy istorii (1914–1945 gg.) (*National history reader (1914–1945)*): Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / ed by A. F. Kisileva, E. M. Shchagina. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. 896 p. (In Russian).

УДК 930.1(09)

Н. И. Николаев

**ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» В 1898–1899 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ Л. З. СЛОНИМСКОГО)**

В статье проанализированы взгляды ведущих авторов журнала «Вестник Европы» на Гаагскую мирную конференцию 1899 г., ставшую важным событием в развитии международного права и способствовавшую росту миротворческих настроений в российском обществе. Кроме того, выявлена точка зрения редакции на важнейшие общественно-политические проблемы, обсуждение которых было актуализировано российской мирной инициативой. К числу таких вопросов, рассмотренных на страницах журнала осенью 1898–летом 1899 гг. относились: борьба с милитаризмом, достижение вечного мира, ограничение вооружений и военных бюджетов, кодификация гуманитар-

ного права и создание третейского суда. Показана благожелательная реакция «Вестника Европы» на предложение российского правительства созвать мирную конференцию, отмечен сдержанный оптимизм относительно ее возможных результатов и констатировано позитивное отношение к итогам. Сделан вывод о том, что позиция журнала была продиктована прежде всего его либеральной идеологией, ориентированной на «государственный пацифизм» и миролюбивую внешнюю политику, столь необходимую для проведения назревших внутренних преобразований.

Ключевые слова: конференция, милитаризм, разоружение, третейский суд, гуманитарное право.

N. Yu. Nikolaev

**THE PROBLEMS OF WAR AND PEACE ON THE PAGES
OF «VESTNIK EVROPY» («HERALD OF EUROPE») MAGAZINE, 1898–1899
(BASED ON THE MATERIALS OF L. Z. SLONIMSKY)**

The article deals with the analysis of the key authors' views of the Herald of Europe Magazine on the Hague Peace Conference of 1899 which became an important event in the international law and favored the public peacemaking mood development. Besides, the performed analysis brings out the viewpoint of the editorial staff on the most important social and political problems discussed on Russian peace initiative. The problems, which were raised on the pages of the magazine from autumn/summer season 1898–1899, included such topics as the struggle against militarism, the everlasting peace achievement, the armament and military budget limitation, the humanitarian

law codification and the arbitration formation. The paper shows a good reaction of «the Herald of Europe Magazine» toward the Russian government proposal to convene a peace conference, observes restrained optimism toward its possible results and states positive attitude to the results. The conclusion made in the article is following: the position of the magazine was dictated first of all by its liberal ideology oriented to «state pacifism» and peaceful foreign policy which is very important for implementing burning domestic reforms.

Key words: conference, militarism, disarmament, arbitration, humanitarian law.

Гаагская мирная конференция 1899 г. стала мощным стимулом для активизации в России общественно-политической дискуссии по проблемам войны и мира. Безусловно, в центре обсуждения находился преимущественно сам мирный форум. Однако, российская инициатива уменьшения вооружений и военных бюджетов стала поводом для постановки вопросов

миротворчества в более категоричной и масштабной, чем прежде, форме.

В историографии анализ реакции российской общественности на предложение провести мирную конференцию, а также на ход и результаты ее работы представлен недостаточно. Кроме того, предметом исследования выступали преимущественно газеты [13, с. 114–

129]. В связи с этим немалый интерес для исследователей представляет изучение позиции литературно-политических ежемесячников, на страницах которых идея созыва мирной конференции вызвала оживленную дискуссию. Бесспорно, «толстые» журналы были достаточно медлительны в освещении общественно значимых событий. Однако, уступая в оперативности газетам, они с лихвой компенсировали это глубиной анализа затрагиваемых проблем.

Старейшим и авторитетнейшим российским журналом конца XIX в. являлся «Вестник Европы». Стоявший на умеренно-либеральных позициях, он пользовался популярностью среди земской интеллигенции, чиновничества, буржуазии и университетской профессуры [12, с. 369–373]. Следует отметить, что вопросы миротворчества традиционно находились в поле зрения редакции «Вестника Европы». Ведущие журналисты издания (Л. А. Полонский, Л. З. Слонимский и др.) неоднократно указывали на опасность повсеместного роста милитаризма, призывая великие державы отказаться от агрессивной внешней политики [2, с. 820–823; 16, с. 392–396; 20, с. 783–801].

12 (24) августа 1898 г. всем аккредитованным в Санкт-Петербурге иностранным дипломатам министр иностранных дел М. Н. Муравьев вручил циркулярную ноту. В ней российское правительство предлагало созвать международную конференцию для обсуждения вопросов, связанных с сокращением вооружений и военных ассигнований [1, л. 21–23].

«Вестник Европы» оперативно откликнулся на августовский циркуляр. Уже в сентябрьском номере журнала в разделе «Иностранное обозрение» была представлена позиция редакции на российскую мирную инициативу. Постоянный автор раздела «Иностранное обозрение» Л. З. Слонимский безоговорочно поддержал миролюбивые устремления правительства, указав на несостоятельность существующей «системы вооруженного мира». Внешнеполитическая стабильность Европы достигается путем бессмысленных трат колоссальных интеллектуальных и финансовых ресурсов на «военные усовершенствования и улучшения». В этих условиях надеяться на устойчивый и долговременный мир для Европы нет оснований.

Важным фактором, способным обеспечить благожелательное отношение иностранных правительств, по мнению Л. З. Слонимского, стало российское «происхождение» августовского циркуляра. Ни одна из великих европейских держав, убеждал читателей публицист, «не могла бы в настоящее время сделать по-

добное предложение без серьезных для себя неудобств». Германию заподозрили бы в желании зафиксировать существующий «status quo» в эльзас-лотарингском вопросе. Францию, напротив, в попытке подвергнуть ревизии результаты Франкфуртского мира. Наконец, Англию уличили бы в старании утвердить за собой монопольное положение «владычицы морей», заставив другие государства сократить свои военно-морские силы. Россия же, не стремящаяся к внешней экспансии, сохранившая дружеские отношения с Берлином и связанная союзническими обязательствами с Францией, в наибольшей степени подходила на роль инициатора созыва конференции по разоружению.

В то же время Слонимский считал, что едва ли следует ждать каких-либо серьезных успехов на предстоящем форуме. Причиной вероятной неудачи мирной инициативы станет нерешенность главной политической проблемы Европы – спора об Эльзасе и Лотарингии. До тех пор пока не будет урегулирован этот вопрос, утверждал публицист, «не может быть и речи о прочном и действительном облегчении непосильных тягот вооруженного мира» [3, с. 380–384].

В октябре 1898 г. на страницах «Вестника Европы» появилась объемная рецензия Л. З. Слонимского на книгу известного промышленника и пацифиста И. С. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Укажем, что ряд современников считали Блюха «крестным отцом» мирной конференции в Гааге [11, с. 310; 21, р. 71–74]. Обсуждение этого объемного сочинения стало для Слонимского поводом вновь обратиться к обсуждению «дипломатической ноты 12 августа». Оценивая значение российской мирной инициативы, он отмечал, что она «ясно поставила вопрос, но не предлагала способов к его разрешению». По мнению публициста, прежде чем приступить к ограничению вооружений, необходимо искоренить вражду и недоверие в отношениях между державами, а достичь это возможно лишь при уничтожении религиозной и этнической розни внутри самих государств. Первоначально следует создать предпосылки для внутреннего преобразования, привести внешнюю политику в соответствие с нормами христианской морали, изменить традиционное восприятие многих явлений общественной жизни, в конечном счете, трансформировать человеческую природу [15, с. 778–780].

Однако упреки правительству в отсутствии ясных способов решения проблемы милитаризма, на наш взгляд, вполне можно предъ-

явить и автору «Иностранного обозрения». «Рецептура» ограничения роста вооружений, предложенная Л. З. Слонимским, по сути, представляет собой набор тривиальных, эмоционально окрашенных рассуждений. Едва ли эффективными мерами борьбы с милитаризмом можно считать авторские призывы к внутреннему нравственному «преобразованию», изменению «чувств, традиций и стремлений» согласно этическим нормам христианства. Очевидным идеализмом грешили и геополитические прогнозы публициста. Описание тягот непрерывного роста вооружений парадоксальным образом сочеталось у Л. З. Слонимского с убежденностью «в немыслимость войны между великими державами Европы». Аподиктическое суждение публициста опиралось на якобы возрастающую политическую и культурную зрелость европейских народов, а также их экономическую взаимозависимость.

Упрощенным представляется и анализ Л. З. Слонимским природы современного ему милитаризма. Констатируя рост вооружений, журналист фактически игнорировал сложный комплекс факторов его порождавших. Для него милитаризм – это «вещь в себе», нечто автономное по отношению к социальной, политической и культурной жизни Европы. «Вооружения превратились в самостоятельное специальное дело, – утверждал автор, – разрастаясь и усиливаясь с ужасающей последовательностью, независимо от военных планов и предприятий; средство само стало целью, как часто бывает в человеческой истории» [15, с. 781 – 782].

В ноябрьском номере «Вестника Европы» американский корреспондент журнала П. А. Деметьев, писавший под псевдонимом П. А. Тверской, проанализировал результаты завершившейся испано-американской войны. Он указал на возможную опасность расширения конфликта и вовлечения в него ведущих европейских держав. В этих условиях предложенное Россией разоружение Деметьев находил несвоевременным и скорее всего малоуспешным [17, с. 378 – 379]. В мае 1899 г. публицист вновь вернулся к теме прошедшей войны, рассмотрев ее в контексте изменившейся внешней политики США. По его мнению, экспансионистский курс, взятый администрацией президента У. Мак-Кинли возможен лишь при соответствующем расширении «военных и морских сил» [18, с. 257 – 276]. И хотя, начавшая свою работу Гагская мирная конференция напрямую в статье не упоминалась, идейный посыл автора читателям был ясен. В условиях агрессивной внешней политики великих держав и развязан-

ной ими гонки вооружений, надеяться на положительные результаты предстоящего первого конгресса мира не приходилось.

Фашодский кризис, серьезно обостривший англо-французские отношения, вновь продемонстрировал хрупкость и неустойчивость мира в Европе. Л. З. Слонимский с горечью отмечал нежелание лидеров великих держав, прежде всего Великобритании, действовать в русле российской мирной инициативы. В то же время вне критики публициста оставались колониальные захваты европейских стран, ставшие непосредственной причиной столкновения у Фашоды и, бесспорно, провоцировавшие гонку вооружений. Им осуждались лишь агрессивные формы колониализма, приводящие к военным конфликтам или способные таковые вызвать. Напротив, мирные, «культурные» захваты почитались Слонимским как самые «прочные и законные» [4, с. 778–787].

Подводя внешнеполитические итоги 1898 г., Л. З. Слонимский обращал внимание читателей главным образом на сочувственное отношение иностранных правительств и общественности к августовскому циркуляру. Вместе с тем, он указывал на антиномичность общественно-политической реакции. Поддержка и симпатия к общим идеям российской мирной инициативы, по мнению публициста, сочеталось с «полным отрицанием их на практике» [5, с. 384].

30 декабря 1899 г. (11 января 1899 г.) иностранным послам был вручен новый циркуляр, который содержал уже конкретные положения программы предстоящей мирной конференции [19, с. 1–2].

В февральском номере «Вестника Европы» Л. З. Слонимский подробно проанализировал новую дипломатическую ноту российского правительства. По его мнению, декабрьский документ представлял собой логическое продолжение идей, заложенных в августовской ноте. В то же время он весьма сдержанно оценил перспективы возможной реализации предложенной Россией программы. Публицист подчеркивал наличие у каждой из великих держав своих собственных военно-политических интересов. Желание их отстоять на предстоящем первом «парламенте мира» привело бы к неизбежному конфликту, что перечеркнуло бы все миролюбивые устремления российской дипломатии. Так, например, Великобритания, имеющая мощный надводный флот, не имела бы ничего против запрещения подводных лодок, что, естественно, не устроило бы другие страны. Германия, добившаяся количественного превосходства своей армии над соседями,

будет готова поддержать идею ограничения на известный срок численности военных соединений. Публицист предрекал закономерный конфликт интересов между могущественными в военном отношении странами и слабыми, между державами сухопутными и морскими. Сомневался Слонимский и в достижении успеха при обсуждении идеи посредничества и третейского суда. По его мнению, государство, решившее в действительности начать войну, не будет обращаться ни к какому арбитражу. В свою очередь, если «бряцанье оружием» есть лишь политический маневр, призванный испугать противника, то в таком случае стороны сами придут к согласию, не прибегая к посредническим услугам.

Впрочем, описание существующих сложностей в реализации российской миротворческой инициативы не мешало Л. З. Слонимскому убеждать читателей в величии намеченных двумя циркулярами задач. Вопреки прежнему скепсису, публицист утверждал, что «все правительства и народы отнеслись с полной симпатией к русской инициативе» [6, с. 807–815].

В апреле 1899 г. Л. З. Слонимский вновь возвращался к оценке общественно-политической реакции на российскую мирную инициативу. Несмотря на формальную поддержку правительств, обострение международной ситуации и рост националистических настроений публицист определял августовский циркуляр как «крупное явление, которому, быть может, принадлежит будущее». Обнадеживающим свидетельством того, по мнению Слонимского, сложил постоянное усиление общественной симпатии к идее созыва мирной конференции, что выразилось в многочисленных зарубежных «адресах, письмах, телеграммах» [7, с. 817–819].

Начало работы Гаагской мирной конференции было подробно разобрано Л. З. Слонимским в июньском номере «Вестника Европы». Публицист вновь указывал на широкие общественные ожидания, побуждавшие собравшихся делегатов к достижению положительных результатов. Думается, что рассмотрение Л. З. Слонимским первого парламента мира было несвободно от спорных суждений, а порой и откровенных ошибок. Например, по его мнению, в работе конференции принимало участие 24 государства. Между тем, число стран-участников мирного форума составляло 26. Преувеличивал Слонимский и общественное влияние на работу конференции. На наш взгляд, общественное мнение принималось в расчет представителями государств, лишь в той мере насколько оно соответствовало их политическим интересам.

В то же время оценка автором «Иностранного обозрения» возможных итогов конференции представляется нам достаточно взвешенной. В ней отсутствовали как чрезмерные ожидания, так и излишний скептицизм. Наибольшие успехи Л. З. Слонимский предсказывал деятельности третьей комиссии, которая изучала возможность использования в ходе военных конфликтов институтов посредничества и третейского разбирательства. (В первой комиссии, рассматривались вопросы, связанные с механизмом сокращения вооружений. Вторая комиссия занималась кодификацией гуманитарного права). Однако существующие международные отношения делали арбитраж неэффективной пристройкой к «крепкому и грозному зданию милитаризма». По этой причине главной темой обсуждения на конференции, по мнению публициста, должен стать вопрос о сокращении вооружений [8, с. 798–807].

«Иностранное обозрение» в июльском номере журнала подробно ознакомило читателей со всеми перипетиями пересмотра «дела Дрейфуса» во Франции. При этом «первый парламент мира» там даже не упоминался. И это в разгар работы мирной конференции?! Что же послужило причиной такого «невнимания»? На наш взгляд, это было связано, во-первых, с недостатком информации о политических баталиях, ведущихся в Гааге. Уже на первом заседании конференции было решено сохранять в полной тайне прения как общего собрания, так и отдельных секций и комиссий. Это решение, как считал Л. З. Слонимский, вызвало замешательство в журналистской среде, так как никто не предполагал, что придется довольствоваться краткими и сухими официальными сообщениями [8, с. 800–801]. Во-вторых, имело место общественное разочарование, вызванное провалом идеи даже незначительного сокращения вооружений и военных бюджетов. Ожидания «Вестника Европы» плодотворной деятельности от первой комиссии оказались завышенными. И хотя работа двух других комиссий принесла некоторые позитивные результаты, главные предложения августовского циркуляра оказались нереализованными.

Лишь в августе «Вестник Европы» кратко подвел итоги мирного форума. В целом Л. З. Слонимский достаточно высоко оценил достигнутые в Гааге договоренности. Прежде всего, это касалось конвенции о мирном разрешении международных споров и предпринятой кодификации гуманитарного права. Вопреки прежнему скептическому отношению к арбитражу, публицист теперь утверждал, что «обсуждение

и принятие подробно разработанного устава о третейском суде вводит совершенно новый элемент в практику международных отношений». Столь же положительно он отзывался и о разработанном «кодексе правил и обычаев войны», которые «подверглись тщательному пересмотру и вполне приспособлены к современным требованиям и условиям, равно как и к интересам сильных и малых держав». Впечатление успеха гаагских соглашений несколько портило неудача в деле ограничения вооружений. Однако и здесь Л. З. Слонимский был готов обнадежить читателей. Ведь мысль о разоружении была «высказана конференцией в принципе, в виде пожелания для будущего, а это само по себе есть уже несомненный шаг вперед, сравнительно с недавним прошлым». В заключение публицист убежденно констатировал, что «Гаагская конференция далеко не оправдала насмешливых предсказаний пессимистов, и не подлежит сомнению, что она займет почетное место в новейшей политической истории Европы» [9, с. 841–844].

Оценка «Вестником Европы» итогов прошедшего мирного форума, по нашему мнению, отличалась излишним оптимизмом. Учитывая, что накануне конференции на страницах журнала неоднократно подчеркивалась важность достижения существенных результатов именно по вопросам разоружения, оптимизм представляется не только излишним, но и парадоксальным. Объяснение этому нам видится в том, что редакция рассматривала достигнутые в Гааге результаты в контексте «теории малых дел» предполагавшей *постепенное* и *совокупное* (курсив наш – Н. Н.) давление на милитаризм со стороны правительств и общества. Либеральные деятели преподносили итоги завершившейся конференции лишь как первый шаг к решению поставленных в августовском циркуляре задач. Однако сторонники подобной позиции должны были запастись исключительным долготерпением, прощая непоследовательность государственного миротворчества, видя в милитаристской политике правительства лишь тактический маневр и веря в окончательную победу человеческого разума и гуманизма.

Стоит ли удивляться, что в сентябрьском номере журнала недавний оптимизм сменился привычным скепсисом и алармистскими ожиданиями. Рост милитаристских настроений в Германии и Франции, колониальная война США на Филиппинах, обострение отношений между Трансваалем и Великобританией вызывали закономерную обеспокоенность редакции. В условиях резко усилившейся междуна-

родной напряженности Л. З. Слонимский уже удивлялся тому относительному успеху, что удалось достичь на Гаагской конференции. «Нигде уже не думают, – с горечью писал он, – ни о применении третейского суда, ни о сокращении вооружений» [10, с. 368–371].

В октябре 1899 г. началась кровопролитная англо-бурская война, ставшая демонстративным вызовом прошедшему мирному форуму. Л. З. Слонимский откликнулся на это событие объемной статьей, в которой фактически призывал смириться с существующей практикой территориальных захватов. «В своих действиях относительно Трансвааля, – утверждал публицист, – англичане имеют за себя политическую практику, освященную веками, и было бы непоследовательно упрекать их с точки зрения традиционных понятий и обычаев, применяемых повсеместно с большей или меньшей откровенностью» [14, с. 341]. Вместе с тем он крайне негативно оценил любые попытки морального оправдания войны, стремление найти в ней прогрессивное начало. С жесткой критикой Слонимский обрушился на вышедшую незадолго до открытия Гаагской конференции брошюру профессора К. фон Штенгеля «Вечный мир» («Der ewige Friede»). В этой работе автор отстаивал идею необходимости военных конфликтов для политического, экономического, научно-технического и культурного (!?) развития народов. Аргументы Л. З. Слонимского, направленные против книги Штенгеля, полны хлесткой иронии и саркастических аллегорий. По его мнению, «нужно особое бездушное филистерство, чтобы припутывать к этим кровавым ужасам какие-то жалкие рассуждения о пользе науки и искусства, торговли и промышленности» [14, с. 345–346].

Однако едва ли справедливо искать в рассуждениях публициста радикально-пацифистские настроения. В действительности он вполне допускал в военных конфликтах определенный позитивный эффект. «Так называемые, полезные, оздоравливающие войны, – утверждал Л. З. Слонимский, – возможны..., когда нет законного способа избавиться от устарелых внутренних порядков и вывести страну из безнадёжного, мертвенного застоя. Такова была для нас крымская война; она косвенно принесла нам громадную пользу, разоблачив несостоятельность системы, прикрывавшей внутреннюю гниль и бедность внешним обманчивым блеском и самодовольством» [14, с. 347].

В заключение Л. З. Слонимский в очередной раз показал себя горячим сторонником государственного миротворчества. Не пожелал

публицист увидеть в августовском циркуляре своекорыстных интересов, связанных с военно-техническим отставанием России от ведущих мировых держав. Напротив автор подчеркнул неизмеримо возросший нравственный авторитет империи, не позволивший приглашенным государствам отказаться от участия в мирной конференции. Моральная репутация России, ее культурное положение упрочились не вследствие ее политической мощи и миролюбивой внешней политики. Причиной этих благоприятных процессов Слонимский видел, прежде всего, в благотворном воздействии на Европу русской литературы, ставшей проводником «политического влияния и могущества России».

И если с восторженным описанием публицистом возможностей отечественной «soft power» согласиться можно, его описание реакции на мирную инициативу представляется, по меньшей мере, спорным. «Русский почин в деле разоружения, — писал он, — никого не удивил за границей и ни в ком не возбудил подозрений относительно своей искренности, потому что он соответствовал общему тону впечатлений, вынесенных из знакомства с новейшей русской литературой». Не меньше сомнений вызывают и предсказания Слонимского о том, что: «Восстав против бесправия внешних войн и против тягостей вооруженного мира, мы этим самым отвергли принцип господства силы над правом и определили тот путь, которого будет держаться Россия в дальнейшем ходе своей политической и общественной жизни» [14, с. 354].

Таким образом, анализ публицистики, связанной с российской мирной инициативой, позволяет сделать вывод о бесспорной поддержке «Вестником Европы» августовского циркуляра и дальнейших правительственных шагов по организации Гаагской конференции. Материалы о предстоящем мирном форуме преимущественно помещались в разделе «Иностранное обозрение», многолетним автором которого был Л. З. Слонимский. С учетом его членства в редколлегии «Вестника Европы» мы с полным правом можем соотносить оценки Слонимского с общей позицией журнала.

Равно далекий и от толстовского неприятия государственного миротворчества и от «певцов милитаризма», видевших в войне непреходящее условие человеческого прогресса, «Вестник Европы» ратовал за миролюбивый курс во внешней политике. Выступая за масштабное реформирование страны, либералы прекрасно осознавали, что успех преобразований напрямую связан с отказом от милитаризма. Августовский циркуляр, предложивший сокращение вооружений и военных бюджетов полностью соответствовал либеральной идеологии. Издание полностью поддержало и циркулярную ноту от 30 декабря 1899 г. (11 января 1899 г.), в которой основное внимание уже уделялось арбитражу и кодификации гуманитарного права.

В то же время поддержка «государственного пацифизма» привела к замалчиванию журналом «теневых» сторон российской инициативы. В «Вестнике Европы» дипломатично обходили молчанием причины, толкнувшие правительственные круги созвать мирную конференцию. Следуя официальной линии, издание послушно тиражировало тезисы об «искреннем миролюбии» и «бескорыстной борьбе с милитаризмом». Истинные мотивы внезапного миротворчества власти, к примеру, нарастающее военно-техническое отставание России на страницах «Вестника Европы» не обсуждались. Когнитивным диссонансом выглядело нежелание журнала критиковать все аспекты милитаризма, включая и колониальную политику великих держав.

Итоги Гаагской мирной конференции редакция оценивала достаточно высоко. Достигнутые результаты в организации третейского суда и кодификации права войны «Вестник Европы» трактовал как успешные. Даже полная неудача в деле разоружения не обескуражила издание. Обсуждение проблемы сокращения вооружений на высшем уровне Слонимский считал достаточным поводом для оптимизма и убеждал читателей (и себя, видимо, тоже), что последующие конференции добьются в борьбе с милитаризмом больших успехов.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151 (Политархив). Ф. 151. Оп. 482. Д. 4684.
2. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. №4. С. 808–828.
3. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1898. №9. С. 380–394.
4. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1898. №12. С. 778–787.
5. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. №1. С. 384–398.
6. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. №2. С. 807–816.
7. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. №4. С. 817–829.
8. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. №6. С. 798–810.
9. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. №8. С. 834–844.

10. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. №9. С. 368–380.
11. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
12. Очерки истории журналистики и критики. В 2 т. Т. 2. Вторая половина XIX в. Л.: ЛГУ, 1965. 516 с.
13. Рыбаченок И.С. Первая конференция мира в зеркале русской прессы // Отечественная история. 2002. №3. С. 114–129.
14. Слонимский Л. З. Война и идея мира // Вестник Европы. 1899. №11. С. 341–355.
15. Слонимский Л. З. Вооруженный мир и проекты разоружения // Вестник Европы. 1898. №10. С. 778–792.
16. Слонимский Л. З. По поводу недавних толков о войне // Вестник Европы. 1886. № 9. С. 392–396.
17. Тверской П. А. (Дементьев П. А.) Мир – или новая война? Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1898. №11. С. 365–379.
18. Тверской П. А. (Дементьев П. А.) Великая борьба в Соединенных Штатах. Наблюдения и заметки // Вестник Европы. 1899. № . С. 257–276.
19. Циркулярное сообщение министра иностранных дел пребывающим в С.-Петербурге представителям иностранных государств от 30-го декабря 1898 г. // Правительственный вестник. 1899. 12 января. С. 1–2.
20. Z (Л. З. Слонимский) Торжество миролюбия // Вестник Европы. 1894. №12. С. 783–801.
21. Dungen van den P. From St. Petersburg to The Hague: Bloch and the First Hague Peace Conference (1899) // The Future War. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 69–83.

References

1. Archive of foreign policy of the Russian Empire (AVPRI). F. 151. Inv. 482. D. 4684. (In Russian).
2. Vnutrenneye obozreniye (*Internal Review*) // Vestnik Evropy. 1870. No. 4. P. 808–828. (In Russian).
3. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1898. No. 9. P. 380–394. (In Russian).
4. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1898. No. 12. P. 778–787. (In Russian).
5. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 1. P. 384–398. (In Russian).
6. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 2. P. 807–816. (In Russian).
7. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 4. P. 817–829. (In Russian).
8. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 6. P. 798–810. (In Russian).
9. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 8. P. 834–844. (In Russian).
10. Inostrannoye obozreniye (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 9. P. 368–380. (In Russian).
11. Milyukov P. N. Vospominaniya (*Memories*). Moscow: Politizdat. 1991. 528 p. (In Russian).
12. Oчерки istorii zhurnalistiki i kritiki (*Essays on the history of journalism and criticism*). In 2 Vols. Vol. 2. Vtoraya polovina XIX v. Leningrad: LSU publ. 1965. 516 p. (In Russian).
13. Rybachenok I. S. Pervaya konferentsiya mira v zerkale russkoy pressy (*The First Peace Conference in the Mirror of the Russian Press*) // Otechestvennaya istoriya. 2002. No. 3. P. 114–129. (In Russian).
14. Slonimskiy L. Z. Voyna i ideya mira (*War and the idea of peace*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 11. P. 341–355. (In Russian).
15. Slonimskiy L. Z. Vooruzhennyy mir i proyekty razoruzheniya (*Armed peace and disarmament projects*) // Vestnik Evropy. 1898. № 10. P. 778–792.
16. Slonimskiy L. Z. Po povodu nedavnikh tolkov o voyne (*On the recent talk about the war*) // Vestnik Evropy. 1886. No. 9. P. 392–396. (In Russian).
17. Tverskoy P. A. (Dementyev P. A.) Mir – ili novaya voyna? Pismo v redaktsiyu (*Is the peace a new war? A letter to the Editor*) // Vestnik Evropy. 1898. No. 11. P. 365–379. (In Russian).
18. Tverskoy P. A. (Dementyev P. A.) Velikaya borba v Soyedinennykh Shtatakh. Nablyudeniya i zametki (*Great struggle in the United States. Observations and notes*) // Vestnik Evropy. 1899. No. 5. P. 257–276. (In Russian).
19. Tsirkulyarnoye soobshcheniye ministra inostrannykh del prebyvayushchim v S.-Peterburge predstavitel'yam inostrannykh gosudarstv ot 30-go dekabrya 1898 g. (*Circular message of the Minister of Foreign Affairs to the representatives of foreign countries staying in St. Petersburg of December 30, 1898*) // Pravitelstvennyy vestnik. 1899. January 12 (24). P. 1–2. (In Russian).
20. Z (L. Z. Slonimskiy) Torzhestvo mirolyubiya (*Triumph of Peacefulness*) // Vestnik Evropy. 1894. No. 12. P. 783–801. (In Russian).
21. Dungen van den P. From St. Petersburg to The Hague: Bloch and the First Hague Peace Conference (1899) // The Future War. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 69–83.

УДК 94(470+571)''18''

Н. Д. Николаенко

**СЕМЕЙНО-КИЗЛЯРСКИЙ (КИЗЛЯРСКИЙ) ПОЛК
КАВКАЗСКОГО ЛИНЕЙНОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА**

Статья посвящена проблемам образования и функционирования Кизлярского полка Кавказского Линейного казачьего войска. Автор анализирует широкий спектр исторических источников, на основе которых формирует представление о состоянии Терско-Семейного и Терско-Кизлярского казачьих войсках накануне образования Кавказского Линейного казачьего войска. В работе прослеживается процесс образования Семейно-Кизлярского (Кизлярского) с детализацией проводимой кадровой политики, выплачиваемого жалования и др. Автор исследуется состав Кизлярского полка с момента его образования и вплоть до расформирования Кавказского Линейного казачьего войска. По

теме исследования впервые вводятся в научный оборот исторические источники. Так, на основе неопубликованных документов Российского государственного военно-исторического архива рассматривается участие казаков Кизлярского полка в боевых операциях на левом фланге Кавказской линии. По итогам проведенной работы делается вывод о том, что станицы Кизлярского полка являлись самыми малочисленными по количеству рядовых казаков в них, среди казачьих станиц Кавказского Линейного казачьего войска.

Ключевые слова: Кавказское Линейное казачье войско (КЛКВ), полк, штаб, станица, состав, жалование, командир, рядовой.

N. D. Nikolaenko

**FAMILY KIZLYAR (KIZLYAR) REGIMENT
THE CAUCASIAN LINEAR COSSACK ARMY**

The article studies the problems of formation and functioning of the Kizlyar regiment of the Caucasian Linear Cossack army. Based on the analysis of the published source a number of facts about Tersko-Semeyny and Tersko-Kizlyar Cossack armies on the eve of formation of the Caucasian Linear Cossack army is given. The process of formation of the Family Kizlyar (Kizlyar) regiment and regimental villages with the number of male population in each is considered. The location of the regimental headquarters is specified. The problems of replenishment of the Family Kizlyar (Kizlyar) regiment, the salaries of rank and file Cossacks and officers are analyzed. The composition of Kizlyar regiment from the moment of its formation and

up to disbandment of the Caucasian Linear Cossack army is investigated.

Based on unpublished documents of the Russian State Military Historical Archive, participation of the Cossacks of the Kizlyar Regiment in combat operations on the left flank of the Caucasian Line is considered. It is concluded, that among the Cossack villages of the Caucasian Linear Cossack Army, the villages of the Kizlyar Regiment were the smallest in number of ordinary Cossacks in them.

Key words: the Caucasian Linear Cossack army, army, regiment, headquarters, village, composition, salary, commander, private.

Накануне образования Кавказского Линейного казачьего войска (КЛКВ) Терско-Семейное и Терско-Кизлярское являлись самими малочисленными среди линейных казачьих частей, расквартированных на Кавказской линии. В 1831 г. Терско-Семейное казачье войско состояло всего из четырех конных сотен, в которых насчитывалось пятьсот сорок казаков, а Терско-Кизлярское казачье войско и того

меньше, из одной конной сотни, в которой было только сто тридцать казаков. Для сравнения скажем, что Кавказский казачий полк состоял из девяти конных сотен, в которых насчитывалось две тысячи двести казаков, Кубанский казачий полк из восьми конных сотен – тысяча четыреста семьдесят казаков, Волгский казачий полк из семи конных сотен – тысяча четыреста шестьдесят казаков и т.д. [12].

Штаб Терско-Семейного казачьего войска находился в станице Каргалинской, там же были расположены первая и вторая сотни. Третья сотня в станице Дубовской, а четвертая в Бороздиновской. Штаб Терско-Кизлярского казачьего войска находился в городе Кизляре, там же была расположена и сотня. Должность командира Терско-Кизлярского войска занимал штабс-капитан Мещеряков, а Терско-Семейного войска майор Каде [12].

В 1832 г. все поселенные на Кавказской линии казачьи полки и войска, кроме Черноморского, были объединены в одном войске, которое получило наименование Кавказского Линейного казачьего войска. 25 октября того же года войска Терско-Семейное и Терско-Кизлярское были переименованы в полки с сохранением прежних названий [6].

Для увеличения количества казаков в линейных казачьих частях Кавказского Линейного казачьего войска указом императора Николая I Правительствующему сенату от 2 декабря 1832 г. тридцать одно казенное селение Кавказской области были переведены в разряд казачьих станиц и переданы в военное ведомство с 1 января 1833 г. [3, л. 357].

В состав Терско-Кизлярского полка вошли восемьсот пятьдесят семь жителей армянских селений: Дербенское, Малахалинское и Каражалинское, которые располагались неподалеку от города Кизляр [2]. Однако насильственный перевод в разряд казачьих станиц Дербенского, Малахалинского и Каражалинского вызвало острое недовольство жителей этих селений и как следствие вспыхнули волнения. «Хотя бунт был подавлен и несколько человек из них сослано в Сибирь, однако и после того они никак не хотели оставаться в казачьем звании и просили снова обратить их в гражданское ведомство, обещая уйти с насиженных пограничных мест. В 1837 г. желание их было уважено, но с тем условием, чтобы они переселились во вновь заводимый город Святого Креста (на урочище Маджары) в Пятигорском округе» [21]. Лишь немногие пожелали остаться в казачьем сословии. Подавляющая их часть была переселена на новое место жительства [9, с. 32]. Таким образом, действий российских властей по насильственному обращению отдельных групп нерусского населения в казаков окончилось полной неудачей.

28 июля 1836 г. было принято решение соединить малочисленные Терско-Семейный и Терско-Кизлярский линейные казачьи полки КЛКВ в единой казачьей части [7]. 29 октября того же года в городе Кизляре Терско-Семей-

ный и Терско-Кизлярский полки были объединены в один полк, который получил наименование Семейно-Кизлярский линейный казачий полк. При этом были сохранены все права, которыми казаки пользовались до объединения [9, с. 34]. Кроме того, было разрешено всем казакам нового Семейно-Кизлярского полка получать бесплатно из казенных запасов по два пуда и пяти фунтов соли в год на каждого мужчину [13].

В Семейно-Кизлярский полк вошли станицы: Кизлярская, Александрийская, Бороздиновская, Дубовская и Каргалинская. Строевой состав полка насчитывал девятьсот семнадцать казаков, в том числе штаб-офицера, двадцать семь обер-офицеров и восемьсот восемьдесят девять рядовых казаков [13]. Полковой штаб был размещен в станице Каргалинской [9, с. 37].

Тем не менее, по сравнению с другими полками КЛКВ Семейно-Кизлярский полк в 1837 г. продолжал оставаться самым малочисленным [1, с. 366]. Поэтому российское командование на Кавказе стремилось увеличить количество казаков в составе Семейно-Кизлярского полка. 27 апреля 1837 г. по Высочайшему повелению императора командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Евгению Александровичу Головину было отдано распоряжение присоединить к Семейно-Кизлярскому полку грузин жителей города Кизляра и слободки «Сосопло» [13]. В 1838 г. казенное селение Сосоплинское (позже переименовано в станицу Александро-Невскую) было причислено к казачьему полку, а его жители в количестве пятисот тринадцати человек, обращены в казачье сословие [5].

Жалование в Семейно-Кизлярском полку было установлено в зависимости от занимаемой должности и принадлежности казаков к бывшему тому или иному полку. Так, согласно ведомости о довольствии воинских чинов Кавказского Линейного казачьего войска за 1838 г. полковой командир, состоящий по кавалерии майор Ульяновский, получал тысячу сто рублей. Бывшего состава Терско-Семейного полка: полковой писарь девятнадцать рублей, есаул пятнадцать рублей восемьдесят четыре копейки, сотник четырнадцать рублей восемьдесят копеек, хорунжий двенадцать рублей восемьдесят семь копеек, зауряд-хорунжий, урядники и рядовые казаки по одиннадцати рублей, восьмидесяти восьми копеек каждый. Бывшего состава Терско-Кизлярского полка: есаул сорок пять рублей, сотник сорок рублей, хорунжие два по сорока рублей и два по двадцати пяти рублей, зауряд-хорунжие два

по сорока рублей, один по тридцати пяти рублей, другой по тридцати рублей, семь урядников по двадцати рублей каждый, один писарь по семнадцати рублей, другой по пятнадцати рублей, девять казаков из новокрещённых по тринадцати рублей и девять из новокрещённых по двенадцати рублей, из окончен три по четырнадцати рублей и четыре по тринадцати рублей. Четыреста пятьдесят шесть отставных казаков бывших Терско-Семейного и Терско-Кизлярского полков получали по двенадцати рублей каждый [10].

Согласно отчету, составленному в войсковом дежурстве Кавказского Линейного казачьего войска в 1840 г., Семейно-Кизлярский полк состоял из шести станиц, в которых проживало служащих и не служащих казаков: в Каргалинской – одиннадцать обер-офицеров и четыреста пятьдесят три казака, в Дубовской – два штаб-офицера, тринадцать обер-офицеров и триста девяносто шесть казаков, в Бороздинской – четыре обер-офицера и двести сорок три казака, в Сосоплинской – семьдесят казаков, в Кизлярской – тринадцать обер-офицеров и семьсот тридцать пять казаков, в Александрийской – обер-офицер и сто двадцать два казака [14, л. 34].

14 февраля 1845 г. был утвержден проект под названием «Положение о Кавказском Линейном казачьем войске» [8]. Согласно «Положению» Кавказское Линейное казачье войско получило новую структурную организацию, централизованную и бюрократическую систему внутреннего управления. Был установлен строевой и нестроевой состав полков Кавказского Линейного казачьего войска. В связи с этим началось переформирование войска, которое было окончено в 1846 г. при этом, изменился постаничный состав полка. Для усиления малочисленного Кизлярского полка из состава Гребенского были переданы станицы Старогладковская и Курдюковская [9, с. 47].

После переформирования Кавказского Линейного казачьего войска Кизлярский полк состоял из восьми станиц, в которых проживало казаков: в Старогладковской – четыреста, в Курдюковской – двести шестьдесят один, в Сосоплинской – сто девятнадцать, в Каргалинской – четыреста пятьдесят один, в Бороздинской – двести сорок шесть, в Дубовской – четыреста три, в Кизлярской – шестьсот семьдесят шесть и в Александрийской – сто двадцать четыре. Штаб Кизлярского полка, как и прежде, был расположен в станице Каргалинской. После издания «Положения о Кавказском Линейном казачьем войске» Семейно-Кизляр-

ский полк в официальных документах стал называться Кизлярский [11, с. 8].

Полки Кавказского Линейного казачьего войска были объединены в бригады. Кизлярский вместе с Моздокским и Гребенским полками составили восьмую войсковую бригаду [11, с. 9]. По новому штатному расписанию в Кизлярском полку положено было иметь: два штаб-офицера (командир полка и войсковой старшина), восемнадцать обер-офицеров (5 есаулов, 6 сотников, 7 хорунжих), пятьдесят урядников (25 старших урядников и 25 младших урядников), тринадцать музыкантов (штаб-трубач и 12 трубачей), семьсот девяносто восемь рядовых (750 казаков и 48 приказных) и трех нестроевых («классных чинов» – лекарь и «нижних чинов» – фельдшер и писарь) [20]. Однако, после переформирования Кавказского Линейного казачьего войска, полк не был полностью укомплектован согласно штатному расписанию [15, л. 4]. Даже через четыре года в 1850 г. в полку ощущался острый дефицит низших чинов строевого состава. Так, согласно рапорту командира полка подполковника Владимира Николаевича Суходольского в полку насчитывалось всего пятьсот шестьдесят пять рядовых казаков [16, л. 20].

По-видимому, причинами недокомплекта рядового состава полка были малонаселенность полковых станиц и боевые потери, которые несла казачья часть в ходе военных действий на территории Северного Кавказа. Среди казачьих частей Кавказского Линейного казачьего войска станицы Кизлярского полка являлись наименее населенными. После переформирования Кавказского Линейного казачьего войска в них проживало всего две тысячи шестьсот восемьдесят казаков, в то же время в Гребенских – три тысячи семьсот тридцать девять казаков, в Моздокских – шесть тысяч сто восемьдесят восемь казаков, в Горских – пять тысяч четыреста шестьдесят семь казаков и т.д. [9 с. 47].

Ситуация существенным образом не изменилась и в последующие годы. Так, согласно ведомости о народонаселении Кавказского Линейного казачьего войска за 1853 г. в станицах Кизлярского полка проживало всего четыре тысячи сто шестьдесят семь казаков, тогда как в станицах Гребенского полка – шесть тысяч шестьсот тридцать семь казаков, Моздокского – семь тысяч восемьсот пятьдесят четыре казака и т.д. [17, л. 148].

Полковые подразделения в тот период времени почти непрерывно участвовали в различных боевых операциях Кавказской войны на левом фланге Кавказской линии. Активное уча-

стие кизлярских казаков, в военных действиях, было отмечено в рапорте наказному атаману Кавказского Линейного казачьего войска генерал-майору Феликсу Антоновичу Круковскому, составленному в 1851 г. войсковым старшиной Кизлярского линейного казачьего полка Аверьяновым.

Так, «за взятие Анди и Дарго Высочайше повелено полусотни прибавить на имеющимся в полку знамена надпись «За взятие Андии и Дарго» и всемилостивейшее пожаловано обер-офицерам, находившимся в экспедиции в Драго в составе главного действующего отряда третное жалование каждому, а нижним чинам по 2 рубля серебром на человека, о чем объявлено в приказе по Отдельному Кавказскому корпусу 30 октября 1845 г. за №140». В 1846 г. сотня Кизлярского полка в числе трех обер-офицеров и ста шестнадцати нижних чинов по распоряжению командующего войсками на Кавказской Линии и в Черномории генерал-лейтенанта Николая Степановича Заводовского была направлена в Чечню. Она находилась под началом главнокомандующего Кавказского корпуса и заместника Кавказского генерал-адъютанта князя Михаила Семеновича Воронцова и участвовала «24 и 30 июня, 14 и 6 июля в перестрелках и стычках с неприятелем, при отряженных из лагеря, на фуражировку, и в рубке леса на правой стороне Аргуна. 23 июня, 15 июля, 27 июля и 29 июля в перестрелках с неприятелем, во время фуражировок на левой стороне реки Аргуна, производившихся колоннами, высылаемыми от войск отряда. 11 июля ночью при канонаде неприятеля из орудия против левого фланга лагеря, взрыв мины и фугаса привел орудие в негодность, причем часть прикрытия взорвано на воздух, а другая часть обращена в бегство. 1 августа в передвижении отряда из укрепления Воздвиженского к реке Урус-Мартан и в перестрелках на реке Валерик колонна отряженной от лагеря на встречу другой колонны, вышедшей из укрепления Ачъхоевского». 15 декабря 1849 г. кизлярские казаки в составе сборной комплектной сотни при командире Кизлярского полка подполковнике В. Н. Суходольском были направлены на территорию Чечни, для проведения боевых операций совместно с регулярными войсками. В 1850 г. «с 10 января по 14 января в выступлении в укрепление Воздвиженское. 15 января в движении к укреплению Урус-Мартановскому. 16 января к аулу на Сунжи в перестрелке с неприятелем при расположении лагерном. 17 января в движении колонк к Урус-Мартану и Закан-Юрту для перевозки

продовольственных запасов. При начале работ по вырубке просек через самый центр Малой Чечни для сообщения Сунженской с передовой Чеченской линией. 16 ноября того же года под командованием войскового старшины Ильина кизлярские казаки имели дело с партией горских хищников при переправе её через реку Терек. Разбита на голову, причем в рукопашной схватке ранен кинжалом один урядник. За подвиги в сем деле Ильин и сотник Кубенев награждены орденами Святой Анны третьей степени с бантами, а раненный урядник знаком военного ордена» [18, л. 2, 4, 6, 7].

В связи с началом Крымской войны российским командованием было принято решение сформировать из казаков Кавказского Линейного казачьего войска Сборно-линейный полк и направить его в состав действующей армии на Турецкую границу. Полк был сформирован в станице Екатериноградской и состоял из дивизионов. В первый дивизион полка вошли сотни от Кубанской и Кавказской бригад, во второй от Ставропольской и Хоперской, в третий сотня от Горского полка и полусотни от Моздокского и Гребенского полков [4]. Таким образом, подразделения от Кизлярского полка не участвовали в формировании этой линейной казачьей части.

Части Кизлярского линейного казачьего полка также не вошли и в состав второго Сборно-линейного казачьего полка, который был сформирован из казаков Кавказского Линейного казачьего войска и направлен для участия в боевых действиях против Османской империи. Из Кизлярской линейной казачьей части в состав двух Сборно-линейных казачьих полков, действовавших в Закавказье, было послано только два казака – сотник и урядник [9, с. 59].

Подобные действия российского командования объяснялись стремлением не сокращать количество казаков в Кизлярском полку и без того малочисленного перед угрозой возможного нападения на левый фланг Кавказской линии войск имамата. Кроме того, учитывая сложную военную обстановку на левом фланге Кавказской линии и переброску значительных воинских сил на территорию Закавказья, российское военное командование в спешном порядке приступило к укреплению казачьих станиц и усилению Кизлярского полка. Восстанавливались и обновлялись защитные ограждения вокруг казачьих станиц. Казаки в станицах были приведены в полную боевую готовность. В полку была сформирована резервная седьмая сотня. Отставным казакам, находящимся на внутренней службе и льготным казакам, из ближайших артиллерийских

складов были отпущены боевые патроны «чтобы они в случаи призыва по военным обстоятельствам могли также защищать свои дома и отражать неприятеля» [9, с. 58].

После окончания Крымской войны резервная седьмая сотня была расформирована, а Кизлярский полк укомплектован согласно штатам установленным «Положением 1845 г.». Полковой штаб находился там же в станице Каргалинской [19, л. 17].

В 1860 г. было принято решение Кавказское Линейное казачье войско расформировать. Согласно отчету, составленному в войсковом дежурстве, на момент расформирования войска,

Кизлярский полк соответствовал установленному штатному расписанию Кавказского Линейного казачьего войска от 1845 г. В восьми полковых станицах проживало три тысячи шестьсот восемьдесят три казака, тогда как в шести станицах Гребенского полка – пять тысяч семьсот восемьдесят один казак, в семи станицах Моздокского – шесть тысяч два казака, в шести станицах 1-го Сунженского – шесть тысяч сто семь казаков и т.д. [19, л. 18]. Таким образом, станицы Кизлярского линейного казачьего полка продолжали оставаться самым малочисленными, по количеству казаков в них, среди казачьих станиц Кавказского Линейного казачьего войска.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: [В 12-ти т.] / Арх. гл. упр. наместника Кавк. / под общ. ред. А. Д. Берже. Т.8. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавкого, 1881. 1033 с.
2. Ведомость о причислении казенных казачьих селений к полкам Кавказской линии // Наш край (Документы, материалы 1777–1917 гг.) к двухсотлетию г. Ставрополя / под ред. П. А. Шацкого. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. С. 79–80.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 341.
4. Мемуары и воспоминания генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб.: [б.и.], 1908. 43 с.
5. Омельченко И. Л. Терское казачество // СОИГИ при Совмине СОССР. Владикавказ: «Ир», 1991. С. 97.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: [б.и.], 1832. Т. 7. № 5698. 801 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: [б.и.], 1836. Т. 11. № 9425. 838 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: [б.и.], 1845. Т. 20. № 18739. 1041 с.
9. Пономарев Ф. П. Материалы для истории Терского казачьего войска с 1559 по 1880 год // Военный сборник. 1880. № 9–10.
10. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско. Нальчик: Эль-фа, 2001.
11. Положение о Кавказском Линейном казачьем войске. Департамент Военных Поселений. СПб.: [б.и.], 1845. 100 с.
12. Расписание всех казачьих войск, 25-го декабря 1831 года. СПб.: Военная типография, 1831. 60 с.
13. Рапорт командующего Кизлярским полком подполковника Аллатова 31 июля 1854 года №4530. Историческое сведение // Сборник любителей казачьей старины. 1912. № 2. С. 18.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1054. Оп. 1. Д. 31.
15. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 470.
16. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 2. Д. 177.
17. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 2. Д. 361.
18. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 2. Д. 230.
19. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 469.
20. Столетие военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк / под ред. Д. А. Скалона. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. 313 с.
21. Юдин П. Л. Материалы Кизлярского архива // Сборник любителей казачьей старины. 1912. №6. С.18.

References

1. Akty, sobrannyye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei (*Acts collected by the Caucasian archaeological Commission*): [In 12 Vols.] Vol.8 / ed. A.D. Berzhe. Tiflis: Tip. gl. upr. Namestnika Kavk., 1881. (In Russian).
2. Vedomost' o prichislenii kazennykh kazach'ikh selenii k polkam Kavkazskoi linii (*Statement on the attribution of Cossack state villages to the regiments of the Caucasian line*) // Nash krai (Dokumenty, materialy 1777–1917 gg.) k dvukhsotletiyu g. Stavropol'ya / ed. by P.A. Shatskii. Stavropol', 1977. P. 79–80. (In Russian).
3. State archive of the Stavropol territory (GASK). F. 79. Inv. 1. D. 341. (In Russian).
4. Memuary i vospominaniya generala-ot-kavalerii Stefana Aleksandrovicha Venerovskogo (*Memoirs and recollections of General of cavalry Stephen A. Venerskiy*). St. Petersburg, 1908. 43 p. (In Russian).
5. Omel'chenko I.L. Terskoe kazachestvo (*Tersk Cossacks*) // SOIGI pri Sovmine SOSSR. Vladikavkaz: «Ir», 1991. 97 p. (In Russian).
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (*Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting*). St. Petersburg, 1832. Vol.7. No. 5698. 801 p. (In Russian).
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (*Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting*). St. Petersburg, 1836. Vol. 11. No. 9425. 838 p. (In Russian).
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (*Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting*). St. Petersburg, 1845. Vol. 20. No. 18739. 1041 p. (In Russian).
9. Ponomarev F. P. Materialy dlya istorii Terskogo kazach'ego voiska s 1559 po 1880 god (*Materials for the history of the Terek Cossack troops from 1559 to 1880*). // Voennyi sbornik. 1881. No. 9–10. (In Russian).

10. Popko I. D. Terskie kazaki so starodavnikh vremen. Grebenskoe voisko (*Tersk Cossacks from ancient times. The Greben army*). Nal'chik: Izd. Tsentr «El'-fa», 2001. (In Russian).
11. Polozhenie o Kavkazskom Lineinom kazach'em voiske. Departament Voennykh Poselenii (*The situation on the Caucasian Linear Cossack army. The Department Of Military Settlements*). St. Petersburg, 1845. 100 p. (In Russian).
12. Raspisanie vseh kazach'ikh voisk, 25-go dekabrya 1831 goda (*Schedule of all Cossack troops, 25th Dec 1831*). St. Petersburg, 1831. P. 13–20. (In Russian).
13. Raport komanduyushchego Kizlyarskim polkom podpolkovnika Alpatova 31 iyulya 1854 goda №4530 (*Report to the commander of the Kizlyar regiment of Colonel Alpatov July 31, 1854, No. 4530*) // Sbornik lyubitelei kazach'ei stariny. Vladikavkaz, 1912. No. 2. P. 18. (In Russian).
14. Russian state military historical archive (RGVIA). F. 1054. Inv. 1. D. 31. (In Russian).
15. RGVIA. F. 1058. Inv. 1. D. 470. (In Russian).
16. RGVIA. F. 1058. Inv. 2. D. 177. (In Russian).
17. RGVIA. F. 1058. Inv. 2. D. 361. (In Russian).
18. RGVIA. F. 1058. Inv. 2. D. 230. (In Russian).
19. RGVIA. F. 1058. Inv. 1. D. 469. (In Russian).
20. Stoletie voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ikh voisk. Istoricheskii ocherk (*Centenary of the Ministry of war 1802–1902. The main Department of Cossack troops. Historical essay*) / ed by D. A. Skalon. St. Petersburg, 1902. 313 p. (In Russian).
21. Yudin P. L. Materialy Kizlyarskogo arkhiva (*Materials Kizlyar archive*) // Sbornik lyubitelei kazach'ei stariny. 1912. No. 6. P. 18. (In Russian).

УДК 94(38).09

Е. В. Смыков

ПАРФЯНСКАЯ ПОЛИТИКА МАРКА АНТОНИЯ: ОБОРОНА – НАСТУПЛЕНИЕ – БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАНИЦЫ

В статье рассматривается вопрос об этапах парфянской политики Марка Антония. Принято считать, что он отправился на Восток с намерением совершить поход в Парфию, однако факты рисуют более сложную картину римско-парфянских отношений в это время. После своего прибытия на Восток, в 42–40 г. он провел ряд мер, связанных с укреплением римской власти в провинциях. К числу этих мер относилась замена местных правителей; особенно обеспокоил парфян поход на важный торговый город Пальмиру. Это вызвало вторжение парфян, которые легко захватили римские провинции, войска из которых в этот момент были выведены для действий на западе. Борьба

с парфянским вторжением длилась до 38 г. до н.э. В дальнейшем Антоний предпринял неудачное вторжение в Парфию, стремясь утвердить на парфянском престоле римского ставленника и сделать ее зависимым от Рима царством. Этой цели он не достиг, но в 35–34 г. до н.э., аннексировав Армению и заключив союз с Мидией, он заложил основы системы, которая обеспечивала безопасность римской восточной границы. Ряд элементов этой системы унаследовала парфянская политика Августа.

Ключевые слова: Марк Антоний, Парфия, Армения, Мидия, парфянская политика.

E. V. Smykov

THE PARTHIAN POLICY OF MARK ANTHONY: DEFENSE – OFFENSIVE – BORDER SECURITY

The article deals with the question of the stages of the Parthian policy by Mark Antony. It is believed that he went to the Orient with the intention of making a campaign in Parthia, but the facts draw a more complex picture of the Roman-Parthian relations at that time. After his arrival in the Orient, in 42–40 BC., he carried out a series of measures connected with the strengthening of Roman authority in the provinces. Among these measures were the replacement of local rulers; the Parthians were especially alarmed by a campaign on the important trading city of Palmyra. This caused the invasion of the Parthians, who easily captured the Roman provinces; the troops of the latter

were withdrawn for action in the West at that time. The struggle with Parthian invasion lasted until 38 BC. Later Anthony made an unsuccessful invasion to Parthia, seeking to establish a Roman protégé on the Parthian throne and to make the kingdom dependent on Rome. He did not achieve the goal, but in 35–34 BC., having annexed Armenia and having concluded an alliance with the Media, he laid the foundations of a system that ensured the security of the Roman eastern border. A number of elements of this system inherited the Parthian policy of Augustus.

Key words: Mark Anthony, Parthia, Armenia, Media, Parthian policy.

Парфянский поход М. Антония (36 г. до н.э.) воспринимается как рубежное событие его восточной политики – не случайно на нем завершаются два обобщающих исследования [15; 16], последующее воспринимается всего лишь как своеобразный эпилог к неудачному походу. В основе такой оценки лежит представление о том, что Антоний унаследовал план похода от Цезаря и неудачно пытался выполнить то, что было намечено им. Несмотря на то, что в та-

кой интерпретации событий неоднократно высказывались сомнения, она оказалась очень живучей. Например, в вышедшей год назад фундаментальной монографии Я. Ю. Межерицкого как нечто само собой разумеющееся утверждается: «Первоначально Восток представлялся Антонию средством. Поставленные цели – разгромить Парфию и овладеть ее богатствами, отомстить за позор Красса, были вполне легитимными» [5, с. 182].

Между тем сомнения напрашиваются сами собой. Прежде всего, мы плохо осведомлены о парфянском проекте Цезаря; есть основания считать, что он был вызван не столько стремлением к новым масштабным завоеваниям, сколько необходимостью навести порядок в дезорганизованных гражданскими войнами провинциях и укрепить северо-восточную и восточную границы [9]. Задачей Антония на Востоке было не организовать масштабную внешнеполитическую акцию, а подавить сопротивление остатков республиканцев, собрать деньги для выплаты жалования легионам и обеспечить безопасность входящих в сферу его ответственности провинций [15, с. 9–10; 32, с. 206]. Наконец, на Востоке он провел больше десятилетия – трудно представить, что все это время он преследовал одну и ту же цель. Все это вызывает к жизни вопрос о том, как менялись цели парфянской политики Антония в течение этого промежутка времени.

Проблема отношений с Парфянской державой стояла к 42 г. очень остро. Со времени поражения Красса вражда между Римом и Парфией не прекращалась [11], а в годы гражданской войны еще и усилилась. Участие парфянских подразделений в битве при Филиппах недвусмысленно ставило «великого царя» в положение врага римлян, и не считаться с этим победители-триумвиры не могли [8]. Поэтому вполне естественным было, что после битвы при Филиппах при распределении первоочередных задач (а отнюдь не сфер влияния, как зачастую считают исследователи! [1, с. 85; 3, с. 80; 20, с. 90]) между Антонием и Октавианом Антоний как более опытный полководец получил восточные провинции, где в ближайшее время была возможна парфянская агрессия. Надо признать, что, несмотря на эксцентричность своего поведения, он успешно справился с теми сложными задачами, которые перед ним стояли. На протяжении 41–40 гг. им была проведена огромная работа по сбору денег для выплаты жалования войскам и наведению порядка в восточных провинциях Рима [7; 15, с. 11–29; 16, с. 20–37]. Однако его энергичные мероприятия неизбежно должны были привести к конфликту с парфянами.

Поскольку в римских провинциях было немало сторонников парфянской ориентации, Антонию пришлось предпринять против них ряд карательных акций. Как рассказывает Аппиан, «после смерти Гая Цезаря и последовавшей за нею смуты города управлялись тиранами, так как им содействовали парфяне; ведь после постигшего Красса несчастья парфяне

вторглись в Сирию и там оказали тиранам содействие» (App. BC. V. 10.41. Пер. Т. Н. Книпович с изменениями). В принципе, ничего невероятного в этом сообщении нет; его принимает, например, Н. Дибвойс, который в общем виде пишет о том, что эти пропарфянские тираны установили свою власть в сирийских городах, когда римский контроль в провинции ослаб [18, с. 108]. Другое дело, что вряд ли таких тиранов было так много, как это утверждает Аппиан (BC. V. 10.39). В это же время Антоний произвел еще одну важную перестановку – он назначил тетрархами Иудеи Ирода и его брата Фаззеля (Jos. Al. 14.13.1), вероятно, желая иметь союзников в Палестине на случай военных действий со стороны парфян [14, с. 156].

Кроме того, он осуществил конный рейд на богатый торговый город Пальмиру. Как подчеркивают оксфордские исследователи О. Хекстер и Т. Кайзер, это событие не имеет однозначной оценки [19, с. 74–75]. Действительно, К. Пеллинг, например, считает, что тем самым он готовился к наступательной войне против Парфии [25, с. 12; 34, с. 62–64]. С другой стороны, по мнению Г. Бенгтсона, одним из основных мотивов действий Антония в это время был страх перед парфянской угрозой, против которой он пытался создать буферную зону [14, с. 158]. В любом случае, независимо от мотивов, важен сам факт: Антоний активно укреплял римско-парфянскую границу, что не могло не вызывать настороженности у восточного соседа.

Даже если поход на Пальмиру сам по себе вряд ли мог вызвать у парфянского царя беспокойство, курс на консолидацию римских владений на Востоке и наведение порядка в местных делах, пришедших в полное расстройство за время гражданской войны, выглядел куда опаснее. Если с помпеянами, а затем с Брутом и Кассием, еще можно было вести переговоры, то действия Антония не оставляли никаких сомнений в достаточной жесткости характера той политики, которую он будет проводить. К этим общим соображениям добавился удобный момент – переброска Антонием значительной части войск на запад, где казалась неизбежной борьба с Октавианом [1, с. 89]. Таким образом, в конце 41 или начале 40 г. «парфянский шторм», начала которого никто не ожидал, обрушился на римские провинции.

На протяжении нескольких месяцев Рим лишился всех своих восточных провинций, и это на фоне идущей в Италии Перузинской войны! Поэтому первоочередной задачей Антония в отношениях с Парфией стало восстановление римской власти в провинциях. Для ведения во-

йны Антоний отправил на Восток П. Вентидия, одного из наиболее талантливых военачальников школы Цезаря [30; 31], который получил под свое командование 11 легионов, половину всей армии Антония [33, с. 76]. В ходе кампании 39 г. он восстановил власть Рима в захваченных парфянами провинциях, нанеся поражение сперва Лабиеву, а затем и пришедшим к нему на помощь парфянским войскам. На следующий год, когда парфянская армия во главе с царевичем Пакором вновь перешла Евфрат, Вентидий нанес ей решающее поражение в битве при Гиндаре, причем сам Пакор погиб в бою. Действия Вентидия высоко оценивали как античные (Cass. Dio. XLIX.21.2; Iust. XLII.4.10; Plut. Ant. 34), так и современные историки [1, с. 99–100; 6, с. 267; 12, с. 189; 13, с. 14–16; 21, с. 174; 32, с. 223].

Разбитые парфяне бежали в Самосату, и Вентидий предпринял осаду этого города, которая затем была снята в обмен на уплату тысячи талантов. В разгар этой кампании его сменил Антоний, лично явившийся на театр военных действий. Древние авторы объясняли это завистью, которую он испытывал к славе своего легата; это истолкование принимает и ряд современных исследователей [2, с. 216; 4, с. 255; 21, с. 174; 20, с. 121]. Однако необходимо учитывать, что все победы Вентидия считались одержанными под ауспигиями Антония, и, следовательно, честь за них в глазах римлян принадлежала им обоим. Это прямо отмечает Кассий Дион: «Ведь в столице римляне постановили предоставить триумф в соответствии с законом и Антонию, так как он был главнокомандующим, и Вентидию, потому что считали, что он подобающим образом отплатил за поражение Красса» (Cass. Dio. XLIX.21.2). С другой стороны, вполне естественно, что Антоний, прибыв к армии, взял командование в свои руки. Кроме того, предоставив Вентидию триумф и право выпустить монету от своего имени [17, с. 533, № 531], он дал ему тем самым экстраординарные почести (это едва ли не единственный в римской истории случай, когда отдельный триумф, наряду с главнокомандующим, получал его подчиненный!), которых вполне мог и не давать, что тоже плохо увязывается с версией о зависти. Как справедливо отметил Г. Бенгтсон, Антоний никогда не забывал, чем он обязан своему испытанному соратнику [13, с. 17]. Информацию же о зависти Антония следует объяснять влиянием октавиановской пропаганды, направленной на то, чтобы дискредитировать в глазах армии своего соперника, солдаты были очень недовольны

смещением Вентидия (Cass. Dio. XLIX.22.1), поэтому пропаганда вполне могла иметь успех.

Этими событиями закончился «оборонительный период» политики Антония. Отныне «римское господство в областях к западу от Евфрата покоилось на прочных основаниях» [13, с. 14]. То, что произошло дальше, вызывает ряд вопросов, хотя, вроде бы, события изучены достаточно хорошо. Лично вступив в командование, Антоний начинает готовить поход в Парфию, который и осуществляет в 36 г. Событие это неоднократно рассматривалось как в общих трудах по римско-парфянским отношениям, так и в специальных статьях [1, с. 100–118; 10; 13; 18, с. 121–133; 23; 28, 197–216]. Римский фон похода реконструирован довольно точно. Обычно справедливо отмечается, что к 37 г. соотношение сил начало складываться не в пользу Антония. Очевидной стала неизбежность столкновения между триумвирами, и лишь наличие сильного общего противника в лице Секста Помпея до поры до времени сдерживало начало открытой вражды.

Для восстановления своего положения и укрепления авторитета Антонию нужна была эффектная и эффективная акция, которая вызвала бы значительный рост его популярности; такой акцией и могла стать соответствующим образом поданная война с Парфией. Антоний при этом представал как истинный наследник Цезаря, готовившегося к этой войне в последние месяцы жизни (Cic. Att. XIII.27.1; 31.3; App. BC. II.110, 11; Cass. Dio. XLIV.46.3). Конечно, планировать войну такого же масштаба, как Цезарь, Антоний не мог – она заняла бы слишком много времени, а за спиной у него оставался серьезный противник в лице Октавиана, который, по мнению Г. Бенгтсона, специально поощрял планы Антония, рассчитывая, что тот увязнет в парфянской войне и обеспечит ему тем самым свободу действий на Западе [13, с. 14]. Видимо, Антоний намеревался завершить свою кампанию в течение одного-двух лет, причем у него были реальные шансы на успех. Важной побудительной причиной похода была и постоянная нужда Антония в деньгах, которую он надеялся удовлетворить за счет парфянских сокровищ.

Однако наряду с этим существовало и то, что К. Джонс в недавней статье назвал «региональный контекст» [22, с. 51], т.е. та политика, которую Антоний проводил по отношению к местным царям и династам. В этом смысле показателен ряд действий Антония. Прежде всего, это довольно темная история с парфянским вельможей Монезом. Новый парфянский

царь, Фраат IV, пытался укрепить свою власть при помощи жестоких репрессий (Cass. Dio. XLIX.23.4 5; Iust. XLII.5.1 2; Plut. Ant. 37). Опасаясь расправы, многие знатные парфяне бежали в римские владения, и среди них Моне́з, «человек видный и могущественный» (Plut. Ant. 37; Cass. Dio. XLIX.23.5), видимо, бывший одним из руководителей западного похода в 40 г. (Hog. Carm. III.6) [1, с. 103; 18, с. 121]. Антоний приветливо принял беглецов, а Моне́зу дал «в кормление» три города в римских владениях (Plut. Ant. 37; Cass. Dio. XLIX.24.2). Однако Фраат, обеспокоенный бегством Моне́за, сумел склонить его к возвращению, пойдя на уступки. Антоний не только не препятствовал этому, но и воспользовался случаем, чтобы сообщить парфянскому царю свои мирные условия: возвращение парфянами трофеев, захваченных ими при разгроме Красса, и римских военнопленных (Plut. Ant. 37). Видимо, эти предложения должны были завуалировать военные приготовления самого Антония [13, с. 20–21], а то, что он так легко отпустил Моне́за, объясняется его надеждой иметь влиятельного союзника внутри Парфии во время похода (Cass. Dio. XLIX.24.4).

В связи с этим встает вопрос: как Антоний намеревался поступить с завоеванной Парфией? Й. Кромайер считал, что он стремился к ее полному сокрушению [23, с. 90], однако предположение это не кажется убедительным – разгром Парфии потребовал бы слишком много времени. Поэтому заслуживает внимания сообщение Кассия Диона о том, что Моне́зу Антоний обещал в случае победы царскую власть над Парфией (Cass. Dio. XLIX.24.2). Вероятно, его планы сводились к тому, чтобы стремительным броском через Армению и Мидию Атропатену захватить центральные районы Парфии с Ктесифоном и Экбатанами, резиденциями парфянских царей, и утвердить там на престоле своего ставленника в лице Моне́за, т.е. фактически поместить Парфию в один ряд с другими зависимыми от Рима царствами.

Но в таком случае тот поход, который приписывает Антонию традиция, просто исчезает. Его планы следует в этом случае рассматривать не в сопоставлении с планами Цезаря, а независимо от них, в контексте укрепления системы римских владений на Востоке. Действительно, к этому же времени относятся и другие очень показательные действия: Антоний проводит ряд династических перемещений на Востоке, утверждая на царских престолах своих ставленников (App. BC. V.75; Cass. Dio. XLIX.32.3; Strab. XII.8,9; XIV.5.6), его легат

П. Канидий Красс успешно действует на Кавказе против иберов и албанов (Cass. Dio. XLIX.24.1; Plut. Ant. 34), а с самым сильным из кавказских правителей, царем Армении Артаваздом, заключается союз (Plut. Ant. 37) [24, с. 83–86].

В результате этих действий безопасность границ была обеспечена, а установление дружественного режима в Парфии должно было завершить эту систему. Во всяком случае, именно такому замыслу более всего соответствуют действия Антония, отступившего из Атропатены и не оставшегося зимовать в Армении. Долгое отсутствие в римских провинциях отнюдь не входило в его расчеты. Но если завоевание Парфии изначально не входило в расчеты Антония, то и итоги его похода следует оценивать иначе. Конечно, имела место военная неудача, сыгравшая роковую роль в дальнейшей судьбе Антония, потерявшего до 40 % своей армии [1, с. 115; 3, с. 83. Ср.: 13, с. 39; 21, с. 180; 26, с. 261; 33, с. 78–79] и вынужденного пополнять потери за счет ресурсов Востока. Вместо ожидаемой богатой добычи поход принес только новые расходы, как на его организацию, так и на ликвидацию последствий поражения; вместо громкой славы победителя и роста популярности слухи, домыслы, сплетни разного рода, которые активно поддерживала и раздувала октавиановская пропаганда. Именно к этой пропаганде восходит ехидное замечание Веллея Патеркула: Антоний назвал свое поражение победой «потому что ... ушел живым» (Vell. II. 82.3).

Целей похода, связанных с укреплением своего положения в противостоянии с Октавианом, Антоний не достиг, и в этом смысле поход был неудачен. Однако поход был довольно успешен в регионально-династическом аспекте [22, с. 54]. Действительно, говорить о том, что парфяне добились решительной победы не приходится. Фраат IV отнюдь не укрепил свое положение, как можно было ожидать, но вскоре после этого утратил на время контроль не только над Арменией, но и над Мидией Атропатеной. Антонию не удалось сменить власть в Парфии на отвечающую римским интересам, но он не допустил и усиления геополитического противника Рима.

Второй важный момент – это отношения с Арменией и Мидией. В этом контексте поход следует рассматривать как важную часть реорганизации Востока, предпринятой Антонием. Армения была союзницей римского народа, начиная со времени походов Помпея. Однако, как показали события, союз был не слишком надежный. Дважды, во время похода Красса и

позже Антония, Артавазд обманул возлагавшиеся на него ожидания. Измены в строгом смысле слова не было ни в том, ни в другом случае [27, с. 107], но то, что твердо рассчитывать на помощь Армении не приходится, стало совершенно очевидно. С учетом этого меры Антония выглядят вполне логично.

Прежде всего, он низложил Артавазда и захватил его в плен (Plut. Ant. 50.4; Dio 50.1.4, 50.27.7; Liv. Per. 131). Затем, когда Артавазд, царь Мидии Атропатены, поссорился с Фрагатом, Антоний принял его предложение о союзе. Особо следует подчеркнуть, что такое развитие событий предвидеть заранее было нельзя, но, когда они приняли такой оборот, ситуация была использована мастерски. Артавазд вернул Антонию те значки римских легионов, которые у него находились, что было крупным дипломатическим успехом, и затем было заключено соглашение о династическом браке – Александр Гелиос, сын Антония и Клеопатры, был помолвлен с царской дочерью Иотапой (Dio Cass. XLIX.44.2). При этом во время знаменитой церемонии «александрийских

дарений» он «Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана)» (Plut. Ant. 54.7. Пер. С. П. Маркиша. Ср.: Dio Cass. XLIX.41.3). Таким образом, на границе Рима и Парфии создавалось новое государственное образование, более крупное, но не имевшее имперских амбиций (в отличие от Армении с ее великодержавным прошлым), через территорию которого проходил краткий путь для наступления на Парфию в случае необходимости – тот самый путь, на котором Антоний споткнулся в 36 г. Это был несомненный успех. И восточная граница римских провинций обрела надежду на стабильность, которой ей не хватало со времен Помпея [29, с. 278]. Антонию, правда, не удалось воспользоваться плодами этого успеха – он был вынужден отозвать войска на Запад для борьбы с Октавианом. Но показателем того, что общее направление его политики было правильным, является то, что Октавиан, после победы ставший императором Цезарем Августом, сохранил те основы парфянской политики, которые были заложены Антонием.

Источники и литература

1. Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. 2. М.: МГУ, 1966. 304 с.
2. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Восточная литература, 1961. 444 с.
3. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л.: ЛГУ, 1985. 223 с.
4. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Наука, 1949. 686 с.
5. Межеричкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 992 с.
6. Моммзен Т. История Рима. СПб.: Наука; Ювента, 1995. Т.5. 560 с.
7. Смыков Е. В. Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // Античный мир и археология. Саратов: СГУ, 1990. Вып. 7. С. 56–65.
8. Смыков Е. В. Парфия и Рим в 44–40 гг. до н. э.: от ограниченного вмешательства к массированному вторжению // Античный мир и археология. Саратов: Научная книга, 2010. Вып. 14. С. 138–151.
9. Смыков Е. В. Парфянские планы Цезаря // Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию кружка «Античный понедельник». Казань: КГУ, 2001. С. 146–148.
10. Смыков Е. В. Парфянский поход Марка Антония (36 г. до н. э.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Саратов: СГУ, 1987. С. 111–120.
11. Смыков Е.В. После Карр // Из истории античного общества. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2007. Вып. 9–10. С. 312–322.
12. Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969. 324 с.
13. Bengtson H. Zum Partherfeldzug des Antonius. München: Beck, 1974. 48 s.
14. Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München: Beck, 1977. 327 s.
15. Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg: Winter, 1960. 127 s.
16. Craven L. Antony's Oriental Policy until the Defeat of the Parthian Expedition. Columbia: Univ. of Missouri, 1920. XI, 86 p.
17. Crawford M. Roman Republican coinage. Cambridge: Univ. Press, 1974. Vol. I II. – XV, XI, 919 p., 78 pl.
18. Debevoise N. C. A political history of Parthia. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1938 – XLIII, 303 p.
19. Hekster O., Kaizer T. Mark Antony and the Raid on Palmyra : Reflections on Appian, "Bella Civilia" V, 9 // Latomus. 2004. T. 63/1. P. 70–80.
20. Holmes T.R. The Architect of the Roman Empire. Vol. 1. Oxf., 1928. – XVI, 285.
21. Huzar E.G. Mark Antony. A Biography. Minneapolis: U. of Minnesota Press, 1978. – IX, 347.
22. Jones K.R. Marcus Antonius' Median War and the Dynastic Politics of the Near East // J. M. Schlude, B. B. Rubin (eds). Arsacids, Romans and Local Elites: Cross-Cultural Interactions of the Parthian Empire. Oxford: Oxbow books, 2017. P. 51–64.
23. Kromayer J. Der Parterzug des Antonius // Hermes. 1896. Bd. 31. S. 70–104.
24. Patterson L.E. Antony and Armenia // Transaction of American Philological Association. 2015. Vol. 145. P. 77–105.
25. Pelling C. The triumviral period // The Cambridge Ancient History. Cambridge: Univ. Pr., 1996. Vol. 10. P. 1–69.
26. Perowne S. The Death of the Roman Republic: from 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N. Y.: Doubleday, 1968. XVII, 289 p.

27. Prantl H. Artavasdes II. Freund oder Feind der Römer? // A. Coşkun (hg.). Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt-am- Main: Lang, 2008. S. 91–108.
28. Rawlinson G. The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1873 – XV, 458 p.
29. Roberts A. Mark Antony. His life and his time. Worcestershires: Malvern, 1988. LXVIII, 361 p.
30. Seaver J.E. Publius Ventidius. Neglected Roman Military Hero // The Classical Journal. 1952. Vol. 57/7. P. 275–300.
31. Strugnell E. Ventidius' Parthian war: Rome's forgotten eastern triumph'. Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. Vol. 46. P. 239–252.
32. Syme R. The Roman revolution. Oxford: Univ. Pr., 1939. – XII, 568 p.
33. Tarn W.W. Antony's Legions // The Classical Quarterly. 1932. Vol. 26/2. P. 75–81.
34. Ziegler K.H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts. Wiesbaden: Steiner, 1964. 158 s.

References

1. Bokshchanin A. B. Parfiya i Rim (*Parthia and Rome. Part 2*). Part. 2. Moscow: MSU publ., 1966. 304 p. (In Russian).
2. D'yakov M. M. Ocherk istorii drevnego Irana (*Essay on the history of ancient Iran*). Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. 444 p. (In Russian).
3. Egorov A.B. Rim na grani epoch. Problemy rozhdeniya i formirovaniya prinzipata (*Rome on the verge of ages. Issues of birth and formation of the Principate*). Leningrad: LSU publ., 1985. 223 p. (In Russian).
4. Mashkin N. A. Printsipat Avgusta. Proischozhenie i sotsialnaya sushchnost (*The Principate of Augustus. Origins and social essence*). Moscow: Leningrad: Nauka, 1948. 686 p. (In Russian).
5. Mezherickij Ya. Yu. "Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta (*The "Restored Republic" of the Emperor Augustus*). Moscow: University named after Dmitriya Pozharskogo publ, 2016. 992 p. (In Russian).
6. Mommsen T. Istoriya Rima (*The History of Rome*). Vol. 5. St.Petersburg: Nauka; Yuventa, 1995. 560 p. (In Russian).
7. Smykov E. V. Mark Antonij i politika clementia Caesaris (*Marc Anthony and the policy of Clementia Caesaris*) // Antichnyj mir i archeologia. Saratov: SSU publ., 1990. Vol. 7. P. 56–65. (In Russian).
8. Smykov E. V. Parfiya i Rim v 44 do n.e.: ot ogranichenno go vmeshatelstva k massirovannomu vtorzheniyu (*Parthia and Rome in the 44 BC.: from limited intervention to massive invasion*) // Antichnyj mir i archeologia. Saratov: Nauchnaya kniga, 2010. Vol. 14. P.128–151. (In Russian).
9. Smykov E. V. Parfyanskie plany Cezarya (*Caesar's Parthian plans*) // Antichnost v sovremenno m izmerenii. Tezisy dokladov. Kazan: KSU publ., 2001. P. 146–148. (In Russian).
10. Smykov E. V. Parfyanskij pokhod Marka Antoniya (36 g. do n.e.) (*The Parthian war of Marc Anthony*) // Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii. Saratov: SSU publ., 1987. P. 111–120. (In Russian).
11. Smykov E. V. Posle Karr (*After the Battle of Carrhae*) // Iz istorii antichnogo obshchestva. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij Universitet, 2007. Vol. 9 10. P. 312–322. (In Russian).
12. Utchenko S. L. Drevnij Rim. Sobytiya. Ljudi. Idei (*Ancient Rome. Facts. Men. Ideas*). Moscow: Nauka, 1969. 324 p. (In Russian).
13. Bengtson H. Zum Partherfeldzug des Antonius. München: Beck, 1974. 48 s.
14. Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München: Beck, 1977. 327 s.
15. Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg: Winter, 1960. 127 s.
16. Craven L. Antony's Oriental Policy until the Defeat of the Parthian Expedition. Columbia: Univ. of Missouri, 1920. XI, 86 p.
17. Crawford M. Roman Republican coinage. Cambridge: Univ. Press, 1974. Vol. I II. – XV, XI, 919 p., 78 pl.
18. Debevoise N. C. A political history of Parthia. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1938 – XLIII, 303 p.
19. Hekster O., Kaizer T. Mark Antony and the Raid on Palmyra: Reflections on Appian, "Bella Civilia" V, 9 // Latomus. 2004. T. 63/1. P. 70–80.
20. Holmes T. R. The Architect of the Roman Empire. Vol. 1. Oxf., 1928. XVI, 285.
21. Huzar E. G. Mark Antony. A Biography. Minneapolis: U. of Minnesota Press, 1978. IX, 347.
22. Jones K. R. Marcus Antonius' Median War and the Dynastic Politics of the Near East // J. M. Schlude, B. B. Rubin (eds). Arsacids, Romans and Local Elites: Cross-Cultural Interactions of the Parthian Empire. Oxford: Oxbow books, 2017. P. 51–64.
23. Kromayer J. Der Parterzung des Antonius // Hermes. 1896. Bd. 31. S. 70–104.
24. Patterson L. E. Antony and Armenia // Transaction of American Philological Association. 2015. Vol. 145. P. 77–105.
25. Pelling C. The triumviral period // The Cambridge Ancient History2. Cambridge: Univ. Pr., 1996. Vol. 10. P. 1–69.
26. Perowne S. The Death of the Roman Republic: from 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N. Y.: Doubleday, 1968. XVII, 289 p.
27. Prantl H. Artavasdes II. Freund oder Feind der Römer? // A. Coşkun (hg.). Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. - 1. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt-am- Main: Lang, 2008. S. 91–108.
28. Rawlinson G. The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1873. XV, 458 p.
29. Roberts A. Mark Antony. His life and his time. Worcestershires: Malvern, 1988. LXVIII, 361 p.
30. Seaver J. E. Publius Ventidius. Neglected Roman Military Hero // The Classical Journal. 1952. Vol. 57/7. P. 275–300.
31. Strugnell E. Ventidius' Parthian war: Rome's forgotten eastern triumph'. Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. Vol. 46. P. 239–252.
32. Syme R. The Roman revolution. Oxford: Univ. Pr., 1939. XII, 568 p.
33. Tarn W.W. Antony's Legions // The Classical Quarterly. 1932. Vol. 26/2. P. 75–81.
34. Ziegler K. H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts. Wiesbaden: Steiner, 1964. 158 s.

УДК 930

Н. С. Степаненко

**АРМЯНЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАКУБАНЬЕМ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

С конца XVIII в. на Северо-Западном Кавказе происходило укрепление позиций России. В 1829 г. после русско-турецкой (российско-османской) войны по Адрианопольскому мирному договору эта территория вошла в состав Российской империи. Армяне Закубанья (черкесо-гаи) и Кавказской линии к тому времени играли важную роль в налаживании торговых и иных связей в регионе. Однако произошедшие политические изменения стали причиной появления новых черт в их деятельности. В связи с активизацией военного противостояния в регионе, противоборствующие стороны нуждались в посредниках, способных вывозить людей из плена. Горские армяне активно включились в этот процесс, получая экономическую

выгоду. Благодаря им, на родину было возвращено большое количество российских невольников. Другим важным процессом стало активное переселение армян на подконтрольные России земли, где они получали различные льготы и преимущества. Миграции армян в этот период были обусловлены не только военными, социально-экономическими, но и конфессиональными факторами. В данной статье они раскрываются на основе источников, выявленным автором в государственном архиве Краснодарского края.

Ключевые слова: армяне, черкесо-гаи, адыги, Россия, Северо-Западный Кавказ, первая половина XIX в., торговля, переселения.

N. S. Stepanenko

**ARMENIANS BETWEEN RUSSIA AND ZAKUBANYE IN THE FIRST HALF
OF THE XIX CENTURY**

Since the end of the eighteenth century, Russia's position in the North-Western Caucasus had strengthened. And in 1829, after the Russian-Turkish war on the Adrianople Peace Treaty, the territory became a part of the Russian Empire. The Armenians of Zakubanya (Circasso-Gai) and the Caucasus line by that time played a role in establishing trade and other ties in the region. However, the political changes brought new features to their activities. In connection with the intensification of military confrontations in the region, the warring parties needed mediators able to rescue people from captivity. Mountainous Armenians actively joined in this process, receiving economic

benefits. Thanks to them, a large number of Russian slaves were returned to their homeland. Another important process was the active resettlement of the Armenians on the lands controlled by Russia, where they received various benefits and advantages. Migrations of Armenians during this period were due not only to military, socio-economic, but also confessional factors. In this article, they are disclosed on the basis of sources, identified in the State Archives of the Krasnodar region.

Key words: Armenians, Circassians, Adygeans, Russia, North-West Caucasus, first half of the 19th century, trade, resettlement.

Следы пребывания армян на Северо-Западном Кавказе фиксируются с XII в. [3, с. 72–108]. Их массовые переселения из Крыма относятся к XV в. По сообщению источников, в 1475 г., когда турки захватили Крым и стали истреблять мирное население, армяне начали переселяться в Молдавию и Польшу. В то же время армяне поселились и среди адыгов, где ислам еще не получил распространения.

Со временем здешние армяне восприняли основные элементы культуры и одежды адыгов, говорили на особом этнолекте адыгского языка, но сохранили христианскую веру. Они стали именоваться черкесо-гаями, что указывало на двойственность элементов их культуры. Они обосновались в следующих аулах на Северо-Западном Кавказе: Гяур-Хабль, Хатуйкай, Егерухай, Хаджихабль, Эним, Шокон, Псе-

хуп. Два черкесо-армянских села появилось в районе современного Геленджика – Азатух и Бзатух. Черкесские армяне были заняты торговлей, ремеслами и земледелием [4, с. 15]. Помимо черкесо-гаев на Северо-Западном Кавказе активную коммерческую деятельность вели и российские подданные армянского происхождения. Все они сохраняли христианство армяно-григорианского исповедания.

Уже при Петре I российские власти установили тесные отношения с армянским католикосом, который занимал ярко выраженную пророссийскую позицию. В 1717 г. Астрахань стала епархиальным центром всех армян России [1, с. 265]. Новый импульс процессу переселения армян в российские пределы придала изданная Павлом I в 1799 г. «Жалованная грамота», в которой подтверждалось право армян на «исповедание христианской их веры», а также дозволялось «в селениях их строить монастыри, церкви, колокольни и другие церковные здания, с отправлением во оных по законам их всех церковных служб и духовных чинов положений, завися по делам духовным единственно от власти Армянского Патриарха Луки, пребывающего в Армянском Патриаршем Араратском Престольном монастыре Эчмиадзине и наместника его находящегося в Империи Нашей Архиепископа Иосифа» [2, с. 59–67]. Грамота, таким образом, узаконила религиозную автономию армян, сыграла важную роль в укреплении их связей с Россией.

В указанном регионе армяне долгое время занимали важные позиции в посреднической торговле. Уже дореволюционные историки писали о торговле, как о ведущем занятии армян на Северо-Западном Кавказе [18, с. 19]. Советский исследователь М. В. Покровский так же указывал на большую роль армянских купцов в коммерческих операциях между Закубаньем и Россией [17, с. 129]. Современные историки обращают внимание на то, что некоторые армяне, будучи купцами, так же выполняли различные поручения российских властей [14, с. 167; 12, с. 133–134]. В данной статье использовались материалы делопроизводственной документации, хранящиеся в государственном архиве Краснодарского края [5], а так же законодательные акты Российской империи [15]. Целью данной статьи является освещение специфических торговых операций, связанных с возвращением пленных, а так же процесс переселения армян в российские пределы.

До 1829 г. Закубанье находилось в сфере влияния Османской империи. Граница между Россией и Турцией, согласно Ясскому миру

1791 г., проходила по Кубани. Однако статус государственной границы не останавливал партии на тот момент турецких подданных от совершения набегов на казачьи станицы с целью грабежа и увода пленных. В ответ на это сводные отряды российской армии осуществляли в Закубанье т.н. репрессалии – военные акции, сопровождавшиеся угоном баранты (вид военной добычи, чаще всего мелкий рогатый скот) и уводом пленников. К сожалению, репрессалии редко носили адресный характер. Часто овец и пленных уводили у непричастных в набегах горцев. Это провоцировало ещё большую напряжённость, как на местном уровне, так и на уровне двусторонних отношений между Россией и Османской империей.

Следствием взаимных набегов являлось нахождение у конфликтующих сторон немалого числа пленников. У российских невольников было несколько способов вернуться на родину. Они могли бежать, их могли выкупить или обменять на горцев, взятых в плен российскими войсками. Переговоры об обмене или выкупе часто вели армянские купцы. Посредничество было сопряжено с опасностью для жизни и здоровья, что видно из прошения нахичеванского армянина Аксена Ованесова командующему Черноморским казачьим войском генерал-майору Василию Алексеевичу Сысоеву, поданному летом 1827 г. [5, л. 2]. А. Ованесов писал, что занимался торговлей среди закубанских народов более 20-ти лет. С одобрения А. П. Ермолова командующий Черноморской кордонной линией генерал-майор М. Г. Власов приказал Аксену Ованесову и некоторым его товарищам вызволять из горского плена российских подданных, в особенности казаков Черноморского войска. Армянин следующим образом описал свою деятельность за Кубанью: «Исполняя волю начальства, я старался доставлять по возможности всякие сведения. Пленных же в особенности выкупал по дорогим ценам на собственные мои товары, за которых, по установленному порядку, получал от Черноморского войска пленных черкесов. Этот размен был для меня крайне невыгоден, но я не щадил капитала своего, для пользы государства, и постоянно продолжал выкуп наших пленных» [5, л. 2]. За 5 лет Ованесову удалось освободить из неволи 1 офицера, 1 урядника, 11 солдат, 17 мужчин разного звания, 7 женщин. Он писал о 54 освобождённых им людях. Из-за выкупа пленников, по мнению купца, в Закубанье на него было совершено покушение. Армянин утверждал, что его недруги убедили анапского пашу конфисковать его товар и

запретить Ованесову продавать горских пленников на анапском рынке, которых он получал от российских властей в качестве компенсации за освобождённых из неволи россиян. Армянский купец просил российские власти защитить его интересы.

15 июля 1827 г. атаман Черноморского казачьего войска направил послание анапскому паше. В нём сообщалось: «Торгующий с давнего за Кубанью нахичеванский армянин Аксен Авганов жалуется мне, что в прошлом 1826 г. Ваше высокостепенство под влиянием неблагомыслящих людей запретили ему продать в Анапе пленных черкес, полученных им из России и даже у приказчика его Ованеса Асланова отобрали одну азиатскую девку и отдали без заплаты закубанцам, чрез что Ованесов понёс весьма значительные убытки и лишился почти всей своей коммерции. Кроме сего за купленную у него Вашим Высокостепенством черкесскую девку ценою 900 паров, которая доставлена Вам эфендием Зановым, получил только 350 паров. Благоприятель мой, покорнейше прошу дозволить упоминаемому армянину Ованесову продать пленных черкес в Анапе и не делать нигде препятствий в торговле с Закубаньем. Касательно купленной Вами девки, за которую он не получил 550 паров, прошу сделать распоряжение об удовлетворении оными его» [5, л. 17]. Российские власти пытались дипломатическим способом отстоять интересы лояльного им человека, даже в таком неприглядном деле как торговля людьми. Однако, после вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, местная администрация запретила операции по купле и продаже людей [6, л. 3]. Это событие произошло в 1829 г., когда завершилась очередная война между Россией и Османской империей. Однако большинство местного населения не признало условия этого договора. Тем не менее, начиная с 30-х гг. XIX в., процесс вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи включал не только силовые акции, но и активное социально-экономическое и культурное взаимодействие народов региона и России.

В 40-е гг. XIX вв. многие армянские дворяне, купцы и мещане продолжили выкупать российских подданных из горского плена. В 1843–1845 г. шла переписка «о представлении нахичеванских и закубанских армян 8-ми человек к золотым медалям и к ордену Св. Станислава 3-й степени, за человеколюбивые подвиги, именно за выкуп на их собственность из-за Кубани 66 человек русских пленных». Попавшие в плен «при разорении укреплений» на

Восточном побережье Черного моря, они были выкуплены купцом 3-й гильдии Егором Минаевым Черкесовым. В дальнейшем генерал-майором Рашпилем, согласно приказу по Отдельному Кавказскому корпусу от 31 декабря 1844 г. №178, три золотые медали с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте были пожалованы нахичеванским купцам Ованесу Миасерову, Карпу Чехмахову и закубанскому армянину Егору Миасерову [6, с. 133–134]. Это было свидетельством признания заслуг этих купцов в деле освобождения российских пленников из неволи.

В условиях перманентного военного противостояния армянские купцы нередко лишались своего имущества, которое становилось предметом политического торга. Это видно из докладной записки закубанского армянина Пшимафа Богурсукова, направленной 20 октября 1854 г. в г. Екатеринодар, генерал-майору Я. Г. Кухаренко [11, л. 2]. В ней сообщалось, что в прошлом году, когда он со своими братьями проживал за Кубанью на р.Абин, шапсуги разорили их и забрали всё имущество. Из-за этого Пшимаф Богурсуков и его братья переселились в Черноморию к Славянскому посту. После этого шапсуги прислали к ним людей и объявили, что согласны возратить всё их имущество. Условием было возвращение братьев обратно за Кубань. Прежде этого они просили прислать старшего брата Аслана. Он отправился за Кубань после того как 12 шапсугов дали присягу в том, что они вернут имущество. В подтверждение этого присягнуло ещё 75 шапсугов. Аслан Богурсуков собрал имущество, но не успел возвратиться и умер за Кубанью. Поэтому Пшимаф и Борок Богурсуковы просили Я. Г. Кухаренко позволить им вместе с семейством и крестьянами переселиться обратно за Кубань. В докладной записке Пшимаф Богурсуков пояснял: «Я переселяюсь за Кубань не по внутреннему желанию, а для получения имущества, потерянного нами из-за нашей преданности русскому правительству. Если я останусь в Черномории, я не смогу прокормить семью и крестьян» [11, л. 2]. К слову, согласно поданному списку его семья и зависимые крестьяне насчитывали 32 мужчин и 35 женщин. Однако Я. Г. Кухаренко не посчитал целесообразным обратное переселение черкесо-гаев за Кубань. Он предписал начальнику 4-й части Черноморской кордонной линии войсковому старшине Савицкому переселить братьев Богурсуковых из аула при Славянском посту вглубь территории Черномории – в станцию Брюховецкую [11, л. 31].

Торговля в Закубанье была сопряжена с риском быть ограбленным в дороге, т.к. мужское население региона было поголовно вооружено, а разбой часто воспринимался не как тяжкое преступление, а как проявление молодечества и удали. Даже принявшие присягу горцы нередко занимались грабежом на закубанских тропах. 28 февраля 1846 г. Канцелярия по управлению мирными горцами Штаба войск Кавказской линии и Черномории сообщала генерал-майору Г. А. Рашпилю о прошении, поданном на имя главнокомандующего корпусом армянскими торговцами Аванесом Сеферовым и Христофором Кусиковым [8, л. 1]. Купцы просили взыскать с наследников умершего сына мирного бжедугского князя Кончукова 930 рублей ассигнациями за то, что он вместе с 14-ю сообщниками ограбил их во время следования из гор в российские пределы.

Из переписки, имеющейся в кордонном дежурстве, по следственному делу об ограблении сыном мирного бжедугского князя Аслан-Гирея Кончукова Темтенем с 14-ю сообщниками армян Христофора Кусикова и Ивана Сеферова, ехавших в аул при Прочноокопской крепости, оказалось, что князь Темтен Кончуков действительно нагнал у армян разных вещей на 1600 рублей ассигнациями. 670 рублей ассигнациями он вернул. Как решился вопрос с оставшимися 970 рублями из переписки не известно [8, л. 3]. В ходе разбирательства выяснилось, что удовлетворить просьбу армян нет никакой возможности, т.к. виновник умер, а наследники не получили от него никакого наследства и отказывались от удовлетворения претензий. Однако Сеферов и Кусиков продолжали утверждать, что Кончуков оставил большое наследство. Им выдали открытый лист в Черноморию для дальнейшего судебного разбирательства [8, л. 20].

Коммерческие операции в Закубанье были связаны не только с риском ограбления. Имели место случаи, когда армянских купцов убивали из корыстных побуждений. 30 ноября 1853 г. черкесо-гаи Сергей Баронов и Шуз Айвазов из Армянского поселения, расположенного рядом с Прочноокопской крепостью (ныне г. Армавир), находились в Закубанье в ауле черченейского князя Пшемафа Кончукова по делам торговли. В ночь на 30 ноября Шуз Айвазов был ограблен и убит. Преступник был пойман, его привезли на Константиновский пост. Им оказался абадзех Шерух Малихах. Его обвинили в том, что он зарезал армянина и украл три тюка товара на 80 рублей серебром. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом князь С. М. Воронцов повелел пойманного черкеса Шеруха Мамеха-

ха, убившего находившегося в черченейском ауле по делам торговли прочноокопского армянина Шуза Айвазова, а так же ограбившего его товары и деньги, сослать в арестантские роты в город Киев навсегда [10, л. 1].

Из-за обострившейся социально-политической ситуации в Закубанье многие армянские семьи переселялись под покровительство России. Ещё с конца XVIII в., после того, как среди адыгов начал утверждаться ислам, положение черкесо-гаев, исповедовавших христианство, постепенно стало ухудшаться. С появлением в регионе России, начался процесс перехода черкесских армян под её покровительство. В переселении они видели возможность сохранить собственную веру и идентичность. Так, в 1815 г. в аул князя Ханука, находившийся на Таманском полуострове, перешла из гор семья армянина Меликова с двумя сыновьями и тещей. В 1823 г. трое черкесских армян хотели переселиться в Черноморию, но не смогли этого сделать из-за боязни потерять своих зависимых крестьян [20, с. 104].

Массовый переход черкесо-гаев в российские пределы начался в 30-е гг. XIX в. Сначала он был стихийным, но затем процесс стали организовывать российские военные власти. К концу 1838 г. многочисленные группы черкесских армян первоначально обосновались в двух временных поселениях: в ауле Ушкундипс около станицы Казанской и в ауле Домбайтук вблизи станицы Темижбекской. 21 апреля 1839 г. российскими военными властями был основан армянский аул (впоследствии Армавир), находившийся на левом берегу Кубани, напротив крепости Прочный Окоп. К 1840 г. в ауле проживало около 300 семей горских армян [13, с. 48–50]. На протяжении 40–50-х гг. XIX в. армяне продолжали переселяться в российские пределы. Как видно из справки атаманской канцелярии от 26 января 1853 г., в 1848 г. в станицу Переяславскую были переселены проживавшие до того времени в Гривенском черкесском ауле Таманского округа закубанские армяне и греки, добровольно вышедшие в разное время под покровительство России. Всего 25 семейств, в которых насчитывалось 134 человека [9, л. 1]. 2 апреля 1853 г. начальник 1-й части Черноморской кордонной линии подполковник Барыш-Тищенко доносил командующему Черноморской кордонной линией Я. Г. Кухаренко о его предложении черкесо-гаям переселиться в Черноморию. Жившие в районе 1-й части линии отзывались и выразили своё согласие на переселение из-за Кубани и присоединение к другим армянам, живущим в

Черномории и других местах. Черкесо-гаи указывали на возникшие затруднения, которые были связаны с различными торговыми делами с черкесами, многие из которых задолжали им большие суммы денег. Чтобы не оставлять свою собственность в руках черкесов, 54 семьи закубанских армян обещали переселиться в пределы России через 2 или 3 г. [9, л. 8].

Некоторые предприимчивые армяне пытались получить максимальную пользу от переселения. Порой, даже щедрая на льготы и привилегии для переселенцев из Закубанья российская администрация, была вынуждена ограничивать аппетиты некоторых из них. Интересным примером этого служит переписка по прошению, поданному главнокомандующему Кавказским корпусом закубанским армянином прапорщиком Бекмечем Джантемировым о переселении его на землю войска Донского [7, л. 1].

В 1845 г. на имя наместника на Кавказе М. С. Воронцова им было подано прошение. Бек-Мирза Джантемиров писал, что переселился со своими подвластными крестьянами на правый берег Кубани под прикрытием российских войск, которыми командовал Н. С. Завадовский. Как офицер российской армии, он изъявлял желание переселиться в земли Войска Донского на основании тех же правил, согласно которым на Дон переселялись горцы Северного Кавказа, и выдать ему денежное пособие.

По всей видимости, прапорщик Джантемиров имел в виду изданные в 1840 г. правила переселения горцев на Дон. На постройку жилья вместо леса поселенцам полагалось 23 рубля 50 копеек ассигнациями. 20 рублей ассигнациями выплачивалось на покупку 2 четвертей зерна для посева. На заведение плугов и других сельскохозяйственных принадлежностей выдавали 11 рублей ассигнациями. Эти выплаты производились из государственной казны на безвозмездной основе. Так же в качестве беспроцентной ссуды на 4 г. выдавалось 125 рублей вексигнациями на покупку волов, скота и других принадлежностей [15]. Сверх того, горцам, которые без семьи выходили в пределы Черномории или на территорию Кавказского линейного войска и желали переселиться на постоянное место жительства на Дон, полагалось пособие в размере 6-ти рублей серебром. Данная выплата производилась из государственного военного казначейства [15].

Однако прапорщик не стал ограничивать себя только этими преимуществами. В своём рапорте от 19 февраля 1846 г. временно командующему войсками Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенанту Н. С. Зава-

довскому исполняющий обязанности командующего Черноморской кордонной линией Г. А. Рашпиль писал, что закубанский армянин явился к нему с докладной запиской, в которой подробно изложил свои пожелания. Джантемиров просил: 1) позволить ему переселиться весной 1846 г.; 2) выделить ему и 12-ти армянским семействам, пожелавшим переселиться с ним, денежную помощь в размере 1200 рублей серебром (сумма по тем временам внушительная. 1 лошадь стоила около 20 рублей, вол – 10 рублей, овца – 1 рубль); 3) сверх того, прапорщик хотел, чтобы ему компенсировали ущерб, понесённый им при переселении на правый берег Кубани. Бек-Мирза Джантемиров приложил подробную опись потерянного имущества, в которую вошли 9 волов, 13 коров, 4 лошади, 384 овцы, 6 шашек, панцирь, 14 сундуков с товаром и вещами. В общей сложности армянин оценил ущерб в 4225 рублей серебром. Но он был согласен на то, чтобы ему вернули хотя бы половину от этой суммы; 4) Прежде чем они начнут переселение, Джантемиров просил разрешить ему с тремя депутатами, wybranными на собрании армянских семей, посетить земли Войска Донского, чтобы выбрать место жительства. На транспортные издержки он просил 200 рублей серебром; 5) Поселение армян на территории Войска Донского должно было пользоваться теми же правами, которыми пользовались поселенцы от горцев. Сверх того, он просил освободить переселившихся армян от всех повинностей и не записывать ни в какое сословие на протяжении следующих 25-ти лет. Прапорщик объяснял это тем, что новые поселенцы должны были за это время «познакомиться с местными обстоятельствами и утвердить на прочном основании своё благосостояние»; 6) Джантемиров также изъявил желание закрепить за ним в потомственное владение находящихся у него крестьян из черкесов. Он мотивировал это тем, что приобрёл дворянство за счёт офицерского чина [7, л. 9; 9 об.].

Просьбы Бек-Мирзы Джантемирова кажутся чрезмерными, однако у Г. А. Рашпиля было иное мнение по этому вопросу. Он писал Н. С. Завадовскому: «Излишним считаю распространяться, каких благодетельных последствий обещает переселение Бек-Мирзы и какого благосклонного внимания от правительства заслужило бы это благонамеренное предприятие. Его исполнение, можно сказать, откроет путь всем благомыслящим мирным горцам к прочному гражданственному водворению. Пример Бек-Мирзы, если только благодетельному

правительству благоугодно будет поддержать этого благонамеренного человека в добром его предприятии, должен увеличить убогое немногочисленное народонаселение мирных наших аулов, ослабив в мирных азиатцах слепую и неблагодарную привязанность к перебегам за Кубань» [7, л. 13]. Так же Г. А. Рашпилль обращал внимание Н. С. Завадовского на то, что мирные черкесские аулы теснились около Кубани на землях, большей частью болотистых и непропорциональных населению. По мнению исполняющего обязанности начальника Черноморской кордонной линии, переселение Бек-Мирзы Джантемирова стало бы хорошим примером водворения на оседлую жизнь для закубанцев, сохранивших привычку кочевать со своими аулами с одного места на другое. Он так же писал, что этот закубанский армянин вполне заслуживает пособие для переселения на Дон, т.к. верно служил России.

Однако администрация Войска Донского почитала, что принятие Джантемирова на Дон, противоречит всем коренным правилам, установленным для донских казаков. Переселение прапорщика Джантемирова на Дон на таких невыгодных для государственной казны условиях было запрещено.

Таким образом, армяне, жившие в первой половине XIX в. на территории Северо-Западного Кавказа, играли важную роль в налаживании контактов между Россией и Закубаньем. Из своего посреднического положения армяне стремились извлечь максимальную пользу. До 1829 г. некоторые из них наладили схему обмена российских невольников на взятых в плен казаками и солдатами горцев. Последних армянские купцы перепродавали турецким торговцам на анапском рынке в качестве рабов. Российская администрация не только знала об

этих операциях, но и стремилась отстаивать интересы купцов в их конфликтах с анапским пашой. Местная администрация активно препятствовала тому, чтобы объектом торговли выступали российские подданные. После 1829 г., когда Северо-Западный Кавказ юридически вошёл в состав России, в Санкт-Петербурге стали воспринимать всё население региона как своих подданных. Поэтому предпринимались активные меры для прекращения незаконной торговли людьми. И в этот период армянские купцы активно содействовали возвращению россиян из горского плена, за что получали награды от правительства.

Для армянских купцов существовала реальная опасность быть разграбленными и убитыми в горах, однако они шли на риск ради получения прибыли. В случае, если в отношении торговцев совершалось преступление, российские власти предпринимали меры для розыска и наказания виновных, даже если это было на левом берегу Кубани.

В первой половине XIX в. закубанские армяне активно переселялись в российские пределы. Местные власти создавали благоприятные условия для переселения армян на подконтрольные правительству территории, где ими создавались крупные поселения. Самым известным из них стал аул близ укрепления Прочный Окоп, основанный в 1839 г. и позднее ставший называться Армавиром. Лояльная политика к переселенцам способствовала тому, что у некоторых горских армян формировались завышенные ожидания от российских властей. Тем не менее, выходцы из неподконтрольных России территорий Северо-Западного Кавказа находили под её защитой возможность мирно жить и безопасно заниматься торговлей.

Источники и литература

1. Агаян Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении. М., Международный гуманитарный фонд арменоведения; Армянский институт политологии и международного права, 1994. 316 с.
2. Акопян В. З. Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799–2009. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 358 с.
3. Армяне Северного Кавказа. Краснодар: Южный региональный ресурсный центр, 1995. 224 с.
4. Бурькина Л.В. Черкесогии Северо-Западного Кавказа в XIX в. // Журнал Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. №4. С. 15–16.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 256.
6. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 677.
7. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 797.
8. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 837.
9. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1322.
10. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1421.
11. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1503.
12. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисловием Б. В. Виноградова. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. 256 с.
13. Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир: СКОРИНА, 2002. 384 с.

14. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
15. О назначении станиц, в которые горцы, поступающие в войско Донское, должны быть водворены – 16 декабря 1840 года // Полное собрание законов Российской империи часть 2 (Далее – ПСЗРИ-2). Том XV. №14053.
16. О выдаче пособия безсемейным горцам, добровольно являющимся для осёдлого водворения в войске Донском – 15 мая 1842 года // ПСЗРИ-2. Том XVII. №15649.
17. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Книжное издательство, 1989. 319 с.
18. Потто В. А. Кавказская война. Т.5. Ставрополь: Кавказская жизнь, 1994. 400 с.
19. Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература РАН, 1998. 394 с.
20. Щербина Ф. А. История Армавира и черкесогоаев. Краснодар: Традиция, 2010. 1000 с.

References

1. Agajan C. P. Rossiya v sud'bah armjan i Armenii (*Russia in the fate of the Armenians and Armenia*). Moscow: International humanitarian fund of Armenology publ.; Armenian Institute of Political Science and International Law publ., 1994. 316 p. (In Russian).
2. Akopjan V. Z. Gorod Svjatoj Krest. Mezhdru proshlym i nastojashhim. 1799–2009 (*City of the Svjatoj Krest (Saint Cross). Between the past and the present. 1799–2009*). Pjatigorsk: PSU publ., 2009. 358 p. (In Russian).
3. Armjane Severnogo Kavkaza (*The Armenians of the North Caucasus*). Krasnodar: Southern Regional Resource Center, 1995. 224 p. (In Russian).
4. Burykina L. V. Cherkessogai Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX v. (*The Cherkessogai of the North-Western Caucasus in the XIX century*) // Zhurnal Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 4. P. 15–16. (In Russian).
5. State Archives of Krasnodar Region (GAKK). F. 261. Inv. 1. D. 256. (In Russian).
6. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 677. (In Russian).
7. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 797. (In Russian).
8. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 837. (In Russian).
9. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 1322. (In Russian).
10. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 1421. (In Russian).
11. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 1503. (In Russian).
12. Klychnikov Ju. Ju., Cybul'nikova A. A. «Tak bujnuju vol'nost' zakony tesnjat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishnhichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) (*“So the violent laws press down the freedom ...”: the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays)*) / ed. by B. V. Vinogradov. Pjatigorsk: Reklamno-informacionnoe agentstvo na Kavminvodah Press, 2011. 256 p. (In Russian).
13. Kitorov S. N. Istorija Armavira (dosovetskij period: 1839–1918) (*History of Armavir (pre-Soviet period: 1839–1918)*). Armavir: SKORINA, 2002. 384 p. (In Russian).
14. Matveev O. V. Kavkazskaja vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki (*The Caucasian War: from frontline to frontline*). Krasnodar: Jedvi, 2015. 272 p. (In Russian).
15. O naznachenii stanic, v kotorye gorcy, postupajushhie v vojsko Donskoe, dolzhny byt' vodvoreny – 16 dekabrja 1840 goda (*On the appointment of stanitsas, in which the mountaineers entering the Don army, should be placed*) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii chast' 2. (PSZRI-2). Vol. XV. No. 14053. (In Russian).
16. O vydache posobija bezsmejnym gorcam, dobrovol'no javljajushhimsja dlja osjodlogo vodvorenija v vojske Donskom – 15 maja 1842 goda (*On granting benefits to the homeless mountaineers, who voluntarily came for the settled installation in the army of Donskoy*) // PSZRI-2. Vol. XVII. No. 15649. (In Russian).
17. Pokrovskij M. V. Iz istorii adygov v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka: Social'no-jekonomicheskie ocherki (*From the history of Adygs at the end of the XVIII – the first half of the XIX century: Socio-economic essays*). Krasnodar: Book publishing house, 1989. 319 p. (In Russian).
18. Potto V. A. Kavkazskaja vojna (*The Caucasian War*). Vol.5. Stavropol': Kavkazskaja zhizn', 1994. 400 p. (In Russian).
19. Ter-Sarkisjanc A. E. Armjane. Istorija i jetnokul'turnye tradicii (*The Armenians. History and ethno-cultural traditions*). Moscow: Vost. lit. RAS Publ., 1998. 394 p. (In Russian).
20. Shherbina F. A. Istorija Armavira i cherkessogaev (*History of Armavir and the Circassians*). Krasnodar: Tradicija, 2010. 1000 p. (In Russian).

УДК 94(450)

Е. П. Тельменко

НАЧАЛО РЕФОРМ САВОНАРОЛЫ: МОНАСТЫРЬ САН МАРКО И ТОСКАНСКАЯ КОНГРЕГАЦИЯ

Статья посвящена периоду реформаторской деятельности доминиканца Джироламо Савонаролы во Флоренции, относящемуся к началу 90-х гг. XV в. К этому времени брат Джироламо уже вошел в число проповедников милленаристского типа, но еще не обрел статус городского пророка. Практическому воплощению идей о необходимости обновления Церкви способствовали избрание Савонаролы настоятелем монастыря Св. Марка и обретение конвентом автономии. Приор и его сторонники стремились превратить Сан Марко в оплот истиной веры, призывая собратьев к соблюдению строгого монашеского устава. Выделение новой конгрегации во главе с обсервантами Сан Марко позволило распространить преобразования

на ряд доминиканских конвентов Тосканы, а в перспективе – должно было создать основание для более широкой реформы.

Как представляется, Савонароле, не смотря на трудности, удалось в итоге сформировать сплоченную общину последователей из монахов конгрегации, которая при проведении религиозно-нравственной реформы во Флоренции стала для мирян примером в культивировании универсальных качеств «доброго христианина», а также местом притяжения для наиболее экзальтированной части паствы проповедника-реформатора.

Ключевые слова: Джироламо Савонарола, Флоренция, реформа, обсерванты, монастырь Св. Марка, Тосканская конгрегация.

Е. P. Telmenko

THE BEGINNING OF SAVONAROLA'S REFORMS: THE SAN MARCO MONASTERY AND THE TUSCAN CONGREGATION

The article is devoted to the period of reformist activity of the Dominican Girolamo Savonarola in Florence, which dates back to the early 90s of the 15th century. By this time, Brother Girolamo had already become a Millenarian type preacher, but had not yet acquired the status of a city prophet. Practical embodiment of ideas about the need to renew the Church was facilitated by the election of Savonarola the abbot of the monastery of St. Mark and the acquisition of autonomy by the convention. The prior and his supporters sought to turn San Marco into a bulwark of the truth of faith, urging the brethren to abide by a strict monastic charter. The allotment of a new congregation headed by the San Marco Observants made it possible

to extend the transformations to a number of Dominican conventions of Tuscany, and in the long term – to create the basis for a broader reform.

It seems obvious, that Savonarola, despite the difficulties, eventually managed to form a cohesive community of followers from the monks of the congregation who, during the religious and moral reform in Florence, became an example for the laity of cultivating the universal qualities of a "good Christian", as well as a place of attraction for the most exalted parts of the preacher-reformer's flock.

Key words: Girolamo Savonarola, Florence, reform, the Observants (Fratres de Observantia), the monastery of San Marco, the Tuscan Congregation.

В конце XV в. Флоренция становится полем активной проповеднической и реформаторской деятельности доминиканского монаха Джироламо Савонаролы (1452–1498). Одним из первых по времени начинаний брата Джироламо становится реформа флорентийского монастыря Сан Марко и образование самостоятельной Тосканской конгрегации. Доминикан-

ская обитель Св. Марка в период духовного лидерства Савонаролы обретет функции центра религиозно-нравственных преобразований и эталона доброй христианской жизни для горожан, последовавших за своим пророком.

Впервые монах появился в Сан Марко в 1482 г.: здесь его обязанностью стало обучение братьев началам богословия и практике

библейской экзегезы. Если во время своего первого пребывания во Флоренции в 1482–1487 гг. фра Джироламо не достиг успеха как городской проповедник [5, р. 11; 9, р.16], то в монастыре высоко оценили интеллектуальные и нравственные качества вновь прибывшего преподавателя богословия. Плачидо Чиноцци, автор одной из самых ранних биографий Савонаролы, со ссылкой на некоего монаха – очевидца событий, сообщает: приор обители – Винченцо Банделли, «зная о его учености и доброте, назначил его читать лекции»; брат Джироламо «в силу своей эрудиции и своего примера был всеми чрезвычайно почитаем, и настойчиво призывал всех изучать Писание», а когда приходил на занятия «глаза его были наполнены слезами, так как, скорее всего, он предавался молитвенному созерцанию, а не заучивал лекцию» [5, р. 10].

Если доверять Псевдо-Бурламакки – еще одному анонимному современнику будущего флорентийского реформатора, то уже в это время Савонарола в общении со своими учениками уделяет значительное внимание теме любви, как стимула, ведущего человека к Богу. Стремясь создать атмосферу некой особой, интимной близости послушников ко Христу и Деве Марии брат Джироламо вводит следующую практику: «Часто вечером, распевая псалмы и гимны, организовывали появление одного (новicia – Е.Т.) в образе маленького Иисуса и, поместив его в центр, усаживались вокруг него, и всякий преподносил ему в дар свое сердце, или другим, прося о милости (благодати) для себя и других, как например, чтобы Господь допустил, чтобы некий мирянин обратился к служению Богу в святой вере». Далее автор сообщает, что монахи, благодаря Господу, наделяли его такими эпитетами, «как сладкий Иисус» или «Пресвятой Иисус». Также часто братья прибегали к Деве Марии, называя ее «*mamma nostra* (наша мать)», «прекрасная Дева», «благодатная Дева», «Дева – мать милосердия» [9, р. 46].

Последние десятилетия XV в. – время всплеска эсхатологических и милленаристских ожиданий, когда различного рода предсказатели вещали, что близка реформа христианского мира, что радикальные изменения произойдут через великие потрясения, и что это случится в ближайшее время» [11; 13, р.16–29]. Савонарола довольно быстро оказывается в числе проповедников милленаристского типа, избравших пророческий способ обращения к верующим [10, р. 5]. Первым выражением пророческого дара доминиканского брата

стали великопостные проповеди в местечке Сан-Джиминьяно зимой 1484–1485 г. [14, р. 27, 34–40, etc.]. Фра Джироламо провозглашает положения типичные для той эпохи: Церковь будет наказана, затем обновлена, и это произойдет в самом скором времени [9, р. 14].

В 1487 г. по приказанию орденового начальства Савонарола покидает город на Арно, и в следующий раз оказывается здесь в 1490 г. [7, р. 459; 6, р.128–129; 8, р. 91–94]. По возвращении во Флоренцию он постепенно обретает популярность в качестве проповедника. С этого времени высказанный в Сан-Джиминьяно посыл (скорое обновление Церкви – грядущие бедствия – необходимость покаяния), оставаясь неизменным, дополняется обращением к социальным вопросам [12, р. 150; 10, р. 7]. Однако, следует предположить, что в начале 90-х гг. доминиканца все же в большей степени занимали не столько социально-политические темы, сколько проблемы возрождения истинной веры и культивирования внутреннего благочестия, одним из свидетельств чего является реформа монашеской жизни в Сан Марко и во вновь образованной Тосканской конгрегации.

В июле 1491 г. фра Джироламо был избран приором Сан Марко. Новый настоятель стремится преобразовать монастырь в оплот истинной веры, место, где его проповедь обновления Церкви получила бы практическое воплощение. Достижение этой цели представлялось невозможным без получения автономии, а значит отделения от Ломбардской конгрегации. Как сообщают в своих сочинениях последователи брата – «плаксы», успех этого предприятия казался довольно призрачным, поскольку «помощников внешних (за пределами монастыря) было меньше, чем противников», однако фра Джироламо «был незыблем как гора Сион, и подобно орлу взмывал ввысь к Богу и предавался молитвам» и, – в то время как посланцы монастыря, представители Ордена и флорентийской республики действовали в Римской курии, – предписал братьям молиться по 4–5 раз в день, а также уверял их в том, что поскольку «эта вещь от Бога, мы ее в любом случае обретем»; в итоге, «чудесным образом», 22 мая 1493 г. папа Александр VI утвердил бреве об отделении [5, р. 11–12; 9, р. 54–56]. Автономия обретенная Сан Марко была лишь первым шагом, Савонароле, вещавшему о церковной реформе, для ее реализации одного монастыря было недостаточно, помимо принадлежавших Сан Марко странноприимных домов Св. Марии Магдалины в Валь-Муньоне, Библиене и Лечето предполага-

лось включить в состав новой конгрегации доминиканские обители в Сан-Джиминьяно, Пизе и Фьезоле. В итоге, папскими бреве 1494 г. пизанский и фьезоланский монастыри были отделены от Ломбардской конгрегации, в этом же году в Сан-Марко был созван первый генеральный капитул, на котором Савонарола был избран Генеральным викарием Тосканской конгрегации.

Преобразования, начатые в Сан-Марко, вызвали неоднозначную реакцию в Ордене. Часть членов доминиканской общины настороженно отнеслась к действиям Савонаролы, полагая что с новым приором связаны произвольные нововведения, искажающие заветы Св. Доминика. Об этом, в частности, свидетельствует письмо фра Джироламо, направленное 10 сентября 1493 г. настоятельнице обители Св. Доминика в Пизе, в котором брат стремится рассеять ее сомнения. «Я с большим вниманием отнесся к вашим предостережениям, ибо знаю, что они вызваны милосердием», — обращается он к аббатисе и, продолжая, сокрушается, что не имеет возможности «поговорить лично, чтобы разъяснить вам основание, средство и цель наших дел». Увещевает подождать «еще некоторое время, прежде чем произносить суждения», чтобы настало «время появления плодов» [1 Кор. 4:5; Мф. 7: 17–18, 20], поскольку «невозможно так быстро прийти к выводам из-за человеческой слабости, которая видит только внешнее». Дипломатично рассуждает об отделении от Ломбардской конгрегации, стараясь избежать какой-либо явной критики в ее адрес: «В духовном теле отделение члена может быть добром или злом: добром, когда остальное тело повреждено, чтобы не повредилась здоровая часть; злом, когда все тело здорово... Я говорю это не потому, что Ломбардская конгрегация больна...». По поводу опасений, касающихся «новшеств», настоятель Сан-Марко указывает, что, напротив, стремится восстановить изначально существовавшие правила Ордена: «Хочу также сообщить Вашей милости, что... является ложью то, что мы приняли новый образ жизни... мы не приняли ни нового образа жизни, ни облачения, ни еды и питья, ни прочих ритуалов, нежели те, которые соответствуют нашим правилам и уставам. Истинная правда, что мы избавились от некоторых излишеств, противоречащих установлениям наших Отцов... и не стоит предполагать новизну в исполнении актов наших древних Отцов, с которыми наши нынешние не могут сравниться ни в мудрости, ни в святой жизни. Основывать нищие и простые монасты-

ри, облачаться в грубые, ветхие и заплатанные одеяния, есть и пить умеренно, в соответствии с установлениями Святых отцов; иметь убогие кельи, без какого-либо излишества; соблюдать тишину и предаваться (молитвенному) созерцанию и уединению, оставив мирскую суету, этот образ жизни не нов. Но новым образом жизни нищенствующих братьев является возведение дворцов с мраморными колоннами, устройство помещений, которые приличествуют господам; владение недвижимостью вопреки установлениям всего Ордена, не обладая верой во Христа, который говорит: «Ищите же прежде Царства Божия, и это все приложится вам» [Мф. 6:33]; облачение не в дешевое, а более суетное одеяние; недостаточные молитвы; шатание по всяческим местам... и подобные нововведения, смущающие души людей... Наш образ жизни не вызывает никакого смущения и скандала во Флоренции, напротив, является значительным примером... Я хочу, чтобы вы знали, что мы еще не приступили к тому, чего желаем — ни на шаг не отклоняться от первоначального курса, который является общим для нас всех; и мы будем постепенно утверждаться в нем при помощи молитв и добрых советов» [3, р. 31–33].

Таким образом порядки, установленные во вновь образованной Тосканской конгрегации, были основаны на строгом соблюдении правил монашеской жизни. «И изменившись и отделившись в послушании, — писал в своей «Флорентийской истории» Бартоломео Черррети, — они таким образом отделились в нравах и одеяниях, не так, чтобы изменился цвет их одежд, но они стали преимущественно узкими, простыми и короткими, жизнь строгая, пищу одного вкушали двое; нравы: больше молчания, больше учения и величайшее послушание» [4, р. 193]. Как отметил анонимный биограф монаха, тот, будучи «горячим приверженцем святой бедности» и простоты, «после отделения Тосканы от Ломбардской конгрегации сократил потребление пищи и сделал более простыми одеяния», которые стали «грубыми и короткими», «узкими», «в заплатках»; устроил так, что монахи спали на грубо сколоченных кроватях, застелив холстом соломенный тюфяк и укрывшись шерстяным покрывалом; очистил кельи от «излишеств», — «ибо сначала многие имели книги, украшенные золотом, с закладками из шелка и золота, застежками из серебра», — и вырученные от их продажи деньги пожертвовал бедным [9, р. 40, 60, 61]; а чтобы избавить братьев от привязанности к каким-либо суетным вещам, отвлекавшим от истинного

служения Богу, «заставлял их часто меняться кельями, одеждами и священными книгами», при этом «прежде чем указывать другим, сначала сам исполнял эти» предписания [9, р. 41].

Разумеется, не все члены монашеской общины были готовы безоговорочно принять предложенный настоятелем крайне аскетический образ жизни. И здесь сведения, изложенные Псевдо-Бурламакки, позволяют предположить, что кроме увещаний и собственного примера фра Джироламо использовал иные, скорее психологические, методы воздействия на братьев. Так, в Сан Марко «после означенного отделения» распространяется весть, что «слугам Божиим явились в видениях Августин, Св. Фома и Св. Екатерина Сиенская», которые заявили, что из 28 умерших здесь монахов «25 осуждены на муки Ада, один попал в Чистилище, двое вознеслись на небо», при этом Святые утверждали, причиной подобного исхода стало то, что кто-то из этих братьев испытывал «чрезмерную любовь» к мирским вещам, кто-то «искал больше, чем необходимо», а кто-то проявлял «излишнюю привязанность к родственникам» и возвещали, что «из сотни конвентуалов (то есть тех, кто ратовал за смягчение правил монашеской жизни – Е. Т.) не спасется даже один». Если верить биографу, эффект не заставил себя ждать: монахи, «чрезвычайно напуганные», собрали в кельях всю суету и отнесли настоятелю; тот назвал им все их «тайные грехи, известные только Господу», и был объявлен братией «истинным слугой Божиим»; после чего «многие обратились к себе самим и собственному сердцу». Всплеск рвения был настолько велик, что обсерванты Сан Марко попытались «спасти» конвентуальных братьев-доминиканцев из флорентийского монастыря Санта Мария Новелла: Алессандро Ринуччини направился в этот монастырь, созвав при помощи колокола его обитателей, «после небольшой проповеди» призвал «подумать о своем спасении»; предложение некоего «магистра святой теологии» организовать диспут Алессандро оставил в пренебрежении, и «преисполненный духом Господним», вернулся обратно [9, р. 60–61].

В письме настоятельнице пизанского монастыря Савонарола настаивает на том, что отделение от Ломбардской конгрегации и преобразование монастырской жизни является осуществлением воли Господа. После многочисленных призывов к реформированию, – «время реформировать народ Божий»; «настало время, Мать моя, возлюбленная во Иисусе Христе, жить особенным образом»; «время

преобразоваться»; «время сражаться с равнодушными [Откр. 3: 15–17] и ложными братьями», – приор, продолжая свою мысль, наставляет: «Вещи, связанные с Иисусом Христом, не воздвигаются как без войны, так и без победы. Когда вы совершаете нечто доброе и не имеете противодействия, опасайтесь, ибо не в обычае у Бога оставлять своих слуг без войны... И поэтому вы должны верить, что это наше отделение было произведено с помощью, даже более того, собственноручно Богом» [3, р. 36].

Присутствие божественного вмешательства в дела монастыря отражено и в описании анонимного биографа. С одной стороны, часть монахов, внутренне сопротивлявшихся аскетическому образу жизни, – автор упоминает Пьеро Лотти, который был «более других братьев Сан Марко подвержен чувственным влечениям» и фра Никколо Маручелли (Maruscelli) [5, р. 17], которому аббат пенял, что «он не идет прямо по пути божьему», – чудесным образом преображаются: сокрушаются в своих грехах, соблюдают чрезвычайно строгий пост, непрерывно предаются молитвенному созерцанию, вдохновенно служат мессе, обретают за свои старания божественные видения, в святой жизни становятся подобны ангелам и в итоге возносятся на небо [9, р. 61–62]. С другой, те, кто пренебрег божественной волей, «не уверовали, а напротив, противоречили», «почили дурной смертью» [9, р. 62]. Винченцо Линайuolo (Linaiuolo) скорее всего не был плохим монахом, он просто решил покинуть реформируемый монастырь, аббат отпустил его, но предсказал, что тот умрет от «руки мертвеца»; прошло почти двадцать лет, и прорицание исполнилось – больной конверс («почти мертвец») ударил его ножом в сердце. Другой инок – Бенедетто да Монтелупо откровенно заявил в лицо проповеднику-реформатору «я вам не верю», на что тот предрек: «Меньше зла было бы, если бы ты впал в блуд, нежели говорил так об истине, знай же, что ты умрешь в наказание за этот грех». И снова: через много лет, «в 1520 г., будучи в Орвьето... он был поражен чумой». Еще один – Кристофано дель Джильо (Giglio), «из-за исправления, которое оказал ему брат, стал недругом этой истины»; после смерти Савонаролы начал проповедовать против него; но поскольку «Бог, все вершит и ведает наши сердца, и не оставляет уготованного наказания для тех, кто впал в грех», Кристофано погряз в плотских грехах и, устыдившись, покинул Орден, вступив в общину камальдулов; умер он в 1527 г. во время «великой чумы» [9, р. 62–63].

Здесь стоит отметить, что Псевдо-Бурламакки, увлекшись апологией реформато-

ра-пророка, своими историями формирует у читателя (во всяком случае, современного) образ человека довольно жесткого, даже деспотичного, неизменно предвещавшего наказание и смерть для тех, кто хоть как-то противоречит воле Господа, в том числе воплощенной в деяниях «слуги Божьего». При этом фра Джироламо постоянно оглашает предсказания, порой смутные и основанные эмоциях, а порой рационально обоснованные и связанные с четким пониманием сложившейся ситуации. Примером подобного поведения являются прорицания относительно управляемой им монашеской общины, произнесенные, видимо, в 1493 г. Проповедуя своим братьям, Савонарола заявил, что «может вскоре наступить время, когда корм для собак покажется вам доброй пищей», а затем, обратившись к началу псалма «Хвали, Иерусалим, Господа» [Пс. 147:1], принялся проливать слезы и говорить: «Сатана просеет и провеет вас, как это делается с зерном, и многие из вас изменят истине». Эта аллегория сопровождалась более конкретными прогнозами, свидетельствующими о четком понимании неизбежного разделения монахов в ходе реформ и оттока части несогласных из недавно образованной конгрегации. Касаясь фьезоланской обители, Савонарола предрек, что некие братья «согрешат по слабости», либо «из-за неведения», либо по своему «лукавству», «и, если не обратятся к покаянию..., не пройдет и года, как покинут монастырь». Как далее сообщает биограф доминиканца, «когда дело коснулось объединения конвента во Фьезоле с этим Сан Марко», монастырь покинули Бартоло Дзокко (Зоссо), Антонио далле Померанца (Pomerancie) и Никколо да Лукка [9, р. 64].

Необходимо обратить внимание еще на один нюанс, связанный с началом и проведением преобразований монастырей Тосканской конгрегации: преодоление внутреннего сопротивления на пути к строгому и точному исполнению правил монашеской жизни усиливалось среди братьев ощущение пребывания на поле битвы с дьявольскими силами, осаждающими реформируемые конвенты. Определенную роль в этом, несомненно, сыграли наставления Савонаролы, о характере которых можно судить на основе его писем братьям и сестрам Ордена: «равнодушные не подвержены множеству гонений, поскольку дьявол не преследует своих; но ревностные испытывают массу противодействий, поскольку противостоят Сатане» – замечает монах в письме пизанской аббатисе; «величайшее беспокойство и постоянную тревогу испытываю я во время моего

отсутствия, ибо знаю, что дьявол не дремлет... и надеется внести разлад в ваши души» – начинается он письмо послушникам Сан Марко; «добрые солдаты Христовы», – величает приор иноков своего монастыря и, продолжая, поучает, – «душевный покой... можно обрести только тяжким трудом и духовной войной» [3, р. 36; 2, р. 26; 1, р. 20]. Позднее, с усилением влияния проповедника-реформатора на общество Флоренции, это поле борьбы расширяется за пределы мужских и женских конвентов конгрегации и охватывает весь город.

Итак, ранний период реформаторской деятельности Савонаролы во Флоренции связан с монастырем Сан Марко и относится к началу 90-х гг. XV в. К этому времени доминиканец эволюционировал в проповедника миллениаристского типа, – подобно прочим прогностикам он возвещал грядущие испытания для христианского мира и скорое обновление Церкви, – но еще не обрел статус городского пророка. Практическому воплощению идей, высказанных в Сан Джиминьяно, способствовали избрание в 1491 г. брата Джироламо настоятелем обители Св. Марка и обретение конвентом автономии в 1493 г. Приор и его сторонники стремились превратить монастырь в оплот истиной веры, призывая собратьев к соблюдению строгого монашеского устава и обосновывая свои действия возвращением к первоначальным правилам Ордена. Выделение новой конгрегации во главе с обсервантами Сан Марко позволило распространить преобразования на ряд доминиканских конвентов Тосканы, а в перспективе – должно было создать основание для более широкой реформы.

Действия Савонаролы вызвали двойственную реакцию собратьев по Ордену. Часть несогласных, критикующих монаха за излишний ригоризм и «новшества», покушающиеся на традиционные устои, покинули монастыри конгрегации. Оставшиеся последователи реформатора вступили на трудный путь обретения духовного совершенства, связанный с борьбой с искушениями и собственными пороками.

В итоге, – как представляется, с учетом последующих событий в истории Флоренции, – Савонароле удалось сформировать сплоченную общину последователей из монахов и монахинь конгрегации, которая стала примером для мирян в культивировании универсальных качеств «доброго христианина», а также местом притяжения для наиболее экзальтированной части паствы доминиканского проповедника-реформатора.

Источники и литература / References

1. Ai Frati di S. Marco // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 19–26.
2. Ai giovani Frati e ai Novizi di S. Marco // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 26–27.
3. Alla Priora di S. Domenico di Pisa // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 31–38.
4. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti. Firenze: L. S. Olschki, 1994. XIX, 474 p.
5. Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruin S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrara, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 1–28.
6. Cordero F. Savonarola. Vol. 1: Voce calamitosa, 1452–1494. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. CXCIII, 366 p.
7. Garfagnini G.C. Girolamo Savonarola e il movimento savonaroliano // Storia della civiltà toscana. Vol. 2: Il Rinascimento / a cura di Michele Ciliberto. Firenze: Le Monnier, 2001. P. 451–478.
8. Hugedé, Norbert. Savonarole et les florentins. Paris: France-empire, 1984. 251 p.
9. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 p.
10. Leonardi C. La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 3–23.
11. Pezzella S. La vita religiosa nel Quattrocento. Messina, Firenze: D'Anna, 1976. 203 p.
12. Polizzotto L. Savonarola e la riorganizzazione della società // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19–20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE edizioni del Galluzzo, 1997. P. 149–162.
13. Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25–27 settembre 1972. Wrocław, Warszawa etc., 1974. P. 16–29.
14. Verde A. «Et andando a San Gimignano a predicarvi». La predicazione del Savonarola a San Gimignano // Girolamo Savonarola a San Gimignano / a cura di Sergio Gensini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2003. P. 23–57.

УДК 930.2 (929)

Н. А. Тропин

**НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РИДИНГЕР:
СЛУЖБА ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА (1867–1883 гг.)¹**

Впервые на основе архивных материалов изучается петербургский период службы яркого представителя дворянства, полицмейстера Н. А. Ридингера (1825–1894). Он, офицер, ветеран Кавказской кампании 1853–1854 гг., который после ранений продолжил службу полицмейстером в Калуге, Орле, Ельце, Петербурге. Дослужился до чина генерал-майора. В петербургский период службы на должностях начальника Пригородной полиции и исправника Санкт-Петербургской уездной полиции (1867–1883) внес вклад в реформу полиции, а также написал интересный очерк о рабочем поселке Сестрорецке и книгу о русском фольклоре.

В отечественной исторической науке в последнее время все более широко получает распространение метод учета многофакторного подхода в исследованиях. Одним из его компонентов является личностный фактор, влияющий на происходящие события. В полной мере это возможно соотнести с личностью Николая Александровича Ридин-

гера, оказавшейся в 1867–1883 гг. в должностях начальника Пригородной полиции и исправника Санкт-Петербургской уездной полиции. На его примере по службе имеется возможность проследить процесс реформы Санкт-Петербургской полиции и отношение к возрастающему протесту рабочего класса в период его формирования.

Характеризуя его личные качества, отметим, что он сочувственно относился к бедственному положению рабочих. Причину нищеты рабочих он видел в злоупотреблениях фабричных властей. Однако он ответственно относился к службе, был требовательным к подчиненным и не мог допустить забастовки рабочих. Он выбрал диалог с рабочими и к этому же призывал власти.

Ключевые слова: Н. А. Ридингер, петербургский полицмейстер, Пригородная полиция Санкт-Петербурга, забастовка на механическом заводе, реформа Санкт-Петербургской полиции.

N. A. Tropin

**NIKOLAI RIDINGER: DAILY ROUTINE OF
PETERSBURG CHIEF OF POLICE (1867–1883)**

For the first time the Petersburg period of service of N. A. Ridinger (1825–1894) is studied on the basis of archive materials; he was a brilliant representative of nobility, the chief of police. N. A. Ridinger was an officer, a veteran of the Caucasian campaign of 1853–1854, who after the wound continued his service as a chief of police in Kaluga, Oryol, Yelets, Petersburg and rose to the rank of general-major. During his Petersburg period of service on the posts of Suburban chief of police and superintendent of Saint-Petersburg uyezd police (1867–1883) he made a contribution to police reform and also wrote an interesting essay about the workmen settlement Sestroretsk and the book about Russian folklore.

The method of reckoning polyfactor approach in the research has been more and more widely used in present-day historical science in Russia. One of its components is a personality factor which affects the existing events. This fact can be fully referred to the personality of Nikolai Ridinger, who in 1867–1883 held

the posts of Suburban chief of police and of superintendent of Saint-Petersburg uyezd police on the eve of forming pre-conditions for the revolutionary situation in Russia. There exists a possibility to trace the process of Saint-Petersburg police reforming and the attitude to the rising protest of the working class in the period of its formation by the example of his service.

Characterizing his personal qualities it is possible to mention his humanism in relation to different sections of the population. He was sympathetic to disastrous situation of the workers. He saw the cause of the workers' poverty in the abuse of factory administration. Still he was responsible in his service, demanding to his subordinates and he could not permit the workers' strike. He chose the dialogue with the workers and he summoned the authorities to the same reaction.

Key words: N. A. Ridinger, Petersburg police chief, suburban police of St. Petersburg, strike at the mechanical plant, the process of St-Petersburg police reforming.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Администрации Липецкой области (проект № 15-11-48003 а (р)).

В отечественной исторической науке в последнее время все более широко получает распространение метод учета многофакторного подхода в исследованиях. Одним из его компонентов является личностный фактор, влияющий на происходящие события. В полной мере это возможно соотнести с личностью Николая Александровича Ридингера, оказавшейся в 1867–1883 гг. в должностях начальника Пригородной полиции и исправника Санкт-Петербургской уездной полиции, в канун формирования предпосылок революционной ситуации в России. На его примере по службе имеется возможность проследить процесс реформы Санкт-Петербургской полиции и отношение к возрастающему протесту рабочего класса в период его формирования.

Николай Александрович Ридингер (1825–1894) прослужил в военных чинах 39 лет. В 1844 г. начинал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка. В чине капитана и командира роты пехоты участвовал в военных действиях на Кавказе в составе Кавказского корпуса. Был дважды ранен в сражениях при Ачхуре (1853) и Челоке (1854). По ранению был переведен на службу полицмейстером. И в этой должности отслужил 25 лет сначала в Калуге (1857–1859), затем в Орле (1859–1862), в Ельце (1862–1867) и Санкт-Петербурге (1867–1883). Вышел в отставку в чине генерал-майора с правом ношения мундира.

Его безупречной службой могли бы по праву гордиться предки, имеющие дворянский титул с 1695 г. Дед, Карл Петрович (1753–1821), генерал-майор (1793), дослужился до титула тайного советника (1797) и должности гражданского губернатора Выборга (1797–1799). Отец, Александр Карлович (1782–1825) в войнах против Наполеона совершил блестящую карьеру, получив в 31 год чин генерал-майора. Николай Александрович стал третьим генералом в роде Ридингеров.

Однако Н. А. Ридингеру суждено было обесмертить свое имя не ратными подвигами, а исследованиями на поприще истории, географии, статистики, фольклора, оставить яркий след в истории становления краеведения в Калуге, Орле, Ельце [13; 14]. Елец стал пиком в научном творчестве Ридингера [15]. Однако и в Петербурге он продолжал заниматься фольклором, писал статьи.

В отличие от предшествующего времени петербургский период службы Н. А. Ридингера пока остается неосвещенным в литературе. Вместе с тем, благодаря многочисленным архивным документам, через службу он ярко

раскрывает личность Ридингера. Этому и посвящена наша работа.

Основной используемый в работе корпус документов связан с Центральным государственным историческим архивом г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Преимущественно это делопроизводственная документация (рапорты, докладные записки, циркуляры), связанная, с одной стороны, с перепиской между полицмейстером и канцелярией губернатора и, с другой стороны, губернатора с министром внутренних дел. В деловой переписке Н. А. Ридингера с вышестоящими инстанциями особое значение для нас имеют не только детали происходящих событий, но, прежде всего, причастность и личное восприятие Н. А. Ридингером фиксируемых фактов и событий для воссоздания портрета полицмейстера.

5 апреля 1867 г. Н. А. Ридингер оказался зачисленным в штат Санкт-Петербургской полиции. Его формулярные списки 1874 и 1879 гг. подробно сообщает о занимаемых им должностях [11, л. 51–60; 2, л. 3–10]. Некоторое время с 13 мая по 5 июля он являлся приставом I участка Литейной части Петербурга. 28 августа был причислен к Министерству внутренних дел.

15 сентября 1867 г. 42-летний полковник занял должность начальника Пригородного полицейского и Уездно-адресного управления Санкт-Петербурга. Непосредственно он подчинялся губернатору. С 1866 г. губернатором Санкт-Петербурга стал граф Н. В. Левашов, до этого занимавший аналогичную должность в Орле. Благодаря покровительству графа, Ридингер оказался в Петербурге. Назначение на новую должность в 1867 г. совпало с реорганизацией в полицейском управлении столицы, в ходе которой по инициативе Н. В. Левашова создавалась Санкт-Петербургская пригородная полиция. Полным ходом разворачивалась реформа полиции и молодому губернатору нужны были проверенные в деле, энергичные, ответственные исполнители. Таким качеством соответствовал Н. А. Ридингер.

Территория Пригородной полиции включала пять участков: Шлиссельбургский, Петергофский, Новодеревенский, Лесной и Полюстровский. Население состояло из фабричных и заводских жителей численностью до 50 тыс. человек. На летний период пригороды заполнялись дачниками до 40 тыс. сезонных жителей.

Штат Пригородной полиции состоял из полицмейстера (полковник Н. А. Ридингер), заместителя, секретаря и его помощника, участковых приставов (5 чел.), делопроизводителей участков управлений (5 чел.), околоточных

надзирателей (33/34 чел.), городских (118/128 чел.), служащих санитарной части (6 чел.). Расход денег по штату на 1870 г. составлял 78505 руб., 65 коп. [10, л. 58–58 об.; 8, л. 123].

В 1871 г. Пригородная полиция была объединена с уездной полицией, оставаясь в ведении петербургского губернатора и губернского правления. Она стала называться «Санкт-Петербургская уездная и пригородная полиция». Н. А. Ридингер стал совмещать должности. Официально в документах этого времени он – «исправник Санкт-Петербургской уездной и начальник Пригородной полиции».

Административное помещение полиции размещалась в Петербурге по ул. Гороховая, в доме № 2 вместе с губернскими присутственными местами. В 1876 г. эти учреждения переехали в здание, в котором ранее размещалась канцелярия по делам царства Польского, по адресу пр. Екатерингофский, дом № 35 [16, с. 80–81]. Семья Ридингеров жила рядом, в доме № 37.

Полномочия полковника Ридингера значительно расширились, как территориально, охватывая пространство трех станов уезда, так и по штатному составу. В штате Санкт-Петербургской уездной полиции в его подчинении находилось 162 чел., большинство из которых составляла полицейская стража (140 чел.) [10, л. 156 об. – 157].

В фонде Канцелярии Петроградского губернатора сохранились документы, отражающие деятельность Н. А. Ридингера в новой должности [9]. Возглавляя Уездно-адресное управление Санкт-Петербурга, он обратил внимание, что реализуемая реформа полиции оставила за штатом это учреждение. В связи с этим 20 марта 1872 г. он пишет рапорт губернатору, который, по сути, выливается в проект реформы Адресного стола [9, л. 93–94 об.]. 26 августа в очередном рапорте он еще раз подчеркивает важность и эффективность работы Адресного стола, отчитывается о финансовых доходах и просит возместить ему расходы из общих средств, которые были затрачены им лично ввиду отсутствия централизованного финансирования учреждения [9, л. 90–91]. В дальнейшем эти средства были ему возмещены.

Предложения Н. А. Ридингера были изложены губернатором министру внутренних дел. 4 октября 1872 г. на адрес губернатора из Департамента полиции МВД было выслано письмо, в котором уведомлялось, что проект Адресного стола находится на рассмотрении III Отделения канцелярии [9, л. 99]. В итоге, как показал ход событий, 31 января 1874 г.

министром внутренних дел было утверждено положение об Адресном столе в Санкт-Петербургской пригородной полиции [9, л. 36–43]. Сказанное доказывает, что Н. А. Ридингер внес бесспорный вклад в затянувшийся процесс реформы полиции столицы.

Исследуя документы канцелярии Петроградского градоначальника, у нас сформировалось убеждение, что Н. А. Ридингер являлся автором проекта к «Положению о Санкт-Петербургской пригородной полиции». Как известно, полиция была организована 15 сентября 1867 г., и лишь, спустя год, к 22 августа 1868 г. она получила свое концептуальное завершение и вылилась в отдельное «Положение о Санкт-Петербургской пригородной полиции» [10, л. 43–57]. Доказательством к сказанному являются две записки губернатора министру внутренних дел.

Одна из них – пояснительная записка к докладной записке «Об учреждении Санкт-Петербургской пригородной полиции» [1, л. 38–52 об.]. Документ не содержит даты, полагаем, что он написан в период август–октябрь 1867 г. Он дает подробное описание, с использованием художественных литературных приемов существа дела. Весьма подробно, многими примерами обосновывается финансовая выгода проекта, напоминающая по манере изложения рапорты Н. А. Ридингера по реформе Адресного стола. Пояснительная записка заканчивается описанием штата Пригородной полиции.

Другой документ – докладная записка от 8 декабря 1867 г., озаглавленная как Проект «Учреждение Санкт-Петербургской пригородной полиции» [1, л. 53–61]. В отличие от предыдущей пояснительной записки проект изложен деловым, ясным стилем, как государственный документ. Этим он напоминает проект Н. А. Ридингера об Адресном столе.

Неоспоримых доказательств нашей догадки нет, но, учитывая в какой спешке Н. В. Левашов организовывал пригородную полицию, а также добрые, товарищеские отношения с Н. А. Ридингером и всесторонне обоснованный текст Положения, который появился в итоге к августу, почти через год начала службы Н. А. Ридингера на этой должности: все это предполагает, что по – товарищески Н. А. Ридингер готовил бумаги для Н. В. Левашова. Возможно, что полученный им 20.04.1869 г. орден св. Владимира 3 степени с мечами был наградой за безупречную службу по организации Санкт-Петербургской Пригородной полиции.

Другой комплекс документов из фонда Канцелярии Петроградского губернатора связан с

поселением Сестрорецк. В весьма объемном рапорте от 25 ноября 1871 г. Н. А. Ридингер касается как текущих вопросов, связанных с корректировкой границ полицейских участков в подведомственной ему территории, так и необходимости усиления полицейского надзора за поселением Сестрорецк [9, л. 67–71]. Сестрорецк – стремительно растущий поселок фабричных и заводских рабочих численностью до 7000 жителей.

11 марта 1872 г. Н. А. Ридингер вновь обращается к этой проблеме. Рапорт с пометкой «секретно» отличается предельно лаконичным, жестким стилем изложения, наполненным тревогой. Н. А. Ридингер обращает внимание на нищенское, бедственное положение рабочих и членов их семей, о сокращении рабочих мест в связи с передачей заводов в аренду. Он предупреждает, что нравственность фабричного населения намного ниже и опасней, чем у сельских жителей. В качестве мер он предлагает не только усилить надзор за жителями Сестрорецка, но и наделить их землей. Он обращает внимание на то, что имеющаяся в округе земля не плодородна. Плодородную землю можно взять из территории княжества Финляндского и присоединить ее к Петербургской губернии [9, л. 78–79].

Информация заинтересовала губернатора. В циркуляре, адресованном Н. А. Ридингеру от 24 марта, предписывалось секретно подготовить полные статистические сведения о населении Сестрорецка [9, л. 82–82 об.]. 7 апреля ответ губернатору был готов. К рапорту Н. А. Ридингер приложил «Записку о поземельном устройстве оружейников Сестрорецкого завода» [9, л. 85]. Этот труд на четырех страницах никак не соотносится с восприятием Н. А. Ридингера как типичного чиновника. Автор «Записки», по сути, государственный деятель, который путем реформ стремился ликвидировать очаг социальной напряженности в Сестрорецке. Этот труд достоин специального исследования.

Предложения Н. А. Ридингера 16 мая были изложены губернатором министру внутренних дел [9, л. 86–87]. 31 мая 1872 г. из Департамента полиции МВД прибыл ответ. В качестве мер предлагалось учредить в Сестрорецке всего лишь должность околоточного надзирателя. О кардинальном решении вопроса, связанного с бедственным положением рабочих, ни слова [9, л. 88–88 об.]. У самодержавия еще был резерв времени.

В начале 1876 г. Н. А. Ридингер приходит к выводу о необходимости кардинального переустройства Пригородной полиции. Он осознает,

что за восемь лет ее деятельности произошли большие изменения на подведомственной территории. Предложения полицмейстера были отражены в представлении губернатора министру внутренних дел от 10 марта 1876 г. [1, л. 102–104]. Документ начинался в традиционном для Н. А. Ридингера стиле о положительном опыте восьмилетней работы Пригородной полиции. Затем аргументировано формулировались предложения: об усилении полицейского надзора в местах, где происходит рост дач и численности рабочих; ослабление надзора в малонаселенной местности; увеличение численности конных околоточных надзирателей за счет уменьшения числа городских и снятия казачьих постов; установление прописки паспортов в уезде; уничтожение телеграфного сообщения между участками, как не эффективного; изменение границ участков.

Правительство медленно реагировало на предложения и искало мало затратные пути решения проблемы. Лишь летом 1878 г. рассматривался вопрос об изменении границ участков [1, л. 137–138 об., 144–150]. И осенью, согласно докладу министра внутренних дел, Пригородная полиция была усилена 60 нижними чинами из пехоты. Весной 1879 г. Пригородная полиция усилилась еще 120 служащими нижних воинских чинов и сотней казаков [1, л. 232–234 об.].

Осенью 1879 г. Н. А. Ридингером озвучивается мысль об увеличении штата Пригородной полиции до 305 человек нижних чинов [1, л. 249]. Ранее принятые меры усиления воинским контингентом, по его мнению, не являются эффективными, т.к. они рассчитаны на летний период.

Повседневность службы, за пределами кабинета и коридоров власти, для исправника Санкт-Петербургской уездной полиции была также полна как неожиданностей, так и рутины. Книга донесений о происшествиях в уезде за 1879 г. наглядно это демонстрирует [6]. За три месяца (август–октябрь) 1879 г. случилось многое: краж – 11, пожаров – 18, увечий на предприятиях – 17, обнаружение мертвых тел – 13, грабеж – 4, нанесение ран – 8 и многое другое. Самым громким делом было задержание «Ваньки-грабителя» – серийного преступника [6, л. 25–32 об.].

Однако 1879 г. запомнился Н.А. Ридингеру особо, а именно, ростом волнений и стачечного движения. Его предчувствие надвигающейся угрозы со стороны фабричных и заводских рабочих стали реальностью. Нищенское положение рабочих, мизерная зарплата, своеволие хозяев, сокращение рабочих мест – все это

закономерно вызывало недовольство и создавало благоприятную почву для забастовочного движения, особенно, когда в рабочую среду проникали агитаторы. Уже в январе 1879 г. прошли стачки рабочих на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике и фабрике Шау, вылившиеся в шествие к царю. Расследование позволило выявить всех активистов стачки [7, с. 194–196].

1 марта 1879 г. полковнику Н. А. Ридингеру лично удалось предотвратить забастовку рабочих механического завода «Русского общества». Этому событию посвящено целое дело, отражающее последовательность событий и реакцию властей на происходящее [12]. Еще в январе полиции стало известно о готовящейся на 1 марта забастовке. Поводом к ней послужило планируемое снижение зарплаты на 10 % и сокращение 300 человек. Стали известны и имена зачинщиков среди рабочих. Однако оснований для их ареста у полицмейстера пока не было, поскольку агитация велась тайно. Не удавалось поймать и внешних агитаторов из не рабочей среды, проникающих на завод. В своих отчетах губернатору полицмейстер подчеркивал, что агитации особенно подвержена молодежь. В качестве профилактических предупредительных мер Н. А. Ридингер неоднократно предлагал высылать зачинщиков по месту жительства, и открыто сообщить безработным рабочим о необходимости возвращения на родину. Обращалось внимание на антисанитарные условия проживания рабочих [12, л. 7–15].

Продолжая проводить расследование, полицмейстер обратил внимание на безответственное отношение администрации некоторых заводов в отношении рабочих. Так, на чугунолитейном заводе «Атлас» три месяца не выдавалась зарплата. 103 рабочих были готовы получить расчет и уехать. Полицейстер обратил внимание, что владелец завода Г. Кинг живет роскошно и мог бы рассчитаться с ними [12, л. 16].

К середине февраля стало ясно, что волнения с распространением прокламаций охватили и другие предприятия Петербурга, в числе которых Екатерингофская новая бумагопрядильная фабрика и фабрика Максвеля за Невской заставой [12, л. 20–20 об., 28].

Однако основные волнения готовились произойти на механическом заводе. В полдень 28 февраля Н. А. Ридингер лично прибыл на завод, в канун забастовки. Он индивидуально беседовал с каждым мастером и рабочим о согласии или не согласии остаться работать на новых условиях. Вечером для предотвращения беспорядков прибыла сотня казаков [12, л. 30–35 об.].

Утро следующего дня было спокойным. Рабочие вышли на работу. К девяти часам маршем и барабанным боем для устрашения прошел мимо заводов батальон лейб-гвардии Павловского полка. Индивидуальные беседы полицмейстера продолжались до двух часов дня. Девять зачинщиков были арестованы и им были сделаны нравственные внушения. Согласно докладным запискам Н. А. Ридингера [12, л. 34–36 об.] и губернатора Лутковского [7, с. 211] их предполагалось выслать на родину. Однако на родину были возвращены лишь четверо из них: В. Голованов, И. Горбачев [3, с. 277, 296], И. Коломенский [4, с. 621], И. Чирков [5, с. 1964]. Трое активистов были отправлены в ссылку: В. Бобров – в Архангельскую [3, с. 122], О. Левкович – в Вологодскую губернию [4, с. 757], В. Юрцев – в г. Вятку [5, с. 2125]. Полицейстер Н. А. Ридингер ходатайствовал перед губернатором о замене ссылки для Н. Т. Калмыкова взятием на поруки в виду того, что у него был малолетний ребенок и беременная жена [12, л. 34–36 об.]. Сведений о судьбе Д. Никифорова не имеется.

Какие же наблюдения можно извлечь к портрету Н. А. Ридингера? Он сочувственно относился к бедственному положению рабочих, неоднократно обращал на это внимание начальства. Причину нищеты рабочих он видел в злоупотреблениях фабричных властей: дорогие заводские лавки, несвоевременная выплата зарплаты, плохие условия проживания. Однако выполнение долга для него было превыше всего. Он ответственно относился к службе, этого же требовал от подчиненных. Но он не был закостенелым службистом. Общение с человеком независимо от его сословной принадлежности, будь то рабочий или агитатор, или солдат для Н. А. Ридингера было главным средством воздействия и убеждения.

На должностях исправника и полицмейстера Н. А. Ридингер оставался до своей отставки. Его заслуги были отмечены 20 апреля 1869 г. орденом св. Владимира 3 степени с мечами и званием генерал-майора, которое он получил при уходе в отставку 2 февраля 1883 г. Среди наград можно отметить пожалованный императором в 1880 г. за усердие по службе бриллиантовый перстень.

В истории Санкт-Петербургской полиции Н. А. Ридингер оказался первым и единственным начальником Пригородной Санкт-Петербургской полиции, после ухода в отставку которого эта структура была ликвидирована. Архивы сохранили имя незаслуженно забытого полицмейстера, внесшего вклад в реформу Санкт-Петербургской полиции в 1860–1870-х гг.

Источники и литература

1. Дело об устройстве Петербургской пригородной полиции с приложением карт Петербургского уезда // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 53. Д. 146.
2. Дело Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания о внесении полковника Н. А. Ридингера с женой и сыном во дворянскую родословную книгу // Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 536. Оп. 6. Д. 4094.
3. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. Т. II: Семидесятые годы. Вып. 1. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. 406 стб.
4. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. Т. II: Семидесятые годы. Вып. 2. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 836 стб.
5. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. Т. II: Семидесятые годы. Вып. 4. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 2157 стб.
6. Донесения о происшествиях в уезде // ЦГИА СПб. Ф. 961. Оп. 3. Д. 3.
7. Корольчук Э. А. Рабочее движение семидесятых годов. Сборник архивных документов с вводной статьей и дополнениями по литературе. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 260 с.
8. Об отпуске денег на устройство и содержание Санкт-Петербургской Пригородной полиции // ЦГИА СПб. Ф. 966. Оп. 1. Д. 34.
9. О преобразовании Санкт-Петербургской пригородной полиции // ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 226.
10. О присоединении Санкт-Петербургской пригородной полиции к столичной // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 2.
11. О причислении Ридингера к МВД // ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 543.
12. Сведения о беспорядках на фабриках и заводах в уезде // ЦГИА СПб. Ф. 961. Оп. 4. Д. 25.
13. Степанова Ю. В. [Рецензия]. Тропин Н. А., Ляпин Д. А. Н. А. Ридингер – елецкий полицмейстер и краевед (1862–1867 гг.). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. 188 с. // История: факты и символы. 2016. №1 (6). С. 95–100.
14. Степанова Ю. В. [Рецензия]. Тропин Н. А. Губернский город Орел середины XIX века взглядом полицмейстера // Отечественные архивы. 2017. № 2. С. 111–112.
15. Тропин Н. А. Н. А. Ридингер: необычный полицмейстер в среднерусской провинции середины XIX в. // История: факты и символы. 2015. № 3 (4). С. 94–121.
16. Шишкин В. Петербург губернский. Из истории местных государственных учреждений. М.: СПб.: Центральная полиграфия, 2010. 317 с.

References

1. Delo ob ustroystve Peterburgskoj prigorodnoj policii s prilozheniem kart Peterburgskogo uezda (*On the structure of St. Petersburg suburban police. Map of Petersburg County*) // The Russian state historical archive (RGIA). F. 1286. Inv. 53. D. 146. (In Russian).
2. Delo Sankt-Peterburgskogo dvoryanskogo deputatskogo sobraniya o vnesenii polkovnika N. A. Ridinger s zhenoj i synom vo dvoryanskuyu rodoslovnuyu knigu (*St. Petersburg noble deputies Assembly on the introduction of colonel N. Ridinger with his wife and son in the noble genealogical book*) // Central state historical archive of St. Petersburg (CGIA Spb). F. 536. Inv. 6. D. 4094. (In Russian).
3. Shilov A. A., Karnauhova M. G., eds. Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii. Bio-bibliograficheskij slovar' (*Figures of the revolutionary movement in Russia. Bio-bibliographic dictionary*). Vol. II. The seventies, no. 1. Moscow, 1929. 406 p. (In Russian).
4. Shilov A. A., Karnauhova M. G., eds. Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii. Bio-bibliograficheskij slovar' (*Figures of the revolutionary movement in Russia. Bio-bibliographic dictionary*). Vol. II. The seventies, no. 2. Moscow, 1930. 836 p. (In Russian).
5. Shilov A. A., Karnauhova M. G., eds. Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii. Bio-bibliograficheskij slovar' (*Figures of the revolutionary movement in Russia. Bio-bibliographic dictionary*). Vol. II. The seventies, no. 4. Moscow, 1932. 2157 p. (In Russian).
6. Doneseniya o proisshestviyah v uезде (*Reports on incidents in the county*) // CGIA Spb. F. 961. Inv. 3. D. 3. (In Russian).
7. Korol'chuk E. A. Rabochee dvizhenie semidesyatyh godov. Sbornik arhivnykh dokumentov s vvodnoj stat'ej i dopolneniyami po literature (*The labour movement of the seventies. The collection of archival documents*). Moscow, 1934. 260 p. (In Russian).
8. Ob otpuske deneg na ustrojstvo i soderzhanie Sankt-Peterburgskoj Prigorodnoj policii (*Funding for St. Petersburg suburban police*) // CGIA Spb. F. 966. Inv. 1. D. 34. (In Russian).
9. Preobrazovanii Sankt-Peterburgskoj prigorodnoj policii (*The transformation of St. Petersburg suburban police*) // CGIA Spb. F. 253. Inv. 3. D. 226. (In Russian).
10. Prisoedinenii Sankt-Peterburgskoj prigorodnoj policii k stolichnoj (*Joining St. Petersburg suburban police to the Metropolitan police*) // CGIA Spb. F. 569. Inv. 17. D. 2. (In Russian).
11. Prichislenii Ridinger k MVD (*Enrollment of Ridinger to serve in the Ministry of internal affairs*) // CGIA Spb. F. 253. Inv. 1. D. 543. (In Russian).
12. Svedeniya o besporyadkah na fabrikah i zavodah v uезде (*Information on strikes of workers in the factories in the St. Petersburg district*) // CGIA Spb. F. 961. Inv. 4. D. 25. (In Russian).
13. Stepanova Yu. V. [Recenziya]. Tropin N. A., Lyapin D. A. N. A. Ridinger – elekij policmejster i kraeved (1862–1867 gg.). Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2015. 188 s. (*N. A. Ridinger – the police chief of the town of Yelets and researcher (1862–1867). Yelets, ESU named after I.A. Bunin Publ., 2015. 188 p.*) // History: facts and symbols. 2016. No. 1(6). P. 95–100 (In Russian).

14. Stepanova Yu. V. [Recenziya]. Tropin N. A. Gubernskij gorod Orel serediny XIX veka vzglyadom policmejstera (*Tropin N. A. The provincial town of Orel mid-nineteenth century view of the police chief*) // Domestic archives. 2017. No. 2. P. 111–112 (In Russian).
15. Tropin N. A. N. A. Ridinger: neobychnyj policmejster v srednerusskoj provincii serediny XIX v. (*N. Ridinger: an unusual chief of police in the Central Russian province of the middle XIX century*) // History: facts and symbols. 2015. No. 3(4). P. 94–121 (In Russian).
16. Shishkin V. Peterburg gubernskij. Iz istorii mestnyh gosudarstvennyh uchrezhdenij (*Provincial St. Petersburg. From the history of local government institutions of power*). Moscow: Saint-Petersburg, Central printing Publ., 2010. 317 p. (In Russian).

УДК 930.85 (470.65)

И. Т. Цориева

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРТОВСКОГО ЭПОСА

В статье рассматривается история изучения происхождения нарттовского эпоса. В 1920-е – 1930-е гг. основная научная концепция выглядела следующим образом: сказания о нартах проникли на Кавказ вместе с аланскими предками осетин и распространились по всему региону благодаря культурному заимствованию. Во второй половине XX в. дальнейшее изучение Нартиады и стремление представителей кавказских научных центров подчеркнуть «первородность» своей национальной версии вызвали острые дискуссии о месте возникновения и создателях ядра эпоса. В этот период заметно укрепились позиции сторонников теории кавказского происхождения героических сказаний. Однако в осетинском нартвоведении доминирующей осталась иранская версия, согласно

которой героические сказания были принесены на Кавказ предками осетин – скифами, сарматами и аланами и от них восприняты другими кавказскими народами. Рост кризисных явлений в постсоветском обществе, поиски национально-культурной идентичности актуализировали вопросы о генезисе и создателях эпоса. Автор подчеркивает, что в этой ситуации эпос, за прошедшие века ставший общим культурным достоянием кавказских народов, должен содействовать сплочению людей в противостоянии деструктивным вызовам глобализации и культурного обезличивания

Ключевые слова: нарттовский эпос, осетинские героические сказания, генезис, историография, Кавказ, Осетия.

I. T. Tsorieva

SOME ASPECTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE ORIGIN OF THE NART EPOS

The author considers the history of the study of the origin of the Nart epos. The basic scientific concept of the 1920s – 1930s looked like this: heroic legends penetrated the North Caucasus with the Alanian ancestors of Ossetians and spread throughout the region as a result of cultural borrowing. In the second half of the 20th century, the further study of the Nartiade and the great desire of representatives of the Caucasian scientific centers to emphasize the «primogeniture» of their national versions provoked intense arguments about the origin and the creators of the epos core. In these years, the positions of the supporters of the theory of the Caucasian origin of heroic legends became significantly stronger. However in the Ossetian nartology the Iranian version of the origin of epos, according

to which heroic legends were brought to the Caucasus by the ancestors of the Ossetians – the Scythians, Sarmatians and Alans and were perceived by other Caucasian peoples, is dominated. The growth of crisis phenomena in the post-Soviet society, the search for national and cultural identity, actualized the question on the genesis and creators of the epos. The author emphasizes that in this situation the epos as the common cultural heritage of the Caucasian peoples should promote the unity of people in confronting the destructive challenges of globalization and cultural depersonalization

Key words: Nart epos, Ossetian heroic legends, genesis, historiography, Caucasus, Ossetia.

История изучения Нартиады – памятника духовной культуры многих народов Кавказа насчитывает более полутора столетий. За это время сложилась историографическая традиция, представляющая широкий проблемно-тематический спектр нартвоведческих работ [7; 16; 17]. Обзор имеющейся литературы демонстрирует разнообразие исследовательских

подходов и методов анализа, высвечивает наиболее дискуссионные вопросы нарттовской проблематики, среди которых особенно много споров до сих пор вызывает вопрос о генезисе и этнической принадлежности эпоса. Рассмотрению этого вопроса в осетинском нартвоведении посвящена представленная статья.

Начало планомерного научного исследования проблем нартского эпоса, в том числе отмеченного выше вопроса, связано, прежде всего, с именами В. Ф. Миллера и Л. Г. Лопатинского. Следует подчеркнуть, что ни один из этих ученых не пришел к окончательному выводу о том, кто из народов Северного Кавказа – носителей эпоса, являлся его создателем. Оба, указывая на степи Северо-Западного Кавказа как на место обитания в средневековые ясов и касогов, т.е. предков осетин и кабардинцев, неоднократно предостерегали от преждевременности выводов о его этнической принадлежности, ввиду малочисленности фольклорного материала [7, с. 18, 23, 25].

Между тем, о серьезном внимании к этому вопросу в отечественной историографии свидетельствовал тот факт, что в 1925 г. в первом же номере «Известий» только что созданного Осетинского научно-исследовательского института краеведения две из девятнадцати статей были посвящены нартской тематике. Статьи «Кто такие нарты?» М. Туганова и «К вопросу о происхождении нартских песен» А. Кубалова были предварены редакционным примечанием: «печатаются в порядке обсуждения спорных вопросов о происхождении нартов и нартских сказаний» [11, с. 371].

Центральным для обоих авторов был вопрос о происхождении и национальной принадлежности героического эпоса. Но решался он по-разному. А. З. Кубалов считал сказания о нартах частью древних песен о борьбе Ирана с Тураном, который он отождествлял с Турцией. По его мнению, песни были принесены на Кавказ предками осетин из древнего Ирана и предками кабардинцев из Турана [15, с. 382]. М. С. Туганов признавал существование нартских сказаний почти у всех горских народов, в первую очередь у осетин и кабардинцев. Но создателями эпоса считал осетин. Свою позицию он обосновывал, в частности, тем, что никто, кроме осетин, «не знает ни начала, ни конца нартов, не говорит о том, где и как родились нарты, кто жил до них и кто после, тогда как у осетин излагается все от начала до конца». М. С. Туганову принадлежала также довольно упрощенная трактовка слова «нарт», не воспринятая научным сообществом. Он полагал, что оно произошло от словосочетания «наэ арт» и означало «наш огонь», т.е. «наш очаг и то, чем мы клянемся» [26, с. 373].

Утверждавшийся в 1920-е гг. в гуманитаристике классовый подход демонстрировала статья М. В. Рклицкого. На основе сравнительного анализа кабардинского и осетинского циклов

сказаний автор пришел к заключению, что нарты – не народ в целом, а лишь представители его аристократической верхушки, которые ведут свое происхождение от «иноземной дружины завоевателей». Они якобы пришли на Кавказ со своим эпосом и передали его покоренному народу, сходному с ним в этническом, племенном отношении. При этом он отнес первоначальную родину нартского эпоса в Малую Азию. Будучи сторонником аланского происхождения эпоса, М. Рклицкий считал доказательством «иранского» характера осетинских сказаний присутствие в них скифо-аланских мотивов. Само слово «нарт» он трактовал как множественное число древнеиранского слова «нар», означавшего «герой», «военный человек» [21, с. 16, 20, 33]. Как отмечает Ю. Гаглойти, тем самым М. Рклицкий попытался «примирить» между собой миллеровскую теорию аланского происхождения осетин, т.е. о приходе осетин на Кавказ северным путем, с концепцией Н. Я. Марра, склонявшегося к мнению о «южном» происхождении осетин, и В. Б. Пфаффа о нартах как пришлых завоевателях». Отсюда следовал вывод: «осетины пришли на Кавказ северным путем, а их покорители, в виде нартов, с юга» [7, с. 32].

Оригинальную гипотезу происхождения эпоса предложил Б. А. Алборов. Первоисточником нартских сказаний он считал этнокультурный мир государства Наири, разгромленного ассирийским царем Саргоном. Его осколки из предков отдельных современных горских народов переселились на Северный Кавказ. Среди них были предки осетин, которые по нормам своего языка от названия Нири образовали новые названия «Нарт», «Нарты» [5, с. 293]. Однако авторская концепция не получила основательного научного подтверждения. Как справедливо замечает Ю. Гаглойти, выводы Б. А. Алборова «не были подкреплены какими-либо конкретными данными, так как основывались исключительно на весьма проблематичном созвучии имени нартов и названии Наири при почти полном отсутствии самих текстов» [7, с. 33].

Недостаточное использование текстов нартских сказаний и практическое отсутствие сравнительного анализа национальных версий отмечались почти во всех работах 1920-х гг. Но в целом в вопросе о создателях эпоса ученые были единодушны, связывая его генезис с историей осетинского народа. Основная научная концепция этого времени выглядела следующим образом: героические сказания проникли на Северный Кавказ вместе с аланскими предками осетин и распространились по всему

региону благодаря широкому культурному заимствованию.

На совершенно новый уровень научного осмысления Нартиады выводила небольшая по объему, но чрезвычайно важная в теоретическом и методологическом плане монография В. И. Абаева «Нартовский эпос», изданная в 1945 г. Заложенные в ней концептуальные положения определили всё последующее развитие нартоведения. Время возникновения эпоса В. И. Абаев относил к скифской эпохе, т.е. VIII–VII вв. до н.э., а завершающий этап – к XIII–XIV вв., когда «частью под монгольским влиянием был сделан шаг к общей циклизации сказаний, все герои получили общее наименование Нартов» [1, с. 117, 119].

Одним из ключевых для автора был вопрос о национальной принадлежности эпоса. Обосновывая концепцию алано-осетинского происхождения, В. И. Абаев опирался на анализ собственных имен нартвовского эпоса. «Изучая это загадочное сооружение со всех сторон, – писал ученый, – мы открыли на первых порах только одну щель, одно окошко, через которое можно проникнуть внутрь, посмотреть, кто же его хозяева: это собственные имена нартвовских героев. ...значение их ясно уже из того, что главнейшие из них относятся к самым устойчивым и общераспространенным элементам эпоса» [1, с. 21]. В результате многолетних перекрестных научных изысканий было доказано происхождение значительной части имен героев эпоса из иранских языков. А поскольку из северокавказских языков только осетинский имеет в себе иранский элемент, то отсюда закономерно следовал вывод о признании творцами «ядра» эпоса древних предков осетин, отождествляемых с аланами: «Нартовский эпос в своей существенной части – эпос аланского народа. От алан он уже давно был усвоен другими северокавказскими народами, где воспринял в большей или меньшей степени местные национальные черты». Родиной эпоса при этом В. И. Абаев называл южнорусские и северокавказские степи [1, с. 97, 117].

Исследование В. И. Абаева привлекло внимание фольклористов, языковедов, этнографов, историков и стало поводом к дискуссии, развернувшейся вокруг двух основных вопросов: о национальной принадлежности ядра эпоса и происхождении осетин. Точка зрения противников алано-осетинской концепции была сформулирована В. К. Гардановым [8, с. 245]. Оппонируя В. И. Абаеву, он утверждал, что происхождение ядра эпоса «нельзя свести к какому-либо единственному этническому кор-

ню, соответствующему тому или иному народу Кавказа». И более правомерно, по его мнению, было говорить об общей для кавказских народов «исторической почве, стадийной основе, на которой зародилось древнейшее ядро нартвовского эпоса у разных этнических групп». В. К. Гарданов не отрицал по существу генетической связи между аланами и осетинами, но считал северокавказских алан средних веков конгломератом различных по языку и культуре племен. Обосновывая концепцию кавказского, автохтонного происхождения нартвовского эпоса (в противовес концепции «пришлого» происхождения, поддерживаемой В. И. Абаевым), он доказывал, что термин «аланы» в средние века имел собирательный смысл как «географический и политический термин», под которым скрывались многие народы Северного Кавказа. Они с одинаковым правом могли претендовать на наследование этого имени и всех тех политических, и культурных достижений, которые были связаны с ним [27, л. 15, 40].

Тем не менее, большинство ученых придерживались алано-осетинской концепции возникновения эпоса. При этом они признавали необходимость более основательной разработки вопроса об участии автохтонного кавказского населения в его развитии. Б. В. Скитский писал, что народы Северного Кавказа хорошо были знакомы «с аланскими сказаниями, складывали свои варианты, соответственно чертам своего строя и своей народности, вносили свой вклад в эту сокровищницу и в смысле отдельных наименований своих героев, и отдельных сюжетов. В этом смысле эпос, этот, алано-осетинский в своей основе, стал интернациональным эпосом северокавказских народов» [27, л. 23]. Как видим, он был солидарен с В. И. Абаевым, который отмечал, что нартвовский эпос «весьма редкий, пожалуй, единственный случай эпоса, не связанного какими-либо определенными национальными рамками и имеющего, в масштабе Северного Кавказа, ясно выраженный интернациональный характер» [1, с. 8].

Важным событием в истории нартоведения явилось организованное Институтом мировой литературы совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом совещание по нартвовскому эпосу 19–20 октября 1956 г. в г. Орджоникидзе. В его работе участвовали ведущие ученые В. И. Чичеров, В. И. Абаев, Е. М. Мелетинский, Л. П. Семенов, Ш. Д. Инал-Ипа, У. Б. Далат, Б. А. Калоев, Г. З. Калоев, единодушно признавшие нартвовский эпос памятником культуры мирового значения. Был рассмотрен широкий круг вопросов

от истории записи и публикации до выяснения времени и места его возникновения, отражения в памятниках культуры с его художественной спецификой [19]. Научный форум высветил разность подходов в определении этнической принадлежности нартковского эпоса, национального характера и многонационального бытования эпоса. Дискуссионными признаны обстоятельства образования эпоса единого в существенных чертах, но выступающего в разных национальных вариантах [2, с. 28].

В 1960-е – 1980-е гг. растущий интерес к проблеме и явное стремление представителей кавказских научных центров подчеркнуть «первородность» своей национальной версии обеспечили динамичное развитие нартоведения. О чем, в частности, свидетельствовало содержание сборника статей «Сказания о нартах – эпос народов Кавказа» [23], изданного по следам второй нартоведческой конференции, состоявшейся в Сухуми в 1963 г., и ряда других работ [4; 7; 12; 16].

Самой спорной оставалась проблема генезиса эпоса. Новизна постановки вопроса заключалась в том, что происхождение отдельной этнической версии связывалось с этнокультурогенезом хранителей этой версии. Эпос рассматривался теперь не только как феномен культуры определенного народа, но и как системообразующий фактор его бытия и истории [17, с. 146].

В 1960-е – 1980-е гг. в рассмотрение этой проблемы активно включились археологи. К примеру, в работах Е. И. Крупнова, В. А. Кузнецова [13; 14; 16] вопросы о месте и времени создания эпоса, его соотношении с объективным ходом истории развития кавказских народов рассматривались на основе привлечения большого объема археологических артефактов. Е. И. Крупнов соглашался с точкой зрения В. И. Абаева о времени формирования ядра нартских сказаний, относя его к эпохе поздней бронзы и особенно раннего железа. Но он не разделял взгляда ученого о привнесенном характере эпоса. Он считал героические сказания результатом самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен. Эпос, по его мнению, возник и развивался в районах Северного и Западного Кавказа, где на рубеже бронзового и железного веков бытовали морфологически близкие между собой кобанская, прикубанская и колхидская культуры. В целом проблема происхождения первоначального ядра нартковского эпоса решалась Е. И. Крупновым в полном соответствии с его концепцией происхождения северокавказских

народов и, в частности, осетин. Последние, по его теории, являются потомками носителей кобанской культуры, которые были ассимилированы пришлыми скифо-сармато-аланскими племенами и восприняли их язык [13, с. 50; 14, с. 19–20].

Таким образом, Е. И. Крупнов отстаивал теорию кавказского происхождения нартковского эпоса. В. И. Абаев оппонировал Е. И. Крупнову по этому поводу. На научной сессии по проблеме происхождения осетинского народа в г. Орджоникидзе в 1966 г. он вновь отмечал, что «нартковский эпос – памятник многослойный, с разнородными этническими включениями», но ядро осетинских версий составляют древние аланские и скифские мифы и предания, приннесенные на Кавказ аланами [3, с. 17].

Следующим шагом в изучении вопроса о генезисе Нардиады стала концепция о монгольском компоненте в эпосе. Этот вопрос впервые был поставлен В. И. Абаевым. В 1945 г. он писал: «И если бы мы пожелали суммарно, в двух словах определить нартковский эпос с точки зрения его происхождения, мы сказали бы так: нартковский эпос – это аланский эпос с монгольским влиянием». Возникновение общего наименования эпического племени «Нарты» – «Дети Солнца» он считал результатом длительного и интенсивного взаимодействия алан и монголов. При этом он полагал, «что и до встречи с монголами герои аланского эпоса считались «детьми солнца», и монгольское влияние способствовало лишь замене соответствующего старого наименования новым, образованным от монгольского нара «солнце», и распространению его на всех эпических героев» [1, с. 92].

Идея монгольского влияния на формирование осетинского нартковского эпоса получила развернутое обоснование в исследованиях Т. А. Гуриева. Авторская концепция базировалась на обширном монгольском фольклорном материале [9]. Влияние монгольских племен на развитие эпоса ученый видел в ряде сюжетов, в именах героев сказаний. Результатом монгольского влияния Т. А. Гуриев считал создание новых циклов и межцикловых связей («Хамыц и Батраз»). В вопросе о происхождении термина «Нарты» – «Дети Солнца» он пошел дальше В. И. Абаева и обосновывал идею о том, что общее наименование героев «нарты» вошло в эпос вместе с монгольской легендой о праматери богатырей, имевшей связь с небом [9, с. 163].

Теория о монгольском влиянии вызвала оживленные обсуждения среди осетиноведов. Так, В. А. Кузнецов ставил вопрос не только

о монгольских, но и об общетюркских элементах и воздействиях на нартовский эпос. По его мнению, они исторически были обусловлены «весьма длительными и глубокими контактами предков осетин с тюркоязычными степными народами: болгарами, аварами, гуннами, хазарами, печенегами, половцами, обитавшими в Предкавказье на протяжении всей эпохи раннего средневековья». Он подчеркивал: «Признавая наличие в нартском эпосе общетюркских и некоторых возможных монгольских элементов и заимствований, мы вместе с тем считаем его в основе своей самобытным творением осетинского народа и его этнических предков, развивавшимся в течение длительного времени на почве местной кавказской мифологии и в живом общении с соседними культурами...» [16, с. 25].

В целом дискуссии об этнической составляющей героических сказаний, об этимологии слова «нарт», имен героев эпоса позитивно сказывались на развитии нартovedения. Они углубляли представление о генезисе эпоса, о создателях, о времени, месте и условиях складывания первоначального ядра, ареала функционирования эпоса. И вместе с тем открывали новые возможности в использовании Нартиады в качестве исторического источника при изучении древней и средневековой истории и культуры народов Кавказа.

В 1990-е – начале XXI в. на фоне системных кризисных явлений в постсоветском обществе потребность в национально-культурной идентификации, стремление народов, в том числе «малых народов» Кавказа, сохраниться в активно глобализирующемся мире повысили интерес к традиционной этнической культуре. Поиски духовно-нравственной опоры служили стимулом к дальнейшему освоению эпического наследия. Одним из основных направлений культурной политики в регионе стала популяризация национальных вариантов Нартиады. Различные аспекты нартovedческой проблематики, в том числе вопросы о генезисе и национальной принадлежности ядра эпоса, рассматривались на полях тематических конференций (Майкоп, 1992; Сухуми, 1992; Наль-

чик, 2000; Владикавказ, 2011; 2013; 2015 и др.). Дискуссионные проблемы выносились на страницы периодических изданий, публиковались в сборниках статей [18; 20].

В настоящее время в осетинском нартovedении преобладает иранская версия происхождения эпоса, согласно которой героические сказания были привнесены на Кавказ предками осетин – скифами, сарматами и аланами. Здесь они были восприняты другими кавказскими народами и получили дальнейшее развитие. В то же время, продолжается изучение Нартиады, расширяющее и углубляющее представления о времени и месте ее возникновения, этимологии имен и названий эпических героев, местностей, природных явлений. Перспективными в прояснении этих и других вопросов представляются исследования в области эпической топонимии и этнонимии, изучение мифологических и ареальных параллелей в эпическом наследии народа, которые ведутся учеными-гуманитариями в рамках междисциплинарного подхода. В контексте анализа обозначенных проблем особого упоминания заслуживают работы Е. Б. Бесоловой, Ю. А. Дзиццойты, Г. Б. Романовой, Ф. М. Таказова, А. А. Туаллагова, Л. А. Чибирова и др. [6; 10; 22; 24; 25; 28].

Подводя общий итог, отметим, что решение вопроса о происхождении нартовского эпоса, его этнической принадлежности, несмотря на довольно основательную историографическую традицию, по-прежнему, сохраняет актуальность. Остается только пожелать, чтобы дискуссии на эту тему не выходили за рамки научного спора, были свободны от политической конъюнктуры и издержек национального эгоизма. Надо помнить, что нартовский эпос является общим культурным достоянием народов Кавказа, и стремиться к тому, чтобы он не нес в себе «ген разрушения», чтобы препятствовал замыканию кавказских народов в «национальных квартирах». Эпос сегодня должен способствовать сплочению людей в противостоянии деструктивным вызовам глобализации и культурного обезличивания.

Источники и литература

1. Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ. Т.10. Вып. 1. Дзауджикау: Северо-Осетинское государственное издательство, 1945. 119 с.
2. Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 года. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. С. 22–36.
3. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 9–21.
4. Абаева З. В. Легенды и сказания о происхождении скифов и нартвов // Известия ЮОНИИ. Вып. 27. 1982. С. 117–130.
5. Алборов Б. А. Термин «нарт» (к вопросу о происхождении нартовского эпоса осетин) // Научное общество этнографии, языка и литературы. Владикавказ: [б.и.], 1930. С. 197–297.

6. Бесолова Е. Б. К семантике термина «нарт» // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 119–124.
7. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 205 с.
8. Гарданов В. К. В. И. Абаев. Нартовский эпос // Советская этнография. 1947. №2. С. 242–248.
9. Гуриев Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса. Орджоникидзе: Ир, 1971. 165 с.
10. Дзиццойти Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал: Ирыстон, 2003. 223 с.
11. Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1925. 539 с.
12. Калоев Б. А. Скифо-сармато-алано-осетинские параллели // История, археология и этнография Средней Азии. М.: [б.и.], 1968. С. 308–316.
13. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Издательство АН СССР, 1960. 520 с.
14. Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 15–29.
15. Кубалов А. З. К вопросу о происхождении нартских песен // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 1. Владикавказ, 1925. С. 379–382.
16. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 135 с.
17. Мамонова В. А. Нартский эпос как код этнической истории и культуры осетин. СПб.: ФГБОУ ВПО СПГУТД, 2015. 209 с.
18. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН. Вып. 1. 2012. 350 с.; Вып. 2. 2013. 331 с.; Вып. 3. 2015.
19. Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 года. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. 232 с.
20. Нартский эпос и кавказское языкознание. Материалы VI Международного майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп: Б.и., 1994. 384 с.
21. Рклицкий М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях. Владикавказ: Б.и., 1927. 34 с.
22. Романова Г. Б. Нартский эпос и история осетинского народа: Историографический аспект. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.
23. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. 547 с.
24. Таказов Ф. М. К вопросу о теории иранского происхождения термина «нарт» // Вопросы литературы и фольклора. 2010. № 4. С. 108–116.
25. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ: Ир, 2001. 271 с.
26. Туганов М. С. Кто такие нарты? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 1. Владикавказ: [б.и.], 1925. С. 372–378.
27. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336.
28. Чибиров Л. А. Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.

References

1. Abaev V. I. *Nartovskii epos (Nart epos)* // Izvestiya NOISR. Vol. 10. No. 1. Dzauzhikau: Severo-Osetinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945. 119 p. (In Russian).
2. Abaev V. I. *Problemy nartskogo eposa (The problems of Nart epos)* // Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19–20 oktyabrya 1956 goda (Nart epos. Materials of the conference, October 19–20, 1956). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. P. 22–36 (In Russian).
3. Abaev V. I. *Etnogenez osetin po dannym yazyka (Ethnogenesis of Ossetians according to language)* // Proiskhozhdenie osetinskogo naroda (The origin of the Ossetian people). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1967. P. 9–21 (In Russian).
4. Abaeva Z. V. *Legendy i skazaniya o proiskhozhdenii skifov i nartov (Legends and Tales about the origin of the Scythians and Narts)* // Izvestiya SOISR. No. 27. 1982. P. 117–130 (In Russian).
5. Alborov B. A. *Termin «nart» (k voprosu o proiskhozhdenii nartovskogo eposa osetin) (The term «nart» (on the origin of the Nartian epos of Ossetians))* // Nauchnoe obshchestvo etnografii, yazyka i literatury (Scientific Society of Ethnography, Language and Literature). Vladikavkaz, 1930. P. 197–297 (In Russian).
6. Besolova E. B. *K semantike termina «nart» (On the semantics of the term «nart»)* // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAS. 2014. No. 55. P. 119–124 (In Russian).
7. Gagloiti Yu. S. *Nekotorye voprosy istoriografii nartskogo eposa (Some Issues of the historiography of the Nart epos)*. Ckhinvali: Iryston, 1977. 205 p. (In Russian).
8. Gardanov V. K. V. I. *Abaev. Nartovskii epos (V. I. Abaev. Nart epos)* // Sovetskaya jetnografiya. 1947. No. 2. P. 242–248. (In Russian).
9. Guriev T. A. *K probleme genezisa osetinskogo nartskogo eposa (On the genesis of the Ossetian Nart epic)*. Ordzhonikidze: Ir, 1971. 165 p. (In Russian).
10. Dzikcoiti Yu. A. *Nartovskii epos i Amiraniani (Nart epos and Amiraniani)*. Ckhinval: Iryston, 2003. 223 p. (In Russian).
11. *Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya (Izvestiya of the Ossetian Research Institute of Local History)*. No. 1. 1925. 539 p. (In Russian).
12. Kaloev B. A. *Skifo-sarmato-alano-osetinskie paralleli (Scytho-Sarmato-Alano-Ossetian Parallels)*. Istoriya, arheologiya i etnografiya Srednei Azii (History, archeology and ethnography of Central Asia). Moscow, 1968. P. 308–316 (In Russian).
13. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza (Ancient history of the North Caucasus)*. Moscow: Izdatel'stvo AS USSR, 1960. 520 p. (In Russian).
14. Krupnov E. I. *O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo eposa u narodov Kavkaza (On the time of formation of the main nucleus of the Nart epos of the peoples of the Caucasus)* // Skazaniya o nartah – epos narodov Kavkaza (Legends of the Narts – the epos of the peoples of the Caucasus). Moscow: Nauka, 1969. P. 15–29. (In Russian).

15. Kubalov A. Z. K voprosu o proiskhozhdenii nartovskikh pesen (*On the origin of the songs of Nart*) // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. No. 1. Vladikavkaz, 1925. P. 379–382 (In Russian).
16. Kuznetsov V. A. Nartskii epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda (*Nart epos and some issues of the history of the Ossetian people*). Ordzhonikidze: Ir, 1980. 135 p. (In Russian).
17. Mamonova V. A. Nartskii epos kak kod etnicheskoi istorii i kul'tury osetin (*Nart epos as a code of ethnic history and culture of Ossetians*). St. Petersburg: FSBEI HPE SPSUTD, 2015. 209 p. (In Russian).
18. Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii (*Nartology in the XXI Century: Modern Paradigms and Interpretations*). Vladikavkaz: PPC NOIGSR VSC RAS. No. 1. 2012. 350 s.; No. 2. 2013. 331 p.; No. 3. 2015. 265 p. (In Russian).
19. Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19–20 oktyabrya 1956 goda (*Nart epos. Materials of the conference, October 19–20, 1956*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 232 p. (In Russian).
20. Nartskii epos i kavkazskoe yazykoznanie. Materialy VI Mezhdunarodnogo maykopskogo kollokviuma Evropeyskogo obshchestva kavkazologov (*Nart epos and Caucasian linguistics. Proceedings of the VI International Maikop Colloquium of the European Society of Caucasologists*). Maikop: W.p.h., 1994. 384 p. (In Russian).
21. Rklitskii M. V. K voprosu o nartakh i nartskikh skazaniyakh (*On the issue of Narts and Nart Tales*). Vladikavkaz: W.p.h., 1927. 34 p. (In Russian).
22. Romanova G. B. Nartskii epos i istoriya osetinskogo naroda: istoricheskii aspekt (*Nart epos and the History of the Ossetian people: Historical aspect*). Vladikavkaz: Proect-Press, 2014. 160 p. (In Russian).
23. Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza (*Legends of the Narts – the epos of the Caucasian peoples*). Moscow: Nauka, 1969. 547 p. (In Russian).
24. Takazov F. M. K voprosu o teorii iranskogo proiskhozhdeniya termina «nart» (*On the Issue of the theory of the Iranian origin of the term «nart»*) // Voprosy literatury i fol'klora. 2010. No. P. 108–116. (In Russian).
25. Tuallagov A. A. Skifo-sarmatskii mir i Nartovskii epos osetin (*The Scythian-Sarmatian world and the nart epos of Ossetians*). Vladikavkaz: Ir, 2011. 271 p. (In Russian).
26. Tuganov M. S. Kto takie narty? (*Who are the Narts?*) // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. No. 1. Vladikavkaz, 1925. P. 372–378 (In Russian).
27. Central'ny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (*Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania* (CSA RNO-A). F. 126. Inv. 2. D. 336 (In Russian).
28. Chibirov L. A. Osetinskaya Nartiada: mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi (*Ossetian Nartiada: Mythological Origins and Areal Connections*). Vladikavkaz: Ir, 2016. 463 p. (In Russian).

УДК 942.084.0

Ц. М. Чикаидзе

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В историческом контексте образование многих современных ближневосточных государств стало результатом распада Османской империи на составные части. Крушение турецкого господства явилось результатом ослабления империи под давлением держав Антанты, стремившихся получить контроль над ее владениями, а также подъемом национально-освободительного движения. Державы-победительницы в сложившейся обстановке руководствовались политикой разделения арабского мира на государственные образования. Так переход ближневосточного региона из состояния культурного упадка в состояние политической

раздробленности стал следствием осуществления договора Сайкс-Пико. Особенностью национально-освободительного движения того периода, протекавшего в условиях противодействия Великобритании и Франции, было сосуществование в нем центростремительной и центробежной тенденций. Вместе с тем, тяготение к единству, особенно перед лицом угрозы западного политического и экономического давления, являлось частью национальных умонастроений арабского мира.

Ключевые слова: Сирия, Ирак, арабские страны, страна-мандатарии, ближневосточная политика, национально-освободительное движение.

Ts. M. Chikaidze

POLITICAL TRANSFORMATION OF THE MIDDLE EAST AFTER THE FIRST WORLD WAR

In the historical context the formation of many contemporary Middle East states was due to the collapse of the Ottoman Empire into constituent parts. The crash of the Turkish domination was result of weakening of the empire under the pressure of the powers of the Entente seeking to receive control over its possession and the rise of the national liberation movement. The victorious powers in the current situation were guided by the policy of dividing the Arab world into state entities. The transition of the Middle East region from the condition of cultural decline to the condition of political dissociation turned out to be the consequence

of implementation of the Sykes-Picot Agreement. The peculiarity of the national liberation movement of that period occurring in the face of opposition of Britain and France, was the co-existence of centripetal and centrifugal tendencies. However, the tendency towards unity, particularly in the face of Western political and economic pressure, was a part of the national mindset of the Arab world.

Key words: Syria, Iraq, Arab countries, mandate country, Middle East policy, national liberation movement.

Становление современного ближневосточного ландшафта не было механическим следствием воздействия лишь внешних факторов. В самой Османской империи на протяжении второй половины XIX – нач. XX вв. предпринимались попытки реформирования, тем не менее, они потерпели провал, ввиду невыработанной долгосрочной политической программы, определявшей решение национального вопроса как приоритетного.

Реализуемая с конца XIX столетия, целенаправленная политика Стамбула по ослаблению племенной знати путем централизации

османского режима радикально меняется с продвижением британских войск в азиатских владениях империи в период Первой мировой войны. Активизация Великобритании на Месопотамском фронте без ожидаемой помощи со стороны арабского мира, подталкивала султанский двор апеллировать к местной элите (шейхам) за содействием в джихаде. Поддержка же Мекканским шарифом Хусейном (признанного потомком пророка и хранителя святынь мест, согласно фирману падишаха) призыва к борьбе усилила бы его воздействие. Поэтому в Лондоне опасались, что призыв

султана к джихаду, главным образом направленный против англичан и французов, окажет воздействие на мусульманское население Египта, Индии, Северной Африки. Однако воззвание султана не нашло широкого отклика, и опасения относительно его резонанса оказались преувеличенными. Тем не менее, британские войска, частично представленные контингентом, формируемым в Индии, на театре военных действий развернувшись в Месопотамии, проигрывали неприятелю. В Галлиполийской операции, в составе турецких дивизий, отбросивших войска Антанты воевали и арабские подданные Османской империи. Поэтому содействие арабскому национализму с религиозным подтекстом на том этапе отвечало интересам Англии и Франции. В мае 1915 г. представители сирийско-арабских националистических обществ «Аль-Ахд» и «Молодая Аравия» при участии сына Мекканского шарифа – эмира Фейсала проявляли интерес в достижении соглашения о сотрудничестве с английской стороной, с целью создания независимого арабского государства. В послании британскому верховному комиссару в Египте Г. Мак-Магону в июле 1915 г. Мекканский шариф обозначил условия, при которых будет оказана поддержка Великобритании в противостоянии с Портой [12, с. 65]. С завершением переговоров арабская сторона готова была признать за Англией преимущественное право участия в осуществлении экономических интересов.

Выступление арабов в турецком тылу, оказавшее содействие державам Антанты, предопределило официальную поддержку британского правительства, нуждающегося в союзнике в войне с Османской империей. Начавшееся антитурецкое выступление в районе Джебель-Друз на юге Сирии совпало с контрнаступлением британских подразделений. Тот факт, что арабы-мусульмане вступили в «священную войну» против турецкого владычества, на стороне «неверных» – англичан, нанес сильнейший удар по панисламизму, продемонстрировав торжество идеи национальной независимости. Уже сентябре 1916 г. Южный Хиджаз контролировался повстанцами, что в дальнейшем позволило арабским войскам рассредоточиться на тактических направлениях. Часть под руководством сыновей Хусейна – Али, Абдаллы, приступила к блокированию Медины [11, с. 17]; другая – под командованием Фейсала, совместно с частями британского экспедиционного корпуса генерала Эдмунда Алленби продвигалась в северном направлении к Дамаску. Однако, первоочередной зада-

чей, стоящей перед британскими военными стало овладение Иерусалимом, которая в декабре 1917 г. была реализована. И, лишь 30 сентября 1918 г. арабские части эмира Фейсала вступившие в Дамаск при поддержке английских войск, в октябре 1918 г. сформировали первое арабское правительство [24, с. 32–33]. Ясин аль-Хашими занял пост главы Военного совета и министра Обороны, мобилизуя добровольческие соединения для противостояния Франции в ее устремлениях подчинить Сирию. Политическим дебютом для Ясина аль-Хашими стала деятельность в 1913 г. в законспирированном обществе арабских офицеров «Аль-Эйд». Направленный в Сирию в составе иракского подразделения в начале войны, он в 1915 г. примкнул к арабскому националистическому обществу «Аль-Фатат», поддерживающим тесные взаимоотношения с Фейсалом, в планы которого входило создание на территории Месопотамии государственности с монархической формой правления. Сам же аль-Хашими был награжден Вильгельмом II, высоко оценившим его воинскую доблесть в сражениях под Галлиполи, в Галиции, и в Палестине; в 1917 г. ему было присвоено звание генерал-майора. К концу войны Ясин аль-Хашими как и многие представители армейских кругов проникся идеей формирования единого арабского государства [20].

К периоду заключения Портой Мудросского перемирия сирийская территория находилась под контролем арабских военных формирований и англо-французских подразделений, пытавшихся осуществлять политическое координирование, мотивируя это еще не выработанными решениями предстоящей Мирной конференции. Освобожденные территории османских владений предстояло разделить на сферы влияния в соответствии с заключенным в 1916 г. соглашением Сайкс-Пико и декларацией Бальфура – 1917 г. Несмотря на «приоритетные права» Франции над территорией «исторической Сирии», подкрепленные соглашением Сайкс-Пико, к завершающему этапу Первой Мировой войны, Великобритании, занявшей активную позицию в освобождении арабских вилайетов, удалось упрочить свой военный и политический потенциал. Обладая военно-тактическим превосходством, английские войска, были рассредоточены на всем ближневосточном пространстве, за исключением территории будущего Ливана. Пытаясь ограничить, если не исключить влияние Франции, англичане взяли на вооружение доктрину «национального самоопределения» на

освобожденных территориях Ближнего Востока, пришедшей на смену старой османской антизападнической доктрине. Это позволило им поддерживать политические силы, которые провозгласили независимость Арабского государства в границах «исторической Сирии» от гор Тавр до Синая и Средиземноморья [15, p.162].

Проекты Великобритании по перекраиванию региона, а также созданное при участии Британской империи арабское государство, вызывали настороженность Франции, расценивающей Фейсала как неконтролируемого лидера мятежных племен, пытающегося ввести администрирование на территории Леванта [22, p. 6]. Ввиду отсутствия действенных военных рычагов воздействия на обстановку в регионе, французская сторона пыталась переломить ситуацию, оспаривая для себя политические преференции. Сохранение динамичных взаимоотношений с великими державами имел для британского руководства явный приоритет. При сложившихся условиях, Лондон ставил выше компромисс с Парижем, чем осуществление данных в период войны дипломатических обязательств арабским лидерам. В начале 1919 г. эмир Фейсал возглавивший арабскую делегацию, на Парижской Мирной конференции, отстаивал возможность создания «Единого арабского государства» [7, с. 228–230], позиция же держав-победительниц была направлена на реализацию планов по разграничению османских владений, что, в свою очередь обусловило активизацию националистических процессов в Сирии. В июне 1919 г. представители трех оккупированных арабских зон инициировали созыв Всеобщего Сирийского Конгресса, на котором выступили против разделения арабских территорий. Участникам Конгресса удалось выработать «Дамасскую программу», в соответствии с которой Сирии предстояло получить статус суверенной федеративной конституционной монархии занимающей территорию от Александретты до аравийской пустыни, от Средиземного моря до Евфрата [13, с. 89], и заключение таможенного союза с независимой Месопотамией в дальнейшем [17, p. 63–64]. Для набирающим обороты панарабизма в регионе Ближнего Востока «Дамасская программа» стала основополагающим документом.

В Форин Офис постепенно дистанцировались от самопровозглашенного правительства Фейсала. Поддержание стабильных отношений с Парижем, диктовалось стремлением Лондона добиться передачи богатого нефтяными месторождениями Мосула под британский контроль, через которые были бы протянуты

нефтепровод и железная дорога к Средиземноморским портам. Франция же, поступившись «своим статусом» в Мосуле и Палестине, более не намерена была идти на уступки Великобритании, стоящей перед проблемой демобилизации, и дальнейшего сокращения военного присутствия в регионе.

В сентябре 1919 г. державы-победительницы сумели прийти к паритетному соглашению: в обмен на оккупацию Ирака и Палестины английскими войсками, Великобритания уступала Сирию и Киликию Франции, при еще сохранявшемся контроле со стороны Фейсала над внутренними районами Сирии.

Разочарованный итогами Парижской конференции Ясин аль-Хашими, в кампании по освобождению арабских территорий, отводил определенную роль распространению антибританской и антифранцузской пропаганды [20, p. 74–78], последовавший за этим арест аль-Хашими, в ноябре 1919 г. вызвал протесты и демарши в Дамаске, тем самым став катализатором, ускорившим кризис в правительстве Фейсала.

Срыв ратификации Устава Лиги Наций в Конгрессе США сторонниками доктрины Монро, означал возврат во внешнеполитической сфере к традиционной политике «изоляциизма» в межвоенный период, что поставило американскую сторону перед необходимостью минимизировать свое участие в решении территориальных вопросов региона Ближнего Востока и возвращения В. Вильсона в США.

В результате в декабре 1919 г. эмир Фейсал вынужден был подписать с премьер-министром Ж. Клемансо франко-сирийский договор, признававший статус-кво Франции в Сирии, где на Верховного комиссара возлагались все функции по управлению [18, p. 314–317].

Антифранцузские настроения в Сирии поставили Фейсала перед необходимостью отступить. На II Сирийском Конгрессе, созванном 8 марта 1920 г. он был провозглашен монархом независимой Сирии, составной частью которой была и Палестина [16, p. 224–225], что только форсировало созыв в апреле Великобритании и Францией Конференции в Сан-Ремо, продолжившей дальнейший раздел Ближнего Востока на подмандатные районы.

Арнольд Уилсон с апреля 1918 по октябрь 1920 гг., исполнявший обязанности Верховного комиссара в Месопотамии в попытке доказать Лондону, что население в подавляющем большинстве ратует за прямое британское правление, инициировал проведение плебисцита в качестве альтернативы англо-французской

декларации. С ее опубликованием 7 ноября 1918 г., Великобритания и Франция выражали готовность содействовать становлению национальных правительств, с целью не допустить всплеска недовольства установлением оккупационного режима и предотвращения роста национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. Уилсоном предполагалось создание государственности под британским протекторатом аналогично, установленному в 1914 г. над Египтом, укомплектовав аппарат индийскими иммигрантами в награду за их службу в Первой мировой войне. Большая часть населения Месопотамии выражала солидарность формированию нового государства, состоящего из отдельных районов османских владений, под управлением арабского эмира, что не в полной мере соответствовало планам А. Уилсона.

Основные организации, ведущие пропагандистскую деятельность, были представлены: «Отделом общественных отношений», «Британским Совет» (представляющим структурное подразделение министерства иностранных дел Великобритании). Британский институт со своими филиалами в Басре, Мосуле и Киркуке и различные общества. «Братство свободы», «Друзья исламского мира» инициатором которых выступал Артур Сторрс – видный сподвижник британского разведчика полковника Т. Лоуренса в период организации последним арабского восстания против турок [5, л. 7–8].

Недовольство новой британской политикой усиливалось, с введением налогов на земельную собственность, а также налоговым сбором, уплачиваемым при погребении в священном для правоверных мусульман-шиитов в Наджафе. После прокатившейся с лета по осень 1920 г., череды антибританских вооруженных выступлений возглавляемых племенной знатью и шиитским духовенством, Перси Кокс, выполнявший функции британского посланника в Тегеране, был назначен на пост первого Верховного комиссара в Месопотамии. Участие в переговорах с лидерами организации «Иракский завет» позволило ему сформировать временное правительство, действующее в интересах Великобритании. В местных аристократических кругах некоторые представители рассматривали кандидатуру сэра Перси Кокса в качестве будущего иракского монарха [23, р. 134].

Готовность Лондона и Парижа признать с подведением итогов конференции в Сан-Ремо, «условную независимость» Сирии и Месопотамии, ограничивалась неопределенным условием «стать самостоятельными государствами», вызвав протесты арабской стороны.

Британские политики выбрали приемлемую альтернативу, взяв на себя задачу достижения договоренности в экономической сфере, и отказавшись от плана «выдавливания» Франции из Сирии. Таким образом, англичанам пришлось довольствоваться Палестиной предоставив остальную часть сирийской территории Франции.

14 июля 1920 г. генерал Гуро выдвинул Фейсалу ультиматум: принять французский мандат или отречься от престола. Фейсал распустил парламент, предвосхищая реакцию на выдвинутые условия. Тактическое превосходство французских войск, продвигавшихся к Дамаску при поддержке авиации и танков, позволило им к концу июля 1920 г. выполнить поставленную задачу. В итоге монархия Фейсала пала. Поражение сирийцев было омрачено гибелью в бою главнокомандующего Юсеф аль-Азмеха.

Высланному в Хайфу Фейсалу вскоре поступило предложение. В марте 1921 г. на Каирской конференции британские правящие круги сочли Фейсала приемлемой кандидатурой для провозглашения в качестве лояльного монарха в соседнем с Сирией подмандатного Ирака. С объявлением 5 августа 1921 г. Временным национальным правительством страны королевством и проведенным референдумом, утвердившим новую государственную структуру, 23 августа шериф Фейсал ибн Хусейн был провозглашен королем. Несмотря на отсутствие признаков общепризнанного авторитета, слабость оппозиционных кругов позволила ему занять иракский трон.

Британская часть исторической Сирии – подмандатная территория Палестина – также в 1921 г. была разделена на две части: территория к западу от реки Иордан по-прежнему сохранила наименование Палестина, а к востоку – получила обозначение Трансиордания, управление которой было предложено Лондонскому эмиру Абдалле.

Новое положение привело к определенной переориентации части арабских националистов, идеологическая платформа, которых приобретала партикулярный и региональный характер. Существенным показателем было то, что приверженцы панарабизма, принявшие активное участие в формировании нового политического ландшафта Ближнего Востока, и составили большинство в правительствах арабских стран.

Будучи в ранге министра колоний, Уинстон Черчилль отмечал в 1921 г., что в отношении арабского мира могут быть применены две политики: одна держать арабов разделенными,

обескураживая их национальные чаяния, вторая – создать дружественное Англии и ее союзникам, арабское государство» [8, с. 10]. Данная установка в сочетании с укреплением позиций в зоне Суэцкого канала определила принципы ближневосточной политики Лондона на последующий период. Соображения же экономической заинтересованности в основном сводились к задаче сохранения контроля над нефтяными месторождениями Ирака, Ирана и обеспечение бесперебойных поставок нефти в метрополию.

С конца 1920 по 1922 гг. на повестке актуальным оставался вопрос о разграничении территорий подмандатных Сирии и Палестины между Лондоном и Парижем. Так, согласно вступившему в 1923 г. в официальную силу, мандату, за Палестиной признавалась территория, прилегающая с востока к юго-восточному побережью Тивериадского озера вместе с 10-ти метровой полосой вдоль северо-восточного побережья, тем самым блокируя сирийцам выход к водам озера [9, с. 28]; помимо прочего и вверх течения р. Иордан был отделен от Сирии четырехсотметровой полосой

Вспыхнувшее в Сирии в ноябре 1925 г., восстание представляло собой первое массовое движение не националистически настроенной городской элиты, а крестьян, рабочих, ветеранов армии против колониального правления. Несмотря на то, что восставшим не удалось освободить Сирию от французской оккупации, идеология сопротивления, наряду с популярной идеей арабского национализма становились весомым фактором в регионе. Каждое последующее арабское восстание против иностранного владычества основывалось на принципах и тактике столь значимого на Арабском Востоке «Сирийского восстания». Набирающий обороты национализм представлялся беспрецедентным в арабском мире, и сирийское восстание, по мнению американского исследователя М. Прованса представлялось ключевым событием в политической истории Ближнего Востока новейшего времени [21].

По наблюдениям советского представителя на Ближнем Востоке В. Авербуха – на Востоке Советский Союз воспринимали как союзника. Пассивность с советской стороны могла стать источником разочарования масс. При оказании поддержки «мы можем получить гегемонию в национальном движении Сирии и Палестины» [6, с. 32]. Москва на тот период с определенностью давала понять, что генеральной линией ближневосточной политики СССР является уклонение от прямых столкновений со странами-мандатариями, при создании потенци-

альных возможностей для советского влияния в регионе в дальнейшем. Несмотря на то, что повстанцам не удалось освободить Сирию от французской оккупации, идеология арабского национализма и сопротивления популяризовались, каждое последующее арабское вооруженное выступление против иностранного господства основывалось на первоидее и тактике сирийского восстания 1925–1927 гг. [14, с. 47].

С официальным признанием Советской Россией 16 февраля 1926 г. правительства Ибн Сауда, он, в свою очередь, заверил, что «выражает благодарность, а также полную готовность к отношениям с правительством, которые присущи дружественным державам» [2, л. 4].

Определение южных границ Ирака и Трансиордании осложнялось как комплексом политических, географических и этнолингвистических проблем, так и особенностями взаимоотношений Великобритании с Азизом ибн Саудом, испытывающим значительную зависимость от поставок британского оружия и финансовых субсидий Лондона. В апреле 1927 г. аль-Сауд принял титул короля Хиджаза, Неджда и присоединенных областей, превратив тем самым султанат Неджд в королевство. Определяющим аспектом, характеризующим ситуацию в Хиджазе – Неджде, было обострение отношений с Англией. Основной причиной тому помимо недовольства Лондона свержением его хашимитского клиента явились попытки англичан укрепить примыкание к Неджду границы подвластного им Ирака посредством системы блокгаузов, а также планы строительства железнодорожного пути Багдад – Хайфа, часть которого должна была захватить территорию Неджда [10, с. 9]. В июле 1928 г. полковник Джекоб, занимавший пост заместителя британского губернатора в Адене, подверг критике политику английских властей в Йемене, состоящую в умышленно разжигаемой вражде между племенами. По мнению Джекоба, оптимальное средство сохранения мандатных прав Великобритании на Аравийском полуострове – это объединение Йемена под властью сильного правителя, дружественно настроенного к Англии [1, л. 3].

Из заявления возвратившихся из Геджаза и Йемена в СССР в октябре 1928 г. членов советской торговой делегации следовало, что ими высоко оценены завязавшиеся торговые отношения. Следует учесть, что в июне Госторг РСФСР как организация осуществлявшая монополию внешней торговли направил двумя пароходами в Геджаз 200 т. сахара и другие советские товары, пользующиеся там большим

спросом [1, л. 23]. Советский консул в Джидде совместно с делегацией посетил Имама Яхья в Санаа. Арабская пресса придала этому визиту большое значение, так как он состоялся в момент особой напряженности в англо-йеменских отношениях [1, л. 35].

Волонтаристский подход был очевиден, когда Великобритания, получив мандат, утвержденный Советом лиги Наций сентября 1924 г. создавала иракскую государственность из трех независимых друг от друга османских провинций: Багдада, Басры и Мосула. Первые десятилетия существования этой страны характеризовались засильем во властных структурах арабов-суннитов, на которых опиралась в своей политике английская администрация. Стремясь внешними уступками стабилизировать позиции в Ираке, английское правительство 30 июня 1930 г. заключило с Ираком союзный договор на 25-летний период, предусматривающий ликвидацию мандата и вступление Ирака в Лигу Наций. В ноябре 1931 г. французское правительство, пытаясь повлиять на политическую ситуацию, намеревалось предложить трон Сирии королю Фейсалу, создав так личную унию между Сирией и Ираком, что, в свою очередь, способствовало бы увеличе-

нию влияния и престижа Франции среди арабов и мусульман [4, л. 6].

И, если Берлин предпринимал еще неуверенные шаги по продвижению на Ближний Восток, то Великобритания намеревалась осуществлять контроль повсеместно. 18 июля 1937 г. английский министр иностранных дел А. Иден заявлял в Палате Общин, что Англия заинтересована в том, чтобы ни одна великая держава не укрепилась и на восточном побережье Красного моря [3, л. 62]. Семью годами ранее А. Иден, выступая в Палате общин, 23 декабря 1929 г. отводил Суэцкому каналу роль «вращающейся двери» Британской империи, которая должна постоянно функционировать, для поддержания на должном уровне имперских коммуникаций [19, р. 7].

Выработанный механизм управления подмандатными странами на Ближнем Востоке отражал стремление Лондона и Парижа модифицировать структуру своей традиционной колониальной политики, принимая во внимание экономические факторы, а также учитывались аспекты произошедшей трансформации в общественно-политическом развитии Ближнего Востока.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ) Ф. 127. Оп. 1. П. 2. Д. 17.
2. АВП РФ. Ф. 127. Оп. 1. П. 1. Д. 6.
3. АВП РФ. Ф. 127. Оп. 1. П. 3. Д. 39.
4. АВП РФ. Ф. 128. Оп. 1. П. 1. Д. 4.
5. АВП РФ. Ф. 013. Оп. 7. П. 3. Д. 26.
6. Косач Г. Г. Его звали Вольф Авербух: как намечались контуры советской политики на Ближнем Востоке // Вестник Евразии. 2008. №3. С. 9–46.
7. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1–2. М.: Издательство иностранной литературы. 1957. Т. 2. 556 с.
8. Луцкий В. Б. Лига арабских государств. М.: Правда, 1946. 28 с.
9. Матвеев И. А. Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003). М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 206 с.
10. Назир Тюркюлов – полпред в королевстве Саудовская Аравия. Письма, дневники, отчеты. (1928–1935 гг.). М.: Русский раритет, 2000. 608 с.
11. Пир-Будагова Э. П. История Сирии XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.
12. Саид А. Восстания арабов в XX веке М.: Прогресс, 1964. 348 с.
13. Фомин А. М. Державы Антанты и Ближний Восток в 1918–1923 годах // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 77–94.
14. Чикаидзе Ц. М., Койбаев Б. Г. Ближний Восток: политическая составляющая (1920–1950-е) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1 (89). С. 46–54.
15. Dawn C. Ernest. The Foreign Policy of Syria // Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers / Brown, L. Carl. L.: I.B. Tauris, 2004. P. 159–178.
16. Documents on British Foreign Policy (DBFP). Ser.1. V. XIII. Near East, February 1920 – March 1921. № 219. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1963. 746 p.
17. Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and the Middle East: A Documentary Record 1914–1956. V. II. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand Company, Inc., 1956. 427 p.
18. Khoury G. La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne. Paris: Armand Colin, 1993. 419 p.
19. Kyle Keith. Suez : Britain's end of empire in the Middle East. London; New York : Tauris, 2003. 684 с.
20. Phebe Ann Marr. Yasin Al-Hashimi: The Rise and Fall of a Nationalist. Harvard University, Cambridge, mass., 1966. 501 p.
21. Provence M. The Great Syrian Revolt and the rise of Arab nationalism, University of Texas Press, Austin, USA, 2005. 209 p.

22. Remy Leveau. France's Arab Policy // *Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers* / Brown, L. Carl. L.: I.B. Tauris, 2004. P. 3–20.
23. Vinogradov A. The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered: The Role of Tribes in National Politics. *International Journal of Middle East Studies*. Vol.3, № 2 (Apr., 1972). P. 123–139.
24. Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut: Khayat's, 1960. 257 p.

References

1. Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF) F. 127. Inv. 1. D. 17. (In Russian).
2. AVP RF F. 127. Inv. 1. D. 6. (In Russian).
3. AVP RF F. 127. Inv. 1. D. 39. (In Russian).
4. AVP RF F. 128. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
5. AVP RF F. 013. Inv. 7. D. 26. (In Russian).
6. Kosach G. G. Ego zvali Vol'f Averbuh: kak namechalis' kontury sovetskoj politiki na Blizhnem Vostoke (*His name was Wolf Averbuh: scheduled contours of Soviet policy in the Middle East*) // *Vestnik Evrazii*. 2008. No. 3. P. 9–46. (In Russian).
7. Lloid Dzordzh D. Pravda o mirnykh dogovorakh (*The Truth about the Peace Treaties*). Vol.1–2. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 1957. Vol. 2. 556 p. (In Russian).
8. Lutsikii V. B. Liga arabskikh gosudarstv (*Arab League*) Moscow: Pravda, 1946. 28 p. (In Russian).
9. Matveev I. A. Natsionalnaya i obshchearabskaya slagaemye politiki Sirii na Blizhnem Vostoke (1946–2003) (*National and pan-Arab policy terms of Syria in the middle East, (1946–2003)*). Moscow: Institute of studies of Israil and Middle East, 2004. 206 p. (In Russian).
10. Nazir Tyuryakulov – polpred v korolevstve Saudovskaya Araviya. Pis'ma, dnevniki, otchety 1928–1935 gg. (*Nazir Turiakulov – Ambassador to the Kingdom of Saudi Arabia. Letters, diaries, reports. (1928–1935)*). Moscow: Russkii raritet, 2000. 608 p. (In Russian).
11. Pir-Budagova E. P. Istoriya Sirii. XX vek (*History of Syria. XX century*). Moscow: Institute of oriental studies RAS, 2015. 392 p. (In Russian).
12. Said A. Vosstaniya arabov v XX veke (*Arab revolts in the XX century*). Moscow: Progress, 1964. 348 p. (In Russian).
13. Fomin A. M. Derzhavy Antanty i Blizhnii Vostok v 1918–1923 godakh (*The Powers of the Triple Entente and the Near East in 1918–1923*) // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2010. No. 4. P. 77–94. (In Russian).
14. Chikaidze Ts. M., Koibaev B. G. Blizhnii Vostok: politicheskaya sostavlyayushchaya (1920–1950-e) (*Middle East: the Political Component (1920–1950s)*) // *Nauchnaya mys' Kavkaza*. 2017. No. 1 (89). P. 46–54. (In Russian).
15. Dawn C. Ernest. The Foreign Policy of Syria // *Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers* / Brown, L. Carl. L.: I.B. Tauris, 2004. P. 159–178.
16. Documents on British Foreign Policy (DBFP). Ser.1. V. XIII. Near East, February 1920 – March 1921. No. 219. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1963. 746 p.
17. Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and the Middle East: A Documentary Record 1914–1956. V. II. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand Company, Inc., 1956. 427 p.
18. Khoury G. La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne. Paris: Armand Colin, 1993. 419 p.
19. Kyle Keith. Suez : Britain's end of empire in the Middle East. London; New York : Tauris, 2003. 684 p.
20. Phebe Ann Marr. Yasin Al-Hashimi: The Rise and Fall of a Nationalist. Harvard University, Cambridge, mass., 1966. 501 p.
21. Provence M. The Great Syrian Revolt and the rise of Arab nationalism, University of Texas Press, Austin, USA, 2005. 209 p.
22. Remy Leveau. France's Arab Policy // *Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers* / Brown, L. Carl. L.: I.B. Tauris, 2004. P. 3–20.
23. Vinogradov A. The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered: The Role of Tribes in National Politics. *International Journal of Middle East Studies*. Vol.3, № 2 (Apr., 1972). P. 123–139.
24. Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut: Khayat's, 1960. 257 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.92

Ю. В. Гаврилкина

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что на современном этапе развития системы органов исполнительной власти компетенция государственных инспекций определяется по-разному. Это зависит от уровня организации государственных инспекций. На федеральном уровне они не наделяются самостоятельной компетенцией ввиду того, что они не являются отдельными федеральными органами исполнительной власти, а их компетенция производна от компетенции тех министерств и служб, в системе которых они организованы. На уровне субъектов Российской Федерации государственные инспекции могут создаваться в качестве самостоятельных органов, что определяет наличие у них своей собственной компетенции по осуществлению контрольно-надзорной деятельности. Тем не менее наличие единого родового понятия «государственная инспекция»

требует единообразного подхода к дефиниции компетенции государственных инспекций, а также определения её содержания. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что на основе анализа различных подходов, представленных в научной литературе, сформулировано актуальное для современного этапа развития системы органов государственного управления определение понятия компетенции государственных инспекций, определены элементы, составляющие указанное понятие. В научной статье подчеркивается необходимость выделения предметов ведения и полномочий государственных инспекций как наиболее существенных элементов их компетенции.

Ключевые слова: государственные инспекции, компетенция, контрольно-надзорная деятельность, предметы ведения, субъекты государственного управления.

Yu. V. Gavrilkina

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE COMPETENCE OF STATE INSPECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The topicality of the article consists in the fact that at the present stage of development of the system of Executive authorities, the competence of state inspections is defined differently. It depends on the level of organization of the state inspections. At the Federal level, they are not provided with independent jurisdiction because they are not separate Federal bodies of Executive power, and their authority derives from the competence of those ministries and services in which they are organized. At the level of constituent entities of the Russian Federation of the state, Inspectorate may be established as an independent body that determines that it has its own expertise in the implementation of Supervisory activities. However, the presence of a single generic term «state inspection» requires a

uniform approach to the definition of the competence of state inspections as well as determining its content. The scientific novelty of this article is that based on the analysis of different approaches presented in the scientific literature; it formulated the definition of the competence of state inspections, which is relevant to the current stage of development of the system of state bodies; it identified the elements that make up this concept. The article emphasizes the necessity of selection of subjects of conducting and powers of state inspection as the most significant elements of their competence.

Key words: state inspection, jurisdiction, control and supervision activities, subjects, subjects of public administration.

Эффективная организация государственного управления может быть достигнута путем децентрализации власти, создания обще-

ственно-политических институтов, разработки эффективных способов их взаимодействия. Вместе с тем для обеспечения согласованно-

сти между различными органами управления необходимо решить вопрос об их компетенции. В компетенции проявляется разделение труда по управлению делами государства. Б. Н. Габричидзе справедливо отмечает, что исследование вопроса о компетенции необходимо, поскольку позволяет раскрыть содержание деятельности государственного органа, его реальные функции и назначение, дает возможность выработать научно обоснованные рекомендации и предложения по совершенствованию правового положения органа, изменению и дополнению действующего законодательства [7, с. 93].

Особое значение исследование вопросов компетенции имеет для тех органов, которые обладают правом применения мер административного принуждения, полномочиями по предупреждению, пресечению правонарушений и привлечению виновных лиц к административной ответственности. Самостоятельность этих органов ограничивается пределами, которые устанавливаются государством путем наделения их соответствующей компетенцией. Компетенция представляет собой один из важнейших элементов правового статуса органа государственной власти и традиционно является предметом анализа ученых в сфере административного права.

Слово «компетенция» происходит от латинского слова «competentia», означающего ведение, способность, принадлежность по праву. Словарь С. И. Ожегова трактует понятие «компетенция» в двух смыслах: как круг чьих-либо полномочий прав; круг вопросов, в которых кто-либо осведомлен [11, с. 234]. В юридической литературе отсутствует единый подход к понятию «компетенция». Однако большинство авторов сходятся во мнении, что компетенция представляет собой сложную категорию, складывающуюся из нескольких структурных элементов.

По мнению С. С. Алексеева, компетенцию следует рассматривать как содержание и объем полномочий, которыми обладает государственный орган или должностное лицо [3, с. 138]. По определению И. А. Азовкина, компетенция представляет собой совокупность прав и обязанностей органа применительно к областям, сферам, объектам управления, то есть предметам ведения [2, с. 177]. Вместе с тем, несмотря на то, что предметы ведения показаны в качестве сферы приложения полномочий государственного органа, ученый не рассматривает их как элемент компетенции.

В. В. Аржанов, размышляя над компетенцией органов местного самоуправления, отмеча-

ет, что категория компетенции не охватывается только полномочиями властного органа. Полномочия органов местного самоуправления представляют собой совокупность прав и обязанностей, направленных на решение вопросов местного значения. Вопросы местного значения представляют собой предметы ведения органа местного самоуправления, закрепленные законом [5, с. 65].

Включение в содержание компетенции предметов ведения представляется обоснованным, поскольку полномочия органа публичной власти всегда предметны, связаны с определенной сферой общественной жизни и кругом выполняемых задач. Права и обязанности органа публичной власти представляют собой «сердцевину, основу его правового положения» [6, с. 344]. Однако невозможно установить компетенцию органа, не определив круг деятельности, в границах которой орган осуществляет свои полномочия. Поскольку объем и характер прав и обязанностей государственной инспекции тесно зависит от круга дел, которыми она призвана заниматься, между полномочиями и предметами ведения существует неразрывная связь. Выявление в качестве элементов компетенции предметов ведения и полномочий позволяет установить, что в компетенции органов, действующих в определенной сфере общественной жизни, является общим, а что является индивидуальным, свойственным только данному органу или системе органов власти.

В. М. Манохин, раскрывая понятие компетенции через понятие функций управления, в ее содержание включал совокупность функций органа, его прав, обязанностей, основных форм и методов работы [10, с. 68]. Данная точка зрения представляет наибольший интерес, поскольку деятельность любого субъекта государственного управления направлена на достижение определенной цели посредством решения управленческих задач и реализации функций управления в тех или иных формах. Особенность компетенции проявляется в ее направленности на осуществление активных действий, поскольку органы публичной власти создаются для решения задач, поставленных перед государством в определенных сферах общественной жизни.

Права и обязанности, составляющие полномочия государственного органа, обеспечивают реализацию его функций. Так, например, функция Государственной инспекции труда по борьбе с нарушениями трудового законодательства реализуется через применение должностными лицами инспекции таких мер административ-

ного принуждения, как выдача работодателям обязательных для исполнения предписаний, содержащих конкретные требования, направленные на устранение допущенных нарушений закона, рассмотрение дел об административных правонарушениях в сфере трудового законодательства, применение административного штрафа к правонарушителям. В отдельных случаях полномочия необходимы для создания предварительных условий осуществления управленческих функций. Так, государственные инспекции труда вправе проводить плановые и внеплановые проверки соблюдения трудового законодательства. По результатам проверки государственные инспекторы труда принимают меры по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений работодателями обязательных требований, а также привлечению виновных в их нарушении лиц к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. При выявлении в ходе проверки факта нарушения трудового законодательства инспекция переходит к реализации возложенных на нее функций по борьбе с правонарушениями путем составления протокола об административном правонарушении и привлечения к ответственности виновного субъекта [14]. В данном случае составление акта проверки государственной инспекции труда, в котором установлены признаки нарушения трудового законодательства, является юридическим фактом для возбуждения производства по делу об административном правонарушении.

Таким образом, в трактовке компетенции и ее составляющих имеются различные подходы. Однако, несмотря на их многообразие, практически все ученые выделяют в качестве основных элементов компетенции органа власти его полномочия и предметы ведения. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что в структуру компетенции субъекта публичного управления следует включить предметы его ведения, а также полномочия, состоящие из прав и обязанностей, представляющих собой меру возможного и должного поведения субъекта управления. Анализ структуры компетенции органов публичной власти позволяет сформулировать ряд соображений относительно элементов компетенции государственной инспекции.

Сущность компетенции заключается в ее способности определять роль и место того или иного субъекта в управленческом процессе путем закрепления за ним определенного объема публичных дел. Элементы, составляющие

компетенцию, являются не совокупностью, а системой, поскольку каждый из элементов компетенции обладает неразрывной связью с остальными. Компетенция государственной инспекции отражает предназначение данного субъекта, конкретную сферу деятельности применительно к определенным объектам, совокупность полномочий принудительного характера, обеспечивающих выполнение ее задач.

Должная организация деятельности субъекта публичной власти означает необходимость закрепления за ним определенной группы объектов исходя из возможностей (сил и средств) и сферы его функционирования. Любой субъект публичного управления действует в определенной сфере общественных отношений. Данная сфера имеет пространственные границы, поскольку деятельность государственного органа всегда распространяется на определенную территорию. Деятельность государственных инспекций субъектов Российской Федерации, территориальных подразделений федеральных государственных инспекций по общему правилу осуществляется в пределах границ соответствующего субъекта Российской Федерации, охватывает его территорию. Однако использование территориального фактора при определении компетенции государственной инспекции не означает, что ее элементом является сама территория соответствующего субъекта Российской Федерации.

Определение границ компетенции государственной инспекции тесно связано с предметами ее ведения. Как указывает Ю. А. Тихомиров, типичными предметами ведения являются те или иные сферы государственной или общественной жизни, отрасли экономики, устойчивые виды деятельности, юридические действия, материальные объекты, финансово-денежные средства, государственные и иные институты, органы, организации, общественные процессы. Различные комбинации этих предметов как объектов воздействия отличает компетенцию различных субъектов права. Их детализация предполагает строго очерченные легальные рамки во избежание путаницы в деятельности государственных и общественных структур [20, с. 56].

Однако вряд ли целесообразно включать в совокупность предметов ведения конкретные материальные объекты, по поводу которых возникают общественные отношения в сфере реализации компетенции государственной инспекции. Объекты являются лишь элементом таких общественных отношений, но не частью компетенции государственной инспекции.

Предметы ведения государственных инспекций – это всегда определенная сфера общественных отношений, в рамках которой государственная инспекция осуществляет свои властные полномочия. Предметы ведения тесно связаны с компетенцией государственных инспекций, поскольку исходя из предмета определяется совокупность прав и обязанностей, которыми она наделена.

Анализ положений о различных государственных инспекциях позволяет сделать вывод, что сущностной характеристикой компетенции государственной инспекции является ее реализация в процессе межведомственной деятельности, разновидностью которой является государственный контроль и надзор. В ряде нормативно-правовых и праворазъяснительных актов, затрагивающих деятельность отдельных государственных инспекций, прямо указывается, что государственная инспекция уполномочена осуществлять «государственный надзор» [23], «надзор и контроль» за выполнением тех или иных требований, «организацию контроля» [13], «функции по контролю (надзору)» [17], «контрольно-надзорную деятельность» [12].

Существует множество точек зрения по поводу соотношения и взаимосвязи государственного контроля и надзора. Отдельные авторы предлагают не разграничивать контроль и надзор и считать данные правовые явления единой функцией государственного управления, поскольку и государственный контроль, и государственный надзор обладают такими общими признаками, как проверка законности деятельности поднадзорных и подконтрольных организаций; применение в пределах своей компетенции определенных мер административного принуждения [19, с. 15]. Однако большинство ученых считают, что контрольную и надзорную деятельность следует различать. Наиболее распространено мнение о наличии у государственного контроля таких признаков, как осуществление контрольной деятельности не только с позиции законности, но и целесообразности; использование полномочий оперативно-управленческого порядка (проведение проверок, пресечение противоправных действий, применение мер административного принуждения); разрешение выявленных нарушений закона путем отмены правового акта, привлечения лиц дисциплинарной ответственности [1, с. 35]. В свою очередь, содержание надзора составляет основанная на законе деятельность специально уполномоченных субъектов, направленная на предупреждение и выявление нарушений закона. В процессе

надзорной деятельности осуществляется проверка законности в деятельности объектов, организационно не подчиненных надзорному органу [18, с. 27].

Таким образом, основное отличие контроля от надзора заключается в том, что контроль направлен не только на достижение законности и правопорядка, но и на обеспечение эффективности и целесообразности в деятельности подконтрольных объектов; заключается в наблюдении за соответствием деятельности подконтрольных объектов предписаниям, которые были получены от управляющего органа или должностного лица. Целью надзора является обеспечение соблюдения закона, которое не сопровождается оценкой целесообразности принятых актов и совершенных действий. При осуществлении надзора невозможно вмешательство государственного органа в оперативно-хозяйственную деятельность объекта надзора. Контрольная деятельность позволяет реализовывать управленческие и правоохранительные функции, тогда как надзор – только правоохранительную функцию.

В своей сущности деятельность государственных инспекций является контрольно-надзорной, поскольку заключается в применении мер административного принуждения по отношению к гражданам и организациям, не находящимся в непосредственном организационном подчинении инспекции. Вместе с тем государственные инспекции обладают и контрольными полномочиями. Как функция управления государственный контроль осуществляется в системе государственной инспекции по отношению к подведомственным подразделениям, должностным лицам. Справедливо отмечается, что в случаях, когда в соответствии с федеральным законом сотрудник государственной инспекции дает обязательное для исполнения предписание либо требует совершить определенные действия или воздержаться от совершения каких-либо действий, между сотрудником и определенным гражданином (организацией) возникают отношения властного подчинения, допускающие проверку исполнения обязательных требований, полученных от контролирующего субъекта [9, с. 15].

Таким образом, предмет ведения государственной инспекции может быть определен как сфера общественных отношений, в рамках которой государственная инспекция реализует функции по контролю (надзору) за соблюдением законодательства Российской Федерации объектами контроля (надзора). Это обстоятельство следует иметь в виду при юридиче-

ском анализе компетенции государственных инспекций, четко отграничивая те общественные отношения, в которых такие органы компетентны, от общественных отношений, находящихся за пределами их компетенции.

В зависимости от разграничения предметов ведения определяется построение системы государственных инспекций на федеральном и региональном уровнях. Компетенция государственной инспекции имеет пространственный предел, поскольку, как правило, ограничивается территорией, на которой инспекция осуществляет свои полномочия. Предметы ведения характеризуют предметный и территориальный аспекты деятельности государственной инспекции как органа публичной власти. Примером может служить структура Государственной инспекции безопасности дорожного движения (Госавтоинспекции), территориальные подразделения которой осуществляют свою деятельность в границах субъекта Российской Федерации. Помимо территориальных подразделений, в структуру Госавтоинспекции входят подразделения по районам, городам, иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, по закрытым административно-территориальным образованиям [23].

Помимо предметов ведения в структуру компетенции государственной инспекции входят ее полномочия, представляющие собой совокупность прав и обязанностей, определяющих меру возможного и должного поведения государственной инспекции в сфере ее ведения. Понятие «полномочия» по отношению к правам и обязанностям является родовым. Сущностной особенностью полномочий государственного органа является наличие неразрывной связи его прав и обязанностей. Если гражданин по своему усмотрению может воспользоваться своим субъективным правом, например, подать заявление, обжаловать решение государственного органа или должностного лица, то органы публичной власти и их должностные лица обязаны использовать все предоставленные им права в целях реализации возложенных на них функций. Уполномоченный субъект правоотношений не только располагает правом, но и обязан к совершению властных действий. Его права и обязанности находятся в определенном сочетании. Как отмечал С. С. Алексеев, полномочия государственного органа сочетаются в рамках компетенции. Государственный орган не только вправе, но и обязан осуществлять возложенные на него функции [4, с. 129]. Так,

в соответствии со ст. 23.40 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях органы Государственной инспекции по маломерным судам не только вправе, но и обязаны рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных данной статьей [8, ст. 23.40]. Единство прав и обязанностей государственной инспекции в рамках ее полномочий обусловлено необходимостью надлежащего реагирования на нарушения законодательства, а также реализацией функций, для осуществления которых государственная инспекция создана.

Применительно к компетенции государственных инспекций субъективное право проявляется в возможности требовать соблюдения законодательства подконтрольными субъектами. Такие требования обязательны для выполнения. Юридическая обязанность является мерой должного поведения и выражается в необходимости совершения активных положительных действий или воздержания от совершения действий, запрещенных нормами права. Юридические права и обязанности являются равнозначными элементами правоотношения.

В некоторых случаях государственная инспекция обязана реализовывать права и обязанности, отнесенные к ее компетенции, только по ходатайству гражданина или организации. Например, в соответствии со статьей 361 Трудового кодекса Российской Федерации, решения государственных инспекторов труда могут быть обжалованы соответствующему руководителю по подчиненности, главному государственному инспектору труда или в суд [21, ст. 361]. В данном случае рассмотрение жалобы на действия государственного инспектора производится при ее поступлении к соответствующему должностному лицу. Отдельные вопросы государственная инспекция решает по согласованию с иными органами власти. В качестве примера можно указать, что в соответствии с п. 13 Указа Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [22, п. 13], маршрут патрулирования наряда ДПС ВАИ должен быть согласован с подразделениями Госавтоинспекции. Близок к методу согласования метод совместного решения вопросов, который отражает тесное переплетение компетенции государственной инспекции на каком-либо конкретном участке деятельности.

Примером также может служить взаимодействие государственной жилищной инспекции,

теплоснабжающих и теплосетевых организаций, потребителей, научных и экспертных организаций, заводов-изготовителей, а также организаций, выполняющих подрядные, проектные и конструкторские работы, при расследовании аварийных ситуаций на источниках тепловой энергии, тепловых сетях и теплопотребляющих установках потребителей тепловой энергии [15]; взаимодействие подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и военных комиссариатов при предоставлении сведений о транспортных средствах, зарегистрированных за гражданами Российской Федерации и подлежащих учету в военных комиссариатах [16].

Возникает вопрос, следует ли включать в содержание компетенции государственной инспекции все субъективные права и обязанности, которыми она обладает. В частности, при осуществлении своих полномочий государственная инспекция может заключать гражданско-правовые договоры, приобретать и отчуждать имущество. Такие права закреплены за государственной инспекцией гражданским законодательством и являются неотъемлемыми, поскольку государственная инспекция является юридическим лицом, а значит, имеет возможность выступать в гражданско-правовых отношениях. Государственная инспекция обладает обязанностями юридического лица, а также общими обязанностями субъекта права, в частности, обязанностью соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, не нарушать прав подконтрольных субъектов.

Однако следует учитывать, что компетенция государственной инспекции, ее права и обязанности формируются с учетом функций, которые необходимо решать в зависимости от ее роли в системе контрольно-надзорных органов. Положения о государственных инспекциях наделяют данные органы возможностью применения широкого круга мер административного принуждения. Так, сотрудники государственных инспекций вправе беспрепятственно посещать поднадзорные объекты, проводить плановые и внеплановые проверки их деятельности, проводить различного рода экспертизы, запрашивать необходимые документы

и материалы, давать указания, обязательные для исполнения поднадзорными объектами. Перечисленные полномочия непосредственно обеспечивают исполнение государственной инспекцией функций по контролю и надзору, в целях осуществления которых она создана. Иные права и обязанности государственной инспекции, в частности, присущие ей права и обязанности в гражданско-правовой сфере, направлены на обеспечение надлежащего исполнения государственной инспекцией основной функции.

В связи с этим представляется, что в содержание компетенции государственной инспекции следует включать лишь те права и обязанности, которые направлены на непосредственное исполнение государственной инспекцией основной функции, с целью которой она создана.

Подводя итог вышесказанному, следует дать определение компетенции государственной инспекции. Компетенция государственной инспекции представляет собой совокупность ее властных полномочий (прав и обязанностей), осуществляемых государственной инспекцией самостоятельно в целях реализации задач и функций по предметам ведения, опосредующим сферы общественной жизни, связанные с организацией государственного контроля (надзора) за соблюдением требований законодательства Российской Федерации. Структуру компетенции государственной инспекции составляют ее полномочия и предметы ведения. Полномочия государственной инспекции представляют собой совокупность ее прав и обязанностей, определяющих меру возможного и должного поведения государственной инспекции в сфере государственного контроля (надзора) за соблюдением требований законодательства Российской Федерации. Предмет ведения государственной инспекции представляет собой сферу общественных отношений, в рамках которой государственная инспекция реализует функции по контролю (надзору) за соблюдением законодательства Российской Федерации объектами контроля (надзора). Все составные части компетенции обладают внутренним единством и согласованностью.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 352 с.
2. Азовкин И. А. Местные советы в системе органов власти. М.: Юридическая литература, 1971. 272 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1963. 265 с.

4. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1964. 226 с.
5. Аржанов В. В. Разграничение полномочий и предметов ведения государства и местного самоуправления как механизм укрепления законности // Местное право. 2011. №10. С. 64–67.
6. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.
7. Габричидзе Б. Н. Городские советы депутатов трудящихся. М.: Юридическая литература, 1968. 216 с.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. (Часть I). Ст. 1.
9. Кузнецов А. С. Контрольные и надзорные функции ГИБДД и их реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27 с.
10. Манохин В. М. Советское административное право: часть особенная. Курс лекций. Вып. 2. Саратов: [б.и.], 1968. 232 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 846 с.
12. Письмо МЧС России № 12/1-6-349 «О направлении Порядка осуществления контроля на водных объектах» от 07.06.2007 года // Гражданская защита. 2010. №8.
13. Постановление Правительства Российской Федерации № 835 «Об утверждении Положения о государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» от 23.12.2004 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №52. (Часть II). Ст. 5499.
14. Постановление Правительства Российской Федерации №875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» от 10.09.2012 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №37. Ст. 4995.
15. Постановление Правительства Российской Федерации №1114 «О расследовании причин аварийных ситуаций при теплоснабжении и о признании утратившими силу отдельных положений Правил расследования причин аварий в электроэнергетике» от 17.11.2015 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. №43. Ст. 5973.
16. Приказ МВД России №724, Минобороны России №881 «О порядке взаимодействия подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и военных комиссариатов при предоставлении сведений о транспортных средствах, зарегистрированных за гражданами Российской Федерации и подлежащих учету в военных комиссариатах» от 21.09.2009 года // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. №50.
17. Приказ Минтруда России № 377 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по труду и занятости государственной функции по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований законодательства Российской Федерации о специальной оценке условий труда» от 21.04.2017 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.06.2017).
18. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М.: Наука, 1975. 382 с.
19. Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления. М.: Юридическая литература, 1974. 160 с.
20. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: Юстицинформ, 2001. 354 с.
21. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. (Часть I). Ст. 3.
22. Указ Президента Российской Федерации № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» от 25.03.2015 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 13. Ст. 1909.
23. Указ Президента Российской Федерации № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» от 15.06.1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 25. Ст. 2897.

References

1. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. A. Yu. Sokolova (Administrative law of the Russian Federation)*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2016. 352 p. (In Russian).
2. Azovkin I. A. *Mestnye sovery v sisteme organov vlasti (Local councils in the system of government)*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971. 272 p. (In Russian).
3. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava. Vyp. 1 (The General theory of socialist law)*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 265 p. (In Russian).
4. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava. Vyp. 2 (The General theory of socialist law)*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. 226 p. (In Russian).
5. Arzhanov V. V. *Razgranichenie polnomochii i predmetov vedeniya gosudarstva i mestnogo samoupravleniya kak mekhanizm ukrepleniya zakonnosti (Differentiation of powers and subjects of conducting the state and local governments as a mechanism for strengthening the rule of law)* // Mestnoe pravo. 2011. No. 10. P. 64–67. (In Russian).
6. Vitruk N. V. *Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve (Fundamentals of the theory of the legal status of the personality in a socialist society)*. Moscow: Nauka, 1979. 229 p. (In Russian).
7. Gabrichidze B. N. *Gorodskie sovery deputatov trudyashchikhsya (City councils of deputies-workers)*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968. 216 p. (In Russian).
8. *Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh No. 195 (Code of the Russian Federation on administrative offences)* (30.12.2001) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2002. No. 1. (Part I). Art. 1. (In Russian).

9. Kuznetsov A. S. Kontrol'nye i nadzornye funktsii GIBDD i ikh realizatsiya (*Control and Supervisory functions of the traffic police and their implementation*). Moscow, 2012. 27 p. (In Russian).
10. Manokhin V. M. Sovetskoe administrativnoe pravo: chast' osobennaya. Kurs leksii. Vyp. 2 (*Soviet administrative law: special part*). Saratov, 1968. 232 p. (In Russian).
11. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka (*Dictionary of the Russian language*). Moscow: Russkii yazyk, 1989. 846 p. (In Russian).
12. Pis'mo MChS Rossii No. 12/1-6-349 «O napravlenii Poryadka osushchestvleniya kontrolya na vodnykh ob»ektakh» («*On the direction of the exercise of control on water objects*») (07.06.2007) // *Grazhdanskaya zashchita*. 2010. No. 8. (In Russian).
13. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii No. 835 «Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennoi inspeksii po malomernym sudam Ministerstva Rossiiskoi Federatsii po delam grazhdanskoi oborony, chrezvychainym situatsiyam i likvidatsii posledstviy stikhiinykh bedstviy» («*On approval of the Regulations on the state Inspectorate for small vessels of the Ministry of the Russian Federation for civil defense, emergencies and elimination of consequences of natural disasters*») (23.12.2004) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2004. No. 52. (Part II). Art. 5499. (In Russian).
14. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii No. 875 «Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom nadzore za soblyudeniem trudovogo zakonodatel'stva i inyykh normativnykh pravovykh aktov, soderzhashchikh normy trudovogo prava» («*On approval of Provisions on Federal state supervision over compliance with labor legislation and other normative legal acts containing norms of labor law*») (10.09.2012) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2012. No. 37. Art. 4995. (In Russian).
15. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii No. 1114 «O rassledovanii prichin avariinykh situatsii pri teplosnabzhenii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozhenii Pravil rassledovaniya prichin avarii v elektroenergetike» («*On the investigation of reasons for emergency situations as regards heat supply and on recognition of invalid status for separate provisions of the Rules of investigation of the reasons for accidents in power industry*») (17.11.2015) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2015. No. 43. Art. 5973. (In Russian).
16. Prikaz MVD Rossii No. 724, Minoborony Rossii No. 881 «O poryadke vzaimodeistviya podrazdelenii Gosudarstvennoi inspeksii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i voennykh komissariatov pri predostavlenii svedenii o transportnykh sredstvakh, zaregistrovannykh za grazhdanami Rossiiskoi Federatsii i podlezhashchikh uchetu v voennykh komissariatakh» («*On the order of interaction of divisions of the State inspection of road safety Ministry of internal Affairs of the Russian Federation and military commissariats in the provision of information on the vehicles registered by citizens of the Russian Federation and due to be recorded in military commissariats*») (21.09.2009) // *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti*. 2009. No. 50. (In Russian).
17. Prikaz Mintruda Rossii No. 377 «Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta ispolneniya Federal'noi sluzhboi po trudu i zanyatosti gosudarstvennoi funktsii po osushchestvleniyu gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) za soblyudeniem trebovaniy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o spetsial'noi otsenke uslovii truda» («*On approval of Administrative regulations of execution by the Federal service for labour and employment of the state function on implementation of state control (supervision) over compliance with the requirements of Russian Federation legislation on special assessment of working conditions*») (21.04.2017) // *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 05.06.2017). (In Russian).
18. Savitskii V. M. Ocherk teorii prokurorskogo nadzora (*Essay on the theory of prosecutorial supervision*). Moscow: Nauka, 1975. 382 p. (In Russian).
19. Studenikina M. S. Gosudarstvennyi kontrol' v sfere upravleniya (*State control in the sphere of management*). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974. 160 p. (In Russian).
20. Tikhomirov Yu. A. Teoriya kompetentsii (*The theory of competence*). Moscow: Yustitsinform, 2001. 354 p. (In Russian).
21. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii No. 197 (*The labour code of the Russian Federation*) (30.12.2001) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2002. No. 1. (Part I). Art. 3. (In Russian).
22. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 161 «Ob utverzhdenii Ustava voennoi politzii Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v nekotorye akty Prezidenta Rossiiskoi Federatsii» («*On approval of the Statute of the military police of the Armed forces of the Russian Federation and amendments to some acts of the President of the Russian Federation*») (25.03.2015) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2015. No. 13. Art. 1909. (In Russian).
23. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 711 «O dopolnitel'nykh merakh po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» («*On additional measures for ensuring road traffic safety*») (15.06.1998) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 1998. No. 25. Art. 2897. (In Russian).

УДК 343

М. Е. Каледин

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ДИНАМИКИ СТАТЬИ 116 УК РФ

Автор проводит ретроспективное исследование, касающееся возведения состава «побои в отношении близких лиц» в «ранг» уголовного преступления с точки зрения критериев целесообразности и логической обоснованности, подводит итоги функционирования нормы в течение непродолжительного периода, приводит различные аргументы правовой, исторической, психологической и педагогической направленности в поддержку частичной декриминализации деяния. В рамках настоящего научного исследования затрагивается проблема привлечения родителей к уголовной ответственности за совершение побоев в отношении несовершеннолетних детей, т.е. освещается так называемый ювeнальный аспект. Автор статьи подробно раскрывает позиции сторонников и противников декриминализации исследуемого деяния, выявляет их сильные и слабые стороны.

Актуальность и научная новизна выбранной темы исследования обосновываются тем, что функционирование исследуемой нормы вызвало в обществе широкий общественный резонанс. Автор

проводит комплексное исследование и предлагает меры по минимизации проблемы семейного насилия, касающиеся расширения объема полномочий органов опеки и попечительства, установления шефства над проблемными семьями. Рассуждает о соотношении исследуемого состава преступления с составом, предусмотренным статьей 156 УК РФ, выдвигает теорию о «дублировании уголовной ответственности» в случае привлечения лица к уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 156 и 116 УК РФ. В статье также приводятся рассуждения о социальной необходимости декриминализации малозначительных деяний в УК РФ и целесообразности функционирования административной преюдиции как важного инструмента, позволяющего минимизировать меры уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, побои, криминализация, декриминализация, ювeнальная юстиция, административная преюдиция, уголовная ответственность.

М. Е. Kaledin

THE WAYS OF DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA BY THE EXAMPLE OF THE DYNAMICS OF ARTICLE 116 OF THE CRIMINAL CODE

The author conducts a retrospective study related to the construction of a «bodily harm against close people» to the rank of a criminal offence, in terms of criteria of appropriateness and a logic of justification, summarizes the results of the functioning of rules in a short period, causes a variety of arguments, legal, historical, psychological, and pedagogical orientation in support of partial decriminalization of acts. In the framework of the present research addresses the issue of involving parents criminally liable for committing bodily harm against minor children, i.e. the so-called juvenile aspect. The author elaborates on the positions of supporters and opponents of the decriminalization of the investigated acts, identifies their strengths and weaknesses. Relevance and scientific novelty of the chosen research topic is justified by the fact that the functioning of the investigated crime has given rise to a public outcry. The author conducts a comprehensive

study of a specified offence and proposes a system of measures to minimize the problems of family violence, concerning the extension of the scope of guardianship bodies, setting patronage of problem families. Talks about the ratio of the investigated part of the crime with the composition provided for by article 156 of the Criminal code of the Russian Federation put forward the theory of «duplicate justice» in case of holding a person criminally responsible under articles 156 and 116 of the criminal code. The article also argues about the need of decriminalization of minor offences in the criminal code and the appropriateness of the functioning of the administrative prejudice as an important tool to minimize the measures of criminal and legal impact.

Key words: juvenile, bodily harm, criminalization, decriminalization, juvenile justice, administrative prejudice, criminal responsibility.

В условиях функционирования развитого правового государства и демократического общества, одним из наиболее приоритетных направлений внутренней политики является защита несовершеннолетних – одной из самых социально и физически незащищенных категорий граждан. Как известно, в российском уголовном праве около восьми месяцев функционировал, так называемый, закон «о шлепках» [19], который предусматривал, в частности, возможность наступления уголовной ответственности за совершение побоев в отношении близких лиц, причем за совершение побоев в отношении иных лиц, наступала административная ответственность, что и породило определенное неравенство.

В рамках настоящей статьи мы предприняли попытку проанализировать, как функционирование указанной нормы отразилось на многочисленной социальной группе – «родители-дети», какова адекватность и целесообразность привлечения к уголовной ответственности взрослых за причинение физической боли детям, а также каковы вытекающие из этого нравственно-этические и правовые последствия.

«Продолжительность жизни» нормы в вышеуказанной редакции закона составила меньше одного года. Являлся ли такой подход законодателя к решению проблемы семейного насилия логически верным и обоснованным?! Почему за нанесение ударов и причинение физической боли своему ребенку, могла наступить уголовная ответственность, а за аналогичные действия в отношении чужого, административная?

Фактически, социум раскололся на два «лагеря» – это сторонники и противники декриминализации деяния.

Противники декриминализации побоев в отношении близких лиц иронично делают отсылку к выдержкам из Домостроя, памятнику русской литературы шестнадцатого века: «не желей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти... Любя же сына своего, учащай ему раны – и потом не нахвалишься им...», намекая на то, что якобы большинство парламентариев спустя полтысячелетия разделяет взгляды Протопопа Сильвестра [7, с. 18].

Однако возникает закономерный вопрос, существует ли в их понимании некая грань между указанным составом преступления и самостоятельными составами, предусматривающими ответственность за причинение вреда различной степени тяжести. Ведь побои, как

известно, – это причинение боли физического характера, не повлекшей причинения вреда здоровью. А вопрос о декриминализации деяний, предусмотренных статьями 115, 112 и, тем более, 111 УК РФ не стоял в принципе.

С нашей точки зрения, заслуживает внимания позиция противников декриминализации побоев в отношении близких лиц только в той части, что нередко, разного рода конфликты на бытовой почве, сопровождаемые угрозами убийством или расправы, являются главными предпосылками бытовым убийствам. И, фактически, декриминализация данного деяния может способствовать «развязыванию рук» взрослым, дать волю чувствам вседозволенности и безнаказанности.

В действительности, декриминализация данного деяния может способствовать зарождению правового нигилизма, атмосферы вседозволенности и безнаказанности, что противоречит интересам борьбы с преступностью.

По мнению исследователя А. Гурова, побои не должны быть относимы к административным проступкам, так как объектом уголовно-правовой охраны здесь выступает жизнь и здоровье человека [2].

Однако полагаем, исследователем, в данном случае, неверно определен объект уголовно-правовой охраны в виде жизни и здоровья, так как при причинении побоев отсутствует непосредственная угроза здоровью, тем более, жизни. В этой связи, считаем, что непосредственным объектом здесь выступает телесная неприкосновенность личности.

Отрицательно оценивают частичную декриминализацию деяния многие специалисты уголовной науки. Так, Н. Е. Крылова приходит к выводу, что установление административной ответственности за совершение побоев без специальных признаков может способствовать минимизации правовой защиты [10].

Оппоненты, т.е. сторонники частичной декриминализации, апеллируют к следующим доводам, что установление уголовной ответственности за совершение побоев является чрезмерно репрессивной мерой, и, кроме того, может повлечь ущемление прав потерпевших, которые, зачастую, не являются заинтересованными в том, чтобы виновные лица были привлечены к уголовной ответственности [15].

Полагаем, необходимо в каждом конкретном случае выяснять направленность умысла «нерадивого родителя», какого результата он желал достичь, ударяя своего ребенка – самоутверждения, причинения физической боли или преследовал иные недостойные цели, –

одно, а вот преследование целей воспитательного и иного профилактического характера – это совсем другое.

Таким образом, по смыслу прежней редакции закона, за причинение физической боли без последствий, т.е. кто посмел наказать ребёнка «без вреда его здоровью», что могло также подразумевать символическое наказание ремнем или даже банальный шлепок, родитель мог понести серьёзное наказание. Данная норма указывала на откровенно репрессивный характер УК РФ в отношении социальной группы, именуемой «родители». Причём за причинение физической боли незнакомому ребёнку наступала административная ответственность.

Безусловно, подобное неравенство не могло отвечать критериям справедливости и обоснованности.

В этой связи, полагаем, законодатель пошел по верному пути, декриминализовав побои в отношении близких лиц в виду нарушения действующего законодательства, как российского, так и международного, а именно: раздел III Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г., которая требует «создания условий для повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи» [18].

Таким образом, нивелировалось неотчуждаемое конституционное право родителя на воспитание своего ребенка.

Более того, следует заметить, что в ментальности российского народа право родителя на умеренное физическое воздействие на ребёнка имеет место быть.

Так, принимая во внимание тот факт, что Российской империи веками была присуща монархическая форма правления с традиционным для неё теократическим началом, в котором, во главу угла, ставились тексты Священного Писания, в которых отнюдь не порицалось умеренное физическое воздействие, криминализация побоев в отношении близких лиц представляется нам опрометчивым поступком.

Кроме того, введение «ювенальной поправки» представлялось нецелесообразным и ввиду того, что, во-первых, такая категория дел преимущество прекращается на основании ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ в связи с примирением сторон и, во-вторых, в особенной части Уголовного кодекса предусмотрена специальная норма – ст. 156 Уголовного кодекса РФ, предусматривающая наступление уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. При этом, обязательным элементом объективной сторо-

ны является жестокое обращение с несовершеннолетним, что, безусловно, относится к оценочной категории.

Причём, если невыполнение родителями или иными лицами, указанными в диспозиции ст. 156 УК РФ, обязанностей по воспитанию несовершеннолетних не сопряжено с жестоким обращением с ними, то уголовная ответственность исключается, поскольку данные действия образуют правонарушение, предусмотренное ст. 5.35 КоАП РФ [8].

В случаях, когда жестокое обращение образует самостоятельное преступление, например, причинение вреда здоровью различной тяжести, побои, истязание и т.д., такие действия следует квалифицировать по совокупности преступлений со ст. ст. 111, 112, 116, 115, 117 УК РФ и т.д.

Так, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. №10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», указано, что родители могут быть лишены судом родительских прав по основаниям, предусмотренным в ст. 69 СК РФ, только в случае их виновного поведения. Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду.

Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например, создание препятствий в обучении, склонение к попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению спиртных напитков или наркотиков и т.п.

Жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)» [17].

Категория – «жестокое» обращение характеризуется глубоким субъективизмом, на законодательном уровне соответствующая дефиниция не раскрыта.

Полагаем, жестокое обращение может существовать в двух ипостасях: в качестве умышленного причинения физического или (и) психического насилия, которые, в свою очередь, приносят физические или (и) мен-

тальные страдания потерпевшему. Жестокое обращение может иметь место как в случае непосредственных действий, например, издевательств, избиения ребёнка, так и в случае бездействия, как-то: непредставление предметов первой необходимости, т.е. отказ в удовлетворении физиологических потребностей [11, с. 174].

Н. С. Таганцев писал, что «жестокое» обращение занимает промежуточное звено между суровым обхождением с ребёнком, которое уголовно ненаказуемо, и причинением ему телесных повреждений, наказуемых по общим правилам. Так, любое мучительное обхождение, которое не может быть оправдано с точки зрения целей воспитания и производится с намерением причинить ребёнку страдания и боль – есть жестокое обращение [16, с. 437].

Таким образом, детально проанализировав указанный состав преступления, возникает закономерный вопрос: зачем законодателю понадобилось дублировать норму – установив уголовную ответственность за причинение физической боли ребёнку, не повлекшей причинения вреда здоровью, если за жестокое обращение в отношении последнего ранее был предусмотрен отдельный, самостоятельный состав преступления.

Кроме того, применение ст. 116 УК РФ в её «ювенальной редакции» вкупе со статьей 156 УК РФ противоречило непреложному конституционному принципу: «*non bis in idem*», т.е. «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

Так, если подозреваемому инкриминировалось деяние, предусмотренное статьей 156 УК РФ, целесообразно ли было дополнительно инкриминировать по ч. 1 ст. 116 УК РФ, ведь первый состав преступления полностью поглощал по содержанию второй. Ввиду существования и функционирования статьи 116 УК РФ в течение восьми месяцев, негативная тенденция по привлечению к уголовной ответственности и по статье 116 УК РФ и по статье 156 УК РФ, имела место быть. В этой связи, представители доктрины разделились на два лагеря касательно квалификации данных преступлений. Одни считают, что если в результате жестокого обращения несовершеннолетнему был причинен вред здоровью различной степени тяжести, то действия виновного подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ и соответствующими статьями УК РФ.

Мы согласны со сторонниками той позиции, что нанесение побоев или истязание несовер-

шеннолетнего охватываются признаком «жестокое обращение» и дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ и ч. 1 ст. 117 УК РФ не требуют.

В других случаях, когда имело место, например, самоубийство несовершеннолетнего, причиной которого послужило жестокое обращение или истязание, либо причинение вреда различной степени тяжести, то содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений [17, с. 180].

Отметим, что в настоящее время, Федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», деяние, рассматриваемое в рамках настоящей научной работы, декриминализовано, что представляется нам целесообразным, логически обоснованным и правильным, ввиду вышеуказанных обстоятельств.

Так, затрагивая аспект декриминализации, считаем возможным привести суждение академика М. А. Любавиной, которая отмечает, что необходимо соблюдать непреложный конституционный принцип соразмерности ответственности [12, с. 87].

В этой связи, уголовно-правовой запрет должен представлять собой, так называемый, последний довод (*ultimaratio*) в инструментарии законодателя [9, с. 159].

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы делаем вывод о явном несоблюдении принципа соразмерности при установлении уголовной ответственности за совершение побоев в отношении близких лиц, в частности, за нанесение однократного профилактического «шлепка».

Как отмечают многие учёные, Уголовный кодекс Российской Федерации должен быть максимально лаконичен, не избыточен. Уголовно-правовая ответственность, как известно, самый строгий и репрессивный вид ответственности, в этой связи, деяние должно, в действительности, характеризоваться признаком общественной опасности.

Импонирует в этой части точка зрения Я. И. Гилинского, который отмечает, что УК РФ избыточен по своему содержанию, перегружен нормами, составлен так, что каждый человек хотя бы раз в жизни совершил преступление [1, с. 85].

Мы солидарны с позицией исследователя Я. И. Гилинского, полагаем, что УК РФ избыточен и, в настоящее время, назрела необходимость декриминализации ряда малозначительных деяний и перевода их в разряд

административных проступков или гражданско-правовых деликтов.

Таким образом, на основании вышеизложенного, считаем, что законодатель, установив уголовную ответственность за совершение побоев в отношении близких лиц, не принял во внимание многовековой опыт воспитания, педагогических учений, присущий традиционным российским семьям, не учёл ментальность нашего народа, особенности нашей культуры и быта.

Установление уголовной ответственности за совершение побоев в отношении близких, в частности, несовершеннолетних лиц, можно было рассматривать, по нашему мнению, как попытку законодателя внедрить модель института ювенальной юстиции, присущую европейским и скандинавским странам.

В настоящее время, за побои в отношении членов семьи и других близких лиц будет устанавливаться административная ответственность, при этом, за повторные побои ответственность наступит по ст. 116 УК РФ.

Полагаем, что новый «путь» законодателя представляется нам верным, многие представители уголовной доктрины высказывались за преимущества административной преюдиции. За её внедрение активно высказывался академик В. П. Малков еще в прошлом столетии [13, с. 100].

Современная наука также высказывается о необходимости реализации так называемого принципа экономии мер уголовной репрессии посредством внедрения инструмента административной преюдиции.

Так, в целях минимизации проблем семейного насилия, считаем необходимым расширить круг полномочий органов опеки и попечительства следующим образом: в том случае, если имеется факт привлечения родителя к админи-

стративной ответственности за нанесение побоев в отношении несовершеннолетнего лица, над такой семьей необходимо устанавливать, так называемое, «педагогическое шефство» в лице специалиста (внешнего наблюдателя), предпочтительно, с квалификацией врач-психолог, а в более сложных случаях – врач-психотерапевт, который будет анализировать характер взаимоотношений, семейный микроклимат и, по результатам проведенного наблюдения, давать заключение. Таким образом, в случае повторного нанесения побоев, данное заключение будет являться своего рода доказательством, из содержания которого будут следовать такие юридически значимые обстоятельства, как направленность умысла, поведенческий фактор, отношение к содеянному и многое другое.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что законодатель избрал верный путь, декриминализовав рассматриваемое деяние и предусмотрев, применительно к данным правоотношениям, институт административной преюдиции. Кроме того, необходимо понимать, что последствиями осуждения родителя за, так называемое, «преступление», совершенное против своего ребенка, может послужить основанием для лишения таких родителей родительских прав в будущем. При таком исходе, мы получим искаленную детскую психику и разрушенную «ячейку общества», что, в свою очередь, крайне негативно скажется на развитии нашего государства и общества в целом. В каждом конкретном случае, всестороннее изучение внутреннего микроклимата семьи, взаимоотношений, должны предшествовать принятию решения относительно наличия или отсутствия в деянии взрослого признаков преступления, предусмотренных статьёй 116.1 УК РФ.

Литература

1. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. 322 с.
2. Гуров А. Настало ли время? // ЭЖ-Юрист URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Дата обращения: 21.09.2017).
3. Гурочкин Ю. Д., Витер В. И. Судебная медицина: курс лекций. М.: Право и закон. 2003. 328 с.
4. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. №3. С. 159–176.
5. Иванов Г. Н. «Бить или не бить?» // Ставропольская правда «Новый вторник». 2017. №1. С. 18–23.
6. Кабанов П. Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис... канд. юрид. наук. М.: МУ МВД РФ, 2006. 25 с.
7. Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Дата обращения: 21.09.2017).
8. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/60181baf1ef1b44ac9f14a132d960f0008f1c155/. (Дата обращения: 21.09.2017).
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева, Ю. И. Скуратова URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=151#0> (Дата обращения: 21.09.2017).

10. Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного суда РФ от 31.07.2015 г. URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Дата обращения: 21.09.2017).
11. Кудрявцев В. Н. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М.: Наука, 1982. 183 с.
12. Любавина М. А. К вопросу о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ // Криминалист. 2013. №2 (13). С. 87–89.
13. Малков В. П. Повторность поступка и уголовная ответственность. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. 123 с.
14. Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Дата обращения: 21.09.2017).
15. Уголовное право. Особенная часть: учебник под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М.: Новый юрист, 1998. 187 с.
16. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб.: [б.и.], 1904. 538 с.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (Дата обращения: 21.09.2017).
18. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36787.html> (Дата обращения: 21.09.2017).
19. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/. (Дата обращения: 21.09.2017).

References

1. Gilinskii Ya. I. *Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyi kontrol' Izbrannye stat'i (Deviance crime social control)*. St.Petersburg: Izdatel'stvo R. Arslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2004. 322 p. (In Russian).
2. Gurov A. *Nastalo li vremya? (Is it time?)* // *EZh-Yurist* URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
3. Gurochkin Yu. D., Viter V. I. *Sudebnaya meditsina: kurs lektsii (Forensic medicine lectures)*. Moscow: Pravo i zakon, 2003. 328 p. (In Russian).
4. Elinskii A. V. *Konstitutsionnoe izmerenie ugovnogo prava (The constitutional dimension of criminal law)* // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2012. No. 3. P. 159–176. (In Russian).
5. Ivanov G. N. «Bit' ili ne bit'?» (*To beat or not to beat*) // *Stavropol'skaya pravda «Novyi vtornik»*. 2017. No. 1. P. 18–23. (In Russian).
6. Kabanov P. N. *Ugovnaya otvetstvennost' za poboi i istyazanie: (Criminal responsibility for bodily harm and torture)*; abstract of thesis. Moscow, 2006. 25 p. (In Russian).
7. Kaufman M. A. *Pravotvorcheskie oshibki v ugovnom prave (Lawmaking mistakes in criminal law)* URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
8. *Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (Code of the Russian Federation about administrative offences)* ot 30.12.2001 № 195-FZ // *Zakon* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/60181baf1ef1b44ac9f14a132d960f0008f1c155/ (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
9. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (The comment to the criminal code edited by Lebedeva and Skuratov)* / ed. by V. M. Lebedeva, Yu. I. Skuratova. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=151#0> (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
10. Krylova N. E. *Gumanizatsiya ugovnogo zakonodatel'stva prodolzhaetsya? Analiz proektov federal'nykh zakonov, odobrennykh Plenumom Verkhovnogo suda RF ot 31.07.2015 g. (Humanization of criminal legislation continues analysis of projects of Federal laws approved by the Plenum of the Supreme court)* // *Zakon* URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
11. Kudryavtsev V. N. *Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta (kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya) (The Foundation of the criminal legal prohibition (criminalization and decriminalization))*. Moscow: Nauka, 1982. 183 p. (In Russian).
12. Lyubavina M. A. *K voprosu o kriminalizatsii nemeditsinskogo potrebleniya narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (The issue of criminalization of non-medical use of narcotic media and psychotropic substances)* // *Kriminalist*. 2013. No 2(13). P. 87–89. (In Russian).
13. Malkov V. P. *Povtornost' postupka i ugovnaya otvetstvennost' (Recurrence of the act and responsibilities)*. Kazan': KSU publ., 1968. 123 p. (In Russian).
14. Sidorenko E. L. *Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy pravoprimeneniya (Administrative prejudice in criminal law enforcement)* // *Zhurnal rossiiskogo prava* URL: <http://www.consultant.ru/edu/student/nauka/science/> (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
15. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' (Criminal law. Special part): textbook on red. N. I. Vetrova, J. I. Lyapunov*. Moscow: Novyi yurist, 1998. 187 p. (In Russian).
16. Tagantsev N. S. *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 goda (Criminal regulation of 22 March 1903)* St.Petersburg, 1904. 538 p. (In Russian).
17. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.05.1998 № 10 (red. ot 06.02.2007) «O primeneni sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannykh s vospitaniem detei» (On application by courts of the legislation on the settlement of disputes related to children upbringing »)* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1898 (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).

18. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki v RF na period do 2025 goda (*On defining the concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025*) // Zakon URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36787.html/> (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).

19. Federal'nyi zakon ot 03.07.2016 g. № 323-FZ «O vnesenii izmenenii v Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Uголовno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanii i poryadka osvobozhdeniya ot uголовnoi otvetstvennosti» (*On amendments to the criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation on issues of enhancing the grounds and procedure of exemption from criminal responsibility*). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ Accessed: 21.09.2017). (In Russian).

УДК 342.565.2

Ю. С. Ковалев

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ КОНСТИТУЦИОННОМ КОНТРОЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется состояние правового регулирования судебного конституционного контроля в Российской Федерации, соотношение судебного конституционного контроля на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, выносятся предложения по внесению изменений в федеральное конституционное законодательство. Также отражена особая роль Конституционного Суда Российской Федерации в осуществлении судебного конституционного контроля, как специализированной структуры государства. Автор приходит к выводу о необходимости проведения комплексной реформы конституционного правосудия в том числе, в целях формирования правового пространства без конфликта интересов разном уровне конституционных судов. Доктрина конституционного права также содержит достаточно большое ко-

личество мнений, выдающихся ученых о реформировании конституционного законодательства. Многие предложения сформулированы исходя из смены вектора диспозитивности в создании субъектами РФ конституционных (уставных) судов на императивное начало нормы права, предусматривающее обязанность соответствующих субъектов по созданию конституционных (уставных) судов. Так же, в данной статье автором анализируется теоретическая основа судебного конституционного контроля и возможности соотношения понятий «судебный конституционный контроль» и «конституционный контроль», исследуются позиции ученых, проводится терминологический анализ сущности двух самостоятельных категорий.

Ключевые слова: суд, судебный конституционный контроль, судебная власть, закон, законность.

Yu. S. Kovalev

ON JUDICIAL CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article studies the condition of legal regulation of judicial constitutional control in the Russian Federation, a ratio of judicial constitutional control at the federal level and the level of territorial subjects of the Russian Federation. It offers an introduction of amendments to the federal constitutional legislation. The special role of the Constitutional Court of the Russian Federation is also reflected in implementation of judicial constitutional control as a specialized structure of the state. The author comes to a conclusion about the need to carry out complex reform of the constitutional justice in order to form the legal space without the conflict of interests as regards constitutional courts of different levels. The doctrine of constitutional right also contains a great number of opinions of out-

standing scientists on constitutional legislation reform. Many offers are formulated proceeding from change of a vector of a disposition in creation by territorial subjects of the Russian Federation constitutional (authorized courts) on the imperative beginning of rule of law providing an obligation of appropriate subjects to create the constitutional (authorized) courts. The article analyzes a theoretical basis of judicial constitutional control and a possibility of a ratio of the concepts «judicial constitutional control» and «constitutional control», positions of scientists are investigated, the terminological analysis of essence of two independent categories is carried out.

Key words: court, judicial constitutional control, judicial authority, law, legality.

Российская Федерация провозгласила на своей территории гарантом прав и свобод человека и гражданина, организаций и иных лиц, Конституцию, принятую на всенародном голосовании в 1993 г. Конституция Российской Федерации закрепляет основы конституционного строя страны, положения об основных правах и свободах, информацию о государственном

устройстве, составе органов государственной власти и местного самоуправления, а также порядок внесения изменений в основные положения Конституции РФ.

Предполагается, что все действия, совершаемые на территории государства должны точно соответствовать Конституции РФ, в том числе и принимаемые нормативно-правовые

акты, постановления, распоряжения и указы должностных лиц, а также иные действия органов государственной власти.

В целях обеспечения неукоснительного соблюдения Конституции РФ в Российской Федерации введен в действие специализированный орган, осуществляющий судебный конституционный контроль – Конституционный Суд Российской Федерации. Правовое положение Конституционного Суда РФ и статус судебного органа конституционного контроля закреплены в статье 125 Конституции РФ и Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

Общее понимание судебного контроля заключается в достижении правопорядка и соблюдении законодательства посредством осуществления правосудия в форме конституционного, административного, гражданского и уголовного судопроизводства.

В целях определения сущности судебного конституционного контроля стоит разделять понятия «конституционный контроль» и «конституционный надзор».

Функции, осуществляемые органами контроля и надзора различны, так как перед ними поставлены разные задачи для реализации общей цели – поддержание конституционного порядка. Само понятие «контроль» предполагает проверку, причем постоянную за чем-нибудь. Хотя Конституционный Суд не осуществляет постоянный контроль за всем массивом нормативных актов по собственной инициативе, мы говорим именно о контрольной деятельности названного органа. Конституционный Суд принимает окончательные решения, вызывающие определенные правовые последствия [4, с. 120].

В свою очередь под судебным конституционным контролем следует понимать деятельность специализированного органа – Конституционного Суда Российской Федерации, за соблюдением субъектами права Конституции РФ, а также за точным соответствием принимаемых нормативно-правовых актов положениям Основного закона государства.

Стоит учитывать, что конституционный надзор отличается от конституционного контроля принципом прямого постоянного действия. Так, орган конституционного надзора осуществляет свою деятельность постоянно и до момента принятия спорного нормативно-правового акта, в то время как орган конституционного контроля проводит выборочные проверки и, как правило, по инициативе заинтересованных лиц.

При этом надзорный орган не входит в единую систему проверяемых органов и не связан с ними какими-либо служебными отношениями. Кроме того, орган, осуществляющий надзор, не вправе вмешиваться в деятельность других государственных органов и подменять функции контролирующего органа.

Стоит отметить, что в отношении конституционного надзора более разработанной была система государственных органов СССР, которая до 26 декабря 1991 г. предусматривала в своем составе Комитет Конституционного надзора СССР.

Таким образом, в системе конституционного правопорядка под контролем следует понимать взаимоотношения органов государственной власти, устанавливающие полномочия контролирующего органа по отмене нормативно-правового акта, а под конституционным надзором – полномочия органа государственной власти по указанию подотчетной структуре на допущенное нарушение с возможностью требования устранения всякого нарушения в установленный срок и приостановления действия нормативно-правового акта.

В. В. Бородин, являясь противником отождествления конституционного контроля и конституционного надзора, все же указывает, что «прежде всего, и конституционный контроль, и конституционный надзор являются формами правовой охраны конституции, или юридическими средствами, обеспечивающими соблюдение конституционной законности в стране. Далее, они выполняют единые задачи, а именно: обеспечение верховенства конституционных норм, обеспечение их непосредственного действия, а также установления в государстве режима конституционной законности, и в этом заключается сходство двух названных форм» [2, с. 35].

Переходя к практической реализации конституционного судебного контроля, отметим, что анализ действующего законодательства России показал наличие некоторых проблем субъектного состава конституционного правосудия.

Так, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О судебной системе РФ») в статье 4 предусмотрено создание в рамках единой судебной системы России два судебных органа содержащих в своем названии ссылку на специализированные полномочия конституционного судопроизводства – Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Далее статья 27 ФКЗ «О судебной си-

стеме РФ» раскрывает основные полномочия конституционных (уставных) судов субъектов РФ, которые в части дублируют компетенцию Конституционного Суда РФ, только на уровне законодательства субъектов РФ. При этом стоит отметить, что если ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» содержит прямое указание на осуществление судебного конституционного контроля, то действующее законодательство России в сфере судебной деятельности не предусматривает такой специализации у конституционных (уставных) судов. Более того, поскольку судебная система РФ может быть установлена только в порядке ФКЗ «О судебной системе РФ», то субъекты Российской Федерации теоретически не вправе относить созданные суды к органам судебного конституционного контроля. Данное обстоятельство противоречит статье 118 Конституции РФ, согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Таким образом, хоть и предполагается, что конституционные (уставные) суды субъектов РФ осуществляют свои полномочия посредством конституционного судопроизводства, нормативно-правового отражения эта дефиниция в действующем законодательстве не нашла.

В связи с изложенным предполагаем обоснованным внести изменения в ФКЗ «О судебной системе РФ», дополнив статью 4 и статью 27 указанием на осуществление конституционными (уставными) судами субъектов РФ судебного конституционного контроля на уровне соответствующего субъекта Российской Федерации в сфере осуществления полномочий, предоставленных ФКЗ «О судебной системе РФ».

Кроме того, в юридической литературе существует мнение о необходимости обязать все субъекты РФ к созданию конституционных (уставных) судов. Так, Р. Н. Шгаепова указывает: «Полагаем необходимым изменить содержание статьи 27 вышеуказанного акта в части обязанности создания органов судебного конституционного контроля всеми субъектами РФ. Полагаем, что это позволит решить не только задачу обеспечения законности актов в субъектах РФ, но и разгрузит Конституционный Суд РФ, который будет рассматривать на соответствие Конституции РФ непосредственно федеральные акты» [6, с. 148–149].

Считаем, что реализация данного предложения в качестве самостоятельной реформы без системного подхода приведет к существенным конфликтам в правовой среде. Прежде

всего это следует из смысла статьи 27 ФКЗ «О судебной системе РФ», согласно которой, решения конституционного (уставного) суда не могут быть пересмотрены другим судом.

Кроме того, к лицам, замещающим должность судьи в Конституционном Суде РФ, предъявляются специальные требования по стажу и возрасту, что на сегодняшний день может и не обеспечиваться субъектами РФ.

Таким образом, переориентированность Конституционного Суда РФ на рассмотрение исключительно федеральных нормативно-правовых актов возможно, на наш взгляд, только посредством введения системы судов, осуществляющих конституционное судопроизводство, установив возможность кассационного обжалования судебных постановлений конституционных (уставных) судов.

Наше предложение вполне согласуется с принципом установления единой судебной системы на территории Российской Федерации. Кроме того, в доктрине отечественного права отмечается самостоятельный характер конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Н. А. Мошкина и Т. В. Ищук пишут: «В соответствии с принципом разделения властей на уровне субъекта Российской Федерации конституционный (уставный) суд субъекта является самостоятельным органом государственной власти, поскольку учреждается конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, финансируется из бюджета соответствующего субъекта, а его решения, вынесенные в пределах полномочий, являются обязательными для всех органов публичной власти, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации» [5, с. 115].

Стоит особенно отметить, что понятие «судебного конституционного контроля» и «конституционного контроля» не стоит отождествлять. Полагаем, что термин «конституционный контроль» выступает более общим понятием, поскольку осуществлять его могут не только судебные учреждения, но и иные органы государственной власти. В свою очередь, ФКЗ «О судебной системе РФ» на сегодняшний день установил, что органом судебного конституционного контроля является Конституционный Суд РФ, следовательно, его полномочия и входят в предмет термина «судебный конституционный контроль». Однако, некоторые авторы, отождествляют указанные понятия, проводя границу только между терминами «конституционный контроль» и «конституционный над-

зор». Так, согласно мнению Кургузикова М. С. «В Российской Федерации, в отношении деятельности специально уполномоченных государственных органов по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий нормативно-правовых актов, а также действий различных органов государства, физических и юридических лиц, уполномоченных государством на государственно-властные действия, Основному закону страны, заканчивающейся отменой обнаруженных несоответствий, наиболее точным термином является «конституционный судебный контроль», который в рамках российской системы органов государственной власти идентичен термину «конституционный контроль» [3, с. 231].

По системе построения полномочий органов судебной системы можно выделить американскую и европейские модели судебного конституционного контроля.

Принципиальное различие указанных моделей заключается в том, что если американская модель предусматривает обязанность каждого судьи проверять соответствие нормативно-правового акта, подлежащего применению, Конституции государства, то европейская модель ориентирована на создание системы специализированных органов конституционного правосудия.

При этом, в некоторых государствах существуют формы предварительного конституционного контроля, осуществляемого органами государственной власти за пределами конституционного правосудия.

Так, например, в ст. 26 Конституции Ирландии 1937 г. закреплено право Президента после консультации с Государственным Советом передать любой законопроект в Верховный Суд для решения вопроса, не противоречит ли он или его отдельное предписание Конституции или какому-либо ее положению. Во всех случаях, когда Верховный Суд Ирландии решит, что какое-либо положение законопроекта противоречит Конституции, Президент страны должен отказаться от подписания такого законопроекта.

Согласно ст. 122 Конституции Польской Республики до подписания закона Президент страны может обратиться в Конституционный Трибунал с запросом о соответствии закона Конституции.

В Швеции предварительный конституционный контроль самими шведскими судами не осуществляется, в их компетенцию входит только право воздержаться от применения в конкретном деле противоречивого закона, если до-

пущена явная ошибка законодателя, чтобы тем самым не нарушить права и законные интересы граждан, т.е. суды ограничиваются только констатацией самого факта противоречия [1, с. 13].

Усматривается, что предварительный конституционный контроль в европейских странах является неотъемлемой частью правовой системы, входит в общую структуру конституционного судопроизводства и обеспечивает должное функционирование механизма государства, вовлекая в его осуществление иные органы государственной власти.

Стоит отметить, что отсутствие предварительного судебного контроля в России является существенным недостатком системы конституционного судопроизводства. Так, например, вполне обоснованным представляется привлечение Конституционного Суда РФ при формировании предложений о поправках в Конституцию РФ на этапе между одобрением законопроекта Советом Федерации Федерального Собрания РФ и его подписания Президентом РФ.

Кроме того, тенденция к усилению значимости конституционного судебного контроля намечена Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным с внесением в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроекта №36765-7, который успешно был одобрен обеими палатами Федерального Собрания РФ и подписан Президентом РФ. Так, Федеральным конституционным законом от 28.12.2016 № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» существенно усилена позиция Конституционного Суда РФ относительно применения нормативно-правовых актов и их существования в целом. Так, в случае признания Конституционным Судом РФ нормативно-правового акта, не соответствующим Конституции РФ, то его применение всеми ветвями власти запрещается, а органы нормотворчества, в свою очередь, обязаны устранить выявленные нарушения. Конечно, ранее в закон предусматривал обязательность решений Конституционного Суда РФ, однако, на практике императивные предписания органа судебного конституционного контроля игнорировались либо не принимались во внимание как существенные.

На наш взгляд, указанные изменения существенно вовлекли орган конституционного судебного контроля в законодательный процесс, поскольку безусловность позиции Конституционного Суда РФ в соотношении с отсутствием обжалования окончательного решения, пред-

усматривает необходимость органов всех ветвей государственной власти либо принимать к соответствующему исполнению императивное предписание, либо работать над предложениями по корректировке действующего законодательства.

В связи с изложенными тенденциями, проведенным анализом, следует, что вопрос осуществления судебного конституционного контроля в Российской Федерации должен быть

более детально разработан в научном сообществе с вынесением конкретных предложений законодателю для установления на территории государства единой системы органов конституционного судопроизводства и обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и неукоснительного соответствия всех нормативно-правовых актов положениям Основного закона государства.

Литература

1. Бондарева Е. А. Предварительный конституционный контроль в системе гарантий конституционализма в России и за рубежом // Конституционализм и государство. 2014. №6. С. 7–20.
2. Бородин В. В. Конституционный судебный контроль в Российской Федерации: понятие и сущность // Юридическая мысль. 2012. №3 (71). С. 38–45.
3. Кургузиков М. С. К вопросу о понятиях «конституционный контроль» и «конституционный надзор» // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. №1 (30). С. 229–232.
4. Миронов А. Л. Конституционный контроль – механизм обеспечения конституционно-правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 120–123.
5. Мошкина Н. А., Ищук Т. В. Судебный контроль как основное направление деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Наука и общество. 2013. №2 (11). С. 112–116.
6. Шгаепова Р. Н. Судебный конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: опыт и перспективы // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. №8. С. 145–150.

References

1. Bondareva E. A. *Predvaritel'nyi konstitutsionnyi kontrol' v sisteme garantii konstitutsionalizma v Rossii i za rubezhom (Preliminary constitutional monitoring in system of warranties of a constitutionalism in Russia and abroad)* // Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie. 2014. No. 6. P. 7–20. (In Russian).
2. Borodin V. V. *Konstitutsionnyi sudebnyi kontrol' v Rossiiskoi Federatsii: ponyatie i sushchnost' (The constitutional judicial monitoring in the Russian Federation: concept and entity)* // Yuridicheskaya mysl'. 2012. No.3 (71). P. 38–45. (In Russian).
3. Kurguzikov M. S. *K voprosu o ponyatiakh «konstitutsionnyi kontrol'» i «konstitutsionnyi nadzor» (On concepts «constitutional monitoring» and «constitutional supervision»)* // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2015. No.1 (30). P. 229–232. (In Russian).
4. Mironov A. L. *Konstitutsionnyi kontrol' – mekhanizm obespecheniya konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya (Constitutional monitoring – the mechanism of support of constitutional and legal regulation)* // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. No. 12. P. 120–123. (In Russian).
5. Moshkina N. A., Ishchuk T. V. *Sudebnyi kontrol' kak osnovnoe napravlenie deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii (Judicial monitoring as the main activity of the Constitutional Court of the Russian Federation)* // Nauka i obshchestvo. 2013. No. 2 (11). P. 112–116. (In Russian).
6. Shgayepova R. N. *Sudebnyi konstitutsionnyi kontrol' v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: opyt i perspektivy (Judicial constitutional monitoring in subjects of the Russian Federation: experience and perspectives)* // Sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika. 2016. No. 8. P. 145–150. (In Russian).

УДК 342.951

К. С. Кротов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛОЖНУЮ ЭКО-МАРКИРОВКУ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье исследуется юридическая ответственность за такую недобросовестную коммерческую практику, как введение в заблуждение потребителей в отношении экологических свойств товара. Рассматриваются соответствующие нормативные положения и санкции за их нарушение в России и за рубежом. Большое внимание зарубежного законодателя к регулированию данной сферы общественных отношений проявляется как в глубине разработки императивных правил, так и в объеме ответственности за их нарушение, что заметно контрастирует с действующим российским законодательством, для которого характерна недостаточная детализация запретов наряду с отсутствием корреспондирующей специальной ответственности в отношении недобросовестной эксплуатации темы экологии в торговле. Указан-

ное нарушение носит межотраслевой характер, так как представляет собой посягательство на право потребителей на достоверную информацию о товаре, право конкурентов на честную конкурентную среду и на окружающую среду. Учитывая безусловную актуальность современных вопросов экологии, а также развития сферы защиты конкуренции, автор приходит к выводу о необходимости изменений в законодательство в виде дополнения перечня форм недобросовестной конкуренции, а также специального административного состава за указанное правонарушение.

Ключевые слова: сфера защиты конкуренции, ложная эко-маркировка, гринвошинг, введение потребителей в заблуждение, недобросовестная конкуренция.

K. S. Krotov

LEGAL LIABILITY FOR FALSE ECO-MARKING IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article considers legal liability for such unfair commercial practice as ecological misrepresentation to the consumer. The author considers the corresponding legal rules and sanctions in Russia and abroad. Careful attention of the foreign legislator to the regulation of this sphere appears both in the height of the legal rule level and the liability for its violation. Such approach is in contrast to the current Russian legislation, which has insufficient detalization of the prohibits and the absence of the corresponding special liability for the use of the ecological topic in commerce. This offence has a multidisciplinary nature because it is infringement to the consumer's right to

the true product information, to the competitor's right to the fair competition environment and to the environment itself. Taking into account an undoubted actuality of the contemporary ecology issues and the development of competition protection sphere, the author comes to conclusion about necessity of the amendments to the legislation in the form of adding a list of the types of unfair competition and special administrative liability for the offence.

Key words: competition protection sphere, false eco-marking, greenwashing, consumer misrepresentation, unfair competition.

В рамках исследования административных правонарушений, посягающих на информацию о предмете конкуренции, интересно отметить явление, не нашедшее должного отражения в российском законодательстве, однако все более распространенное на товарном рынке и развитое за рубежом. Речь идет о таком проявлении экологического маркетинга, как введение в заблуждение в отношении якобы экологич-

ных свойств товара. В англоязычных странах это явление получило название «гринвошинг». Впервые данный термин был использован американским экологом Джем Вестервилем в отношении гостиничного бизнеса в 1986 г. В то время в номерах многих отелей начали появляться таблички, призывающие постояльцев, заботящихся об окружающей среде, отказаться от замены полотенец и постельного

белья в течение срока своего пребывания в отеле. В своей статье Вестервильд отмечал, что в большинстве случаев данная практика не имеет ничего общего с сохранением природных ресурсов и служит лишь инструментом сокращения издержек и как следствие – повышения прибыли отеля [3, с. 34].

В российской теории и практике понятие «гринвошинг» (также «зеленый камуфляж») не является общепринятым, будучи распространенным в теории и на практике, но специально не урегулированным законодательно. Отталкиваясь от понимания данного явления именно как проявления недобросовестного, вводящего в заблуждение маркетинга, можно вспомнить о таком термине, как экологическая маркировка, под которой понимают комплекс сведений экологического характера о продукции, процессе или услуге, входящий в состав их маркировки и (или) сопроводительной документации [8, с. 13]. При этом, важно подчеркнуть, что эко-маркировка — это именно знак экологичности, а не знак качества или безопасности, хотя эти аспекты также принимаются во внимание [8, с. 14]. Таким образом, предлагается использовать словосочетание «ложная эко-маркировка», понимая под этим явлением сведения экологического характера о товаре (работе, услуге) либо о способе и условиях изготовления товара, которые не соответствуют действительности и призваны ввести в заблуждение потребителя.

В то же время, учитывая историю появления международного термина, неудивительно, что именно в США понятие и последствия гринвошинга имеют особую правовую оценку. Американское законодательство определяет гринвошинг как «обозначение ситуации, когда бизнес делает заявления об экологической чистоте продуктов или услуг, которые преувеличены, вводят в заблуждение или просто ложны» [15]. Если экологические претензии не обоснованы компетентными и надежными научными доказательствами, «зеленая» реклама может привести к ответственности как по федеральному закону, так и по закону штата. В качестве общего правила и в соответствии с действующими руководящими принципами Федеральной торговой комиссии (Federal Trade Commission или «FTC») следует избегать широких экологических заявлений или четко указывать их для предотвращения обмана в отношении конкретного характера экологической выгоды (16 C.F.R. § 260.7). Кроме того, FTC требует, чтобы требования экологического маркетинга подтверждались компетентными и

надежными научными доказательствами (16 C.F.R. § 260.5). Закон о Федеральной торговой комиссии («Закон FTC») в качестве общего правила запрещает «несправедливые или вводящие в заблуждение действия или практики в торговле или влияющие на торговлю» (15 U.S.C. § 45 (a) (1)). Другие федеральные законы могут также применяться к экологически чистым технологиям, например, Закон Лэнхама, который устанавливает основания для предъявления иска о ложной рекламе (15 U.S.C. § 1125 (a)). Штаты обычно имеют аналогичные законы о защите прав потребителей, запрещающие ложную рекламу, недобросовестную торговую практику и недобросовестную конкуренцию [17]. Следует подчеркнуть тесную связь между недостоверной рекламой и ложной эко-маркировкой. К примеру, раздел 43 (a) Закона Лэнхама возлагает гражданскую ответственность за рекламу, которая «искажает характер, характеристики, качества или географическое происхождение... товаров, услуг или коммерческой деятельности» [13, р. 239]. Такая реклама, как правило, включает пять элементов:

- 1) ответчик сделал ложные или вводящие в заблуждение заявления о своем собственном продукте или о продукте другого изготовителя;
- 2) реклама... вводит в заблуждение значительную часть целевой аудитории;
- 3) реклама... вероятно, повлияет на выбор обманутых покупателей;
- 4) рекламные объявления были введены в международную торговлю;
- 5) существует некоторая причинно-следственная связь между оспариваемой рекламой и вредом, причиненным истцу [13, р. 239].

Несмотря на то, что данный закон и не относится напрямую к «экологическому маркетингу», в некоторых случаях он может быть эффективным инструментом для компаний в пресечении недобросовестного экологического маркетинга со стороны конкурентов [13, р. 231]. Например, Vermont Pure подала в суд на конкурента Nestlé, владельца бренда бутилированной воды Poland Spring, ссылаясь на нарушения раздела 43 (a) в 2006 г. В дополнение к вопросу об источнике и чистоте воды Poland Spring, Vermont Pure обвинил Nestlé в загрязнении почвы и колодезной воды в связи с используемыми методами производства. В итоге, Nestlé выплатила своему конкуренту Vermont Pure 750 000 \$ [13, р. 239].

Существуют и иные примеры крупных штрафов за гринвошинг. К примеру, компания AJM Packaging, изготавливающая различные изделия из пластика, в частности, различные виды

упаковки, была оштрафована Федеральной торговой комиссией на 450 000 \$, так как не прекратила гринвошинг даже после требований Комиссии [14]. В Австралии размер штрафов за гринвошинг может достигать 1,1 млн американских долларов, причем любая признанная виновенной организация обязана за свой счет распространить сведения об истинном влиянии своей продукции на окружающую среду [16].

Размер штрафов подчеркивает важность регулируемой сферы и большой вред от недобросовестного использования темы экологии в торговле. Представляется очевидным, что в России актуальность защиты окружающей среды не уступает, а возможно, даже превосходит таковую в странах Запада. В то же время, следует констатировать заметное отставание российского законодательства о недобросовестном экологическом маркетинге от некоторых иностранных государств. На фоне достаточно развитого законодательства об ответственности в таких сферах, как реклама, защита прав потребителей, техническое регулирование, следует констатировать отсутствие специальных санкций, ограничивающих недобросовестную эксплуатацию темы экологии в торговле. Безусловно, стоит сказать о ст. 14.7 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за введение потребителя в заблуждение, однако специальной оговорки относительно ложной заботы недобросовестного производителя об окружающей среде в настоящее время не содержится. В то время, как тема экологии не теряет своей актуальности и нуждается в специальном регулировании, помимо прочего, с целью формирования и развития правовой культуры граждан. Кроме того, данное деяние посягает на самостоятельный видовой объект, затрагивая, помимо права потребителя на достоверную информацию о товаре и права конкурентов на честную конкурентную среду, также общественные отношения в области охраны окружающей среды.

Несмотря на полезность федерального законодательства, следует отметить, что определенные нормативные положения в отношении экомаркировок можно встретить в таких государственных стандартах, как ГОСТ 51074-2003 и ГОСТ Р ИСО 14021-2000. П. 3.5.1.5 первого из них устанавливает, что размещение информации о таких свойствах продукта, как «Выращенный с использованием только органических удобрений», «Выращенный без применения пестицидов», «Выращенный без применения минеральных удобрений», «Витаминизированный», «Без консервантов», и дру-

гих допускается только при наличии у изготовителя подтверждения указанной информации. При этом, нанесение на пищевые продукты надписи «Экологически чистый» не допускается [1]. ГОСТ Р ИСО 14021-2000 [2] в п. 5.3 содержит правило, согласно которому не допускается использовать экологические заявления с нечеткими, неконкретными или широко трактуемыми формулировками, подразумевающими, что продукция экологически полезна или экологически благоприятна. Поэтому в заявлении не должны использоваться такие формулировки, как «экологически безопасная», «экологически благоприятная», «благоприятная для почвы», «не загрязняющая», «зеленая», «благоприятная для природы» и «благоприятная для озонового слоя». Следует отметить, что такие государственные стандарты, как ГОСТ, носят рекомендательный характер.

В то же время, законодательное регулирование в данной сфере должно носить комплексный характер и эффективно функционировать на практике. Следует отметить, что в 2015 г. Министерством сельского хозяйства Российской Федерации был подготовлен и внесен в Правительство проект федерального закона «О производстве органической продукции», призванный, помимо прочего, урегулировать вопросы приобретения, подтверждения и контроля статуса органической продукции, что должно было стать большим шагом на пути к федеральному урегулированию эксплуатации темы экологии в торговле. Однако, этого до сих пор не произошло – закон не был принят.

Следует согласиться с Е. В. Смирновой в том, что гринвошинг плох не только потому, что это активный обман покупателей, но еще и потому, что это подрывает авторитет экологических товаров [9, с. 32]. В то же время, данный прием является широко распространенным явлением – согласно данным сайта e-xecutive.ru, число экологических товаров на российском рынке выросло в 2012 г. на 73 %, однако действительно являются экологичными лишь 4,5 % товаров, позиционирующих себя как таковые. Несмотря на отмеченную выше разницу в детализации правового регулирования, проблема доверия к эко-маркировке актуальна не только в России – не случайно, к примеру, данные исследований показывают, что большинство американцев считает, что коммерческая экологическая реклама – это не более чем маркетинговый ход [10, с. 30]. И данный скепсис имеет почву – по данным независимых экспертов, наличие эко-маркировки увеличивает стоимость на товар минимум на 30 %. Сейчас в мире существу-

ет более 30 систем эко-маркировки, в России она пока одна – система добровольной экологической сертификации «Листок жизни» [4, с. 35]. Судьба иных экологических маркировок зачастую не имеет объективной почвы, так как такие маркировки присваиваются разнообразными экологическими фондами, союзами, ассоциациями, которых без надлежащего государственного контроля становится все больше [12].

Стратегической целью государственной политики России в области экологического развития является решение ряда социально-экономических задач, в частности, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики [6, п. 7]. При этом, в числе основных приоритетов и целей государственной политики в сфере сохранения биологического разнообразия следует выделить создание современной эффективной системы государственного управления в природоохранной сфере (в частности – совершенствование нормативно-правовой базы) [7]. Следует также отметить, что правила, содержащиеся в Соглашении о Всемирной торговой организации (далее – ВТО), важны для России при ее вступлении в ВТО, поскольку в соответствии с ними она должна будет организовать институциональную систему (на правительственном и неправительственном уровнях) для добровольной и обязательной экосертификации и маркировки качества продукции по экологическим требованиям. В соответствии с ними нужно будет адаптировать и уже функционирующие сегменты системы экосертификации и экомаркировки [5, с. 31]. Это также свидетельствует о том, что ситуация вокруг ложной экомаркировки в России нуждается в комплексном правовом регулировании, основой которого должно стать определение круга регулирующих органов исполнительной власти, формулирование совокупности параметров товаров, наличие которых позволяет говорить об их особой экологичности, выделение контрольно-надзорной деятельности в данной сфере, а также введение специальной административной ответственности.

Такое деяние, как введение в заблуждение потребителя относительно экологических качеств и свойств товара либо способа его производства, равно как указание на особые экологические качества и свойства товара либо способа и условий его изготовления без указания конкретных данных, имеющих объективное подтверждение и призванное создать у потребителя ложное впечатление об экологической безопасности товара (далее – ложная эко-маркировка), предлагается считать адми-

нистративным правонарушением. Учитывая сущность и цель, данное деяние имеет заметное сходство правонарушением, ответственность за которое установлена ст. 14.7 КоАП РФ. Равно как и введение в заблуждение, известное действующему российскому праву, рассматриваемое деяние по совокупности своих признаков может быть отнесено как к законодательству о защите прав потребителей, так и к сфере защиты конкуренции, так как посягает и на права обманутых потребителей, и на права конкурентов на честную конкурентную среду. В то же время, положений ст.ст. 14.7 и 14.33 КоАП РФ недостаточно для противодействия использованию недостоверной эко-маркировки, в связи с чем необходимо законодательное закрепление специальной ответственности. Также стоит отметить, что направленность ложной экомаркировки имеет сходство с составом, предусмотренным ст. 14.44 КоАП РФ, однако здесь есть два существенных отличия. Прежде всего, указанная статья регулирует ответственность за недостоверное декларирование соответствия обязательным требованиям к продукции того или иного рода, в то время как ложная экомаркировка идет дальше, позиционируя товар как отличный от товаров конкурентов (соответствие которых обязательным требованиям презюмируется) на том основании, что он якобы способствует сохранению окружающей среды. Кроме того, ложная экомаркировка охватывает более широкий спектр деяний, помимо собственно маркировки знаками соответствия, включая также наименование товаров, указание на их свойства, качества, состав, а также способ происхождения. В то же время, в случае дальнейшей работы по гармонизации российского законодательства с принципами ВТО, данные различия могут утратить свое значение, так как в соответствии с Соглашением о ВТО все нормы эко-маркировки подразделяются на два вида – стандарты, которые имеют рекомендательный характер, либо технические регламенты, которые носят обязательный характер [5, с. 31].

Учитывая изложенное выше, предлагается дополнить Закон о защите конкуренции и КоАП РФ соответственно, в части установления отдельной разновидности недобросовестной конкуренции путем введения в заблуждение – введение в заблуждение в отношении экологических качеств и свойств товара либо способа и условий его изготовления без указания конкретных данных, имеющих объективное подтверждение с целью создания у потребителя ложного впечатления об экологической

безопасности товара; а также установления административной ответственности за такую форму обмана потребителя, как ложная эко-маркировка. Данные дополнения могут

способствовать как дальнейшему развитию законодательства о защите конкуренции, так и сохранению окружающей среды.

Литература

1. ГОСТ Р 51074-2003. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования (с Изменением № 1) // Доступ к документу предоставлен СПС «Техэксперт». URL: <http://www.cntd.ru/> (Дата обращения: 21.01.2018).
2. ГОСТ Р ИСО 14021-2000. Эtiquettes и декларации экологические. Самодекларируемые экологические заявления (экологическая маркировка по типу II) // Доступ к документу предоставлен СПС «Техэксперт» URL: <http://www.cntd.ru/> (Дата обращения: 21.01.2018).
3. Гринвошинг (greenwashing) // Вопросы социального обеспечения. 2010. № 21. С. 34.
4. Куц Ю. А. Эко-маркетинг: гринвошинг как негативный фактор развития современной экономики или растущая опухоль современного рынка // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. №2 (15). С. 35–37.
5. Кичигин Н. В., Нанба С. Б., Рафалюк Е. Е. «Дорожная карта» бизнеса в правовом пространстве // Журнал российского права. №5. 2012. С. 24–34.
6. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15177#sel=10:15:vgi,10:18:vig> (Дата обращения: 20.11.2017).
7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 (ред. от 06.07.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012 - 2020 годы». В данной редакции документ опубликован не был. Доступ предоставлен СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=219679&fld=134&dst=1000000001,0&md=0.9835483089411671#0> (Дата обращения: 20.11.2017).
8. Смирнова Е. В. Экологический маркетинг // Практический маркетинг. № 4 (158). 2010. С. 9–14.
9. Смирнова Е. В. Гринвошинг // Безопасность в техносфере. 2011. №5. С. 31–35.
10. Смирнова Е. В. Становление экологического маркетинга // Экологическая безопасность. 2012. №1. С. 27–31.
11. Greenwashing или псевдозеленые // Национальное бюро экологических стандартов и рейтингов России и СНГ: [сайт]. URL: <http://nbesr.ru/ru/2010-05-27-06-46-16/105-greenwashing-.html/> (Дата обращения: 20.11.2017).
12. Feinstein N. Learning from Past Mistakes: Future Regulation to Prevent Greenwashing // Boston College Environmental Affairs Law Review. V. 40. I. 1. 2-1-2013. С. 229-257. (Accessed: 20.11.2017).
13. FTC punishes companies for «greenwashing» // Marketplace: [сайт]. URL: <http://www.cbc.ca/marketplace/blog/ftc-punishes-companies-for-greenwashing> (Accessed: 20.11.2017).
14. How to avoid greenwashing fines and liability when marketing your products or services as environmentally friendly // National Roofing Legal Resource Center: URL: http://www.nrlrc.net/content/membersonly/sidebar/0613_sidebar_greenwashing_fines.pdf/ C.1. (Accessed: 20.11.2017).
15. Naish, J. Lies...Damned lies...And green lies. Ecologist, 38(5), p. 36-39. Retrieved from Academic Search Complete database. 2008.
16. William J. Turpit, Michael J. Alti. Cleaning-Up Greenwashing: The Regulation of Environmental Marketing Claims // Jackson Tidus. A law corporation: URL: <http://www.jacksontidus.law/article/20120919-environmental-law-cleaning-greenwashing-regulation-environmental-marketing-claims> (Accessed: 20.11.2017).

References

1. GOST R 51074-2003. Produkty pishchevye. Informatsiya dlya potrebitelya. Obshchie trebovaniya (s Izmeneniyem № 1) (Government standart (GOST) R 51074-2003. «Food products. Information for the consumers. URL: <http://www.cntd.ru/> (Accessed: 21.01.2018). (In Russian).
2. GOST R ISO 14021-2000. Etikетки i deklaratsii ekologicheskie. Samodeklariruemye ekologicheskie zayavleniya (ekologicheskaya markirovka po tipu II) (Government standart (GOST) R ISO 14021-2000. «Ecological labels and declarations. Self-declaring ecological statements (Eco-marking according to the type II)» URL: <http://www.cntd.ru/> (Accessed: 21.01.2018). (In Russian).
3. Grinvoshing (greenwashing) // Voprosy sotsial'nogo obespecheniya. 2010. No. 21. P.34. (In Russian).
4. Kuts Yu. A. Eko-marketing: grinvoshing kak negativnyi faktor razvitiya sovremennoi ekonomiki ili rastushchaya opukhol' sovremennogo rynka (Eco-marketing: greenwashing as the negative development factor of the contemporary economy or the growing tumor of the contemporary market) // Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy. 2017. No. 2 (15). P. 35–37. (In Russian).
5. Kichigin N. V., NanbaS. B., Rafalyuk E. E. «Dorozhnaya karta» biznesa v pravovom prostranstve («Roadmap» of the business in the legal space) // Zhurnal rossiiskogo prava. 2012. No. 5. P. 24–34. (In Russian).
6. «Osnovy gosudarstvennoi politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda» (The basis of the state policy in the field of the ecological development of the Russian Federation for the period up to 2030). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15177#sel=10:15:vgi,10:18:vig>, (Accessed: 20.11.2017). (In Russian).
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 326 (red. ot 06.07.2017) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Okhrana okruzhayushchei sredy» na 2012–2020 gody». (Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 326 (edited by 06.07.2017) «On the establishment of the state program of the Russian Federation «Protection of the environment» for 2012–2020») // Legal reference system «Konsul'tant-Plyus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=219679&fld=134&dst=1000000001,0&md=0.9835483089411671#0>, (Accessed: 20.11.2017). (In Russian).

8. Smirnova E. V. *Ekologicheskii marketing (Ecological marketing)* // *Prakticheskii marketing*. 2010. No. 4 (158). P. 9–14. (In Russian).
9. Smirnova E. V. *Grinvoshing (Greenwashing)* // *Bezopasnost' v tekhnosfere*. 2011. No. 5. P. 31–35. (In Russian).
10. Smirnova E. V. *Stanovlenie ekologicheskogo marketinga (Becoming of the Ecological Marketing)* // *Ekologicheskaya bezopasnost'*. 2012. No. 1. P. 27–31. (In Russian).
11. *Greenwashing ili psevdozelenye (Greenwashing or pseudo-green)*. URL: <http://nbesr.ru/ru/2010-05-27-06-46-16/105-greenwashing-.html/>, (Accessed: 20.11.2017). (In Russian).
12. Feinstein N. Learning from Past Mistakes: Future Regulation to Prevent Greenwashing // *Boston College Environmental Affairs Law Review*. V. 40. I. 1. 2-1-2013. C. 229-257. (Accessed: 20.11.2017).
13. FTC punishes companies for «greenwashing» // *Marketplace*: [сайт]. URL: <http://www.cbc.ca/marketplace/blog/ftc-punishes-companies-for-greenwashing> (Accessed: 20.11.2017).
14. How to avoid greenwashing fines and liability when marketing your products or services as environmentally friendly // *National Roofing Legal Resource Center*: URL: http://www.nrlrc.net/content/membersonly/sidebar/0613_sidebar_greenwashing_fines.pdf/ C.1. (Accessed: 20.11.2017).
15. Naish, J. Lies...Damned lies...And green lies. *Ecologist*, 38(5), p. 36-39. Retrieved from Academic Search Complete database. 2008.
16. William J. Turpit, Michael J. Alti. Cleaning-Up Greenwashing: The Regulation of Environmental Marketing Claims // *Jackson Tidus. A law corporation*: URL: <http://www.jacksontidus.law/article/20120919-environmental-law-cleaning-greenwashing-regulation-environmental-marketing-claims> (Accessed: 20.11.2017).

УДК 347.6(460)

С. Н. Медведев

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО ИСПАНИИ

Статья рассматривает особенности испанского наследственного права:

Оно представлено в Гражданском Кодексе Испании как способ приобретения права собственности, большую роль в наследственном праве играет местное право автономных образований, более демократичное в установлении возраста завещательной дееспособности, более демократично решается вопрос о преобразовании завещания, составленного в чрезвычайных обстоятельствах, чем в российском праве, обязательная доля наследников составляет до 2/3 имущества, среди обязательных наследников выделяется

«лучший обязательный наследник», признаются наследники до 4 степени родства, в то время как по российскому праву, включая 7 степень. Все эти особенности позволяют провести сравнение с российским наследственным правом и заимствовать из испанского наследственного права полезные и приемлемые положения для совершенствования нашего института наследования.

Ключевые слова: наследственное право Испании, завещание, наследование по закону, состав наследственного имущества, наследники по закону и по завещанию, лучший обязательный наследник.

S. N. Medvedev

INHERITANCE LAW IN SPAIN

The article considers the peculiarities of the Spanish law of succession: it is represented in the Civil Code of Spain as a way of acquiring property rights, the major role in the succession law plays the local law on autonomous unities, more democratic in establishing the age of testamentary capacity, more democratic addressed the issue of conversion of the will, drawn up in extraordinary circumstances, than in the Russian law, the obligatory share heirs up to 2/3 of the estate among the heirs mandatory stands «the best compulsory heir», recognized heirs to 4-degree

relatives, while according to the Russian law, including 7 degree. All these features make it possible to compare with the Russian law of succession, and to borrow from the Spanish inheritance law useful and suitable provisions for the improvement of our institution of inheritance.

Key words: law of succession in Spain, will, inheritance by law, part of the inherited property, the heirs under the law and under the will, the best compulsory heir.

Наследственное право Испании является составной частью Гражданского кодекса Испании, которое определяет судьбу правоотношений физического лица после его смерти. Регулирование наследования на случай смерти отвечает, прежде всего, требованиям юридической определенности: необходимость продолжать юридические отношения после смерти их обладателей. Оно регулируется ст.ст. 657–1087 Гражданского Кодекса.

I. Наследство. В его состав включаются:

- Передаваемые имущественные права, которые не прекращаются смертью наследодателя;
- Обязательства имущественного характера, которые не прекращаются смертью должника;

- Интеллектуальные права, которые сохраняются за наследодателем после его смерти (право на авторство) (ст. 659).

Не включаются:

- Права личности, за исключением компенсации за ущерб, причиненный наследодателю при жизни;
 - Семейные права (родительская власть, алиментные права);
 - Публичные права (активное и пассивное избирательное право) или административные права;
- Эти права, которые предоставляет закон определенным лицам до смерти их владельца, не являются частью наследства. Сюда следует

отнести права на чужие вещи: узус и право проживания в чужом доме [4, р. 2].

II. Виды наследования

А. Наследование добровольное, законное; обязательная доля

Добровольное наследование – это то, которое устанавливается по распоряжению самого наследователя посредством одностороннего акта (завещания) или посредством двустороннего акта (наследственный договор). Существенное различие между обоими видами добровольного наследования состоит в том, что завещание может быть отменено, наследственный договор связывает наследодателя. Гражданский кодекс Испании не упоминает наследственный договор, но в других зарубежных законодательствах и в местном праве Испании применяется широко (например, Каталонии).

Законное наследование – это то, которое устанавливает круг наследников по закону (нисходящих, восходящих, супруга, боковых родственников до четвертой степени и Государство) в случае отсутствия собственного распоряжения. Возможно в испанском праве смешение оснований наследования: часть имущества может передаваться путем завещания, а другая часть – по закону.

Третьей формой наследования, которая конкурирует с двумя указанными выше, называется обязательное наследование или обязательная доля. Определенные лица – нисходящие, восходящие и переживший супруг – имеют права получить часть наследства умершего наследодателя.

Обязательная доля есть ограничение полномочий наследодателя по свободному распоряжению своим имуществом при жизни и после его смерти, хотя он признается свободным определять судьбу своего имущества (устанавливать легаты, назначать наследников и осуществлять дарение при жизни). Когда наступает наследование по закону, наследодатель может удовлетворить права некоторых обязательных наследников, таким образом поглощая обязательную долю (например, дети, призываемые к наследованию по закону), но не всегда, например, переживший супруг, имея детей, не является наследником по закону, но имеет право на обязательную долю в форме узуфрукта на часть наследства. В системе Гражданского кодекса обязательная доля очень значительная, может составлять до 2/3 наследственного имущества после вычета долгов в отличие от наследования в различных местных системах права.

Б. Наследование универсальное и наследование сингулярное. Легаты

Универсальное наследование представляет собой передачу наследникам как прав на имущество, так и его долгов. Сингулярное наследование – это передача одних только прав на имущество или вещь без всяких обременений, легатарий не отвечает по долгам наследства. Очень часто наследодатель оставляет определенному лицу узуфрукт на наследство или на часть наследства; в этом случае узуфруктариий считается легатарием.

III. Этапы принятия наследства

Открытие наследства происходит в момент смерти наследодателя. В этот момент к наследованию призываются наследники, указанные в завещании или в законе, которые могут принять наследство или отказаться от него.

Если призванные к наследованию приняли его, эффект приобретения возникает с момента открытия; если они отказываются от принятия, то к наследованию призываются другие лица в соответствии с законом.

При конкуренции нескольких наследников возникает специальная форма наследства – наследственная общность (*la comunidad hereditaria*), которая может быть разделена на части. Когда сохраняется общность, каждый из наследников является собственником своей доли в целом наследстве, но не собственником одной из вещей. Если сонаследник продает свою долю третьему лицу, остальные сосопственники могут требовать обратного выкупа.

Раздел может осуществляться по воле завещателя, с согласия всех сонаследников, третьим лицом, указанным завещателем, который называется “*contador partidor*” или в процессе судебного разбирательства.

Приобретение наследства означает, что наследник или наследники заменяют наследодателя во всех передаваемых правоотношениях, в том числе распоряжаясь исками, которые имел наследодатель по защите своих прав. В наследовании по завещанию к наследникам переходит исполнение воли наследодателя, если он не назначил исполнителя (*albacea*).

Наследники отвечают по долгам наследства, несут расходы по сохранению наследства и выплачивают легаты, установленные наследодателем. Важно подчеркнуть, что в отличие от того, что происходит с правами, наследодатель не может свободно распоряжаться своими долгами, по которым в обязательном порядке отвечают наследники. В случае нескольких наследников они отвечают солидарно перед кредиторами и совместно перед легатариями.

В принципе наследники отвечают по долгам всем имуществом наследства и даже включа-

ют свое собственное имущество; однако могут избежать этого, если примут наследство по описи (*mediante la aceptacion de la herencia a beneficio de inventario*), механизма, в силу которого наследственное имущество сохраняется отдельно от личного имущества наследника и подчинено специальному режиму управления и уплаты долгов наследства.

Если наследственного имущества недостаточно, то объявляется конкурс кредиторов; если остается имущество после уплаты долгов, то оно переходит к наследникам или к личным кредиторам последних.

IV. Наследование по завещанию (La sucesion testamentaria)

Наследование регулируется Гражданским кодексом 1889 г., который действует на всей территории Испании, за исключением Каталонии, Наварры и Галисии, имеющими свои гражданские законы [5, p.17].

В испанском Гражданском кодексе наследование рассматривается как один из способов приобретения права собственности в отличие от нашего Гражданского кодекса, рассматривающего наследование как самостоятельный институт гражданского права [1, с. 355].

Гражданский кодекс РФ акцентирует внимание на свободе завещания (ст. 1119). Испанский Гражданский кодекс умалчивает об этом. При наличии обязательных наследников испанский завещатель может распоряжаться 1/3 частью наследства. По российскому законодательству завещание может составлять лицо, «обладающее в момент его совершения дееспособностью в полном объеме» (ст. 1118) [2].

Завещание в испанском праве может быть общим и специальным (ст. 676). Общее завещание бывает трех видов: открытое (*abierto*, ст. 679), закрытое (*cerrado*, ст. 680), написанное собственноручно (*olografo*, ст. 678).

Открытое завещание составляется в присутствии нотариуса в месте его пребывания. Завещатель устно или письменно выражает свою волю перед нотариусом. Указывает в тексте завещания место составления, год, месяц, день и час. Составленное завещание должно быть прочитано самим наследодателем или нотариусом. Если замечаний по редакции завещания нет, то его подписывает завещатель. В случае необходимости его подписывают свидетели и другие лица, обязанные присутствовать при оформлении завещания (ст.ст. 694, 695). Завещание, подписанное без согласия нотариуса, является недействительным [2].

Закрытое завещание. Закрытое завещание должно быть письменным. Если закрытое за-

вещание написано почерком завещателя, оно должно быть подписано в конце наследодателем. Если закрытое завещание написано механическим путем или другим лицом, оно должно быть подписано наследодателем на каждой странице и в конце [2].

Когда завещатель не умеет писать и не может подписать, это делает за него другое лицо, объясняя причину невозможности в тексте завещания.

Закрытое завещание запечатывается в конверт и передается на хранение нотариусу.

Завещание собственноручное. Оно составляется только совершеннолетним лицом (ст. 688). Для того, чтобы такое завещание было действительным, оно должно быть написано завещателем и им подписано с указанием года, месяца и дня, в который предоставляется. Если в тексте имеются исправления, они должны быть оговорены и подписаны. Иностранцы могут предоставить такое завещание на родном языке (ст. 688) [2].

Специальные завещания. ГК Испании признает специальными завещаниями военное, морское и совершенное на территории иностранного государства.

Военное завещание составляется во время войны и боевых действий (ст. 716). Форма завещания может быть открытой или закрытой; каждая из них может быть чрезвычайной или обычной.

Морское завещание. Может составляться во время морского путешествия или морских боевых действий (ст. 722). Форма может быть открытой или закрытой, а также обычной или чрезвычайной. Обычная форма составляется перед офицером, если корабль военный, и перед капитаном, если судно торговое. Оба завещания должны быть преобразованы в течение четырех месяцев после того, как завещатель сошел на берег.

Завещание, составленное на территории другого государства, регулируется законами другого государства (ст. 732).

Обязательная доля. Закон устанавливает, что, если умерший оставляет родственников, которые являются нисходящими или восходящими, или остается супруг, часть его имущества принадлежит им. Такая часть называется обязательной долей или по терминологии испанского закона «*herederos forzosos*» (ст. 806) [2].

В соответствии со ст. 807 обязательными наследниками являются:

«1. Дети и их нисходящие относительно своих родителей и восходящих.

2. А за отсутствием указанных выше лиц родители и восходящие относительно своих детей и нисходящих.

3. Вдовец или вдова в порядке, установленном этим Кодексом».

По ГК Испании обязательная доля составляет 2/3 наследства. В испанском наследственном праве есть понятие «лучший обязательный наследник (el legitimario mejor)». Наследодатель из этих 2/3 наследства одну треть передает лучшему наследнику, а остальная часть в 1/3 переходит остальным обязательным наследникам (ст. 823) [7, р. 382].

Переживший супруг, если он конкурирует с детьми и нисходящими, в качестве обязательного наследника получает на часть наследства узужфрукт. В соответствии со ст. 834 он приобретает 1/3 узужфрукта от доли «лучшего обязательного наследника» [2].

Третья часть остается свободной, которой может распоряжаться наследодатель (ст. 808).

Другие ограничения свободы распоряжения наследством:

Право возврата (Derecho de reversion): «Восходящие наследуют с исключением других лиц вещи, отданные ими своим детям или умершим без потомства нисходящим, если эти подаренные объекты существуют в наследстве» (ст. 812). В теории испанского гражданского права узужфрукт рассматривается как легат.

Родовое имущество (Reserva troncal): «Восходящий, который наследует имущество своего нисходящего, приобретшего его по безвозмездному основанию от другого восходящего или его брата, обязан сохранить то, что было приобретено в соответствии с Законом в пользу родственников, которые относятся к трем степеням и принадлежат к линии, откуда произошло имущество» (ст. 811).

Семейное имущество (Reserva binupcial): «Вдовец или вдова, которые имеют второй брак обязаны сохранить детям и нисходящим предыдущего брака имущество, которые приобрели путем наследования (по завещанию или нет), путем дарения или путем другого безвозмездного титула, от умершего супруга или его детей или родственников».

Недействительность завещания. Завещание может быть утрачено по разным основаниям. Завещание признается недействительным целиком или частично только в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Оно недействительно: 1) Если составлено лицом моложе 14 лет (ст. 688); 2) Если не соблюдены требования, указанные в Законе (ст.ст. 687, 705 и 715); 3) Если завещание составлено третьим

лицом (ст. 670, 669); 4) Если оно составлено с применением насилия, обмана или мошенничества (ст. 673). Недействительность завещания бывает двух классов: ничтожное (nulidad) и оспоримое (anulabilidad).

Неблагодарные наследники

В силу ст. 756 ГК Испании не могут быть наследниками:

1. Родители, которые покинули детей, составляли их заниматься проституцией или коррупцией.

2. Тот, кто осужден за попытку убийства наследодателя.

3. Тот, кто обвинил завещателя в преступлении.

4. Наследники совершеннолетнего возраста, которые, зная о насильственной смерти наследодателя, не сообщили об этом органам юстиции. Это прекращается в случаях, когда наследник не обязан был сообщать в силу закона.

5. Тот, кто угрозами, обманом и насилием, принуждал завещателя составить завещание или изменить его.

6. Тот, кто равными способами мешал другому лицу сделать завещание или отменить уже сделанное.

7. Ст. 757 устанавливает, что если завещатель знал об основаниях лишения наследства, указанных в ст. 756, и тем не менее оставил их наследниками, то последствия ст. 756 не принимаются во внимание.

V. Наследование по закону (La sucesion intestada)

В испанском праве наследование по закону наступает:

1. Когда наследодатель умер без завещания или завещание было признано недействительным или было утрачено после его составления.

2. Когда завещание не содержит назначения наследника во всем или в части имущества, или не распорядился всем, что принадлежало завещателю.

3. Когда отсутствуют условия для назначения наследника, или наследник умер раньше наследодателя, или наследник отказался от наследства, не назначив субнаследника и не имело место приращение наследства (derecho de acrecer).

4. Когда назначенный наследник был неспособен принять наследство (incapaz de suceder) (ст. 912).

Наследниками по закону могут быть: 1) родственники до четвертой степени включительно. 2) переживший супруг и 3) государство (ст. 913).

При наследовании родственниками более близкие устраняют отдаленных, за исключением наследования по праву представления

(ст. 921). По праву представления обычно наследуют внуки, правнуки отец или дед которых умерли раньше наследодателя. В боковой линии по праву представления будут наследовать дети братьев и сестер, будь то единокровные или единоутробные. Право представления не относится к восходящим (ст. 925). Наследники одной и той же степени наследуют равными долями, за исключением лиц, указанных в ст. 949. В этой статье указано, что «если конкурируют братья по отцу и матери со сводными братьями, то первые получают две доли, которые им причитаются при наследовании».

При отсутствии детей и нисходящих наследуют восходящие (ст. 935).

При наследовании восходящими более близкая степень устраняет более отдаленную. Мать и отец наследуют равными долями.

За отсутствием отца и матери наследуют восходящие более близких степеней. Если нет пережившего супруга, ни братьев, ни детей братьев, наследство переходит к боковым родственникам до четвертой степени, более отдаленные степени не имеют право на наследство (ст. 954).

За отсутствием лиц, которые имеют права наследовать, ст. 956 ГК Испании определяет, что наследство переходит к государству и далее регулирует его распределение.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. М.: Проспект, 2015. 607 с.
2. Медведев С. Н. Наследование по завещанию в испанском праве // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика. Материалы международной научно-практической конференции. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 199–203.
3. Трудовой кодекс (ТК РФ) по состоянию на 10.04.2015. URL: . <http://www.trud.kod.ru>.C.122 (Дата обращения: 15.02.2017).
4. Arranzole Reyes D. O. Derecho civil III (Sucesiones). URL: www.monografias.com. (Accessed: 15.02.2017).
5. Albaladejo M. Compendio de derecho civil / ed. Libros Juridicos. Madrid, 2004. 691 p.
6. Código civil de Cataluña URL: civil.www.boe.es.Boe.ru.Boe-A-2008-13533 (Accessed: 15.02.2017).
7. Código civil (español) / ed. Colex. Madrid, 2002. 382 p.

References

1. Grajdanskiy kodex RF (*RF Civil code*). Moscow: Prospect, 2015. 607 p. (In Russian).
2. Trudovoy kodex RF (*Labour Code of the Russian Federation as of April 10, 2015*). URL: <http://www.trud.kod.ru>. C. 122. (Accessed: 15.02.2017). (In Russian).
3. Medvedev S. N. Nasledovanie po zaveshhaniyu v ispanskom prave (*Inheritance by will in Spanish law*) // Nasledstvennoe i semejnoe pravo: teorija i pravoprimeritel'naja praktika. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Stavropol': NCFU publ., 2015. P. 199–203. (In Russian).
4. Arranzole Reyes D. O. Derecho civil III (Sucesiones). URL: www.monografias.com. (Accessed: 15.02.2017).
5. Albaladejo M. Compendio de derecho civil / ed. Libros Juridicos. Madrid, 2004. 691 p.
6. Código civil de Cataluña URL: civil.www.boe.es.Boe.ru.Boe-A-2008-13533 (Accessed: 15.02.2017).
7. Código civil (español) / ed. Colex. Madrid, 2002. 382 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.091

Л. И. Бронская, И. Н. Иванова

ДИХОТОМИЯ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОМ КАВКАЗСКОМ И УРАЛЬСКОМ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается современная отечественная проза в геопозитическом аспекте. Предмет исследования – оппозиция «свой»/ «чужой» как фактор формирования геопозитических и геополитических представлений персонажей, структурирования географического и художественного пространства текста, его идейно-эстетического смысла. Опираясь на значительный научный опыт изучения «локального текста» отечественным литературоведением и иными гуманитарными дисциплинами, авторы обращаются к новейшему литературному материалу (русская проза последних лет) и показывают, как трансформировалась классическая парадигма «своего»/ «чужого» («другого») по сравнению с прецедентными для «типичного» кавказского или уральского текста произведениями XIX–XX веков.

Классический кавказский текст, связанный преимущественно с романтической картиной мира и сформированный как набор неких эстетических констант А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым, А. А. Марлинским и т.п., демонстри-

рует их устойчивость и в к. XX – начале XXI века. Будучи одновременно пространством ссылки и пространством свободы, он предполагает обращение к определенным образам и ситуациям (горы, красота, опасность, коварство, плен, любовь к местной красавице, столкновение культур и т.п.). Это остается актуальным и для текстов В. Маканина, М. Ахмедовой, К. Ибрагимова, написанных как «снаружи», так и «изнутри» кавказской образной парадигмы.

Для современного уральского текста (А. Иванов, О. Славникова, А. Матвеева и др.), сформировавшегося в русской литературе позже и в целом остававшегося в рамках реалистической, пусть и «экзотической» парадигмы, характерны другие типы конфликта и иная диалектика своего/чужого, что связано в основном с идеей границы между мирами и ее преодолением/трансформацией вне и внутри персонажа.

Ключевые слова: геопозитика, локальный текст, кавказский текст, уральский текст, современная отечественная проза.

L. I. Bronskaya, I. N. Ivanova

«US» AND «THEM» DICHOTOMY IN THE MODERN CAUCASIAN AND URALIAN TEXTS

The given article deals with modern Russian prose in the context of geopoetics. Subject being analyzed is “us” and “them” opposition as the factor that shapes characters’ geopoetical and geopolitical system of views, structures geographic and artistic space of the text as well as its ideological and aesthetic meaning. Relying on considerable academic experience of “local text” research in Russian literature studies and other humanities, the authors refer to the contemporary texts (Russian prose of the latest years) and show the way classical “us”/“they” (“others”) paradigm has changed as compared to the literary works of 20th and 21st centuries that are precedent for “typical” Caucasian and Uralian texts.

Classical Caucasian text, which is founded on romantic view of the world and which was formed by A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, L. N. Tolstoy, A. A. Marlinsky etc. as a set of certain aesthetic constants, demonstrates their persistence in the late 20th – early 21st centuries. Being simultaneously a place of exile and a place of freedom, it implies referring to certain images and situations (mountains, beauty, danger, cunning, captivity, love to a local beautiful woman, clash of cultures etc.). It remains relevant for V. Makanin’s, M. Akhmedova’s etc. texts that were written both “outside” and “inside” the Caucasian imagery paradigm.

Modern Uralian text (A. Ivanov, O. Slavnikova, A. Matveeva etc.), which had later developed in the Russian literature and has generally kept within a realistic, though "exotic" paradigm, is characterized by other types of conflict and different "us"/"them" dialectics,

that are coming from the idea of border between worlds and the ways it is passed/transformed inside and outside the character.

Key words: geopoetics, local text, Caucasian text, Uralian text, modern Russian prose.

В современной российской прозе в последние годы появились интересные и очень разные по своей поэтике, художественной философии и основной авторской задаче тексты, актуализировавшие в литературоведении и гуманитарной рефлексии в целом направление, которое можно назвать геопозитическим. Геопозитика, «смысловая география», гуманитарная география, метагеография (Д. Замятин) и даже «география смысла жизни» (В. Ерофеев) – при всем многообразии названий, определений и подходов пафос подобных исследований – в утверждении необходимости подлинного знания и переживания географического (этнографического) как глубоко личного, «регионального» как экзистенциального, путешествия (в том числе литературного) как уникального опыта освоения (присвоения) Иного.

«Для филологов геопозитика – это, естественно, специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [1, с. 203]. Среди выделенных В. Абашевым геопозитических образов-текстов наиболее художественно разработанными и «отрефлексированными» (за исключением, разумеется, «столичных» – московского и петербургского) в прозе последних лет нам представляются два локальных текста – уральский и кавказский.

Оба эти текста (сверхтекста) имеют давнюю историю в русской литературе и авторитетную традицию их изучения, которая, конечно, старше, чем сами понятия «уральского» или «кавказского» текста. Оба текста – «горные», что порождает дополнительные основания для сопоставления и соблазны для исследователя. Однако, на наш взгляд, одним из наиболее интересных аспектов изучения актуального кавказского и уральского текста является классическая дихотомия «своего/ чужого», трансформирующаяся посредством промежуточно звена в трихотомию «свой / другой/ чужой».

В прозе одного из главных «пропагандистов» и апологетов Урала в современном рос-

сийском культурном пространстве – Алексея Иванова – проблеме «своего / чужого» или, скорее, «другого», становящегося или способного стать «своим», уделяется значительное внимание автора. Уникальность географического положения Урала – как границы между русским и «нерусским» миром, затем между русской Европой и русской Азией – уже предполагает неизбежность постановки подобной проблемы. Рассматриваемый «сверху», в масштабах России как империи, Урал не только разделяет, но и «сшивает» континенты, сталкивает их, заставляет встретиться русское и Иное, вступить в конфликт, смертельную схватку – и навсегда очароваться, заинтересоваться, восхититься враждебным и притягательным «чужим». (На Урале это происходило в XV–XVIII вв., на Кавказе – с XVIII и по сей день.)

Роман А. Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» (2000) фактически открывает российскому не-уральскому читателю, что история русского Урала началась задолго до похода Ермака. Чердынский князь Михаил, оказавшись на самой дальней границе тогдашнего русского мира, живет в напряженном и в конце концов убивающем его противостоянии «своего» и «чужого», в том числе и в душе самого князя. Парадоксальность ситуации в том, что «чужие» пермяки и даже явные враги вогулы (манси) гораздо симпатичнее и ближе князю, чем «свои» русские-москвичи и русские-новгородцы. Князь (да и автор) явно любит-ся прекрасной «чужой» культурой, варварски уничтожаемой христианским епископом (гибель Прокудливой березы и пермских сказаний). Завороженность экзотической красотой «чужого» определяет и развитие любовных сюжетов текста, где героиня, воплощающая архетип «чужой» земли, навсегда зачаровывает русского героя: история Калины и Айчейль, Михаила и Тичерть (вспомним, что любовь местной девушки и русского – любимый сюжет романтического кавказского текста). Чем чище душой и невиннее человек, тем восприимчивее он к «чужому», тем способнее воспринимать его непредвзято и делать частью «своего». Так воспринимает княжич Миша Золотую Бабу – не видя в ней зла и не боясь ее, но с интересом и уважением ощущая властную силу и зов «чу-

жого». Что для одержимых жаждой наживы «своих» русских – «нерусская, нечеловеческая жуть» (вспомним наивное отождествление русского с человеческим вообще в наших сказках – «русским духом пахнет»), то для русского, но уральского ребенка, не знающего ни Москвы, ни Новгорода, – «свое», как и роковая любовь к вогулке, и смешанная кровь в жилах его будущих детей.

Макросюжет романа, конечно, – великое продвижение Руси в Сибирь, неизбежное становление ее империей, освоение (присвоение) «чужого». Это долгий, небескровный процесс, ломающий судьбы и требующий жертв, но измученный и униженный Михаил не может не признать исторической правоты ненавистного ему великого князя московского, в большей степени «чужого», но в действительности «своего»: «Будут еще горы из голов, и обиженные будут, но мне потомки наши поклонятся» [8, с. 376]. Все русские персонажи озабочены проблемой освоения «чужой» земли, которую столько лет крестят, строят храмы, благоустривают, просвещают – и все словно проваливается в «нечеловечью жуть». Наконец в диалоге Полюда и Калины находится формула «присвоения», и характерно, что она отнюдь не русская и не христианская, а словно продиктованная «нечеловечьей жутью»: земля уральская станет «своей», «когда на три сажени вглубь кровью своей ее напоим» [8, с. 121].

Дихотомия «своего/ чужого» принципиальным образом меняется в следующем романе А. Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (2005). Россия уже империя, и Урал не является границей русского мира (хотя для обыденного сознания русского «европейца», жителя Центральной России, он в известном смысле таковым остается и по сей день). Отношения с местными племенами – уже не самая актуальная проблема для героя, хотя зачарованность местной экзотической красотой сохраняется в сюжете любви Осташи и вогулки Бойтэ. В роли «другого», «чужого» выступают уже не вогулы или пермяки, и даже тема «других», не-уральских русских (из центра России, из столицы) присутствует в связи с расколом, но отходит на второй план («Церковь нашу Никон соблазнил, а вместо царя у нас Катеринка-блудница» 7, с. 319)]. «Чужие» («другие») для раскольников – никониане и представители иных «толков», разумеется, русские: к местным претензий нет. Осташа лишь пытается разобраться, кто для него – свой, а кто – чужой. Поскольку «Золото бунта...» фактически роман воспитания в гораздо большей степени,

чем исторический, то в роли «чужого» выступает здесь главный антагонист героя – сплавщик Колыван и люди его типа: «Такие захотят на дуде поиграть – из живого тела ребро вынут» [7, с. 10].

«Свое» и «чужое» образуют в романе уникальный культурный «сплав»: русский раскольниковый «толк» – «истязательство» – явно заимствует идею временного перемещения души в неодушевленный предмет у вогулов; русский скит охраняют местные духи, и никакая молитва не поможет против них – они ведь не бесы, а духи. Река Чусовая – это след, оставленный колесницей Ильи Пророка, который случайно отдал Уральские горы черту. Русские действительно освоили чужое, сделали его «другим своим», частью своего уральского русского мира, отличного, например, от мира Русского Севера, или Владимиро-Суздальской Руси, или Юга России.

На антитезе «своего/ чужого» строится и сюжет самого известного романа О. Славниковой «2017», точнее, оба сюжета. В первом некая таинственная сила побуждает жителей неназываемого Екатеринбурга разделиться на «своих» и «чужих», «красных» и «белых» и яростно истреблять друг друга в год столетия Октябрьской революции. Во втором конструируется целая индивидуально-авторская мифология уральской сущности, точнее, «рифейства», отличающего «своих» и глубинно связанного с историей, мифологией и в первую очередь геологией Урала – тайной камня. (Тема, отсутствующая, например, в «горном» кавказском тексте, где мифологема горы вообще никак не связана с ее внутренней структурой, сокровищницей минералов, а сама гора – не опрокинута «вниз», в недра, как у Бажова.) «Свои» узнают друг друга по особому свойству, отсутствующему у «других», обыкновенных, и делающему их «чужими» для прочих, избранных. «Взрослые рифейцы ... постоянно держали в себе как бы нечто твердое, какой-то кристаллический холодный наполнитель. Подросток Крылов рано сообразил, что душа исконного рифейца обладает свойством прозрачности: все в ней как будто видно насквозь, а внутрь проникнуть нельзя» [13, с. 74]. Эта самая прозрачность, своего рода не-человечность или даже сверхчеловечность, отличает натуру профессора Анфилопова, «хитника», человека жесткого и даже жестокого, «абсолютно твердую пустоту, внутри которой нет ничего распознаваемого обиженными людьми, но сама она существует в кристаллизованном виде и достигает максимальной цены за ка-

рат» [13, с. 95]. Для главного персонажа романа Славниковой, камнереза Крылова, именно «прозрачность» камня (и человека) становится предельным воплощением чужеродности, замкнутого в себе «чужого», прекрасного и в этой красоте притягивающего к себе и убивающего (сходство с основной темой кавказского текста). Такова красота месторождения корундов, такова дикая уральская природа, губящая «хитников», такова, наконец, мнимая Татьяна, возлюбленная Крылова и жена Анфилогова, оказывающаяся одним из воплощений самой Хозяйки Медной горы. С Татьяной связана основная тема обратного превращения «своего» в «чужое», вечного прекрасного «чужого», которое не может быть присвоено и к которому можно приблизиться лишь ценой утраты человечности вообще и самой жизни (судьба самоубийц, найденных с превратившимся в каменный цветок ртом, судьба бажовских Степана и Данилы-мастера). У «истинных рифейцев» Славниковой нет явной внешней точки отсчета в лице «другого». «Чужим» («другим») оказываются, в конце концов, «нечеловечья жуть» недр древнейших гор, которую нельзя сделать «своей» (как пытаются Крылов и Анфилогов по отношению к Татьяне), но которая становится основной составляющей уральского мифа, необходимой для конструирования современной «рифейской» идентичности.

В 2008 г., после выхода романа В. С. Маканина «Асан», его автор, отвечая на вопрос о том, почему он после своего знаменитого «Кавказского пленного» вновь обратился к событиям на Кавказе, заметил: «В истории России есть два «знаковых» места: Сибирь и Кавказ. В Сибирь ссылали, на Кавказе воевали. Эти области для русских столь же знаковы, как, скажем, для англичан была знакова Индия. Я не знаю ни одного английского романа, герои которого не были бы каким-то образом связаны с Индией» [9].

Знаковость Кавказа обусловлена не только и не столько тем, что здесь воевали, но и иными – более глобальными – обстоятельствами: Кавказ – это перекресток культур, это место встречи-столкновения двух цивилизаций с разными типами сознания, с разными религиями, с разными этноментальными составляющими. Это столкновение дало повод к возникновению русского историко-культурного мифа о Кавказе, наиболее полно реализовавшегося в произведениях русских писателей-романтиков первой половины XIX в. Естественно, что на протяжении последующих десятилетий этот миф трансформировался, обретая все более реалистические черты.

Эта трансформация находит отражение и в отечественной литературе рубежа XX – начала XXI в. Систематизируя большой объем современных художественных текстов, в которых нашла свое воплощение тема Кавказа (в первую очередь, Северного Кавказа), известный литературовед В. И. Шульженко первым выдвигает в 2000-м г. гипотезу о существовании в русской литературе кавказского текста, уверенно подтверждая ее в последующих своих работах. Одной из специфических черт кавказского текста ученый называет феномен пограничности Кавказа: «Так сложилось, что, с одной стороны, Кавказ, подверженный влияниям древнейших цивилизаций Ближнего Востока и Средиземноморья, был самым близким к исконно русским землям азиатским регионом, являясь одновременно естественной границей между мирами. С другой стороны, кавказские народы в максимальной степени на протяжении веков сумели сохранить свою национальную самобытность, отличную, порой до крайней противоположности, от основ русского бытия. Отсюда вся история русско-кавказских отношений имела ярко выраженный конфронтационный характер..., и лишь изредка острота снималась наличием обоюдных интересов» [14, с. 43].

Один из конфронтационных пиков в русско-кавказских отношениях, который пришелся на 1990-е гг., носит в какой-то степени иной характер: не «свой/ чужой», но «свой/ другой». По Г. Зиммелю, в обществе различают два вида «чужих»: «чужие», рекрутированные из самого общества (бедняки, преступники и т.п.); «чужие» – странники, пришедшие в данную среду извне (группа чужой становится из-за пространственного признака) [5]. Другой западноевропейский социальный философ, занимающийся проблемами этнонациональной самоидентификации, Б. Вальденфельс продолжает мысль Г. Зиммеля и стремится выявить «чужих» из числа «других». Мыслитель полагает, что «чуждость», как и «инаковость» (представление о «другом»), исходит из человеческого опыта, являясь составной его частью. Б. Вальденфельс, различая «Я», «другого» и «чужого», утверждает одновременность их происхождения [3, с. 71].

Большинство авторов, обращавшихся к проблеме «свой/ чужой», не рассматривали «другого» в качестве непременно враждебного «нам», «своим». Их анализ зачастую сводился к анализу бытия «другого», его взаимоотношений со «мной». Каждая личность принадлежит социуму и этносу в целом, поэтому она вовлечена в многообразные и многоуровневые

отношения «своего» и «чужого» в культуре: от относительно немногочисленной социальной группы до этнической общности.

Оппозиция «свой/чужой» становится сюжетообразующей в ряде произведений современной отечественной прозы на кавказскую тему. Еще в романе 1999 г. «Андеграунд, или Герой нашего времени» В.С. Маканин сталкивает своего героя – Петровича – с торговцами-кавказцами из расположенных рядом с общежитием ларьков. Кавказский текст, на первый взгляд, здесь не очевиден: действие происходит в Москве, иногда Петрович вспомнит мельком о своем уральском детстве. Однако само заглавие романа, звучащее некоторым образом провокационно, предлагает читателю развернуть ассоциативную цепь: Герой нашего времени – Лермонтов – Кавказ. И вот Петрович сталкивается с новым, известным ему по книгам русских классиков и понаслышке миром. Миром патриархальным, миром «своих», оказавшихся в мире «чужих». Торговцы осторожно агрессивны. Это обстоятельство заставляет кавказцев довольно строго придерживаться законов своей общины: «Они там ссорились, выясняли, делили сферы влияния. Они и мир установили сами – помимо милиции. Но, как видно, небескровно. И небесследно» [9, с. 18]. Убитый – жертва «схватки» двух разных кланов, которым принадлежат палатки.

Палаточники, объединившись, отбирают у шофера-дальнобойщика пистолет, который он выгодно прикупил в одной из своих поездок. Так что оппозиция «свой/ чужой» уже в начале романа решается двойственно: свои и чужие есть и в среде торговцев, но традиционно свои – это они (горцы), чужие – это другие (москвичи, в данном случае – жители бывшей общаги).

Свои и другие способны на диалог, как это произошло на поминальном обеде после похорон Тетелина. «В общажное застолье, на поминки пришел Ахмет (искать мира). Тихий, почти бесшумный шаг, никто и не заметил, как и когда он вошел – он появился. Его увидели уже за столом. Ахмет сел с Акуловым и с Сапуновым – то с тем, то с другим говорил негромко и подчеркнуто сдержанно.

Но вот, выпив, Акулов и Ахмет обнялись, поцеловались. Встали оба разом.

– Брат... – говорил один.

– Брат... – вторил другой.

Вперебой оба шумно теперь объяснялись, нет-нет вспоминая о дружбе народов. Надо сказать, Ахмет выглядел почестнее Акулова. (Может быть, честнее, может быть, больший актерский дар)» [9, с. 61].

И вот встреча этих двух миров – Петровича и уличных торговцев – приводит героя к поступку. Он перестает, пусть на какое-то время, быть без-деятельным – он участвует в поединке, совершает акт мести, помогает своему сидящему в психушке брату.

У Г. У. Садулаева проблема «свой/ чужой» показана с «другой» стороны. Так, оппозиция «свой/чужой» реализована в написанном в 2008 г. романе «Пурга, или Миф о конце света». Здесь мы сталкиваемся с сюжетными обстоятельствами, реализующими названную оппозицию, как в контексте кондиционной литературности (литературности «по обстоятельствам»), так и в контексте конститутивной литературности (литературности «по сущности»). Так, в главах, посвященных встречам героя с Доном Ахмедом, есть комментарии рассказчика, объясняющие особенности общения в чеченской семье («У двери, по чеченскому обычаю, стоял подросток, видимо, сын хозяина, готовый принести и унести, что скажут» [11, с. 48]). Эти комментарии появляются в тексте «по обстоятельствам»; есть же и размышления Дона Ахмеда, отражающие собственно идейную концепцию автора, его представления о евразийской природе российской цивилизации, охватывающей и северокавказские этносы. Не случайно одна из новелл-размышлений Дона Ахмеда названа «История государства Российского». «В единой великой России и мой бизнес будет единым и великим. Более управляемым. Подумай сам, зачем чеченцам отделяться от России? Если Чечню отделить от России, что останется чеченцам? Только сама Чечня. Старые горы, мелкие речки да остатки нефти...» [11, с. 50]. Именно старому петербургскому авторитету Дону Ахмеду отдает свои мысли о евразийской природе российской цивилизации автор.

Уместно вспомнить еще одного жителя Чечни – известного писателя, дважды номинированного на Нобелевскую премию, К. Ибрагимова. Закончивший в начале 1980-х гг. экономический факультет в Грозненском университете, он впоследствии работает по специальности, защищает в Москве кандидатскую, а потом и докторскую диссертации по экономике сельского хозяйства. Над первым своим романом «Прошедшие войны» (1998) начинает работать, когда ему исполняется 38 лет.

В центре романа история жизни Цанки Арачаева, которая совпадает с историей XX в. не только Чечни, но и России: все важные, переломные моменты в истории большой страны отражаются в обстоятельствах жизни маленькой горной республики и, соответственно,

в частной жизни людей, живущих в селении Дуц-Хоте.

К. Ибрагимов, так же, как и В. Маканин, подчеркивает патриархальность традиционного чеченского общества, влияние непростых географических обстоятельств на жизненный уклад чеченцев. К. Ибрагимов, подобно Г. Садулаеву, большое внимание уделяет ментальным бытовым проявлениям в межличностных отношениях чеченцев, этнографическому элементу в своем повествовании. Естественно, что в творчестве К. Ибрагимова проблема «свой/ чужой» тоже рассматривается как коренная для северокавказского региона.

Писатель не скрывает степени того воздействия, которое оказала на него современная массовая литература, используя нередко художественные стратегии, характерные для «маскульта». Следует заметить, что в его текстах они выглядят уместно, органично, в какой-то степени снимая вопросы при интерпретации некоторых глав или эпизодов того или иного романа.

Так, в финале романа «Прошедшие войны» Цанка Арачаев, девяностолетний старик, на последние дни жизни которого пришлась первая Чеченская война, встречается с тремя своими внуками – капитаном Кухмистеровым (внуком возлюбленной Цанки, ленинградской учительницы, присланной по распределению в далекое горное селение в начале 1930-х гг.), старшим лейтенантом Артуром Арачаевым (сыном потерявшегося на грозненском вокзале во время выселения в феврале 1944 г. сына Цанки от второго брака) и Вахой (еще один внук Цанки от непутевого его сына, не нашедшего себе ни места, ни цели в жизни. Это был третий неудачный брак Цанки). Капитан и старший лейтенант – федералы, третий внук Ваха – студент, только что вернувшийся из Турции, где учился, так как университет в Грозном был разрушен в первые месяцы войны.

Ибрагимов сталкивает своих героев в непримиримом, казалось бы, конфликте. Вооруженные молодые люди в схватке убивают друг друга. В живых остается лишь Цанка. «Мои внуки вернулись, – с блаженной улыбкой вымолвил он, поправляя очки. – Я мечтал об этом, молился. Вот и сбылись мои мечты, возвратились все к очагу родному. Здесь покой нашили... *В борьбе жили, в смерти нашли единение*, – после этой фразы его лицо стало серьезным, даже испуганным. – *Видимо правда, что из одного истока мы вышли, и, враждуя, к одному истоку придем*. Как бы и этот не выдох, не пересох от взаимной ненависти (курсив

наш – Л. Б., И. И.)» [6, с. 381]. Но родник не пересох. К нему приносит ночью Цанка своего внука Ваху. Здесь, в воде, он его хоронит. В воду и сам входит. Последняя сцена романа – сцена смерти Цанки – символична; в ней решается столь непростой конфликт между «своими» и «чужими»: «Наконец, хилые руки обессили, и он, как в детстве, устремился вниз по течению. Оказывается, русло родника с тех пор не изменилось, он вспомнил все повороты и водовороты. Скорость была бешеной. Он испытывал то же блаженство, тот же затаенный азарт, как в детстве, только в детстве был еще страх. Теперь страха не было. Вот последний поворот, и его выкинуло в тихую заводь. Цанка всплыл, глаза его открылись, и он увидел бледно-голубое, бесконечное небо и редкие, красивые звезды.

Светало... Горный родник устремился к большому рекам, к большой воде (курсив наш – Л. Б., И. И.)» [6, с. 411].

Взгляд с «другой» стороны представлен и в одном из самых интересных «кавказских текстов» последних лет – романе «Дневник смерти. Хадижа» М. Ахмедовой. Экспрессивная поэтика заглавия, на первый взгляд, лишаящая текст «интриги» и подсказывающая трагический финал, в действительности почти «не мешает» восприятию: большая – и наиболее художественно выразительная часть текста, прототипом героини которого явились реальные девушки, имеющие отношение к терроризму, посвящена как раз проблеме становления героини и ее самоопределению в мире «своих» и «чужих». Наивная и необразованная, даже глуповатая, но вполне симпатичная девочка Хадижа пытается что-то понять в жизни, делает смешные и глупые ошибки, пока самая страшная из них не приводит ее и с ней десятки людей к гибели.

Девочка из дагестанского села, рано лишившаяся матери, Хадижа мало что видела в жизни, и свой маленький мир с его традиционным укладом долгое время воспринимала как единственно возможный. Никаких «чужих» в ее сознании не существовало вообще, пока девушка не рассказал ей об убивающих «наших братьев» «урусах», представленных девочке дедом как «другие люди», живущие в России, которая «в Москве». Прочитав Толстого (т.е. впервые «подключившись» к литературному кавказскому тексту), маленькая Хадижа решает, что он «плохой урус» и «среди урусов нет хороших» [2, с. 31]. Со временем тема «урусов» исчезает из сознания подросшей Хадижи, пока ее мечта посмотреть «плохую» Москву не сбывается самым страшным образом.

Однако вплоть до последних страниц романа, изображающих стремительное и не слишком убедительное преобразование Хадижи в террористку-смертницу, «чужими» другими для нее, как и для большинства ее односельчан и родных в Махачкале, являются «они», «эти», «закутанные» (о женщинах «этих»), т. е. вахабиты и сочувствующие им: «Страшно в одном доме с такими жить» [2, с. 160]. Дядя Хадижи Вагаб, служащий в правоохранительных органах Дагестана, и его жена Зухра, у которых живет Хадижа-студентка, тоже боятся и ненавидят «этих». «Они нас убивают! Как на охоту на нас ходят!» – кричит жене Вагаб, для которого «лесные» соплеменники – «они», «чужие», а «мы», «свои» – сторонники власти, в том числе, например, русские коллеги-омоновцы. Печальным юмором проникнута сцена приглашения псковскими омовцами дагестанских коллег к столу. «Адильбек говорит – нет, мы не можем, у нас ураза... А вы что, тоже мусульмане? – спрашивают они. Ну да, говорит Адильбек. А они отвечают: нет, вы не мусульмане, вот мусульмане, и показывают на боевиков... Люди не виноваты, время виновато» [2, с. 228]. Хадижа боится и избегает «закутанных» девушек так же, как «непорядочных»: в ее сознании это два полюса женского поведения, равно чуждые и непонятные ей. Хадижу возмущает лицемерие знакомых и однокурсниц, готовых «закутаться», чтобы их взяли замуж. «Джамиля, с тех пор, как ее засватали, тоже намаз делает, перед каждым снимает лак с ногтей, косметику с лица смывает. Утром... снова красит. Я не понимаю, Аллах что, ее видит, только когда она на намазе сидит, а в другое время, когда она накрашена, он ее не видит?» [2, с. 232].

Однако «свои» и «чужие», оказывается, могут меняться местами. Ненавидящая «закутанных» подруга Хадижи Сабрина становится одной из них, считая героем своего погибшего жениха боевика Исмаила, который для Хадижи – просто убийца. Позже, когда Сабрину сватает родственник из Ростова, она спокойно снимает платок и вновь надевает укороченную юбку, «закутанных» же провожает злыми взглядами: они опять для нее «эти», «такие», «чужие». «Я этих людей, которые в лес уходят, боюсь больше, чем шайтанов. Иншалла, мне никогда с ними не встречаться», – думает Хадижа [2, с. 184]. Однако мальчик из хорошей семьи, сын генерала Махач, в которого влюбляется Хадижа, – из «этих», и ее любовь и брак приводит ее после смерти любимого к террористам, «своим», «братьям и сестрам». «Они» и «мы», «свои» и «чужие» вновь меняются местами, когда одурманенная и «закутанная» Хадижа едет в маршрутке и ловит на себе осуждающие и испуганные взгляды: «Кто вы такие, чтобы нас судить?» [2, с. 323].

В структуре кавказского текста, по сравнению с уральским, сосредоточенным преимущественно на своей идентичности по отношению к другим российским регионам, «другим» русским, этнонациональный и конфессиональный элементы занимают доминирующую позицию. Особое географическое пространство, в которое вписывается Кавказ (в первую очередь, Северный Кавказ), обусловило не только его ландшафтную привлекательность и особую мифопоэтику, но этнокультурную специфику, неизбежно связанную с проблемой «своего/чужого/другого».

Литература

1. Абашев В. В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Введение в геопозитику. Антология. М.: Арт-Хаус Медиа; Крымский клуб, 2013. С. 202–216.
2. Ахмедова М. Дневник смертницы. Хадижа: роман. М.: Астрель, 2011. 350 с.
3. Вальденфельс Б. Интенциональность и казуальность // Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Наука, 1999. С. 67–128.
4. Замятин Д. Н. Россия и запад: Пространство и образ цивилизационных взаимодействий // Культура и пространство. Моделирование географических образов. М: Знак, 2006, С. 30–48.
5. Зиммель Г. Как возможно общество? // URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/06.html> (Дата обращения 30.04.17).
6. Ибрагимов Г. Х. Прошедшие войны. Грозный: Грозненский рабочий, 1999. 411 с.
7. Иванов А. В. Золото бунта, или Вниз по реке теснин. М.: АСТ, СПб.: Азбука-классика, 2008. 698 с.
8. Иванов А. В. Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор. СПб.: Азбука-классика, 2008. 576 с.
9. Маканин В. С. В России два знаковых места Сибирь и Кавказ. Интервью // Новые известия. 2008. 27.11.08.
10. Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М: Вагриус, 1999, 240 с.
11. Садулаев Г. У. Бич Божий // Садулаев Г. У. Я – чеченец. М: Ad marginem, 2005. С. 43–61.
12. Садулаев Г. У. Пурга, или Миф о конце света. М: Вагриус, 2008. 238 с.
13. Славникова О. А. 2017. М.: Вагриус, 2007. 544 с.
14. Шульженко В. И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века). Пятигорск: ПГЛУ, 2001. 340 с.

References

1. Abashev V. V. Geopoeticheskii vzglyad na istoriyu literatury Urala (*A geopolitical view of the history of the Urals literature*) // Vvedenie v geopoetiku. Antologiya. Moscow: ArtKhaus Media; Krymskii klub, 2013. P. 202–216. (In Russian).
2. Akhmedova M. Dnevnik smertnitsy. Khadizha: roman (*Diary of a suicide bomber. Khadija: the novel*). Moscow: Astrel', 2011. 350 p. (In Russian).
3. Val'denfel's B. Intentsional'nost' i kazual'nost' (*Intentionality and causality*) // Val'denfel's B. Motiv chuzhogo. Minsk: Nauka, 1999. P. 67–128. (In Russian).
4. Zamyatin D. N. Rossiya i zapad: Prostranstvo i obraz tsivilizatsionnykh vzaimodeistvii (*Russia and the West: Space and the Image of Civilizational Interactions*) // Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. Moscow: Znak, 2006. P. 30–48. (In Russian).
5. Zimmel' G. Kak vozmozhno obshchestvo? (*How is society possible?*). URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/06.html> (Accessed: 30.04.17). (In Russian).
6. Ibragimov G. Kh. Proshedshie voyny (*Past Wars*). Grozny: Groznenskii rabochii, 1999. 411 p. (In Russian).
7. Ivanov A. V. Zoloto bunta, ili Vniz po reke tesnin (*Gold of rebellion, or Down along the river of gorge*). Moscow: AST, St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 698 p. (In Russian).
8. Ivanov A. V. Serdtse Parmy, ili Cherdyn' – knyaginya gor (*Heart of Parma, or Cherdyn - Princess of the mountains*). St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 576 p. (In Russian).
9. Makanin V. S. V Rossii dva znakovykh mesta Sibir' i Kavkaz. Interv'y (In Russia there are two important places: Siberia and the Caucasus. Interview) // Novye izvestiya. 2008, 27.11.08. (In Russian).
10. Makanin V. S. Andegraund, ili Geroy nashego vremeni (*Underground, or Hero of Our Time*). Moscow: Vagrius, 1999. 240 p. (In Russian).
11. Sadulaev G. U. Bich Bozhii (*The Beach of God*) // Sadulaev G. U. Ya – chechenets. Moscow: Ad marginem, 2005. P. 43–61. (In Russian).
12. Sadulaev G. U. Purga, ili Mif o kontse sveta (*Blizzard, or the myth of the end of the world*). Moscow: Vagrius, 2008. 238 p. (In Russian).
13. Slavnikova O. A. 2017 (*2017*). Moscow: Vagrius, 2007. 544 p. (In Russian).
14. Shul'zhenko V. I. Kavkazskii fenomen russkoi prozy (vtoraya polovina KhKh veka) (*Caucasian phenomenon of Russian prose (second half of the twentieth century)*). Pyatigorsk: PSLU publ, 2001. 340 p. (In Russian).

УДК 811.161.1

В. М. Грязнова

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается специфика прилагательного в русском островном говоре старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края. Автор обосновывает положение о том, что состав лексики говора в рамках имени прилагательного частично унаследован из целого ряда русских говоров, как северных, так и южных, но в своем большинстве является возникшим в самом говоре, в период эмиграции. В результате изучения идеографической классификации автор выявляет специфические коммуникативно-номинативные предпочтения носителей данного говора. В содержании и формах морфологических категорий прилагательного говора автор описывает факты нарушения неглобальных запретов, существующих в русском литературном языке (расширение словника относительно-притяжательных прилагательных, не соответствующее семантическим нормам, специфика безударных флексий опреде-

ленных падежных форм прилагательных говора), использования ресурсов общенационального языка (существование специфичных в структурном и семантическом отношении словообразовательных моделей), в том числе и архаичных (устаревшие формы сравнительной степени, образованные от основы превосходной степени соответствующих прилагательных), структурного и фонетико-фонологического выравнивания в формах прилагательного. Автор показывает, что в результате длительной изоляции некрасовского говора от материнской основы состав прилагательных данного говора существенно изменился, что подтверждается данными семантики, фонетики, морфологии и словообразования изучаемого класса слов.

Ключевые слова: говор казаков-некрасовцев, имя прилагательное, лексика, морфология, словообразование.

V. M. Gryaznova

THE ADJECTIVE IN THE DIALECT OF NEKRASOV COSSACKS IN STAVROPOL REGION

The article studies the specificity of the adjective in the Russian island dialect of old believers Nekrasov Cossacks in Stavropol Krai. The author substantiates the provision that the composition of the vocabulary of the dialect in the name of the adjective is partly inherited from a number of Russian dialects, both northern and southern, but for the most part is arisen in the name of the adjective, during emigration. As a result of the study of ideographic classification the author reveals specific communicative-nominative preferences of the speakers. With the reference to the content and form of the morphological category of the adjective, the author describes the facts of violation of the non-global bans that exist in the Russian literary language (an extension of the Glossary regarding possessive adjectives, not corresponding to the semantic

rules, the specifics of unstressed inflections of certain case forms of adjectives), the resource usage of the national language (the existence of specific structural and semantic relation of word-formation models), including archaic (outdated form of comparative degree, formed on the basis of the superior degree of the corresponding adjectives), structural and phonetic phonological alignment. The author shows that as a result of the long isolation of Nekrasov dialect from the maternal basis, the composition of adjectives has changed significantly, which is confirmed by the data of semantics, phonetics, morphology and word formation of the studied word class.

Key words: Nekrasov Cossacks dialect, adjective, lexicon, morphology, word formation.

В данной работе говор казаков-некрасовцев Ставропольского края анализируется в рамках синхронного среза «1962 г. (время возвращения в Россию) – настоящее время» с целью

описать сущностные черты данного русского говора, сложившиеся в период проживания казаков-некрасовцев и их предков в Турции в течение двухсот пятидесяти четырех лет. Про-

цессы ассимиляции говора в ареале русского южного говора Левокумского района (места проживания некрасовцев с 1962 г.) не изучаются.

По своим типологическим особенностям говор казаков-некрасовцев относится к островным говорам. Термин островной говор, или островной ареал, давно используется в диалектологии, например, в работах Р. И. Аванесова [1], М. А. Бородиной [2] 70-х гг. XX в., работах Н. С. Ганцовой [4, р. 24–27], Т. И. Вендиной [3, р. 12, 381], А. А. Плотниковой [9, р. 11] начала XXI в.

Островной говор – это говор, изолированный от территории бытования основных форм языка, к которому он принадлежит по происхождению. Говор казаков-некрасовцев в течение двух с половиной веков находился в иноязычном, иноэтническом, иноконфессиональном окружении. Исследовательница островных славянских ареалов Европы А. А. Плотникова считает, что «представляется важным в самом общем виде дать характеристику исследуемых островных ареалов по однотипным параметрам: язык анклава и окружение; религиозная принадлежность населения островного ареала и страны проживания; частичная общность / противопоставленность культурной традиции анклава и окружения; особенности совместного проживания с представителями иных этноконфессиональных групп; влияние гражданства страны проживания» [9, р. 11].

Охарактеризуем говор казаков-некрасовцев по названным А. А. Плотниковой параметрам островного говора:

- язык говора казаков-некрасовцев резко противопоставлен языку окружения по признаку принадлежности к разным языковым семьям: восточнославянская ветвь славянской семьи – тюркская ветвь гипотетической алтайской семьи;

- по вероисповеданию казаки-некрасовцы резко противопоставлены окружающему населению: православие (старообрядчество) – мусульманство;

- общие культурные традиции в течение проживания казаков-некрасовцев в Турции с местным населением не сложились; исключение составляют случаи вывешивания самодельных турецких флагов в дни государственных праздников Турции по распоряжению турецкой администрации;

- первоначально казаки жили изолированно от турецкого населения; с 1864 г. земли вокруг казачьих станиц стали заселяться мухаджирами, переселенцами-мусульманами с Кавказа, с которыми казаки были вынуждены общаться,

браки с турецким населением запрещались, и их не было;

- казаки-некрасовцы служили в турецкой армии (за исключением конца XIX в.); если вначале Майнос представлял собой независимую республику, хотя и вассальную султану, но имевшую свое законодательство, то в начале XX в. казаки-некрасовцы были лишены автономии и объявлены турецкими подданными; казачий Круг был уничтожен, атаман назначался из турок, обучение в школе разрешалось только на турецком языке, регистрация браков и дата рождения ребенка происходили в турецкой администрации казачьих сел, диплом об окончании школы и свидетельство о браке и рождении выдавались на турецком языке.

Принадлежность к островному типу, происхождение говора, история скитаний, носителей говора обусловили определенные лингвокультурологические характеристики говора казаков-некрасовцев. Охарактеризуем их в общих чертах на материале прилагательного говора (подробнее см. в нашей книге: [5]).

Вначале дадим общую характеристику состава лексики говора в рамках имени прилагательного по признаку происхождения. Нами выявлены факты полного совпадения прилагательных говора (в звучании, структуре и значении) с одноименными лексемами обиходного языка всего русского крестьянства (в Сл. Даля даны без помет) или его отдельными говорами. Так, в подклассе «Человек» имеется ряд прилагательных, совпадающих по звучанию, грамматическим характеристикам и значению с лексемами **общенационального крестьянского языка: бязиннай** (*бязиннаи рубахи*), в словаре Даля зафиксировано одноименное слово бязинный – «бязевый, из бязи сделанный» [6, v. 1, р. 390]; **господский**¹ – «относящийся к господу (о праздниках)», в Словаре Даля отмечено аналогичное прилагательное: *господский* – «господский праздник, праздник Господа» [6, v. 1, р. 932]; **отселешний** – «здешний», в Словаре Даля находим одноименное слово *отселешний* – «здешний, откуда родом» [6, v. 1, р. 1958]; прилагательное **заводный** – «зажиточный» совпадает с одноименным словом общенационального языка *заводный мужик* – «имущий, достаточный» [6, v. 1, р. 1402]; лексема **казанный** – «относящийся к казану» (*казанная крышашка*) совпадает с одноименным прилагательным общенационального языка казаный – «к казану или котлу относящийся» [6, v. 2, р. 178]; слово **вечёрошний** – «вечер-

¹ Для удобства чтения звук *у* фрикативный говора обозначается литерой *з*.

ний» полностью совпадает с прилагательным общенационального языка *вечерошний* – «бывший накануне вечером, вчера» [6, v. 1, p. 498]; лексема говора *одинакий* аналогична прилагательному общенационального языка: *одинакий* – «равный по достоинству, одинаковый» [6, v. 2, p. 1675]; прилагательное говора *обходчивый* – «покладистый, уступчивый» совпадает с аналогичным словом общенационального языка *обходчивый* – «обходительный, учтивый» [6, v. 2, p. 1620]; лексема говора *кубоватый* – «круглый, кверху суженный (о посуде)» полностью совпадает с одноименным словом общекрестянского языка *кубоватый* – «близкий к кубу по виду» [6, v. 2, p. 539]; прилагательное говора *скислый* совпадает с аналогичным словом общенационального языка: *скислый* – «прокислый, проквашенный» [6, v. 4, p. 185]; прилагательное говора *мужчинский* идентично аналогичному слову общенационального языка: *мужчинский* – «к мужчине относящийся» [6, v. 2, p. 931].

В подклассах «Животный мир», «Растительный мир» следует отметить такие прилагательные: *кабаний* (*кабанья мяса*), которое полностью совпадает с одноименным словом общекрестянского языка *кабаний*; прилагательное *грабиный* – «относящийся к грабу», которое аналогично лексеме общекрестянского языка *грабиный* – «принадлежащий, из дерева этого сделанный» [6, v. 1, p. 959].

Кроме того, в подклассе «Человек», «Животный мир» имеется ряд прилагательных, совпадающих по звучанию, грамматическим характеристикам и значению с лексемами определенных говоров русского языка: прилагательное говора *странний* – «чужой» совпадает с одноименной лексемой ряда русских говоров *странний* – «калуж., тамб., орл. сторонний, посторонний, нездешний» [6, v. 4, p. 566]; *васкрисенная* (*васкрисенная рубаша*), в Словаре Даля отмечено одноименное прилагательное с пометой *псковское*: «воскресный, относящийся до воскресенья, в обоих знач., воскресный день, *пск. воскресенный*» [6, v. 1, p. 607]; прилагательное *гладущий* – «полный, упитанный» (от слова национального языка: *гладить*), которое по своему значению совпадает с одноименной лексемой ряда диалектов крестьянского языка *гладущий* – «о животном и человеке, *новг. костр. и южн.*: жирный, тучный, дебелий, здоровый, полный» [6, v. 1, p. 352]; прилагательное *каниный* (*каниная яда*), полностью совпадающее с одноименной лексемой южного диалекта *кониный* – «коневий, конячий и *южн. конский или кониный* –

лошадиный, к коням относящийся» [6, v. 2, p. 396]; прилагательное говора *ядренный* в значении «крупный» совпадает с одноименным словом в орловских, курских и тамбовских говорах *ядренный* – «крупный, *орл., кур., тамб.* ядренные яблоки, орехи» [6, v. 4, p. 1562]; лексема говора *отменитый* – «отличающийся» аналогична прилагательному северных говоров: *отменитый* – «*сев.* отменный, особенный, несхожий с другими» [6, v. 1, p. 1130]; лексема говора *доеная* – «дойная» аналогична прилагательному псковских говоров: *доеный* – «*пск.* корова, которая доится» [6, v. 1, p. 959]; прилагательное *квелый* – «слабый, хилый» полностью совпадает с одноименной лексемой рязанских и тамбовских говоров *квелый* – «*ряз., тамб.*, хилый, слабый» [6, v. 1, p. 258].

В целом по данным Словаря Даля, прилагательные говора могут совпадать с одноименными лексемами целого ряда русских говоров, что свидетельствует о пестром по исконной территориальной принадлежности составе казачества: это калужские, тамбовские, орловские, костромские, южные, орловские, курские, рязанские, тамбовские, северные, псковские, новгородские, говоры (дифференциация говоров и диалектные пометы В. И. Даля). Количество подобных прилагательных является значительным, но доля мотивированных прилагательных, возникших в самом говоре (данные получены в результате сопоставления со Сл. Даля и Сл. Донского говора) является намного большей.

Сопоставительный анализ имён прилагательных в собранном нами материале и «Большом толковом словаре донского казачества», который включает в себя слова и выражения, активно использующиеся в речи коренных жителей Дона и его притоков, позволил нам выявить общее и различия в говоре донского казачества и в говоре некрасовцев в рамках лексики имени прилагательного и понять, является ли говор казаков-некрасовцев донским говором или отдельной автономной сущностью. Из 400 прилагательных говора некрасовцев только 19 полностью (по количеству значений, значению и форме) совпадают с прилагательными дончан, причем часть их них относится во всем русским говорам. Это прилагательные: *обидливый* – «обидчивый», *оружённый* – «вооружённый», *позалетошний* – «позапрошлогодний», *оттелешний* – «прилаг. к оттель (оттуда)», *понятный* – «понятливый», *обидливый* – «обидчивый», *оружённый* – «вооружённый», *позалетошний* – «позапрошлогодний», *оттелешный* – «прилаг. к оттель (оттуда)», *понятный* – «понятливый» и др.

Таким образом, длительная изоляция некрасовского говора от родственных донских говоров привела к изменению состава прилагательных данного говора, по своим истокам относящегося к донским говорам, что выявляется на уровне лексики и подтверждается данными семантики, фонетики, морфологии и словообразования изучаемого класса слов. В целом это позволяет охарактеризовать состав прилагательных говора казаков-некрасовцев как автономный.

Необходимо отметить, что в говоре присутствуют новообразования на базе заимствованной основы из турецкого языка (например, *тукрянной* «сделанный из конопляной нити, туры» от тур. *toga* «жгут», *кузячий* «прил. к кузёнок» от тур. *kuzu* «ягнёнок»).

Изучение идеографической дифференциации прилагательных говора выявило коммуникативно-номинативные предпочтения носителей говора. Покажем данное явление в рамках подкласса «Человек», который, в свою очередь, дифференцируется на определенные лексико-тематические группы.

В лексико-тематической группе «Человек как живое существо» подкласса «Человек» носитель говора выделял и вербализовывал признаки по соотнесенности:

- с видом одежды и её деталями (*предненский* [преднинский] – «об одежде: такой, как у предков». *Я щас вам старинский платок пакажу, преднинский*); видом материала, из которого шьется одежда (*киндячный* [киндячный] – «сделанный из синего полотна, киндяка». *Киндячнаи парки – синии*); отделкой одежды (*отшитый* [атшытый] – «вышитый». *Върата у мужыкоф атшытаи*); отнесенностью одежды к празднику или будням (*простый* [простай] – в знач. «об одежде: простой» (*Рубаха буднишная, простая*);

- с особыми признаками лица, волос (*кузлатый* [кузлатай] – «лохматый». *Играим в яшачки, выигруим, праигрывуимси, а адна пришла, кузлатая, праиграла*); с признаками, связанными с болезнью (*скулябленный* [скуляблинай] – «о ногах: искалеченный» (*Да пърлизованай он, нога паттятая, скуляблиная*); с особенностями телосложения (*сытный* [сытнай] – в знач. «полный». *Атес, мамака – сытнаи*); с признаками, связанными с оценкой внешности, телосложения (*самоцветный* [самацветнай] – перен. «о внешности: красивый человек». *Адна дефка самацветная была*);

- с отличительными признаками пищи и воды (*славный* [сламный] – «вкусный». *Фасоль уращивали, иё ворим, ана сламная*); с призна-

ками, называемыми вещества, растения, из которых готовится пища (*ростевой* [растивой] – «о масле: растительный». *Масла из маслини, посная растивая, ни кървиная*);

- с определенным цветом спектра по отношению к одежде, тканям, биофактам (*серый* [серай] – в знач. «о цветах, волосах, глазах: светлый, не темный». *Удивилися, как малинская деващъка ф Турсии жыла, а по-руски гаварить, и виски сераи*).

Необходимо описать цветовые пристрастия некрасовцев. Любимым цветом некрасовцев является красный цвет, который воспринимался ими как праздничный. В составе прилагательных говора мы отметили два слова, называющих этот цвет (*красненечкий, разнокрасный*). Кроме того, в говоре частотна лексема общенационального языка *красный*, обозначающая данный цвет спектра. Особо любим некрасовцами красный цвет в одежде. *Падол ис краснава и кырмазам пастрочинай. – Бълахон краснай. – Краснаи штаны, белая рубашка*. Другим цветом, относящимся к любимым цветам некрасовцев, по-нашему мнению, является лиловый. Для его обозначения в говоре имеется три лексемы: *буланый, луданый* и *серый* (в одном из своих значений). Эти лексемы некрасовец употреблял при описания садовых цветов, столь любимых носителями данного говора.

- с признаком по соотнесенности с возрастом человека (*сердовый* [сердавай] – «человек средних лет» (*Старшая снаха Маня, што правит, запрафка, уже сердавая, фсех млатших снох васпитывала*).

В лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» подкласса «Человек» носитель говора выделял и вербализовывал признаки по соотнесенности:

- с характером человека, проявляющемся в его поведении (*растрабидный* [растрабиднай] – «общительный». *Мы с ней как-та разгаварилися, тары-бары, растрабидная ана, так ана знать, как лячить, памагнула*); с эмоциями (*смёртный* [смёртнай] – в знач. «разудалый, безудержный». *Батюшка служыл, крест акунал, на весь лиман вада асвященная была, на кряститель кидалися, а патом събирёмси – и начнули карагот вадить – смёртная радасть*); с уровнем интеллекта (*изучённый* [изучёнай], *письмённый* [письмёнай] – «грамотный, учёный». *Атес Никифор пъстанавлялси в Маскве, он изучёнай был, письмёнай*); со склонностями (*развязанный* [развязанай] – «о детях: балованный». *Дети с 5–6 лет начинали работать, там каровушка, скатинушка,*

пачистиш, вады нътаскаиш, уже день прашол, мы ни развязаныи были);

В лексико-тематической группе «Человек в обществе» подкласса «Человек» носитель говора выделял и вербализировал признаки по соотнесенности:

– с приспособлениями, инструментами, средствами труда, орудиями и оружием, предметами труда, прежде всего относящимися к рыболовству (*дюменный* [дюменный] – «относящийся к рулю в лодке, дюмену». *Дюменная ручка*); с качествами, свойствами артефакта (*смёртный* [смёртнай] – в знач. «о деньгах: многочисленный, неисчислимый». *Нашы мужыки на турак работали, дъгавор на рыбную повлю зъключали, хазяин смёртнаи деньги наживал*); с семейным положением человека (*семистый* [сямистай] – «имеющий большую семью». *Сямя бальшая была, сямистая*); с социальными институтами (*сукупный* [сукупнай] – «объединенный». *Ушли дети, дитей никаво нет, фсе рассыпались, ни сукупнаи, фсе живут па аддельнасти*).

Исследование морфологии и словообразования, фразеологии и фонетики прилагательного производится в сопоставлении говора некрасовцев и современного литературного языка. Полагаем, что это необходимо в силу того, что обе формы существования русского национального языка развивались отдельно друг от друга и параллельно, в течение двух с половиной веков говор казаков-некрасовцев развивался в изоляции от общенационального русского языка, в том числе и от его материнской основы – донского говора, а также вне связи с другими русскими говорами, а литературный язык и любые другие формы национального языка не оказывали никакого влияния на формирование говора некрасовцев. В то же время говор некрасовцев и русский литературный язык развивались по одним и тем же законам и тенденциям развития общенационального русского языка, конкретные реализации которых могли и различаться.

В целом анализ **морфологических особенностей имени прилагательного** говора казаков-некрасовцев позволяет сделать определенные выводы: разряды прилагательных говора являются идентичными по своему значению разрядам прилагательных общенационального языка. В составе качественных прилагательных необходимо отметить широкое распространение в говоре некрасовцев **форм субъективной оценки качества**, которые сочетают в себе обозначение признака с выражением его оценки говорящим. Преоб-

ладают формы субъективной оценки качества, образованные с помощью суффиксов -ечк-, -(ен)ечк-, которые не представлены в общенациональном литературном языке (по данным РГ-80). Например, *Беднечкий* [бедничкай] – «достойный жалости», *Жидиничкий* [жыдиничкай] – жиденский, *Низенечкий* [низиничкай] – «низенский», *Сытенечкий* [сытиничкай] – «сытенский», *Тоненечкий* [тониничкай] – «тоненский», *Маленечкий* [малиничкай] – «маленький», *Мелечкий* [меличкай] – «меленький». Присутствуют, хотя и редко, формы с суффиксами -еньк-, -ущ-, характерные и для литературного языка. Например, *Пухлатенький* – «пухленький», *Гладущий* [гладушшай] – «упитанный (о животном)», *Плодушый* [пладушшой] – «плодовитый (о растениях)».

Отдельного внимания требуют **относительно-притяжательные прилагательные** говора, т.е., лексемы, имеющие два значения: одно притяжательное, обозначающее принадлежность какого-либо предмета определенному лицу или (реже) животному, другое – относительно. Притяжательные прилагательные в собственно притяжательном значении характерны для текстов сказок некрасовцев: *Бабина Ягонина* печка, *Бабина Ягинина* дочка.

Относительно-притяжательные прилагательные говора по словообразовательным параметрам включают в себя следующие группы слов:

1) относительно-притяжательные прилагательные, образованные в говоре с помощью нулевого суффикса, в литературном языке им соответствуют прилагательные, образованные с помощью суффикса -j-: а) относительное значение: *шапка барачая* (= баранья), *из кабаней шкуры* (=кабаньей), *таранья сеть* (=таранья, т.е., сеть для тарана); б) притяжательное значение: *чакалии норы* (= норы шакалов);

2) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -(ич)ий/-(ач)ий: *бабичий век* (=бабий), *буйлячая малако* (= молоко буйлы), *каунячий семички*, *скатинячая кожа*;

3) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ск(ий): *мущинскаи бои*, *волос скатинский*;

4) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ин(ый): *стули снахиный*, *каниная яда*;

5) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ов, -овин-, -ин-: *свякорова сястра*, *жыниховин дружка*, *нивестина дружка*, *хатина дверь*, *ножовкин развод*, *снахин атец*, *мужина сястра*;

б) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ов(ий): **жениховий** *гость*.

В рамках относительно-притяжательных прилагательных говора мы видим: а) расширение словника, соответствующее структурным и семантическим характеристикам прилагательных данной группы: **свяхорова** *сестра*; б) расширение словника, не соответствующее семантическим характеристикам прилагательных данной группы: **хатина** *дверь*, **ножовкин** *развод* — названные прилагательные, имея суффикс относительно-притяжательного прилагательного, образованы от мотивирующих существительных, называющих конкретные предметы (а не лица), что нарушает нормы образования подобных прилагательных, существующие в литературном языке; в) расширение словника, не соответствующее семантическим характеристикам прилагательных данной группы: **каунячий** *семички*: в литературном языке в качестве мотивирующего слова в этой модели выступают названия животных (в говоре — названия конкретных предметов).

Необходимо отметить специфику морфологического оформления относительно-притяжательных прилагательных **жениховий**, **снохиний**, которые имеют в форме именительного падежа такую же форму, как типичное прилагательное с материально выраженным окончанием, а не форму именительного падежа с нулевым окончанием, как в норме литературного языка имеют лексемы типа *отцов*, *мамин* (т.е., как существительные). В данном случае мы встречаем пример унификации склонения относительно-притяжательных прилагательных в говоре под давлением более продуктивного и распространенного типа адъективного склонения, характерного для качественных и относительных прилагательных.

Кроме того, уместно отметить, что прилагательное **жениховин** имеет двойной суффикс притяжательности: -ов- + -ин-, возникший, очевидно, недостаточной информативности для казака-некрасовца финали -ов.

Особо следует остановиться на одном из значений и функции таких многозначных прилагательных, как **смёртний** и **тёмный**. Данные прилагательные обладают в говоре казаков-некрасовцев наречным значением меры, степени количества (со значением усиления) в сочетании с прилагательным: *Унук у мене байчивай смёртнай*. — *Ети турки багатаи тёмнаи*.

Безударные флексии определенных падежных форм прилагательных говора являют-

ся специфичными, не совпадающими с окончаниями соответствующих форм в литературном языке. Это флексии прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже — на мягкий согласный.

Опишем названные флексии подробнее.

1) Заударная флексия -ай/-яй в и. п. / в. п. ед. ч. м. р.: *щабор дикай и свойскай, лиман чистай, камарь смёртнай, извар разнай, яблчанай, сливнай, чугуи чёрнай, сынок старшай, аттэлишнай псалтырь, лапас летняй, клявец вострай*.

В тоже время в нашем материале есть безударные флексии -ый/-ий в и. п. / в. п. ед. ч. м. р. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, на мягкий согласный, что соответствует нормам литературного языка, но таких форм немного в сопоставлении с формами с заударной флексией -ай. Приведем примеры: *вечёрошний, старинский, тотышний, надышний, великий, недобрый, несламый, палированный, знатный*.

2) Заударная флексия -аи/-яи в и. п. / в. п. мн. ч. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже — на мягкий согласный: *васильки мелкаи, казаны меднаи, палужанаи, бишмяти шалкутнёваи и шымлазёваи, шубы тёплаи, люди дикаи, кочки кукурузнаи, веки чёрнаи, портки синяи*.

В тоже время в нашем материале есть безударная флексия -ии/-ьи в и. п. / в. п. мн. ч. указанных прилагательных с указанными основами, что соответствует нормам литературного языка: *калканавыи сети, парки кырмызавыи, жыравыи яйца, цвяты простыи, песни свадьбиныи, астяцки сиребриныи, мельницы парусяныи, балахоны синии, святы своскискии*.

3) Заударная флексия -аю/-яю в в. п. ед. ч. ж. р. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже — на мягкий согласный: *Турецаю школу зделали*. — *Круглаю пышку скатаим*. — *Древу ровнаю кладем*. — *Ивропскаю приняли адёжу*. — *Толстаю древу вытёсываем*. — *Салёнаю есту пададим*. — *Палажыла жолтаю краску*. — *Завеску шыли святистаю*. — *К красному шём синяю*. — *На склискаю дарогу*.

В тоже время в нашем материале есть безударная флексия -ую в и. п. / в. п. мн. ч. указанных прилагательных, что соответствует нормам литературного языка: *на маслинную*

ниделю, на **красную** рыбу, адень **чистую** бѣрахлину, пасодють в **большую** месту, варку взял **свиную**, на **великую** ниделю, в **туда-нюю** лету.

Специфика безударных флексий наиболее частотных в речи падежных форм прилагательных говора объясняется, по-нашему мнению, стремлением носителя говора к унификации безударных окончаний прилагательного.

Сравнительная степень. Для говора некрасовцев характерны формы простой сравнительной степени. Одни формы идентичны по способу образования (основе и суффиксу) с формами простой сравнительной степени в литературном языке. Это формы, образованные от основы положительной степени имени прилагательного с помощью суффиксов -ше, -ще, -же: *эта сѣстра ишо **меньша**; нарѣдк **гуца**; рищель **слажы**; день **жарчи***.

Кроме того, в говоре наличествуют архаичные формы сравнительной степени. Это формы, образованные от основы превосходной степени соответствующих прилагательных (в современном осмыслении этих основ в литературном языке) с помощью формообразовательного суффикса -е: *Павины **красивейша** чапуры. – Эта т внучик **палнейша**. – Наши вареники **крупнейша***.

Необходимо отметить, что исторически подобные мотивирующие прилагательные (в нашем случае *красивейший, полнейший* и т.п.) являются полной формой сравнительной степени. По мнению историков языка, у восточных славян формы превосходной степени как таковой не было. При переводах с греческого языка для передачи идеи превосходства использовали приставки пре-, наи-, наречия степени *вельми, зело, очень*, прилагательное *самый* [8, р. 342; 10, р. 214]. И. В. Устинов приводит такой пример значения сравнительной степени у полной формы сравнительной степени прилагательных с суффиксами -ейш-, -айш в древнерусском языке (из переписки И. Грозного с Кубским): «*Василий крепчайший Григория*» [10, р. 215] использование форм прилагательного с суффиксами -ейш-, -айш в функции сравнительной степени характерно для XV в., а также в редких случаях и для XIX в.: «*Счастливейший всех вод земных*» (М. Ломоносов), «*Первый университет Российский ... возвысится еще на степень славнейшую в ученом свете*» (Н. Карамзин), «*Это создание несравненно чистейшее и безупречнейшее, чем мы с вами*» (М. Достоевский) [цит. по книге 10, р. 215].

Полная форма сравнительной степени восточнославянских прилагательных с суффик-

сами -ейш-, -айш- в значении превосходной степени стала использоваться сравнительно поздно.

Сложная сравнительная степень, по нашим данным, в речи казаков-некрасовцев нам не встретилась.

Превосходная степень. Для говора казаков-некрасовцев характерна только формы сложной превосходной степени прилагательного:

1) сравнительная степень прилагательного + слово всех: ***Фсех слажа** рыба там была. – **Фсех дорожы** квасоль.*

2) положительная степень прилагательного + слово самый: ***самыи малинькии** утачки, **самая старинная** ества, **самая каниная** яда.*

Уместно отметить, что в последнем примере форма превосходной степени относится к относительно-притяжательному прилагательному, что не характерно для литературного языка, в говоре происходит расширение структурно-семантических границ формы превосходной степени.

Простая форма превосходной степени в наших записях речи казаков-некрасовцев не зафиксирована, что подтверждает высказывание такого историка языка, как В. В. Колесов, о том, что «в русской ментальности идея превосходства не развивалась последовательно и регулярно» [8, с. 342].

Анализ **специфики словообразовательной системы** прилагательного говора выявил, что прилагательные говора располагают следующими способами словообразования: 1) суффиксальным, 2) префиксальным 3), субстантивацией, 4) префиксально-суффиксальным, 5) способом сложения (способы расположены в порядке их приоритетности). Большинство прилагательных говора образовано с помощью суффиксации, так же, как и в литературном русском языке

Необходимо отметить особые способы словообразования, свидетельствующие о креативности языкового сознания некрасовцев. Это способ словообразовательной языковой игры, который представлен таким своим видом, как рифмованное эхо, заключающийся в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука и с добавлением эмоционально-экспрессивного компонента значения: ***зеленый-миленый*** (о зеленых овощах), ***палировьи-малировьи*** (о разных видах посуды).

Имеется случай **метафорического словообразования**: прилагательное ***суязный*** – «о человеке: свободный» в качестве мотивирующего имеет такой семантический переносный компонент значения, как «свободный», от слова говора *суяз* – «порода диких уток».

Значительная часть словообразовательных моделей **макрокласса «Прилагательное»** говора казаков-некрасовцев существует в русском литературном языке, являясь частной реализацией общей для русского национального языка словообразовательной системы.

В то же время имеется целый ряд **специфичных в структурном и семантическом отношении** словообразовательных моделей говора в сопоставлении со словообразовательной системой литературного языка (данный говор является островным, материал других русских говоров не привлекается).

Все специфичные словообразовательные модели в составе прилагательных говора казаков-некрасовцев относятся к суффиксации. В качестве мотивирующей основы специфичные адъективные словообразовательные модели говора имеют прилагательные (они преобладают), а также существительные; как правило, они обладают мутационным словообразовательным значением (но есть и модификационные значения). В целом среди специфичные словообразовательных моделей говора преобладают **суффиксальные отадъективные модели с модификационным значением**.

В составе специфичных в структурном и семантическом отношении словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев находятся такие, к которым относятся несколько мотивированных прилагательных, поэтому они отвечают всем признакам словообразовательной модели. Это словообразовательная модель с **модификационным** ласкательным экспрессивным значением **Adj + формант -ечк-, -енечк-: мелечкий, беднечкий; низнечкий,**

тоненечкий, маленечкий, краснечкий, сьтенечкий.

Кроме того, есть квазимодели специфичного характера, по которым в нашем материале имеется только одно мотивированное слово, т.е. они в полной мере не могут быть названы моделями: 1) модель со значением **стилистической модификации Adj + формант -ин-: схожиный**; 2) модель со значением **стилистической модификации: формант су- + Adj: сукупный** – «совокупный, объединенный»; 3) модель с **мутационным значением: S + формант -чит-: разговорчитый**.

В ряде мотивированных прилагательных говора наблюдаются уникальные наращивания суффикса: в слове **предненский** – «относящийся к старине, к предкам» имеется уникальное наращивание (**нен**); в лексеме **слухляный** – «послушный» имеется уникальное наращивание (**л**); в прилагательном **жениховин** в составе суффикса имеется уникальное наращивание (**ов**).

В целом анализ словообразовательной системы прилагательного говора показывает, что её реализация, а также семантические и структурные нормы являются более гибкими и более последовательными в сопоставлении с аналогичными нормами литературного русского языка.

Заканчивая исследование, приведу слова некрасовцев о красоте их говора: «А самый чистый русский язык – это у нас. Пройди по всему белому свету, чище нашей речи нигде не найдешь», – так в конце XIX в., находясь в эмиграции, описывали некрасовцы свою речь русскому путешественнику В. И. Иванову-Желудкову [7, р. 417].

Литература

1. Аванесов Р. А. Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1962. 254 с.
2. Бородин М. А. Проблемы лингвистической географии. М.-Л.: Наука, 1966. 219 с.
3. Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М.: Институт славяноведения РАН. СПб: Нестор-История, 2014. 692 с.
4. Ганцовская Н. С. Говоры Верхней Унжи в интерпретации А. В. Громова // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. А. Виноградова, 2012. С. 24–27.
5. Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М.: Языки славянских культур, 2017. 728 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. М.: «Прогресс» «Универс». Т. 1–4, 1994.
7. Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии //Русский вестник. 1866. Т. 63, Июнь. С. 414–451.
8. Колесов В. В. История русского языка. М.- СПб: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
9. Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения, 2016. 320 с.
10. Устинов И. В. Очерки по русскому языку. М.: МГПИ им. Ленина, 1959. 382 с.

References

1. Avanesov R. A. Voprosy teorii lingvisticheskoy geografii / ed by R. I. Avanesova (*The theory of linguistic geography*). Moscow: Nauka, 1962. 254 p. (In Russian).
2. Borodina M. A. Problemy lingvisticheskoy geografii (*Problems of linguistic geography*). Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. 219 p. (In Russian).
3. Vendina T. I. Tipologiya leksicheskikh arealov Slavii (*Typology of lexical areas of Slavia*). Moscow: Institute Slavic studies of RAS publ., 2014. 692 p. (In Russian).

4. Gantsovskaya N. S. Govory Verkhnej Unzhi v interpretatsii A. V. Gromova (*Dialects of Verkhnaya of Unzha in the interpretation of the A. V. Gromov*). // Aktual'nye problemy russkoj dialektologii. Moscow: Institute of Russian language named after V.A. Vinogradov publ., 2012. P. 24–27. (In Russian).
5. Gryaznova V. M. Govor kazakov-nekrasovtsev Stavropol'skogo kraja (*Dialect of Nekrasov Cossacks in the Stavropol Krai*). Moscow: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2017. 728 p. (In Russian).
6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v chetyrekh tomakh (*Dictionary of the Russian language in four volumes*). Vol. 1–4. Moscow: «Progress» «Univers», 1994. (In Russian).
7. Ivanov-Zheludkov V. I. Russkoe selo v Maloj Azii (*Russian village in Asia Minor*) // Russkij vestnik. 1866. Vol. 63. June. P. 414–451. (In Russian).
8. Kolesov V. V. Istoriya russkogo yazyka (*History of the Russian language*). Moscow – St. Petersburg: Akademiya, 2005. 672 p. (In Russian).
9. Plotnikova A. A. Slavyanskie ostrovnye arealy: arkhaisma i innovatsii (*Slavic island habitats: archaism and innovation*). Moscow: Institut slavyanovedeniya, 2016. 320 p. (In Russian).
10. Ustinov I. V. Ocherki po russkomu yazyku (*Essays on Russian language*). Moscow: MSPI named after Lenin publ., 1959. 382 p. (In Russian).

УДК 81'371

М. К. Гусаренко

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ОПТАТИВОВ-ПОЖЕЛАНИЙ В ИСПАНСКОМ РАЗГОВОРНОМ ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ АНАЛОГАМИ

Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, состояла в описании и классификации грамматических средств выражения значений испанских оптативов-пожеланий в соотношении с их дискурсивной прагматикой. При изучении грамматики испанских оптативов-пожеланий учитывались такие параметры их функционирования, как внеязыковые условия использования пожелания, его пропозициональное содержание, характер экспрессивности оптатива-пожелания, лингвопрагматические аспекты применения оптативов-пожеланий. По признаку обусловленности внеязыковыми факторами оптативы-пожелания в испанском разговорном дискурсе были разделены на пожелания, обусловленные релевантными

неязыковыми событиями, и пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего. Сделан вывод, что в испанском разговорном дискурсе в качестве основного грамматического средства выражения значений оптативов-пожеланий выступает глагол в пропозициональной части в форме *Subjuntivo*, который может вводиться как стандартной частицей *que*, так и окказиональной частицей *ojalá*. Перформативные способы выражения значений преобладают среди оптативов-пожеланий, обусловленных аффективными состояниями говорящих

Ключевые слова: оптатив-пожелание, дискурсивная прагматика, пропозиция, перформатив, грамматические средства, разговорный дискурс.

М. К. Gusarenko

ON WAYS OF EXPRESSION OF OPTATIVE-WISHES IN SPANISH CONVENTIONAL DISCREDITED DISCOURSE IN COMPARISON WITH RUSSIAN ANALOGUES

The purpose of the study, the results of which are presented in this article, consisted in describing and classifying the grammatical means of expressing the meanings of Spanish optative wishes in relation to their discursive pragmatics. When studying the grammar of Spanish optative-wishes, such parameters of their functioning as extralinguistic conditions for using the wish, its propositional content, the character of expressiveness of optative-wishes and linguopragmatic aspects of the application of optative wishes were taken into account. On the basis of the conditionality of extra-linguistic factors of optative wishes in the Spanish colloquial discourse, the desires caused by rele-

vant non-linguistic events and the wishes conditioned by the affective states of the speaker were divided. It is concluded that in the Spanish colloquial discourse, the verb in the propositional part is in the form of *Subjuntivo*, which can be introduced as a standard *que* particle, and as an occasional particle *ojalá*, as the basic grammatical means of expressing the meanings of optative wishes. Performative ways of expressing meanings prevail among the optative-desires caused by affective states of speakers.

Key words: optative-wish, discursive pragmatics, proposition, performative, grammatical means, conversational discourse.

В данной статье представлены результаты исследования, целью которого были определены описание грамматических средств выражения значений испанских оптативов-пожеланий, их классификация, а также соотношение с лингвопрагматическими факторами, под которыми мы понимаем правила и условия применения оптативов-пожеланий в речи. Исходя из

этого, в ходе изучения грамматических свойств испанских оптативов-пожеланий в качестве ключевых были определены следующие их параметры и характеристики: экстралингвистические условия использования пожелания, его пропозициональное содержание [1, 7], характер экспрессивности оптатива-пожелания [4], лингвопрагматические аспекты применения

оптативов-пожеланий. В качестве материала для исследования послужили художественные и публицистические тексты последней четверти XX в. – первых лет XXI в., в которых содержатся высказывания с оптативами-пожеланиями в устной речи персонажей, а также тексты устных выступлений на испанском радио этого же периода.

Дискурс в контексте нашего исследования мы понимаем как конвенционально возможные или необходимые в тех или иных коммуникативных ситуациях совокупности (или последовательности) речевых актов [5; 6; 8], разновидности и параметры которых определяются релевантными социокультурными факторами. Разговорный дискурс, таким образом, мы рассматриваем как последовательности речевых актов, употребляемых в обыденной коммуникации и не принадлежащих другим типам дискурса [3].

В ходе исследования установлено, что употребление в испанском разговорном обыденном дискурсе оптативов-пожеланий обусловлено внеязыковыми факторами, что в полной мере соответствует правилам употребления русских оптативов [2]. По признаку обусловленности внеязыковыми факторами оптативы-пожелания в испанском разговорном дискурсе были разделены (а) пожелания, обусловленные релевантными неязыковыми событиями, и (б) пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего. Далее рассмотрим эти разновидности подробнее.

При анализе **оптативов-пожеланий, обусловленных релевантными неязыковыми событиями**, нами были выделены следующие наиболее распространенные способы выражения грамматических значений:

1) Высказывания с глаголом в форме Subjuntivo, вводимые частицей *que*:

Синтаксическая модель:

**Que + Pred: Verbo Subj 2/3 pers +
+ Compl directo / indirecto**

Пример:

(1) – *Que tenga buen viaje, señor Matutes.*

(Los desayunos de Radio Nacional, 30/05/96, RNE 1)

В данном фрагменте выступления на испанском национальном радио мы имеем дело с ситуацией «Расставание», и выделенное высказывание дословно можно перевести как *Пусть (вы) имеете добрый путь, сеньор Матутес* (Здесь и далее перевод наш. – Г. М.). Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения Subj 3 pers	Пропозиция
(1) <i>Deseo</i> (имплицитно)	<i>Que tenga</i>	<i>Usted tiene buen viaje</i>
<i>Желаю</i>	<i>Пусть вы имеете</i>	<i>Вы имеете добрый путь</i>

В качестве ближайшего русского аналога можно рассматривать оптатив-пожелание *В добрый путь!*, который в реконструированном виде можно, по-видимому, представить как *Пусть вы отправляетесь в добрый путь!* Как видим, русская редуцированная форма также не содержит перформативного показателя функции и вообще не употребляется с глаголом, в то время как испанский оптатив содержит стандартный глагол связки *tener* (*иметь*) с прямым дополнением. Перформативная форма изучаемого пожелания: *Deseo que tenga buen viaje*.

2) Редуцированные высказывания, содержащие только прямой объект глагола *tener*:

Синтаксическая модель:

**(Que + Pred: Verbo tener Subj 2/3 pers) +
+ Compl directo: Nombre**

Пример:

(2) – *Nos veremos en la iglesia: buen viaje hasta ella – dijo bromeando.*

(3) – *Suerte – contesté yo. Así empezó a convertirse en la señora Moraldo.*

(Salisachs, Mercedes. La gangrena)

В данном фрагменте мы также имеем дело с ситуацией «Расставание», высказывания в диалоге дословно можно перевести следующим образом:

– *Увидимся в церкви: доброго пути к ней. – сказала она шутливо.*

– *Удачи, – ответила я. Так она начала превращаться в сеньору Моральдо.*

Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения Subj 3 pers	Пропозиция
(2) <i>Deseo</i> (имплицитно)	<i>Que tenga</i> (имплицитно)	<i>Usted tiene buen viaje</i>
<i>Желаю</i>		<i>Вы имеете добрый путь</i>
(3) <i>Deseo</i> (имплицитно)	<i>Que tenga</i> (имплицитно)	<i>Usted tiene suerte</i>
<i>Желаю</i>		<i>Вы имеете удачу</i>

Русский аналог высказывания (2) мы рассмотрели выше, в качестве ближайшего русского аналога высказывания (3) можно рассматривать оптатив-пожелание *Удачи*, который в реконструированном виде выглядит как *Желаю вам удачи*. Русская редуцированная форма восстанавливается посредством перформатива *желаю*, прямым объектом которого выступает сам предмет пожелания без каких-либо связочных глаголов и усложнения структуры, на что указывает родительный падеж слова *удача*, чего требует управление глагола *желать*. В отличие от русского испанский оптатив-пожелание при реконструкции обязательно подразумевает введение грамматической формы *Que tenga*, то есть в перформативной форме это пожелание выглядело бы как *Deseo que tenga suerte*.

3) Косвенные оптативы – императивные высказывания:

Синтаксическая модель:

Pred: Verbo Imper 2/3 pers + Compl directo:
Nombre / Pronombre

Пример:

(4) *Lucio ¿¿Po... por qué lo dice??*

(5) *Contrabandista Bala al curioso. (Pasa una bala): Por eso. Por si acaso, no más... Chao, niños. **Pásenlo bien**.*

(6) *Lucio: Chao, buen viaje.*

(7) *Roque ¡Cúdate!*

(Álvarez, Pablo. La Catedral de la luz)

Лусио: Почему ты это говоришь?

*Контрабандист Бала любопытствующему (Пролетает пуля): Вот поэтому. На всякий случай... Чао, дети. **Проведите время хорошо**.*

Лусио: Чао, доброго пути.

*Роке: **Береги себя**.*

Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения Imper 2/3 pers	Пропозиция
(5) <i>Deseo</i> (имплицитно)	(5) <i>Pásen(lo) - Imper 3 pers</i>	<i>Ustedes lo pasan bien</i>
	<i>Проведите</i>	<i>Вы проводите время хорошо</i>
(7) <i>Deseo</i> (имплицитно)	(7) <i>Cuída(te) - Imper 2 pers</i>	<i>Tú te cuidas</i>
	<i>Береги</i>	<i>Ты бережешь себя</i>

В данном случае мы наблюдаем совпадение косвенных средств выражения оптативных

значений: и в испанском языке, и в русском оптативное значение выражается косвенным способом – посредством императивного высказывания: ср. в русском языке при прощании: *Будь здоров!* Основное различие состоит в том, что в испанском языке существует специфическая вежливая форма императива в третьем лице, как в высказывании (5), чего нет в русском языке.

4) Синтаксическое сращение **Enhorabuena**.

В своем первоначальном виде выражение *En hora buena* соответствует русскому аналогу *В добрый час* и используется для пожелания удачи в каком-либо начинании. В испанском языке это выражение подверглось синтаксическому сращению и в некоторых контекстах приобретает морфолого-синтаксические черты существительного, как в приведенном ниже примере:

(8) *Acabo de proponer al Consejo tu nombramiento como nuevo presidente del Banco Español de Crédito, y la propuesta ha sido aceptada por unanimidad. (9) **Mi enhorabuena más cordial!!!***

(Cacho Cortés, Jesús. Asalto al poder.

La revolución de Mario Conde)

*Я только что предложил Совету твое назначение на должность президента Кредитного банка Испании, и предложение было принято единогласно. **Мои самые сердечные пожелания!***

Выражение (9) буквально можно перевести как *Мое самое сердечное вдобрый час!* Как видим, притяжательное местоимение *mi* и согласованное определение *más cordial* указывают на то, что компонент *enhorabuena* имеет в данном случае статус существительного. Аналогов этому среди русских оптативов-пожеланий не выявлено.

В то же время пожелание *enhorabuena* в полной мере употребляется без каких-либо синтаксических приращений:

(10) – *Que hacemos un acuerdo con Banesto, que puede tener la forma de OPA. (11) – **Pues muy bien, enhorabuena.***

(Cacho Cortés, Jesús. Asalto al poder.

La revolución de Mario Conde)

– *Так что мы заключим с Банесто договор, который может иметь форму ОПА.*

– *Очень хорошо, **в добрый час**.*

Лингвопрагматический аспект высказываний (9) и (11) представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения	Пропозиция
(2) <i>Deseo</i> (имплицитно)	<i>Que sea</i> (имплицитно)	<i>Hora es buena</i>
<i>Желаю</i>	<i>Пусть будет</i>	<i>Час - добрый</i>

При работе с **оптативами-пожеланиями, обусловленными аффективными состояниями** говорящего, были определены следующие наиболее распространенные способы выражения грамматических значений:

5) Перформативные высказывания с глаголом **deseo** и прямым дополнением к нему, называющим предмет пожелания.

Синтаксическая модель:

**Pred: Verbo deseo Indic 1 pers +
+ Compl directo: Nombre**

Пример:

(12) – *Te deseo lo mejor; que ya sé que todo te va muy bien.*

(13) – *No puedo quejarme. Espero que tú sigas tan feliz por muchos años.*

(Llongueras, Lluís. Llongueras tal cual.

Anécdotas y recuerdos de una vida)

– *Я желаю тебе самого хорошего, а я уже знаю, что все у тебя идет очень хорошо.*

– *Не могу жаловаться. Я желаю, чтобы ты был очень счастливым долгие годы.*

В приведенном выше фрагменте диалога субъект высказывания (12) выражает свое доброе отношение своему собеседнику после долгого расставания посредством перформатива **Te deseo lo mejor**.

Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения	Пропозиция
(12) <i>Deseo</i>		<i>(tienes) lo mejor</i>
<i>Желаю (тебе)</i>		<i>(У тебя в жизни) самое лучшее</i>

Русский перевод высказывания (12) представляет собой прямой его аналог, повторяющий синтаксическую модель: Перформатив **желаю** + прямой объект-адресат (*тебе/вам*) + прямой объект – предмет пожелания (*самого лучшего*).

6) Сложные перформативные высказывания с глаголом **deseo** и придаточным изъяснительным с глаголом в форме Subjuntivo.

Синтаксическая модель:

**[Pred: Verbo deseo/espero Indic 1 pers] que +
+ Sujeto: Pronombre 2/3 pers + Pred:**

Verbo sigas Subj 2/3 pers Adjetivo/Nombre

В приведенном выше примере высказывание (13) построено по такой модели. В качестве перформативного употреблен глагол **espero** – *надеюсь* в значении *желаю* (ср. русское *Надеюсь, все у тебя будет хорошо* как пожелание), в придаточном употреблена форма Subjuntivo *sigas*, что является непосредственной формой выражения грамматического значения оптатива пожелания.

Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения	Пропозиция
(13) <i>Deseo</i>	<i>que tú sigas</i>	<i>tú eres feliz</i>
<i>Желаю (тебе)</i>	<i>чтобы ты был</i>	<i>Ты счастлив</i>

Отметим, что в русском языке существует модель *Желаю тебе, чтобы ты...*, соответствующая испанскому *Deseo que tú + Subj*, но отсутствует модель *Надеюсь, чтобы ты...*, которая соответствовала бы испанскому *Espero que tú + Subj*. Присутствие формы Subjuntivo в придаточном, по нашему мнению, свидетельствует об усложнении семантики глагола **espero**, а именно о приращении к ней элемента собственно оптативного значения.

Если в пропозициональной части высказывания (13) субъектом выступает адресат пожелания, выраженный местоимением *tú*, то в приведенном ниже примере в качестве субъекта в пропозициональной части пожелания (15) выступает существительное *botiquín*, при этом ему предикцируются состояния, желательные для адресата оптатива-пожелания:

(14) *Para transportar todos los útiles que componen el botiquín puedes servirte de una bolsa del tipo de la que empleamos para guardar herramientas.* (15) *Te deseo que el botiquín te sirva como amuleto de la buena suerte y que nunca tengas que utilizarlo.*

(Bueno, Pablo. El libro del mountain bike)

Чтобы возить все необходимое, что включает дорожная аптечка, ты можешь использовать сумку типа той, что мы используем для хранения инструментов. Я тебе желаю, чтобы эта аптечка служила тебе только оберегом твоей счастливой судьбы и чтобы тебе никогда не пришлось использовать ее.

В семантической записи лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания можно представить следующим образом:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения	Пропозиция
(15) <i>Deseo</i>	<i>que ... sirva</i>	<i>El botiquín te sirve como amuleto de la buena suerte</i>
<i>Желаю (тебе)</i>	<i>чтобы ... служила</i>	<i>Эта аптечка служит тебе только оберегом твоей счастливой судьбы</i>

7) Высказывания с глаголом в форме *Subjuntivo*, вводимые частицей *Ojalá*:

Синтаксическая модель:

Ojalá (que) + Pred: Verbo Subj 2/3 pers

Пример:

(16) *Cuando le he preguntado si había disparado contra alguien, me ha contestado con la voz quebrada:*

(17) *Por favor... no me preguntes eso.*

(18) *Yo me he sentido turbado y no sé bien qué le he dicho. Mañana marcha hacia Italia para intentar entrar otra vez en Sarajevo.* (19) ***¡Ojalá le vaya bien!***

(Morena, José Ramón de la. Los silencios de El Larguero)

Когда я его спросил, стрелял ли он в кого-нибудь, он мне ответил надтреснутым голосом:

– Пожалуйста... Не спрашивай меня об этом.

*Я смутился и сейчас уже не помню, что сказал ему. Завтра он отправляется в Италию, чтобы попытаться еще раз войти в Сараево. **Хоть бы у него все было хорошо!***

Частица ***Ojalá*** представляет собой синтаксическое сращение, которое сформировалось в старокастильском диалекте от арабской формулы *law sha'a Allah* (Si Dios quisiera) и обозначает пожелание нереальное на момент говорения, но не исключающее возможность осуществления в будущем. В русском языке подобных образований обнаружено не было, что вполне может быть объяснено отсутствием исторических предпосылок для их появления.

Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания представим в семантической записи:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения Subj 3 pers	Пропозиция
(19) <i>Deseo</i> (имплицитно)	<i>Ojalá ... vaya</i>	<i>Le va bien</i>
<i>Желаю</i>	<i>Хоть бы ... было</i>	<i>Все хорошо</i>

Среди испанских оптативов-пожеланий, обусловленных аффективными состояниями говорящего, были выявлены и такие, значения которых выражаются посредством грамматических средств, отнесенных нами к первому типу. Они строятся по следующей синтаксической модели:

Que + Pred: Verbo Subj 2/3 pers + Compl directo / indirecto

Например:

(20) – ***Que no hable de política. Todo es política. Ahora dicen que vamos hacia la democracia.***

(Vázquez Montalbán, Manuel. La soledad del mánager)

– Давайте вы не будете говорить о политике. Все есть политика. Сейчас говорят, мы идем к демократии.

Лингвопрагматический аспект анализируемого высказывания:

Перформативный показатель иллокутивной функции	Грамматический показатель значения Subj 3 pers	Пропозиция
(20) <i>Deseo</i> (имплицитно)	<i>Que no hable</i>	<i>Ud. no habla de política</i>
<i>Желаю</i>	<i>Давайте вы не будете...</i>	<i>Вы не говорите о политике</i>

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что в испанском разговорном дискурсе в качестве основного грамматического средства выражения значений оптативов-пожеланий выступает глагол в пропозициональной части в форме *Subjuntivo*, который может вводиться как стандартной частицей *que*, так и окказиональной частицей *ojalá*. Отмечено, что перформативные способы выражения значений преобладают среди оптативов-пожеланий, обусловленных аффективными состояниями говорящих. Такое положение дел, как представляется, можно объяснить тем, что если употребление оптативов, обусловленных релевантными неязыковыми событиями, имеет несколько формальный, этикетный характер, что

привело к редукции перформатива, то при употреблении оптативов-пожеланий, обусловленных аффективными состояниями говорящих, адресат речи преднамеренно употребляет пер-

формативную формулу *Deseo*, чтобы подчеркнуть иллокутивное значение высказывания, в полной мере дать понять адресату свое речевое намерение.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: ЛКИ, 2007. 384 с.
2. Гусаренко М. К. Оптитивы-пожелания в разговорном обыденном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 83–86.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
4. Корди Е. Е. Оптитивность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 174–180.
5. Милевская Т. В. Грамматика дискурса. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 312 с.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 87–116.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 4-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
8. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

References

1. Arutjunova N. D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problem (*The sentence and its meaning. Logical and semantic problems*). Moscow: LKI, 2007. 384 p. (In Russian).
2. Gusarenko M. K. Optativy-pozhelanija v razgovornom obydennom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (*Optative-wishes in colloquial everyday discourse // Philological sciences. Questions of theory and practice*). Tambov: Gramota, 2013. No. 7 (25): In 2-h Vols. Vol. II. P. 83–86. (In Russian).
3. Karasik V. I. O tipah diskursa (*On types of discourse*) // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs. Volgograd: Peremena, 2000. P. 5–20. (In Russian).
4. Kordi E. E. Optativnost' (Optativity) // Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' / ed by A. V. Bondarko. Leningrad: Nauka, 1990. P. 174–180. (In Russian).
5. Milevskaja T. V. Grammatika diskursa (*Grammar of discourse*). Rostov on Don: RSU publ., 2003. 312 p. (In Russian).
6. Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie (*Word as action*) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Teorija rechevyh aktov. Issue. XVII. Moscow: Progress, 1986. P. 87–116. (In Russian).
7. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij) (*The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)*). Moscow: Editorial URSS, 2004. 288 p. (In Russian).
8. Serl' Dzh. R. Klassifikacija illokutivnyh aktov (*Classification of illocutionary acts*) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Teorija rechevyh aktov. Issue. XVII. Moscow: Progress, 1986. P.170–194. (In Russian).

УДК 81-11

Е. Н. Добрынина

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В данной статье анализируется функционально-прагматическая специфика особого рода политического дискурса, широко представленного на различных интернет-платформах. На основе функционального анализа рассматриваемого феномена в рамках коммуникативно-прагматического подхода делается вывод об особом виде коммуникации пограничного характера бытийного вида личностно-ориентированного типа в условиях соблюдения универсальных правил построения политического дискурса. Основой спецификации данного вида коммуникации выступают сфера деятельности продуцента и специфика канала связи, который при дистантности и обезличенности высказывания эксплицирует предельную субъективизацию и эффект присутствия. В процессе исследования выявлены основные позиции контр-коммуникантов, влияющие на возможность достижения перлокутивного эффекта. Сuggestивность наряду с коммуникативностью следует считать

важнейшими характеристиками функционально-прагматического потенциала политического интернет-дискурса – воздействие, манипуляция и трансляция информации являются основой актуализации собственной концептуально-валерной системы в политической интернет-коммуникации. В статье определено функционально-прагматическое пространство политического интернет-дискурса, базирующиеся на реализации следующих основных функций: 1) информационно-фактологическая, 2) аналитико-интерпретативная, 3) аттрактивная, 4) манипулятивно-фатическая, 5) экспрессивно-эвалютивная. В силу реализации именно этих функций информативный, аналитический, экспрессивный и оценочный модусы играют ведущую роль в дискурсе данного типа.

Ключевые слова: функционально-прагматические характеристики, политический дискурс, интернет-коммуникация, перлокутивный эффект, контекстуальное содержание.

Е. N. Dobrynina

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC SPACE OF POLITICAL INTERNET COMMUNICATION

The article analyzes functional and pragmatic peculiarities of a special type of political discourse actualized at Internet platforms. With the reference to functional analysis of the phenomenon under consideration within the framework of communicative-pragmatic approach, the author concludes a special form of borderline character, existential kind, personality-oriented type of communication under conditions of universal rules of political discourse construction. The field of producer's activity and the peculiar features of communication channel, which in line with distance and impersonality of the utterance express complete subjectivity and presence effect, serve the base to specify this type of communication. The study reveals the main positions of counter-communicants relevant for the potential of perlocution effect actualization. Suggestivity along with communicativity are

supposed to be considered the key features of functional and pragmatic potential of political Internet discourse as the influence, manipulation and information translation foster actualization of conceptual-valency system in political Internet communication. The article specifies functional and pragmatic space of political Internet discourse, which is based on actualization of the following functions: 1) information-factological, 2) analytical-interpretative, 3) attractive, 4) manipulative-phatic, 5) expressive-evaluative. Due to realization of these functions, the informative, analytical, expressive and evaluative modes play the key roles in this type of discourse.

Key words: functional and pragmatic peculiarities, political discourse, Internet communication, perlocutionary effect, context content.

Политическая интернет-коммуникация обладает достаточно высокой степенью экспли-

цитной прагматической валидности, понимаемая нами как совокупность некоторых свойств

показателей понятия или высказывания, проявляющееся в возможности использования его для предсказания значений показателей других понятий, и эксплицируемая в рамках реализации интенции контркоммуникантов всеми возможными средствами – лингвистическими и экстралингвистическими (параграфемными, иконическими) – достигнуть адекватного перлокутивного эффекта, при этом вербализуются особые алгоритмы или «схемы действия» при работе с текстом» [1, с. 52–53]. Следует учитывать, что интернет-пространство способно в рамках любого регистра общения адаптировать новые элементы под давлением экстралингвистических явлений, обогащая новыми языковыми единицами список средств воздействия. Вариативность языка политической интернет-коммуникации, которая обусловлена тенденциями социально-исторического развития на современном этапе, дает возможность продуценту оперативно реагировать на изменения в языковой системе и прогностических стратегиях потенциального реципиента. Однако прагматический потенциал политической интернет-коммуникации может быть определен не только в аспекте воздействия посредством логических средств аргументации, но и в рамках экспликации чувственно-эмоционального компонента, поскольку язык дистантных контркоммуникантов (членов опосредованной, темпорально расчлененной коммуникации) насыщен иллокутивными средствами манипуляции сознанием (сравнить: троллинг, фейк, кибер-буллинг, спам, флуд). Продуцент в подобной ситуации имеет возможность не просто информировать и анализировать политические события, но включаться в опосредованную креативную деятельность, характеризующуюся порождением новых языковых и параграфемных элементов, которые условно делятся на синграфемные (механизмы пунктуационного варьирования); супраграфемные (механизмы шрифтового варьирования); топографемные (механизмы варьирования плоскостной синтагматики текста) [7, с. 120–121], равно как и стилистико-синтаксических приемов.

Одной из преобладающих функционально-прагматических характеристик политической интернет-коммуникации является конкретизированная направленность на реципиента, выступающего, с одной стороны, как потребитель информации, а с другой, как объект интенционального манипулирования. В этом контексте необходимо учитывать, что «любая форма языкового выражения в тексте имеет

определенную причину, и, хотя возможны разные способы описания одной и той же ситуации, каждый способ языкового выражения не случаен» [2, с. 76]. Продуцент на всех уровнях оформления сообщения эксплицирует как свою прагматическую интенцию, так и эмоциональное авторское «Я», комментирующее и оценивающее описываемую политическую ситуацию, что говорит о доминировании роли продуцента, на базе интенциональных предпочтений которого и строится текст в пространстве интернета, а также об учете самим продуцентом внешнего фактора потенциального реципиента, проявляющееся во взаимодействии вербальных и невербальных единиц с контекстуальным содержанием данного типа общения [13, р. 561].

Уместным мы считаем прояснить само понятие «контекстуального содержания» высказываний политической направленности в интернет-пространстве, под которым мы понимаем фрагменты текстов и реальной действительности, способствующие обретению конкретной языковой единицей того смысла, который актуализируется посредством различных техник самим продуцентом. От величины контекстуального фрагмента зависит выделение микро- и макроконтраста. Микроконтекст в политической интернет-коммуникации эксплицируется в ближайшем семантическом и синтаксическом окружении интерпретируемого элемента, а макроконтраст определяет внетекстовые параметры, влияющие на его производство и интерпретацию (как гипертекстовое пространство – прото- и пост-текстов, так и политическое пространство объективной реальности). Немаловажное влияние на порождение высказывания и актуализацию в нем конкретного элемента оказывают способы и средства трансляции сообщения, локативно-темпоральные характеристики и политическая ситуация, социально-исторические предпосылки, культурологические и концептуально-валерные основания (базис формирования ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества), равно как и иные экстралингвистические факторы. Таким образом, функционально-прагматическое пространство политической интернет-коммуникации предопределено микро- и макроконтрастным содержанием пограничных особенностей политического и интернет-дискурсов.

В рамках анализа факторов влияния интерпретации реципиентов политического интернет-дискурса можно выделить его существенные конституенты: эффективность,

агрессивность, оценочность и аргументативную базу (часто базирующуюся на личностных предпочтениях) [8]. Исследуя прагматику политического интернет-дискурса необходимо особо отметить его функциональность как способность к реализации манипулятивного воздействия, экспликация которой происходит преимущественно в рассматриваемых контекстах и большей частью интенционально маркирована. Перлокутивный эффект подобного воздействия зависит от целевых установок применения тех или иных лексико-стилистических средств в конкретных коммуникативных ситуациях.

Конкретными параметрами изучения функционально-прагматического пространства политической интернет коммуникации, с точки зрения достижения адекватного иллюкутивного цели перлокутивного эффекта, носящие в большей степени универсальный характер для политического дискурса в силу своей направленности на пиар, побуждение к обсуждению и дискуссиям по решению социально-политических проблем и рекламу, конфликтогенность или синтонность, являются три функциональных компонента смысловой структуры газетно-публицистических текстов:

- информационный (трансляция содержательно-фактуальной информации);
- прагматический (нацеленный на манипулятивное воздействие);
- информационно-прагматический (направленный манипуляцию посредством авторского представления фактуальной информации с учетом фокуса потенциального реципиента) [3, с. 13–14].

Так, например, в следующем высказывании все три функциональных компонента эксплицируются посредством введения авторского неологизма *Islamofascism*, образованного посредством сложения двух существительных: *Islam* (ислам) и *fascism* (фашизм), который в данном случае используется для создания аналогии между идеологией определенных исламистских движений и фашизмом начала XX в., неофашизмом и тоталитаризмом [*Islamofascism*].

But then, he added, there is "Islamofascism" and also Iran, genuine threats that must be dealt with by force [11]. – Но тогда, добавил он, есть Исламофашизм и также Иран, главные угрозы, с которыми нужно бороться силой (перевод автора – Е. Д.).

Функциональная специфика же данного вида коммуникации, по сути обеспечивающая пограничный характер бытийного вида личностно-ориентированного типа заключается в

сфере деятельности продуцента и специфике канала связи, дающей дистантность и обезличенность высказывания, в рамках придельной субъективизации и эффекта присутствия.

Интернет-пространство, является на сегодняшний день наиболее экономным и самым эффективным средством манипулирования, что обуславливает его широкое использование в пропаганде политических взглядов как в ситуациях повседневного общения политических деятелей с народом, так и во время предвыборных кампаний с потенциальным электоратом (например, ведение блогов и страниц социальных сетей президентом США Дональдом Трампом). На основе этого некоторые исследователи выделяют следующие функции политического интернет-контента:

- политико-мобилизационная (организация нужного электората);
- политико-имиджевая;
- функция политической социализации электората [6, с. 31–34].

Симбиоз данных функций служит для реализации принципа информационно-коммуникационной конкуренции в процессе конструирования дискурса власти. Согласно другим данным, например, статистическому опросу пользователей блог-платформы LiveJournal (Живой Журнал), в качестве основных можно привести более расширенный список функций: коммуникативная, гедонистическая, мемуарно-биографическая, поэтическая, функция саморепрезентации, функция PR-инструмента.

Интернет-коммуникация в рамках влияния на конкретное лингвокультурное сообщество, согласно известному исследователю компьютерно-опосредованной коммуникации Корнелиусу Пушманну, реализует сходные как с первой, так и со второй классификацией функции:

- трансляция «свежей» информации как о деятельности и взглядах непосредственно продуцента высказывания, так и о явлениях и событиях описываемой в рамках конкретного блога, поста, страницы сферы, которая в той или иной мере интересует дистантных коммуникантов в пространстве интернета (Update other son activities and whereabouts);
- экспликация собственных взглядов и воззрений на ту или иную ситуацию, имеющих потенциальную возможность изменить существующие в сообществе стереотипы, бытующие в сообществе (expressing opinion sand influencing others);
- функция внешней сторонней рефлексии, т.е. так называемый feedback, возможность реализации двустороннего дистантного общения

с дальнейшей корректировкой тактик и стратегий манипуляции (seek others opinion sand feed back);

- мемуарная функция (thinking by writing);
- эмотивно-транквиляторная функция, снятие эмоционального напряжения в пространстве, заведомо предполагающем отсутствие прямой ответственности (release emotional tension) [12, p. 184].

Вне всякого сомнения, базовой функцией политического интернет-дискурса (как и всех других видов интернет-коммуникации) является коммуникативная функция – посредством ведения блогов, страниц в социальных сетях и т.п. происходит, прежде всего, общение контркоммуникантов в сети интернет. Значимость данной макрофункции невозможно переоценить, ведь именно установление первичного контакта при прогнозировании дальнейшего целенаправленного манипулятивного воздействия и аттракция потенциального реципиента и является главной целью автора [5].

Однако при всей важности данной макрофункции в рамках анализа политической интернет-коммуникации не менее важную роль с точки зрения коммуникативно-прагматического воздействия и манифестации собственной оценки и изменения стереотипов, на наш взгляд, приобретает суггестивная. Политический интернет-дискурс, по мнению некоторых зарубежных ученых [9], реализует экстремально-высокий прагматический эффект, что доказывает доминирование суггестивной (воздействующей) функции над информативной в политической интернет-коммуникации [4]. А значит выводит на первый план фокус продуцента, репрезентирующего собственное мнение, включающего в процесс слома стереотипных суждений (или наоборот их подкрепления и упрочения) собственную концептуально-валерную систему, и формирующего таким образом «новое политическое сознание» коллективного адресата [10, p. 3].

Экспликация суггестии происходит различными способами, например, в рамках тактики прямого приглашения к диалогу посредством актуализации «образов будущего» на уровне прогнозирования продолжения разговора по поводу комментируемого события:

It makes you wonder: why are guys like Graham so eager to suspend the rule of law? [11].
Discuss.

Это заставляет тебя удивляться: «Почему такие парни как Грэхам так сильно хотят приостановить действие закона? Подискутируем» (перевод автора – Е. Д.).

Равно как и в следующем высказывании происходит экспликация целенаправленного манипулятивного влияния по формированию негативного имиджа политика посредством многократного тавтологического повтора лексемы с доминантной негативной семантикой:

*Trump campaigned on **hating** Latinos, **hating** Muslims, and **hating** women <...>* [11]. – *Трампа проводил кампанию по **ненависти** к латиноамериканцам, **ненависти** к мусульманам и **ненависти** к женщинам* (перевод автора – Е. Д.).

Многократный повтор лексемы *hating* (ненависть) формирует некий образ бесчувственного тирана, диктатора в лице Д. Трампа, рисует его в как индивида, страдающего исламофобией, ксенофобией и мизогинией (неприязнью к женщинам).

Итак, в качестве макрофункций политической интернет коммуникации выступают суггестивная и коммуникативная функции, при анализе их взаимодействия возможно достаточно точно описать базовое функционально-прагматическое пространство этого типа дискурса и выделить конкретные специфические функции:

- 1) информационно-фактологическую – трансляция когнитивной информации о политическом событии вне зависимости от личностных предпочтений;
- 2) аналитико-интерпретативную – экспликация собственного взгляда на происходящие события, преломление и изменение политических стереотипов;
- 3) аттрактивную – акцентуация внимания гипотетического реципиента фактологической информации;
- 4) манипулятивно-фатическую – формирование и поддержание коммуникативного контакта с потенциальным реципиентом и актуализация собственных ценностных ориентаций;
- 5) экспрессивно-эвалютивную – экспликация собственной оценки в рамках реализации «политического имиджа».

Необходимо подчеркнуть вариативность экспликации данных функциональных подмножеств, они отнюдь не обязательны к реализации и не предстают как обособленные единства, большей частью происходит их органичный синтез, что и создает ещё более весомый коммуникативно-прагматический эффект. Применение же конкретных лексико-стилистических средств, тактик и стратегий наполнения данного функционального пространства происходит в рамках относительной свободы от жесткого навязывания конкретной идеологии и направленности на снятие амфиболичности в политической интернет-коммуникации, равно

как и в попытке прояснения сущности политических явлений. Именно в силу этих причин информативный, аналитический, экспрессивный и оценочный модули играют ведущую роль в дискурсе данного типа. В сообщениях политического характера, бытующих в интернет-пространстве не только транслируется некое социально-политическое явление, но и дается интерпретация события в преломлении через собственную концептуально-валерную систе-

му продуцента, а специфические условия интернет-коммуникации приводят к выражению мнения автора высказывания и его субъективной оценки как обезличенного, но в то же время предельно субъективированного тезиса и созданию у контркоммуниканта эффекта присутствия с возможностью реакции на данную интерпретацию события и осуществления обратной связи.

Литература

1. Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р. Способы вербализации когнитивного начала в немецкоязычных текстах патентного права: оригинал vs. перевод // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №3. С. 51–56.
2. Гилева А. В. Оценочные стратегии в языке Британской качественной и массовой прессы: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2005. 213 с.
3. Гильмутдинов В. И. Смысловая структура газетно-публицистических текстов: (на материале английского языка) // Семантика целого текста: тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987 г.). М.: Наука, 1987. С. 13–14.
4. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2014. №19. С. 92–104.
5. Диасамидзе Л. Р. Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТГУ, 2010. 224 с.
6. Дорожкин Ю. Н., Соленикова Н. В. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть. 2007. №6. С. 31–35.
7. Ключанов И. Э. К функциональной характеристике графических приёмов // Стилистика художественной речи: Межвузовский тематический сборник. Калинин: КГУ, 1982. 171 с.
8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УГПУ, 2003. 248 с.
9. Calame B. Truth, Justice, Abortion and the Times Magazine // The New York Times (DEC. 31, 2006). URL: <http://www.nytimes.com/2006/12/31/opinion/31pubed.html?n=Top/Opinion/The%20Public%20Editor/Calame&pagewanted=all> (Accessed: 21.09.2017).
10. Green D. The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987. 277 p.
11. Lewison J. APR 25, 2013 for Daily Kos. URL: <http://www.dailykos.com> (Accessed: 21.09.2017).
12. Puschmann C. «Thank you for thinking we could» – use and function of interpersonal pronouns in corporate web logs // Approaches to syntactic variation and genre. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 167–194.
13. Zúñiga G. de, Puig-i-Abril, Rojas, H. Weblogs, traditional sources online and political participation: An assessment of how the Internet is changing the political environment // New Media & Society. 2009. №11. P. 553–574.

References

1. Bredikhin S. N., Vartanova L. R. Sposoby verbalizatsii kognitivnogo nachala v nemetskoazychnykh tekstakh patentnogo prava: original vs. perevod (*Ways of cognitive beginnings verbalization in German texts of a patent right: the original vs. the translation*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2017. No. 3. P. 51–56. (In Russian).
2. Gileva A. V. Otsenochnye strategii v yazyke Britanskooy kachestvennoy i massovoy pressy (*The strategies of evaluation in British quality and popular press*): thesis. Moscow: MSLU publ., 2005. 213 p. (In Russian).
3. Gil'mutdinov V. I. Smyslovaya struktura gazetno-publitsisticheskikh tekstov: (na material angliyskogo yazyka) (*The semantic structure of the newspaper and journalistic texts (as exemplified in the English language)*) // Semantika tselogo teksta: tezisy vystupleniy na soveshchaniy (Odessa, sentyabr' 1987 g.). Moscow: Nauka, 1987. P. 13–14. (In Russian).
4. Goroshko E. I., Polyakova T. L. Politicheskii tvitting kak novyy zhanr internet-kommunikatsii (*Political tweeting as a new genre of Internet communication*) // Voprosy psikholingvistiki. 2014. No.19. P. 92–104. (In Russian).
5. Diasamidze L. R. Sposoby konstruirovaniya gendernoy identichnosti v internet-diskurse (*The methods of gender identity construction in online discourse*): Thesis. Tyumen': TSTU publ., 2010. 224 p. (In Russian).
6. Dorozhkin Yu. N., Solenikova H. V. Internet v izbiratel'nykh kampaniyakh: sovremennyye osobennosti i funktsii (*The Internet in electoral campaign: modern features and functions*) // Vlast'. 2007. No.6. P. 31–35. (In Russian).
7. Klyukanov I. E. K funktsional'noy kharakteristike graficheskikh priemov (*On functional characteristic of the graphic techniques*) // Stilistika khudozhestvennoy rechi: Mezhvuzovskiy tematicheskii sbornik. Kalinin: KSU publ., 1982. 171 p. (In Russian).
8. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii (*Metaphorical mosaics in modern political communication*). Ekaterinburg: USPU publ., 2003. 248 p. (In Russian).
9. Calame B. Truth, Justice, Abortion and the Times Magazine // The New York Times (DEC. 31, 2006). URL: <http://www.nytimes.com/2006/12/31/opinion/31pubed.html?n=Top/Opinion/The%20Public%20Editor/Calame&pagewanted=all> (Accessed: 21.09.2017).
10. Green D. The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987. 277 p.

11. Lewison J. APR 25, 2013 for DailyKos. URL: <http://www.dailykos.com> (Accessed: 21.09.2017).
12. Puschmann C. «Thank you for thinking we could» – use and function of interpersonal pronouns in corporate web logs // Approaches to syntactic variation and genre. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P.167–194.
13. Zúñiga G. de, Puig-i-Abril Rojas, H. Weblogs, traditional sources online and political participation: An assessment of how the Internet is changing the political environment // New Media & Society. 2009. No.11. P. 553–574.

УДК 81

М. В. Ласкова, Я. Г. Беликова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ФУТБОЛЬНОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Целью настоящей статьи является анализ футбольного дискурса как «проводника» национальной идентичности, отражающего самосознание представителей нации через массовую коммуникацию. В статье отмечается, что с момента своего зарождения футбол представал в качестве проводника национальной идеологии, а успехи национальной команды подогревали чувство патриотизма и единения нации. Соревновательная природа этой командной игры порождает яркие эмоции и их проявление отражает особенности национального характера.

Национальная идентичность может продуцироваться, трансформироваться и демонтироваться посредством языка, поэтому идея национальной идентичности реализуется через дискурс. Согласно проведенному в статье анализу, отражение

национальной идентичности в футбольном дискурсе базируется на трех ключевых составляющих, а именно использовании местоимения «мы», пространственном ориентировании и оппозиции «свой – чужой», каждая из которых представляет собой компонент дискурсивных практик, репрезентирующих особенности национального самосознания игроков, фанатов и представителей футбольного дискурс-сообщества в целом. В то же время авторы отмечают, что футбольный дискурс является вторичным, так как футбол подразумевает развлечение и не ассоциируется с первичными социальными благами.

Ключевые слова: национальная идентичность, спортивный дискурс, футбольный дискурс, дискурсное сообщество, оппозиция «свой – чужой».

M. V. Laskova, Ya. G. Belikova

NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF ENGLISH FOOTBALL DISCOURSE ANALYSIS

The present article aims to analyze football discourse as an 'agent' of national identity reflecting nation's self-awareness through mass consciousness. The study highlights that since its inception football acted as an agent of national ideology, and the successes of national teams propelled the sense of patriotic and national unity. The competitive essence of this team game generates bright emotions and their manifestation displays the common features of national character.

National identity can be produced, transformed and demounted through language, which is why the idea of national identity is realized through discourse. Based on the analysis conducted, the authors conclude that

national identity is being reflected through football discourse following on from three key elements, which are the use of the pronoun 'we', spatial orientation and the 'friend-or-foe' opposition. Each of these elements represents a component of discourse practices explicating the peculiarities of national self-awareness of players, fans and the representatives of discourse community in general. At the same time, the authors note that football discourse is a secondary one, since the game has been associated with entertainment, rather than with primary social amenities.

Key words: national identity, sports discourse, football discourse, discourse community, friend-or-foe opposition.

Учитывая, что спортивные повестки освещаются на последних страницах газет или в заключении новостных обзоров, спорт как бы существует в отдельной реальности, отчужденной от серьезных политических проблем [4]. Неотъемлемая ассоциативная связь, сопрягающая спорт с отдыхом, может служить поводом для исключения спорта из списка клю-

чевых «ингредиентов» культуры. Это, однако, соответствует действительности лишь отчасти, поскольку соревновательная природа спорта обнаруживает неразрывную связь со сложными системами человеческого поведения и общественных ценностей [5]. Футбол – особенно учитывая его массовость и глобальность – всегда способствовал объединению сооб-

ществ, консолидированию социальных отношений и (вос)производству классово, гендерно и национально дифференцируемых идентичностей [9, с. 105].

С самого своего зарождения футбол представлял в качестве «агента» национальности [1], являя собой значимый идеологический «проводник», с помощью которого репрезентировались информационно-идеологические установки общества [7, с. 239]. Успех команды на международном уровне превращает ее членов в национальные символы «современного патриотизма» [7, с. 241], подогревая чувство единства внутри нации и, одновременно, порождая мифы, приравнивающие футбольные достижения к национальному превосходству [2, с. 563].

Идентичность определяется в самом широком смысле как социальное позиционирование собственного «Я» в контексте противопоставляемых величин [8, с. 586]. Другими словами, идентичность отражает то, как индивиды и группы индивидов отличаются от других индивидов и групп индивидов в их социальных взаимодействиях [15, с. 4]. Отсюда следует, что идентичность несет на себе два базовых значения: первое связано с абсолютным тождеством, в то время как второе соотносится с выраженной индивидуальностью, которая «предполагает последовательность и непрерывность во времени» [16, с. 410]. Более того, идентичность не является ни врожденной, ни статичной. Наоборот, она формируется через социальный опыт и, таким образом, должна рассматриваться как «постоянно возобновляемая единица, утверждающаяся и трансформирующаяся на индивидуальном или коллективном уровне» [18, с. 210].

Согласно В. Дьюку и Л. Кролли [10, с. 4], в качестве фундаментальной коллективной идентичности человека предстает нация, являющаяся социологической единицей внутри отдельной территории, которая неразрывно связана с действием общих для ее членов менталитета и идентичности. Брайан Андерсон стал первым исследователем, предложившим рассматривать нацию как «вымышленное» политическое сообщество, основанное на том, что его представители «будут всегда осознавать свое единство, даже если они никогда не увидят и даже не услышат друг друга» [3, с. 15]. С. Холл поддержал идею приравнивания нации к политическому институту, но внес в это уравнение культурологическую компоненту, согласно которой нация предстает также в качестве системы культурных репрезентаций, состоящей из пяти фундаментальных аспектов:

(1) дискурсивные практики, принятые внутри нации, репродуцируемые в литературе и СМИ и связывающие повседневную жизнь с «национальным предназначением»;

(2) истоки, преемственность, традиция и вневременная актуальность;

(3) изобретение традиций, трансформирующих беспорядочность в регулируемое сообщество;

(4) основополагающий миф;

(5) идея чистого, самобытного, оригинального народа [13, с. 292–295].

Если нация понимается как вымышленный набор идей, связанных с коллективным единством и равенством, границами и автономностью, то такая нация может стать реальностью, если люди поверят в нее и консолидируются вокруг нее на эмоциональном уровне [19, с. 22], утвердив, таким образом, собственную национальную идентичность. Согласно Дж. Харгривзу, национальная идентичность имеет следующие характерные черты:

(1) она подразумевает приверженность к определенному способу описания национального единства;

(2) она представляет собой ядро, связывающее нацию с ее уникальным предназначением;

(3) она устанавливает различие между нацией и другими нациями;

(4) она простирается во времени, ассоциируясь с памятью, ностальгией и амнезией, так чтобы история становилась основой национального самоопределения;

(5) она простирается в пространстве, т.е. люди, живущие внутри диаспоры, могут иметь единую национальную идентичность вне зависимости от территориальных условий;

(6) она представляет собой форму жизни, которая проживается день за днем единым сообществом и всеми сообществами [14, с. 23].

Учитывая сказанное, национальное самосознание предстает в качестве систематической трансформации чувства национальной принадлежности между группами людей в антагонистическое восприятие других народов и наций, которые являют собой врагов и угнетателей.

При рассмотрении национальных идентичностей, точкой отсчета для критического дискурс-анализа является тот факт, что национальные идентичности представляют собой особые формы социальных идентичностей, которые могут продуцироваться, трансформироваться и «демонтироваться» посредством языка и других семиотических систем. Идея национального сообщества становится реальностью посредством дискурсов, формируемых

политиками, исследователями и журналистами, и впоследствии диссеминируется через образовательные, медийные, военные, спортивные и иные сообщества. Основываясь на идеях, высказанных П. Бордо [6], мы можем предположить, что национальная идентичность представляет собой своего рода естественную среду, набор общих идей, представлений, взаимосвязанных эмоциональных и поведенческих установок, усваиваемых через национальную социализацию. Эти представления и установки находят выражение в особенностях отношений внутри и снаружи группы: чувство солидарности к собственной национальной группе и готовность «построить стену» между «своими» и «чужими» основывается на данном коллективном конструктиве. Следовательно, дискурсивное образование национальной идентичности также являет собой конструирование различности, отличия и уникальности. Национальные идентичности многолики, динамичны и формируются на основе контекста – аудитории, которой они адресованы, дискурсивной ситуации и темы обсуждения.

Согласно Т. Рисенто [17, с. 630], формирование национальной идентичности – это сложный процесс. Дискурсы при этом могут рассматриваться как площадка для становления национальной идентичности, так как язык (вос)производит и отражает социальные отношения и практики. Таким образом, необходимо понимать, что национальная идентичность представляет собой продукт дискурса, отражающего установки и предпосылки для интерпретации событий, что, в конечном счете, формирует будущие события. Дискурс – это «окно в культурную и общественную самобытность народа» [17, с. 630].

Национальная идентичность – это своего рода «рамочная» конструкция, которая нуждается в постоянной подпитке историями, образами, символами и ритуалами, отражающими общие для нации значения. Ключевые коллективные ритуалы, консолидирующие национальное единство, представлены важными политическими событиями (например, президентскими выборами, катастрофами, войнами, национальными праздниками, государственными похоронами или масштабными спортивными мероприятиями). Спорт является ценной культурной ареной, через которую находят выражение национальные презентации. Дж. Магуаер [16] говорит о диалектическом отношении между нацией и спортом, когда спорт функционирует как катализатор национальной идентификации, в то время как нация обе-

спечивает ее утверждение и признание через спорт.

Очевидно, командные виды спорта больше всего влияют на культивацию и репрезентацию ценностей нации и сообществ. Футбол, без сомнений, является главной командной игрой мира, и именно футбольные фанаты считаются обычно наиболее преданными. В то время как в рамках местных матчей футбольные состязания не оказывают влияния на формирование национальной идентичности, игры, проводимые на международном уровне, ассоциируются с единой командой, представляющей всю нацию, «в прямом смысле слова обернувшись в национальный флаг и выходя на поле, распевая гимн своей страны» [12, с. 23]. Футболисты, таким образом, предстают не в качестве простых игроков, но в роли представителей нации, на которых возлагается ответственность за продвижение собственного народа на мировой арене.

Согласно проведенному нами анализу, отражение национальной идентичности в футбольном дискурсе базируется на трех ключевых составляющих, а именно:

- (1) использовании местоимения «мы»;
- (2) пространственном ориентировании;
- (3) оппозиции «свой – чужой».

Местоимение «мы». Личное местоимение «мы» занимает особое место в спортивном дискурсе, так как именно оно в большей мере передает значение одинаковости, единства и тождественности. Так, комментаторы зачастую используют данное местоимение с целью передачи значения, в основе которого лежит идея солидарности, установления неразрывных связей с разными референтами: командой, фанатами и нацией.

В случае категории «мы – команда», местоимение «мы» может быть заменено на «наша команда» или «наша нация», учитывая, что национальная футбольная команда обнаруживает метонимическую связь с нацией в целом. Например,

'We'll recover and we'll pay back!'

В случае категории «мы – фанаты», использование местоимения «мы» предполагает указание на группу людей, связанных общим опытом, причем каждый член такой группы идентифицирует себя в качестве части коллективного образования именно на уровне национальной идентичности. Например,

We're everywhere. We're in all stands of Algarve stadium.

В случае категории «мы – нация», значение единства передается в еще более генерализи-

рованном контексте, что подразумевает еще более четкую отсылку к идентичности представителей одной нации. Например,

We can achieve more things. We're capable of doing the best in any sector. Football shows the way.

Пространственное ориентирование. Под пространственным ориентированием в контексте проведенного анализа мы имеем в виду метонимическую и одновременно персонифицированную репрезентацию представителей одной нации через призму отсылок к их родной стране, поскольку отчетливая яркость такой персонификации в первую очередь предполагает интернациональное единство и равенство. Например,

This year Greece has its big summer. Being present now at Euro, present a bit later at the Olympic Games.

Оппозиция «свой – чужой». Футбол – интернациональная игра, в которую играют миллионы любителей и профессионалов по всему миру. Как и в случае с другими видами спорта, в основе футбола лежат наборы оригинальных правил, нормативов, а также специфических игровых позиций, которые делают игру уникальной. Люди, играющие в футбол или близко знакомые с данным видом спорта, традиционно идентифицируют себя в качестве членов футбольного сообщества.

Такое сообщество может быть определено как дискурсное сообщество. Профессор Джеймс Джи из Университета Южной Калифорнии интерпретирует дискурс как «своего рода обмундирование идентичности», в комплект которого входит подходящее одеяние, дополненное соответствующими поведенческими и речевыми императивами» [11, с. 7].

С целью определения дискурса и языковых особенностей, ассоциирующихся с ним, Джеймс Джи разработал направление анализа, подразумевающее противопоставление, основанное на оппозиции «свой–чужой». Анализ такой оппозиции, согласно автору, определяет особенности языкового поведения отдельного сообщества, использующего соответствующий дискурс.

Дискурсы различаются в разрезе как широких, так и специфических категорий, вследствие чего мы можем говорить о самых разнообразных предпосылках формирования того или иного дискурса, используемого отдельными сообществами. Так, анализ структурных и содержательных особенностей футбола может дать представление о дискурсивных практиках, используемых представителями футбольного сообщества.

В своей работе Джеймс Джи не только дает определение дискурсов, но также предлага-

ет методологию их разграничения. Согласно предложенной автором концепции, некоторые дискурсы могут быть описаны как «первичные», используемые большинством людей в рамках обычных (повседневных) дискурсивных практик, в то время как другие оказываются более узконаправленными, выходящими за пределы генерализированной коммуникативной деятельности. Вторичный дискурс формируется через «разнообразные социальные (общественные) институты, не ассоциирующиеся с семьей, родственниками или сверстниками» [11, с. 8].

Автор также подчеркивает возможность разграничения дискурсов доминантных и недоминантных. Доминантные дискурсы в интерпретации Джи рассматриваются как дискурсы, «потенциально влекущие за собой приобретение социальных благ» [11, с. 8]. Недоминантные дискурсы, с другой стороны, связаны с «солидарностью с отдельным социальным сообществом при исключении приобретения говорящими каких бы то ни было социально значимых ценностей» [11, с. 9].

Следуя спецификациям, предложенным Джеймсом Джи, футбольный дискурс может быть описан как недоминантный вторичный дискурс. Недоминантный – так как футбол в первую очередь подразумевает развлечение и не ассоциируется с «приобретением социальных благ». Разумеется, для профессионалов футбол является способом формирования социального статуса, однако учитывая, что основной его целью для обывателя являются социализация и развитие физических навыков, футбольный дискурс целесообразнее будет отнести именно к недоминантному типу. Также следуя предложенным критериям для разграничения, футбольный дискурс определяется как вторичный, так как он не входит в набор «базовых компонентов определения идентичности» [11, с. 10], но экстраполируется извне и познается через накапливаемый жизненный опыт.

Учитывая «вторичность» футбольного дискурса, люди, не владеющие им, очевидно оказываются несведущи во многих важных аспектах футбола как спортивной командной игры. Люди же, знакомые с дискурсивными «порядками», практикующимися представителями футбольного сообщества, смогут легко распознать такие аспекты игры как подходящая одежда, судейские штрафы или линии поля. Человек, сведущий в футболе, знает, например, о строгом запрете на ношение ювелирных украшений в процессе игры, в то время как для стороннего обывателя подобная осведомленность была бы практически полностью исключена.

Остановимся на оппозиции «свой – чужой» как одном из показателей для анализа футбольного дискурса. В основе данной оппозиции лежит предоставление или снятие привилегий, что означает, что знание или незнание языковых особенностей и значений, имеющих отношение к футбольному дискурсу, определяет включенность или же, наоборот, исключение из соответствующего дискурсивного сообщества. В рамках футбольного дискурса могут находить выражение самые разнообразные аспекты специальных знаний. Правила игры, разработанные Международной федерацией футбольных ассоциаций, разъясняют все основные правила футбола. Так, например, документ часто отсылает к такому понятию как «штрафной удар» (*free kick*). В то время как человеку, не изыскающемуся терминами футбольного дискурса, пришлось бы смотреть значение данного понятия в словаре, человек, включенный в дискурсивное «пространство» футбола будет знать о существовании двух типов штрафного удара, назначаемого в случае нечестной («грязной») игры – прямого (*direct kick*) и непрямого (*indirect kick*) штрафного удара. Человек «внутри» дискурса будет знать, что прямой штрафной удар может пробиваться сразу с целью забить гол, в то время как не прямой штрафной удар подразумевает, что по воротам можно бить лишь со второго касания. Такой человек также будет знать, что судья

указывает на назначение непрямого штрафного удара поднятием руки над головой, будет осведомлен о других разновидностях свободных ударов (таких как удар от ворот – *goal kick*, пенальти – *penalty kick* или угловой удар – *corner kick*), а также о том, в какую сторону должен быть направлен мяч, чтобы такие удары оказались засчитанными.

Не обладая такими базовыми знаниями, нельзя претендовать на включенность в дискурс футбольного сообщества, и именно поэтому определение «аутсайдера» становится легко выполнимой задачей. Включенность, таким образом, подразумевает знание и способность к экстраполяции основных принципов игры и связанного с ней дискурса.

Настоящая статья была направлена на анализ футбольного дискурса как «проводника» национальной идентичности, отражающего самосознание представителей нации через массовую коммуникацию. Согласно проведенному в статье анализу, отражение национальной идентичности в футбольном дискурсе базируется на трех ключевых составляющих, а именно использовании местоимения «мы», пространственном ориентировании и оппозиции «свой – чужой», каждая из которых представляет собой компонент дискурсивных практик, репрезентирующих особенности национального самосознания игроков, фанатов и представителей футбольного дискурс-сообщества в целом.

Литература / References

1. Alabarces P., Rodríguez M.G. Football and fatherland: The crisis of national representation in Argentinean soccer. London: Frank Cass, 2000.
2. Alabarces P., Tomlinson A., Young C. Argentina versus England at the France '98 World Cup: Narratives of nation and the mythologizing of the popular. *Media, Culture and Society* 23(5), 2001. P. 547–566.
3. Anderson B. R. O. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1983. 224 p.
4. Beard A. The language of sport. London: Routledge, 1998. 136 p.
5. Bishop H., Jaworski A. 'We beat 'em': Nationalism and the hegemony of homogeneity in the British press reportage of Germany versus England during Euro 2000. *Discourse & Society* 14(3), 2003. P. 243–271.
6. Bourdieu P. In other words: Essays towards a reflexive sociology. Cambridge: Polity Press, 1994.
7. Boyle R., Monteiro C. 'A small country with a big ambition': Representations of Portugal and England in Euro 2004 British and Portuguese newspaper coverage. *European Journal of Communication* 20(2), 2005. P. 223–244.
8. Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies* 7(5), 2005. 585 p.
9. Dimeo P. Team loyalty splits the city into two: Football, ethnicity and rivalry in Calcutta. Oxford: Berg Publishers, 2001. 318 p.
10. Duke V., Crolley L. Football, nationality, and the state. London: Longman, 1996.
11. Gee J. Social linguistics and literacies: Ideology in discourses. New York: Routledge, 2015. 238 p.
12. Giulianotti R. Football: A sociology of the global game. Cambridge: Polity Press, 1999. 240 p.
13. Hall S. The question of cultural identity. Cambridge: Polity Press, 1992. 207 p.
14. Hargreaves J. Olympism and nationalism: Some preliminary considerations. London: Routledge, 2003.
15. Jenkins B. Nation and identity in contemporary Europe. London: Routledge, 1996. 294 p.
16. Maguire J. Sport, identity, politics and globalisation: Diminishing contrasts and increasing varieties. *Sociology of Sport Journal* 11(1), 1994. P.398 – 427.
17. Ricento T. The discursive construction of Americanism. *Discourse and Society* 14(5), 2003. P. 611–637.
18. Triandafyllidou A., Wodak R. Conceptual and methodological questions in the study of collective identities. *Journal of Language and Politics* 2(2), 2003. P. 205–223.
19. Wodak R., Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The discursive construction of national identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 224 p.

УДК 81-11

С. Г. Сидоренко

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОГО АБСУРДА (МЕТОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

В данной статье исследуется проблема взаимодействия семантики и прагматики в процессе абсурдизации высказывания для реализации авторской иллокутивной цели. Выявляются специфические виды языковых аномалий: семантическая контаминация, семантическая неупорядоченность, семантическая подстановка, семантический сдвиг и семантическое искажение. В рамках синтактики выделяются три основных типа абсурдных текстов по признакам композиционно-речевой формы: абсурдное повествование, абсурдное описание и абсурдное рассуждение. Определяются основные тактики логического прагматического абсурда в рамках двух основных способов экспликации прагматических характеристик: нарушения логических связей и искажения семантического плана. Делается вывод о связанности несоответствий в прагматике абсурдных высказываний с невозможностью

чисто рационального понимания и интерпретации коммуникативного акта в целом. Основными способами нарушения стереотипной картины мира в рамках абсурдизации высказывания признаются: искажение семантики образов, нарушение семантики пространственно-временных координат, высмеивание непонимания контркоммуникантов, реализация конфликта неопределенности и амфиболичность ключевого понятия. Языковой абсурд с позиций когнитивной лингвистики может считаться также вспомогательным механизмом исследования ценностных картин мира, общей генерализованной концептуально-валерной системы лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: языковой абсурд, прагматика, семантика, нарушение стереотипа, виды рефлексии, смыслообразование.

S. G. Sidorenko

THE CORRELATION OF SEMANTICS AND PRAGMATICS OF LANGUAGE ABSURD (INTERPRETATION METHODS)

The article studies the correlation of semantics and pragmatics of utterance absurdization as required to actualize the author's illocution goal. Specific types of language anomalies are specified: semantic contamination, semantic randomness, semantic substitution, semantic shift and semantic distortion. According to syntax composition and speech forms three main types of absurd text are singled out: absurd narration, absurd description and absurd discussion. The key tactics of logical pragmatic absurd within two basic ways of expressing pragmatic characteristics are determined: breach of logical links and semantic distortion. It is concluded that there are inconsistencies in the pragmatics of absurd statements with the impossibility of a purely rational understanding and interpretation of the commu-

nicative act as a whole. The main ways of violating the stereotypical picture of the world within the framework of the absurdity of utterances are recognized: distortion of the semantics of images, violation of the semantics of space-time coordinates, ridiculing the misunderstanding of counter-communicants, the implementation of the conflict of uncertainty and ambivalent of the key concept. Linguistic absurdity from the standpoint of cognitive linguistics can also be considered an auxiliary mechanism for the study of value pictures of the world, the general generalized conceptual and valeur system of the linguistic cultural community.

Key words: language absurd, pragmatics, semantics, break of the stereotype, types of reflection, sense formation.

На сегодняшний день в большинстве комплексных лингвистических исследований прагматика анализируется наряду с семантикой, как одна из характеристик текста, поскольку на данный момент не существует четких границ между этими двумя понятиями.

Так Р. С. Столнейкер выделяет три традиционных раздела науки о знаках – синтаксис, семантику и прагматику. Отмечая, что до недавнего времени аспекты прагматики были мало изучены. По Р. С. Столнейкеру, прагматика представляется той сферой лингвистики, ко-

торая изучает языковую систему в теснейшей взаимосвязи с сообществом, которое её использует в коммуникативных актах [8, с. 419]. Ф. Кифер в своей работе «О роли прагматики в лингвистическом описании» также указывает на взаимосвязь семантики и прагматики как взаимодополняющих аспектов изучения языка, заключая, что достаточно часто описание семантики строится на прагматическом фундаменте, и одновременно подчеркивает тот факт, что в основе своей прагматический анализ высказывания опирается на описание семантической структуры. «Не существует семантики без прагматики – но не существует также и прагматики без семантики» [6, с. 347]. Рассматривая прагматику как единый феномен, необходимо отметить, что, выдвигая в качестве базового принцип употребления в речевой практике языковой системы продуцентом, она охватывает многие темы и разрешает множество противоречий, которые имеют достаточно долгую историю изучения в рамках таких лингвистических дисциплин, как стилистика и риторика, синтаксис актуального членения предложения, психология и типология речевой деятельности, теория функциональных стилей и коммуникативная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, теория дискурса и др.

И. П. Сусов в своей работе «Лингвистическая прагматика» (2006) говорит о зарождении прагматики в рамках семиотики в том ее виде, в котором она была заложена Ч. Пирсом и получила свое развитие в работах Ч. Морриса [9, с. 5]. Таким образом, можно заключить, что в подлинно прагматическое исследование необходимо органично включать анализ структуры значения и смысла, ведь «приращение, превращение, растягивание и мутация несомненно представляют собой ключевые характеристики» [2, с. 123] данных феноменов. Но при этом их образование не просто подчинено неким законам развития, это развитие осуществляется в рамках иллокуции и перлокуции, «они в отличие от саморазвивающихся (синергетических) биологических систем не происходят спонтанно, а подчиняются – в связи с введением в единую многоуровневую систему факторов адресата и адресанта – неким произвольно избираемым стратегиям» [2, с. 123]. И одной из подобных стратегий является абсурдизация высказывания с целью повышения прагматического эффекта используемого языкового знака, который включается в процесс актуализации только с учетом факторов субъекта и контрактанта коммуникативной деятельности.

Некий языковой знак в каждом акте семиозиса конституирует конкретные трехчленные отношения, элементами которых предстают: а) знаки в качестве знаковых средств, т.е. некие константы, имеющая физическую природу и способные замещать некие факты объективной реальности; б) производимые данными знаками другие знаки, которые локализуются сознанием продуцента/реципиента (интерпретатора) и определяемые как интерпретанты протознака (первого в этой иерархии отношений); в) сами объекты, представляемые знаками [9, с. 5]. При анализе прагматической нагрузки каждого из знаков вкупе с выявлением структуры значения данная градационная иерархия соответствует описанию процессов вербализации конкретного смысла языкового выражения – «его повторного распрямления (в-живания в мир текстовой реальности) напрямую связанного с рефлексивными актами в различных поясах мыследеятельности «трехслойки» Г. П. Щедровицкого» [2, с. 123].

При этом сам знак возникает лишь в процессе коммуникации, а не дан изначально, производство нового часто абсурдного смысла в языковых знаках, функционирующих в различных высказываниях, «превращается в процесс постоянного перетекания и мутации, пронизывающий всю когнитивную сферу» [1, с. 490]. Процесс выбора того или иного знака в рамках порождения языкового абсурда может осознаваться или не-осознаваться (строиться на феноменологической или нозматической рефлексии), то в описании прагматического эффекта мы можем усмотреть функциональную и скрытую прагмалингвистику в зависимости от типа примененной в процессе абсурдизации высказывания рефлексии.

В скрытой прагмалингвистике мы подвергаем анализу автоматический, неосознаваемый, интуитивный, часто построенный на стереотипизированных моделях мгновенный подбор языковых единиц, служащих средствами абсурдизации.

В рамках функциональной прагмалингвистики изучается осознанный, мотивированный выбор языковых конструкций, основанный на феноменологической рефлексии (применение тактик интендирования). Продуцент текста пользуется при этом разнообразными коммуникативными стратегиями и тактиками, проявляющимися в подборе иллокуций, в экспликации и реализации интенций [7, с. 23].

Таким образом, в настоящей статье мы, в рамках анализа намеренного выбора языковых средств автором художественного текста,

неизбежно попадаем в сферу функциональной прагмалингвистики, так как возникновение языкового абсурда в художественной литературе в основном зависит от авторской интенции. Авторы абсурдных текстов, как правило, намеренно создают в них абсурдные языковые конструкции, руководствуясь своими функционально-прагматическими установками.

Говоря непосредственно о прагматике художественного текста, построенного на абсурде, можно определить ее, как единство интенций продуцента, реализуемых с помощью разнообразных языковых средств в речи автора и персонажей, с целью оказать определенное воздействие на реципиента, и при этом данные средства абсурдизации основываются на прогнозировании наличия конкретного стереотипизированного экстралингвистического опыта реципиента, который позволит ему сделать вывод об абсурдности или нормосообразности высказывания [3, с. 54]. Прагматика абсурда строится на сочетании прагматических значений, имманентно пред-данных языковым единицам, которые входят в качестве элементов в градационное нарастание абсурдизации. Однако она зависит и от потенциальной сочетаемости прагматических значений различных единиц абсурдистского текста и их соотношения с контекстом, как горизонтальным, так и вертикальным, с пресуппозицией.

Говоря о воздействии художественного текстов абсурдистского типа на реципиента, следует отметить важность выявления перлокутивного, локутивного и иллюкутивного речевых актов, что в абсурдном высказывании представляет достаточно серьезную проблему. Необходимо отметить, что ни один из данных актов не существует изолированно, а всегда взаимосвязан с остальными двумя.

Согласно определению Дж. Остина, локутивный акт представляет собой факт вербализации высказывания, перлокутивный акт являет собой воздействие, оказанное высказыванием на получателя, а иллюкутивный акт – намерение автора.

С. В. Ивлева в своем исследовании, посвященном лингвосомиотическим характеристикам комического абсурда, классифицирует комический абсурд, основываясь на способе его выражения. Таким образом, она выделяет семантический абсурд, прагматический абсурд и синтаксический абсурд.

Среди семантического абсурда выделяются следующие виды языковых аномалий:

1. Семантическая контаминация, которая представляет собой склеивание слов, где ре-

зультат не вписывается в общепринятую систему языка. Такие лексемы, созданные автором намеренно, производят деструкцию смысла высказывания, даже не смотря на то, что автор вкладывает в них какие-либо узуальные семантические компоненты.

2. Семантическая неупорядоченность, которая представляет собой специфическое сочетание различных по степени категоризации компонентов, в рамках которого расшатывается привычная семантическая модель, в результате чего по экспоненте возрастает роль ассоциативного приращения смысла. Данный прием абсурдизации основывается на операциях с фонетическими признаками и на осознании контекстуального потенциала высказывания в целом.

3. Семантическая подстановка – как непроизвольная, так и в некоторых случаях сознательная подмена исходных понятий новыми, не связанными по смыслу с предыдущими.

4. Семантический сдвиг.

5. Семантическое искажение, которое заключается в искажении описываемых объектов рефлексивной реальности (их свойств и качеств) и действий (последовательности и способов их совершения) [4, с. 85].

Текст, строящийся на различной степени абсурдизации формирующих его высказываний, со всей многомерной структурой смысла, порожденный и воспринимаемый в конкретной ситуации семиозиса, «порождает, опредмечивает и распредмечивает все новые латентно уже содержащиеся в парадигматической ткани языка смыслы на основе нозматической иерархической структуры» [2, с. 127].

Таким образом, языковой абсурд порождается в процессе нарушения и искажения семантического плана. Нарушения в экспликации узуальной картины мира происходит и с помощью нарушения семантики образов, координат, или же при высмеивании непонимания контркоммуникантов, порождения конфликтов неопределенности или амфиболичности ключевых понятий. В качестве примеров семантического абсурда можно привести следующие:

а) семантическая контаминация: «*I find it recornered in my nosebook*», «*childburn*» [10].

Как видно из примера семантическая контаминация представляет собой некоторые составные лексемы, окказионализмы создаваемые автором и полностью разрушающие смысл высказывания. Так, в предложении «*I find it recornered in my nosebook*», автор изменяет первую часть составного существительного «*notebook*» на «*nose*», чтобы добиться разру-

шения логических связей. Во втором случае вместо лексической единицы «*childbirth*» автор использует «*childburn*», созданное на сочетании лексем *child* + *burn*.

б) семантическая неупорядоченность: «*thirsty two*», «*He shook his bed*», «*I halb been wading for*» [10].

В приведенном языковой абсурд создается посредством созвучности, так числительное «*thirty*» превращается в прилагательное «*thirsty*», а во втором примере лексема «*head*» заменено существительным с совершенно неподходящей семантикой – «*bed*».

с) семантическая подстановка: «*Jack the Nipple*», «*Cradock turns round slowly from the book he is eating*», «*bloody owl table*», «*why did I not insult you sooner*», «*a barret of abbeys*» [10].

В высказывании «*Cradock turns round slowly from the book he is eating*» автор пользуется семантической подстановкой, заменяя исходное понятие «*to read a book*» совершенно новым – «*to eat a book*», не сохраняя при этом какие-либо смысловые связи. Говоря о словосочетании «*Jack the Nipple*», необходимо отметить, что оно является аллюзией к исторической личности, серийному убийце Джеку-Потрошителю. Автор создает абсурдную ситуацию в тексте, используя вместо лексемы «*girper*» с резко-отрицательной коннотацией созвучную ей нейтральную лексему «*nipple*».

д) семантическая антонимия: «*I whispered deafeningly*» [10].

Языковой абсурд в предложении «*I whispered deafeningly*» строится на логической несочетаемости, а точнее, на антонимических отношениях глагола «*to whisper*», который означает «шептать», и наречия «*deafeningly*» со значением «оглушающе».

е) семантическое искажение: «*black and moody*» (tooth) [10].

В данном примере языковой абсурд был создан автором с помощью семантического искажения, путём присвоения неодушевлённому существительному «*tooth*» качества «*moody*», которое присуще только одушевленным существам.

В рамках синтактики, возможно выделить три основных типа абсурдных текстов, руководствуясь признаком композиционно-речевой формы: абсурдное повествование, абсурдное описание и абсурдное рассуждение. Синтаксические критерии типизации абсурдистских текстов выступают как признаки их интертекстуальности. Синтаксические типы абсурда, выделенные С. В. Ивлиной, являются лишь базовыми, таким образом, на их основе мож-

но выработать дальнейшее развитие данной классификации.

Существует два базовых вида прагматического абсурда: логический прагматический абсурд, который представляет собой высмеивание стандартной стереотипной логики и оценочный прагматический абсурд, который строится как высмеивание какого-либо героя или как шутовское переворачивание общепринятых норм и ценностей, насмешка над концептуально-валерной системой общества, противостоящего продуценту. В данной ситуации как построение, так и интерпретация абсурдного смысла «не поддается законам формальной логики, смыслы не поддаются исчислению на первом и втором уровнях абстракции, т.е. в формульном выражении и в рамках обыденного языка» [2, с. 123].

Базовыми тактиками логического прагматического абсурда считаются ситуации семиозиса, в которых а) посылочный тезис не является необходимым и достаточным основанием вывода последующего; б) предшествующее действие не служит для логичного следования другого действия; в) посылочный тезис не является необходимым и достаточным основанием следования последующего действия, либо наоборот, г) когда предшествующее действие не приводит к логическому следованию последующего тезиса.

К первой тактике логического прагматического абсурда (ситуация противоречия или логической несводимости тезисов), можно отнести нелепые коммуникативные ходы, лишённые согласования, которые, например, включают как указательные, так и аргументативные несоответствия.

Ко второй тактике логического прагматического абсурда относят ситуации несогласованности действий, такие действия могут заменяться другим, не соответствующим логике и идущим вразрез с устоявшейся картиной мира и сложившимся порядком вещей.

Третья тактика логического прагматического абсурда строится на несоответствии аргументов продуцента высказывания и его реальным (описываемым) поведением. К данной модели могут также относиться противоположные ситуации, когда действия продуцента не совпадают с последующей вербальной оценкой.

Наиболее ярко данными тактиками пользуются следующие варианты прагматического абсурда:

а) прагматически-логический абсурд: «*Any-way the handsome Prince who was really Miss Cradock, found out and promptly ate the Wicked Queen and smashed up the mirror*» [10].

В данном предложении языковой абсурд создается с целью высмеять общепринятый порядок вещей и исказить логический ход событий. Автор создаёт абсурдную ситуацию, используя логически несочетаемые в данном контексте понятия: в рамках волшебной сказки прекрасный принц съедает злую королеву.

б) прагматически-оценочный абсурд: «*Perry was the Loud Mayor*», «*Snore Wife*», «*Cpt Smellit*», «*Squire Trelorgy*» [10].

В рамках прагматически-оценочного абсурда автор выражает личное отношение к широко известным реалиям. Так, фраза «*Perry was the Lord Mayor*» приобретает оценочный и абсурдный характер, когда автор заменяет лексику «*Lord*» на «*loud*», руководствуясь принципом созвучности, а также и собственным видением личностных качеств описываемой личности. Во втором примере автор искажает имя всем известного сказочного персонажа, изменяя лексику на созвучные лексические единицы, с целью добиться комического эффекта. Таким образом, имя «*Snow White*», изначально создающее в воображении читателя положительный образ, превращается в комичное «*Snore Wife*», которое может приобрести отрицательные эмоциональные оттенки для определенных групп реципиентов.

Все несоответствия в прагматике абсурдного высказывания связаны с принципиальной невозможностью рационального понимания и последующей интерпретации коммуникативного акта в целом, безотносительно возможностей распрямления каждого отдельно взятого компонента.

Прагматически-оценочный тип языкового абсурда напрямую связан с различными типами концептуально-валерных систем. Лингвокультурная концептуально-валерная система представляет собой совокупность социально-одобряемых и разделяемых большинством членов конкретного лингвокультурного сообщ-

ества представлений о ключевых концептуальных понятиях, создающая основу для взаимопонимания. Интерпретативное осознание и принятие той или иной системы ведет к пониманию основ абсурдизации и открывает широкие возможности для присвоения и введения в собственную индивидуально-личностную концептуально-валерную систему способов вербализации абсурдных конструкций с дальнейшим их «использованием в процессе построения собственной коммуникативной деятельности» [2, с. 126].

Именно те области концептуально-валерной системы, которые чаще всего становятся объектом внимания со стороны экспликации в языковом абсурде, являются наиболее значимыми и актуальными для данного временного промежутка. Таким образом, языковой абсурд будет также являться вспомогательным механизмом исследования ценностных картин мира.

Прагматические виды абсурда вне зависимости от способа его реализации связаны с принципиальной невозможностью использования чисто рациональных техник как порождения, так и интерпретации, «данные техники всегда рефлексивны, и в них имманентно присутствуют интерпретативные компоненты по распрямлению смысловых конструкций» [2, с. 125].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что основными способами экспликации прагматических характеристик языкового абсурда являются нарушение логических связей и искажение семантического плана. Нарушение стереотипной картины мира осуществляется также посредством искажения семантики образов, нарушения семантики пространственно-временных координат, высмеивания непонимания контркоммуникантов, реализации конфликта неопределенности или амфиболичности ключевого понятия.

Литература

1. Бредихин С. Н. Этимологическое переразложение и синтез как базовые механизмы дифракции и модификации суперструктуры смысла // *Фундаментальные исследования*. 2013. №6–2. С. 490–494.
2. Бредихин С. Н., Аликаев Р. С. Стратегии усмотрения и распрямления смысловых конструкций в аспекте понимания и вживания // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. №2(47). С. 123–128.
3. Дотмуриева З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода: дис. ... канд. филол. наук. Пенза: ПГЛУ, 2013. 233 с.
4. Ивлева С. В. Лингвосомиотические характеристики комического абсурда: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2010. 177 с.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 519 с.
6. Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 333–348.
7. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. М.: ФЛИНТА, 2013. 232 с.
8. Столнейкер Р. С. Прагматика // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. М.: Прогресс, 1985. 500 с.

9. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.

10. Lennon J. In his own write. New York: Simon & Schuster, 2000. 80 p.

References

1. Bredikhin S. N. Etimologicheskoe pererazlozhenie i sintez kak bazovye mekhanizmy difraktsii i modifikatsii superstrukturny smysla (*Etymological metanalysis and synthesis as basic mechanisms of diffraction and modification of sense superstructure*) // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. No.6–2. P. 490–494. (In Russian).

2. Bredikhin S. N., Alikaev R. S. Strategii usmotreniya i raspredmechivaniya smyslovykh konstruktov v aspekte po-nimaniya i v-zhivaniya (*Techniques of semantic construct discretion and objectivation in the light of realization and integration*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. No.2(47). P. 123–128. (In Russian).

3. Dotmurzieva Z. S. Pragmatika angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta i problemy pragmatiki ego perevoda (*English literary text pragmatics and the problems of its translation pragmatics*): thesis. Pyatigorsk: PSLU, 2013. 233 p. (In Russian).

4. Ivleva S. V. Lingvosemioticheskie kharakteristiki komicheskogo absurda (*Linguosemiotic features of comic absurdity*): thesis. Volgograd: VSTU, 2010. 177 p. (In Russian).

5. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi (*Language keys*). Volgograd: Paradigma, 2007. 519 p. (In Russian).

6. Kifer F. O roli pragmatiki v lingvisticheskom opisanii (*On the role of pragmatics in the linguistic description*) // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Issue.16: Lingvisticheskaya pragmatika. Moscow: Progress, 1985. P. 333–348. (In Russian).

7. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. Osnovy pragmalingvistiki (*Pragmalinguistics fundamentals*). Moscow: FLINTA, 2013. 232 p. (In Russian).

8. Stolneyker R. S. Pragmatika (*Pragmatics*) // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Issue.16: Lingvisticheskaya pragmatika. Moscow: Progress, 1985. 500 p. (In Russian).

9. Susov I. P. Lingvisticheskaya pragmatika (*Linguistic pragmatics*). Uchebnik dlya studentov, magistrantov i aspirantov (doktorantov). Moscow: Vostok-Zapad, 2006. 200 p. (In Russian).

10. Lennon J. In his own write. New York: Simon & Schuster, 2000. 80 p.

УДК 82

Е. В. Сони́на

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ГРИШКОВЦА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
«РУБАШКА» И «ПОЧТИ РУКОПИСНАЯ ЖИЗНЬ»)**

Статья посвящена анализу основных положений человеческого бытия в художественном мировоззрении современного писателя Е. В. Гришковца. Особое внимание уделяется вопросам представления категории повседневности в ее экзистенциальном осмыслении в жанрах художественной и документальной прозы автора. Художественная модель реальности Е. В. Гришковца находит выражение в описании обыденных жизненных ситуаций частного человека, не претендующего на исключительность. Герой и его бытие рассматриваются через последовательное осознание и преодоление обыденности в рамках философии экзистенциализма. Автор формирует художественное представление бытия в произведении на основе описания деталей, знакомых в жизни каждому: персонажи произведения собирают в себе основ-

ные черты типичного зрителя и читателя писателя. В статье рассматриваются особенности проявления категории «повседневность» в различных вариантах окружающей героя среды: и типичное пространство города, и уникальные условия жизни в арктической экспедиции. Для анализа выбраны прозаические тексты писателя, выражающие творческие особенности Е. В. Гришковца как прозаика, а также отличающиеся высоким уровнем автобиографичности и писательской саморефлексии. Это позволяет в полной мере выявить авторское видение категории «повседневность» и проследить связь его творчества с философией экзистенциального мировоззрения.

Ключевые слова: экзистенция, экзистенциальная категория, повседневность, быт, обыденное, человек, Гришковец.

E. V. Sonina

**EVERYDAY LIFE AS AN EXISTENTIAL CATEGORY IN THE WORK
OF E. GRISHKOVETS (BASED ON «SHIRT»
AND «ALMOST HANDWRITTEN LIFE»)**

The article is devoted to the analysis of the main provisions of human being in the artistic worldview of the modern writer E. V. Grishkovets. Particular attention is paid to the representation of the category of everyday life in its existential comprehension in the genres of the artistic and documentary prose of the author. Artistic model of reality of E. V. Grishkovets finds an expression in the description of everyday life situations of a person who does not pretend to be exclusive or unique. The character and his existence are examined through consistent awareness and overcoming of ordinary life within the framework of existentialism philosophy. The author forms an artistic representation of being in the work on the basis of the description of details familiar to everyone in life: the characters of the work collect

the main features of a typical viewer and a reader. The article examines the features of the manifestation of the category «everyday life» in various environmental options: the typical space of the city, and the unique living conditions in the Arctic expedition. The analysis is based on prosaic texts of the writer, expressing the creative features of E. V. Grishkovets as a prose writer, as well as a high level of autobiographic and literary self-reflection. This allows us to fully reveal the author's vision of the category «everyday life» and trace the connection of his work with the philosophy of existential worldview.

Key words: existential, existential category, everyday life, routine, everyday, person, Grishkovets.

В настоящее время в трудах ученых-гуманитариев серьезное внимание все больше уделяется исследованию понятий «повседневное» и «обыденное». Особый интерес они вы-

зывают к себе в рамках литературоведческих интерпретаций текстов современных авторов. Во многом это объясняется тем, что, с одной стороны, художественные тексты единовре-

менно формируются читательским интересом, который часто «ищет» в литературе нетривиальное, героическое или особенное в проявлениях жизни и поступках действующих персонажей, и особенностей мировидения автора, влияющих на создание его произведений и определяющих формат отображения действительности в творчестве. При широко распространенном в обществе представлении «повседневного» в жизни человека как скучного, банального и рутинного внимание к описанию обыденной реальности в литературе в малой степени соединяется с ориентированностью на запрос читателя. С другой стороны, начиная с оформления реализма в эстетическое направление литературы и до рубежа XX–XXI в., быт и особенности повседневной жизни героев изучаются и описываются в литературоведческой интерпретации, так как позволяют раскрыть полную картину замысла писателя, пристально рассмотреть характеры персонажей и приблизиться к верному пониманию типа художественного сознания автора, в рамках которого он осознает и творчески осмысляет свою эпоху.

Категория «повседневность» как объект научного исследования описывается в трудах ученых различных сфер гуманитарных наук. В работах начала XX в. в парадигме Школы «Анналов» формируется методологическая база рассмотрения бытового окружения частного человека, в том числе ментальных особенностей самого исследователя (М. Блок [1] и др.). Значительный вклад в изучении данного вопроса внесли ученые в области феноменологии (Э. Гуссерль [6] и др.), которые сформировали общенаучный подход в изучении категории «повседневности» как «сфере человеческой обыденности». Изучением и описанием природы быта занимались представители герменевтики и экзистенциализма (М. Хайдеггер [16] и др.). Исследовательские труды И. Г. Касавина [8], В.П. Козырькова [9], В. Д. Лелеко [11] и др. оказали большое влияние на формирование концептуального подхода к изучению вопроса, предмета и основных методов изучения повседневности. Глубокое изучение данной категории в литературоведении провел Ю. М. Лотман [12], труды ученого сохраняют свою актуальность и для современных исследований особенностей быта XVIII–XIX в., влияния среды на творчество писателей и отражение повседневности в литературном произведении. В настоящее время ученые рассматривают повседневность как некую культуру, обладающую своими специфическими осо-

бенностями (Б. В. Марков [13], А. И. Куляпин [10], И. Б. Орлов [14], и др.).

Повседневность и быт стали центральной темой всего творчества Евгения Гришковца, красной линией проходя через прозаические и драматические тексты писателя. Внимание читателей и критиков привлекает именно глубокое и точное описание современной действительности в самых простых и обывательских проявлениях, восхищает умение автора сделать героем произведения обычного человека с его частной жизнью, в которой не происходит ничего исключительного. Действующие персонажи произведений Е. Гришковца – «как правило, благополучны: это городской житель, у которого есть работа, есть семья, есть квартира, и внешне он вполне благополучен» [7]. Из многих жителей города писатель создает своего героя, который в воображении читателя может быть легко «встроен» в настоящую реальность, и делает его персонажем произведения только то, что жизнь и поступки этого героя осмысляются и описываются автором: «Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности» [2, с. 7]. При этом, не смотря на то, что произведения Е. Гришковца относят к литературному мейнстриму и они доступны широкому кругу читателей, в его творчестве прослеживается глубокая традиция экзистенциальной философии, которая отчетливо заметна в его авторской концепции человека, переходящей из текста в текст. Как отмечает Б. В. Марков: «Философы-экзистенциалисты недооценивали цивилизационное значение культурных форм повседневности и считали их репрессивными, подавляющими индивидуальную свободу структурами власти» [13, с. 38]. В XX в. оформляется понимание человека как самостоятельного творца и основного мерила, но процесс творчества остается выше самого автора, требует от него смирения и признания «ценности природы, других людей и уже имеющихся культурных традиций» [13, с. 39]. Авторское видение человека и его экзистенциальных поисков через изображение повседневности Е. Гришковца становится особенно актуальным и близким мысли одного из самых ярких представителей философии экзистенциализма М. Хайдеггера: «Повседневность означает то как, мерой которого присутствие «живет настоящим днем» [16, с. 415]. Описывая обыденное в жизни героя, Е. Гришковец отражает человека в его способе быть и его экзистенциальное осознание своего существования в мире.

Основа большинства прозаических произведений писателей строится на детальном описании повседневности героя и его чувств и мыслей. Ярким примером внимания к обыденному в творчестве автора является роман «Рубашка», который наполнен ощущением быта столичной жизни. При этом многие элементы повседневности жителя Москвы, на которые Е. Гришковец обращает внимание читателя, соотносятся с обыденными особенностями и других крупных городов или вообще любого другого города. Е. Гришковец уделяет большое внимание описанию бытовых мелочей и деталей повседневного окружения своих героев: из этого он формирует художественную реальность и максимально дает читателю ощутить повседневное присутствие в каждом шаге и событии. Детали подробно и внимательно отмечаются в повествовании: «Было рано, и была зима. Вообще-то было еще совсем темно, но в окна падал обычный городской синеватый утренний свет – смесь света белых уличных фонарей и уже зажженных желтых окон дома напротив и... моего дома. Почему-то эта смесь всегда синеватая; вечером она приятная, а утром... невыносимая» [5, с. 3]; «Снега было много. Не свежего, а такого раскисшего, грязного снега... Я медленно двигался по окружной дороге. Впереди то гасли, то зажигались красные огоньки: я тоже давил на тормоз. Постоянно казалось, что в полосе слева движение гораздо быстрее» [5, с. 7]. Каждый день герой в своем сознании фиксирует происходящие события, которые возвращают его к привычным заботам и задачам. Также и любой горожанин ежедневно просыпается на работу, стоит в пробках, сталкивается с плохой погодой, однако по привычке не выделяет ничего из своего быта каждого дня. Научившись «преодолевать повседневность» вместе с автором, становится возможным осознать все, что происходит вокруг, и почувствовать своё присутствие в настоящем дне и значимость деталей обыденного. Под взглядом писателя особенным становится именно то, что происходит или легко может произойти в повседневности каждого: «Это было совсем маленькое и невыразительное кафе на шесть столиков. Серый пол, бежевые стены, барная стойка, круглые столики, фотографии старых паровозов и аэропланов по стенам... Ничего хорошего или особенного... Но мы встречались здесь.. и это место уже было важнее и ценнее для меня, чем модные и продуманные заведения» [5, с. 140]. Модель реальности, которую утверждает писатель, формируется из мелочей повседневного –

именно в них заключается вся жизнь, как героя литературного произведения, так и любого читателя.

Повседневность оказывает большое влияние на мысли и поступки человека, и автор уделяет этому значительное внимание. Самые обыденные события могут вызвать неожиданный эмоциональный отклик или размышления, связанные с осмыслением своего бытия. Например, в романе «Рубашка» во время поездки в такси герой задумывается о водителе и степени его полного согласия с течением своей жизни, если при очевидных трудностях этой профессии «он ездит, он продолжает...» [5, с. 47]. Весь разговор в такси в итоге приводит главного героя к мыслям о том, можно ли искренность и сочувствие другого человека оценить деньгами. Но вместе с поездкой заканчивается и «преодоление повседневности», из размышлений, которые «поднимают» героя над обыденным, он возвращается к действительности: «Я посмотрел ему вслед... Так я выразил благодарность. Мне повезло с этим человеком. Больше получаса я прожил интенсивно и интересно. Через секунду после того, как он скрылся из вида, я понял, что забыл свои перчатки у него в машине» [5, с. 49]. В данном событии писатель показывает читателю некоторую точку гармонии: человек обретает баланс внешнего и внутреннего в беседе со случайным незнакомцем и своей рефлексии в осмыслении эмоциональных проявлений человека к человеку. Данное равновесие не может быть постоянным состоянием и непременно разрушается повседневностью, возвращая героя в плоскость бытовых событий: забытые перчатки стирают эмоциональные переживания героя и переключают его в сферу ежедневных забот и занятий. Похожие эпизоды повторяются неоднократно не только в этом романе, но и других прозаических текстах автора, что позволяет определить модель писательского мировоззрения: поиск состояния гармонии и невозможность удержаться в нем формируют экзистенциальную природу повседневности человека.

В исследовании данного вопроса интерес вызывает осмысление и саморефлексия самого Е. Гришкова, выраженная в творческом эксперименте автора. Анализируя события своей обыденной жизни, писатель регулярно публиковал записи на открытых информационных ресурсах (блог «Живой журнал», личный сайт). Этот материал после дополнительной выборки и писательской правки стал основой для издания бытовых заметок как периодиче-

ских сборников, обобщенных в один цикл: «Год жизни», «Продолжение жизни», «151 эпизод жизни», «От жизни к жизни».

Жанр документальной прозы имеет глубокие традиции в русской литературе. Писатель осмысляет свое существование и выражает процесс саморефлексии в различных формах: дневниковые записи, письма, публицистика как реакция на происходящие события и осмысление иных вопросов представляют собой уникальные свидетельства их жизни и творчества. Согласно исследованию Л. Я. Гинзбург выдающиеся авторы XIX века активно использовали различные проявления документальных жанров в своем творчестве. Это способствовало тому, что «реализм затушевывал границу между организованным повествованием и «человеческим документом», тем самым выразив еще одну закономерность вечного взаимодействия искусства и действительности. Сблизились две модели личности: условно говоря, натуральная (документальная) и искусственная, то есть свободно создаваемая художником» [3, с. 27]. Таким образом, близость документальной литературы к обыденной повседневности позволяет писателю сформировать для читателя устойчивое ощущение наиболее точного отображения действительности и, находясь вне традиционного ряда художественных жанров, создать условия для неожиданного творческого откровения.

Произведение Е. Гришкова «Почти рукописная жизнь» стало ключевым в цикле автобиографических произведений, поскольку оно максимально приближено к обыденной жизни писателя и основано на «культуре повседневности»: текст по структуре и формату является именно дневниковыми записями (в отличие от прежних публикаций блога публицистического характера). Произведение составлено из «бытовых заметок», основными темами которых являются семья (особенно дочь), работа, погодные условия и саморефлексия на основе воспоминаний о событиях прошлой жизни. Записи, посвященные социальным событиям или отвлеченным размышлениям, составляют менее 1/3 объема произведения. «Иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа» [3, с. 118], и писатель умело использует различные факты своей биографии, неслучайным образом располагая их в публикации избранных дневниковых записей, что позволяет ярко и образно выразить художественный замысел всего текста.

Семья – основа, закреплённая в сознании большинства людей и связанная с рядом об-

щих для всех переживаний (беспокойство за родных, радость встречи с близкими, быт и пр.). Для автора книги эти аспекты также сохраняются без особых изменений. Но в произведении «Почти повседневная жизнь» можно проследить явную особенность категорий обыденного и повседневного в отношении Е. Гришкова как писателя и актера. Повседневность воспринимается как норма существующей реальности, но обыденное не является тождественным самой реальности, нечто становится повседневностью в зависимости от условий окружения человека, поэтому быт одного человека не является обыденным для других. Это можно проследить в отношении описания работы драматурга и актера. Как повседневное событие автор описывает частые смены городов и перелеты. «Вчера прибыл в Москву, а сегодня лечу в Нижний... Город Киров (хотя мне гораздо больше нравится Вятка)... Я привык летать и люблю самолеты...» [4, с. 43] – подобные записи встречаются на протяжении всего текста, однако у подавляющего большинства читателей подобное «будничное» описание вызывает неподдельный интерес как что-то недоступное и увлекательное. То же касается и частых заметок о рабочем процессе: Е. Гришковец описывает будни актера и режиссера, ежедневный труд и заботы писателя, совершенно не свойственные многим другим в их повседневности: «Сегодня вечером исполню последний в этом сезоне спектакль... Двенадцать лет я на профессиональной сцене... Пришлось потратить на это драгоценное зимнее время, которое обычно уходило на написание новых литературных текстов...» [4, с. 64].

Еще заметнее это прослеживается в «арктическом дневнике». Мы отмечаем, как то, что было исключительным для самого писателя в начале путешествия через ограниченное количество времени становится бытовым. В начале повествования Е. Гришковец подчеркивает разницу в ощущениях, ведь для него выход в экспедицию новое и торжественное событие, в отличие от моряков: «В том, как они называли «Сергия Радонежского» [корабль] Сергей, тоже было что-то повседневное, привычное для тех, кто выводил корабль с нами на борту в знакомые воды. А мы, те, кто выходил ... впервые, старались почувствовать и наполнить впечатлениями сам этот момент...» [4, с. 70]. Уже через семь дней отношение автора меняется и то, что ранее было исключительным переходит в разряд обыденного и формирующего повседневность: «Мы идем и идем... На берегу нас ждали уже привычные глазу в на-

шей родной Арктике руины и следы человеческой деятельности» [4, с. 74]. Это доказывает, что обыденное и повседневное определяется в первую очередь самим человеком, его средой, и часто имеет определяющее значение для формирования личности и ее экзистенциального осознания. «То, чем окружен человек и с чем сталкивается в своей повседневности, имеет большое, а иногда и решающее значение, потому что создает настрой, атмосферу, фон, который воздействует на чувства и жизнедеятельность. Быт является для других продолжением или зеркалом нас самих» [15]. Е. Гришковец в книге «Почти рукописная жизнь» (также как и в других произведениях) описывает собственную повседневность и создает художественную реальность, в которой обыденное становится не только значимым и весомым, но и является основой бытового счастья и даже источником вдохновения.

Формируя модели повседневности в художественном и документальном жанрах, автор использует единообразные стилевые приемы, основывая свою концепцию изображения быта в мелочах, которые занимают значительную часть повествования. Писатель не использует сложные сюжетные линии, чтобы раскрыть своего героя и события его жизни, сосредотачивая внимание на описании простых, но неслучайных эпизодах. Категория повседневности выражается в экзистенциальном понимании быта, который формируется событиями извне и са-

мим героем изнутри. При этом для достижения этого единого мироощущения автор использует в художественном тексте вымышленные образы и символы, а в документальном произведении, не имея возможности их создать, опирается на избранные описания жизненных событий, выстраивая их в повествовании для появления художественного общения и необходимого образа. Фактический материал в документальном произведении становится эстетическим символом, приближая реальную повседневность писателя к художественной, которую он самостоятельно создает для своих героев. И не смотря на использование разных типов создания художественной символики, и в документальных текстах, и в художественных произведениях Е. Гришковец создает общее представление категории повседневности в экзистенциальном осмыслении: единовременное формирование обыденного в каждом шаге героя, и постижение повседневности в каждой мелочи, которая является выражением единственно возможной жизни.

В соответствии с собственным мироощущением писатель раскрывает экзистенцию человека, используя повседневность как основной способ быть. Ценность произведений этого автора заключается в яркой демонстрации читателям того, что мы сами формируем для себя критерии обыденности, также как можем найти сущность своего бытия в постоянном осмыслении событий каждого дня и перемен в нем.

Литература

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. – Таллин: Ээсти раамат, 1983. 184 с.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 413 с.
4. Гришковец Е. В. Почти рукописная жизнь. М.: Махаон, 2013. 512 с.
5. Гришковец Е. В. Рубашка. М.: Махаон, 2013. 288 с.
6. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. 358 с.
7. Интервью: Евгений Гришковец в программе «Познер» // Познер Online. URL: <http://pozneronline.ru/2009/12/5477/> (Дата обращения: 01.03.2017).
8. Касавин И. Т. Язык повседневности между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. №9. С. 14–29.
9. Козырьков В. П. Образцы повседневности и проблема их целостности // Наука и повседневность: Основания науки в цифровом обществе. Материалы 4-й межвузовской конференции. Вып. 4. Н.-Новгород: ННГУ, 2002. С. 5–30.
10. Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: монография / отв. ред. И. В. Силантьев. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
11. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002. 320 с.
12. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 354 с.
13. Марков Б. В. Культура повседневности: учебное пособие. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
14. Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления: монография. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. 328 с.
15. Ротенберг Н. В. Дихотомичность структур культуры повседневности // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/839-8-3.html> (Дата обращения: 05.03.2017).
16. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

References

1. Blok M. Apologiia istorii, ili Remeslo istorika (*Apology of history, Craft of the historian*). Tallin: Eesti raamat, 1983. 184 p. (In Russian).

2. Val'denfel's B. Povsednevnost' kak plavil'nyi tigl' ratsional'nosti (*Everyday life as a melting pot of rationality*). Moscow: Progress, 1991. 480 p. (In Russian).
3. Ginzburg L. Ya. O psikhologicheskoi proze (*About psychological prose*). Moscow: Intrada, 1999. 413 p. (In Russian).
4. Grishkovets E. V. Pochti rukopisnaya zhizn' (*Almost handwritten life*). Moscow: Makhaon, 2013. 512 p. (In Russian).
5. Grishkovets E. V. Rubashka (*The Shirt*). Moscow: Makhaon, 2013. 288 p. (In Russian).
6. Gusserl' E. Filosofiya kak strogaya nauka (*Philosophy as a strict science*). Novocherkassk: Agentstvo «Saguna», 1994. 358 p. (In Russian).
7. Interv'yu: Evgenii Grishkovets v programme «Pozner» // Pozner Online. URL: <http://pozneronline.ru/2009/12/5477/> (Accessed: 01.03.2017). (In Russian).
8. Kasavin I. T. Yazyk povsednevnosti mezhdu logikoi i fenomenologiei (*The language of everyday life between logic and phenomenology*) // Voprosy filosofii. 2003. No. 9. P. 14–29. (In Russian).
9. Kozyr'kov V. P. Obraztsy povsednevnosti i problema ikh tselostnosti (*The patterns of everyday life and problem of their integrity*) // Nauka i povsednevnost': Osnovaniya nauki v tsifrovom obshchestve". Materialy 4-i mezhvuzovskoi konferentsii. Issue 4. N.-Novgorod, 2002. P. 5–30. (In Russian).
10. Kulyapin A. I., Skubach O. A. Mifologiya sovetskoi povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoi epokhi: monografiya (*Mythology of Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalin era: monograph*) / ed by I. V. Silant'ev. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 240 p. (In Russian).
11. Leleko V. D. Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture (*The space of everyday life in European culture*). St.Petersburg: SPbSUCA publ., 2002. 320 p. (In Russian).
12. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) (*Conversations about Russian Culture: mode of life and traditions of Russian nobility (XVIII - early XIX century)*). St.Petersburg: Iskusstvo, 1994. 354 p. (In Russian).
13. Markov B. V. Kul'tura povsednevnosti: uchebnoe posobie (*Culture of everyday life*). St.Petersburg: Piter, 2008. 352 p. (In Russian).
14. Orlov I. B. Sovetskaya povsednevnost'. Istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya: monografiya (*Soviet everyday life. Historical and sociological aspects of its formation: monograph*). Moscow: High economic school, 2010. 328 p. (In Russian).
15. Rotenberg N. V. Dikhotomichnost' struktur kul'tury povsednevnosti (*Dichotomy of everyday life cultural structures*) // Elektronnoe nauchnoe izdanie «Analitika kul'turologii». URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/839-8-3.html> (Accessed: 05.03.2017). (In Russian).
16. Khaidegger M. Bytie i vremya (*Time and existence*) / ed by V. V. Bibikhina. Khar'kov: Folio, 2003. 503 p. (In Russian).

УДК 070: 94(470)Чехов

А. И. Станько, О. И. Лепилкина

А. П. ЧЕХОВ-ПУБЛИЦИСТ О СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ

Значительное место в газетно-журнальном творчестве А. П. Чехова 1880–1890-х гг. занимают вопросы причин и психологических мотивов преступлений, процессуальных нарушений судопроизводства, бесчеловечных условий существования каторги и ссылки. Отличительной особенностью чеховских произведений этой проблематики является, наряду с художественными картинками происходящего, прямая авторская оценка сущности явлений, касающихся системы наказаний в России. Один из важных выводов автора – «наказание очень часто приносит гораздо больше зла, чем само преступление». В ранних рассказах Чехова неоднократно повторялась мысль о безнравственности смертной казни и пожизненного заключения. Антигуманности и нецелесообразности этих мер наказания публицист посвятил отдельную главу в цикле «Из Сибири».

Наиболее ярко эта проблема нашла отражение в художественно-публицистической книге очерков «Остров Сахалин», где слово «наказание» и производные от него слова использованы 110 раз и присутствуют в названиях глав, что подчеркивает значимость этой темы для автора. Чехов показал, как губительно сказывается система наказания на каторге и на заключенных, и на тюремщиках.

В целом, публицистическое творчество Чехова 1880–1890-х гг. явилось своеобразной энциклопедией художника-гуманиста, обличающей всю совокупность жестоких карательных мер, направленных на унижение и бесправие человеческой личности.

Ключевые слова: А. П. Чехов, публицистика, «Остров Сахалин», цикл «Из Сибири».

А. I. Stan'ko, O. I. Lepilkina

A. CHEKHOV – THE PUBLICIST ON RUSSIAN PENAL SYSTEM

Such issues as causes and psychological motives of the crime, legal proceedings procedural violations, inhuman conditions of the hard labor and exile played a significant role in the composition of A. Chekhov's newspapers and magazines materials. The distinctive feature of Chekhov's works of the indicated problematics is the direct author's assessment of the phenomena nature relating to the system of penalties in Russia along with artistic pictures of what was happening. One of the important conclusions made by the author was that «punishment very often brings much more evil than the crime itself». In the early stories of Chekhov, the idea of immorality of the death penalty and life imprisonment was repeated time and again. A separate chapter in the cycle «From Siberia» was devoted to the inhumanity and the impracticability of these penalties.

The problem was most clearly reflected in the artistic and publicist essay book of «The Sakhalin island», where the word «punishment» and its derivatives were used 110 times and were present in the titles of chapters emphasizing the importance of this topic for the author. Chekhov described how disastrously the punishment of the galley affects both the prisoners and the jailers.

In general, the publicistic writings by Chekhov of the 1880–1890s were the encyclopedia of the artist and the humanist, which strongly criticized the whole aggregate of brutal punitive measures aimed at humiliation and the lack of rights for the individual.

Key words: A. P. Chekhov, publicism, «The Sakhalin island», cycle «From Siberia».

Историко-журналистская наука накопила большой объем знаний о Чехове-публицисте [1, 3, 5 и др.]. Закономерным представляется основной вывод, к которому приходят ученые, что публицистическое наследие Чехова – это своего рода вклад в становление социальной журналистики в России в XIX в.

Немалое место в его творчестве занимает тема наказания, выросшая из детских впечатлений автора, вспоминавшего ту пору жизни как каторгу [см. подробнее: 8].

В раннем газетно-журнальном творчестве Чехова 1880–90-х гг. вопросы причин и психологических мотивов преступлений, процессу-

альных нарушений судопроизводства, бесчеловечных условий существования каторги и ссылки занимают значительное место. Отличительной особенностью чеховских произведений является, наряду с художественными картинами происходящего, прямая авторская оценка сущности явлений, касающихся системы наказаний в России. Голос автора не разрушает художественной ткани описания события и придает повествованию глубокий социальный смысл.

В 1887 г. вышел в свет сборник чеховских рассказов «В сумерках», где тема преступления и наказания присутствует, начиная с первой страницы. Герой рассказа «Мечты» – бежавший с каторги бродяга, наказанный за преступление, которого он не совершал (мать «по нечаянности барину заместо соды и кислоты мышьяку в стакан» [9, с. 11] насыпала, а он поднес), и вспоминающий каторгу как «сущий ад, такой ад, что и не приведи царица небесная» [9, с. 12]. Бродяга смирился со своей судьбой и мечтает о поселении в Восточной Сибири, однако его мечтам о «привольной» жизни противостоят «картины ясные, отчетливые и более страшные»: «Перед ним живо вырастают судебная волокита, пересыльные и каторжные тюрьмы, арестантские бараки, томительные остановки на пути, студеные зимы, болезни, смерти товарищей» [9, с. 16].

В рассказе «В суде» Чехов описывает заседание окружного суда, на котором слушается дело крестьянина, убившего жену, а среди конвоиров оказывается сын подсудимого. Передавая «машинное бесстрашие» и «канцелярское равнодушие» служителей фемиды, Чехов резюмирует: «Судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка» [9, с. 96].

Название рассказа «Дома», помещенного в чеховский сборник «В сумерках», и незамысловатый сюжет не предполагают, на первый взгляд, масштабных социальных выводов. Прокурор окружного суда ведет долгую назидательную беседу с семилетним сыном, который попробовал покурить. Добиться успеха ему помогла только простая сказка, которую он рассказал сыну. Вывод автора таков: «Наказание очень часто приносит гораздо больше зла, чем само преступление» [9, с. 42].

В 1888 г., после выхода сборника «В сумерках», Чехов написал рассказ «Пари», сюжет которого имеет бытовую основу. Молодой юрист заключил пари с банкиром на 2 миллиона, соглашаясь выдержать 15 лет заточения. Спор касался отношения персонажей к крайним ме-

рам наказания. Чеховская мысль, подводящая итог повествования, неоднократно повторялась в других его произведениях: «И смертная казнь, и пожизненное заключение одинаково безнравственны» [11, т. 7, с. 229].

Ранние чеховские рассказы, публиковавшиеся под рубрикой «Фельетон» в газетах и журналах, в известной мере продолжали традиции русской классической литературы и публицистики. В частности, наличие авторской моральной оценки происходящего после описания события сближает эпилог короткого чеховского рассказа с итоговыми нравовыми баснями, а сам факт присутствия авторских публицистических обобщений в тексте повествования имеет некоторое сходство с лирическими отступлениями в произведениях русских писателей и публицистов.

Вместе с тем тематика и проблематика ранних чеховских рассказов явились предвестниками к постановке проблемы обличения системы наказаний в России в широком художественно-публицистическом полотно – в очерках «Остров Сахалин». В марте 1890 г. Чехов писал А. С. Суворину, издателю газеты «Новое время», с корреспондентским билетом которой Чехов осуществил задуманное путешествие: «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски» [10, т. 4, с. 32]. По его словам, «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают» [10, т. 4, с. 32]. Таким образом, отправляясь на каторжный остров, писатель четко представлял цель поездки и осознавал миссию обличения того строя, при котором стал возможным остров смерти, как называли в ту пору Сахалин.

Во время двухмесячного путешествия по Сибири на Сахалин Чехов, по его словам, вел отчаянную борьбу с холодом, с разливами рек, невылазную грязью, с «голодухой», с желанием спать и размышлял над причиной, которая подвигла его на этот гражданский подвиг. В путевых заметках «Из Сибири» он заявил: «В нашем русском законодательстве, сравнительно гуманном, высшие наказания, и уголовные и исправительные, почти все пожизненные» [11, т. 14–15, с. 25].

Вся седьмая глава сибирских очерков представляет собой своеобразный трактат на тему применения высшей меры наказания и пожизненного заключения, которые Чехов признает антигуманными и нецелесообразными: «Ча-

сто употребляемое выражение, что смертная казнь применяется теперь только в исключительных случаях, не совсем точно; все высшие карательные меры, которые заменили смертную казнь, все-таки продолжают носить самый важный и существенный признак ее, а именно – пожизненность, вечность, и у всех у них есть цель, унаследованная ими от смертной казни, – удаление преступника из нормальной человеческой среды *навсегда*, и человек, совершивший тяжкое преступление, умирает для общества, в котором он родился и вырос, так же как во времена господства смертной казни» [11, т. 14–15, с. 25].

Размышляя о смертной казни, Чехов-публицист рассматривает различные аспекты темы наказания за преступления. Он характеризует каторжные работы, ссылку на поселение, арестантские роты, лишение прав в том же ключе – как пожизненность наказания. По его словам, литература на эту тему малочисленна, «точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги» [11, т. 14–15, с. 26]. Существующее отношение к заключенному, томящемуся в ссылке, считает он, неприемлемо «в христианском государстве и в христианской литературе». В числе причин бедственного положения каторжан и ссыльных Чехов называет несовершенство судопроизводства, которое обрекает преступников в ссылку, не имея представления о ней; судья «только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции: это уж дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами» [11, т. 14–15, с. 26].

В этом своеобразном трактате-размышлении Чехова о смертной казни присутствует личностное восприятие высшей меры наказания, свидетельствующее о глубоком психологическом проникновении публициста в судьбы отверженных. Он пишет с акцентом на местоимениях «меня», «мои»: «Все высшие карательные меры не дают преступнику вечного успокоения в могиле, именно того, что могло бы мирить мое чувство со смертной казнью, а с другой стороны, пожизненность, сознание того, что надежда на лучшее невозможна, что во *мне* гражданин умер навеки и что никакие *мои* личные усилия не воскресят его во мне, позволяют думать, что смертная казнь в Европе и у нас не отменена» (курсив наш – А. С., О. Л.) [11, т. 14–15, с. 25].

Размышление о смертной казни вроде бы оптимистично: автор убежден, что «через 50–100 лет на пожизненность наших наказаний бу-

дут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на левой руке» [11, т. 14–15, с. 25]. Но, с другой стороны, в следующем же предложении он утверждает: «мы совершенно не в силах помочь беде» [11, т. 14–15, с. 25].

С такими мыслями Чехов прибыл на остров, который, наряду с Нерчинской каторжной тюрьмой, современники считали «двумя главными центрами <...> нынешнего каторжного строя» [2, с. 3]. Исследователи подчеркивают значимость этого места для самого Чехова, который свое кругосветное путешествие именновал поездкой на Сахалин [6]. Здесь он стал свидетелем применения системы наказаний, о которых писал в ранних рассказах и в сибирском трактате-размышлении о смертной казни. Главное его впечатление выражено в письмах. Вскоре после возвращения из поездки он писал А. С. Суворину: «Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом» [10, т. 4, с. 139]. Аналогично Чехов выразился и в письме очеркисту И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Я был и в аду, каким представляется Сахалин...» [10, т. 4, с. 143]. Эта формула, по мысли одного из исследователей «Острова Сахалина», обусловила чеховскую «стратегию маргинализации, сдвига описываемого на пространственную (самая далекая окраина империи), социальную (каторга как отвержение обществом) и нравственную (предел человеческих возможностей, распад) «изнанку». В повествовательном плане маргинализация реализовалась через доминирующий в книге прием исключения, когда характеристика любой ситуации, предмета, явления или персонажа дается не с позитивной стороны, вскрывающей его самостоятельный экзистенциальный смысл (как его восприняли бы сами сахалинцы), а как отклонение от некоей нормы, известной рассказчику по его прежнему (цивилизованному и русскому) опыту» [4, с. 290–291].

Структурной основой сахалинского повествования становится документальный факт и его авторская оценка, раскрывающая философскую сущность явления. Для исследования ситуации публицист использовал перепись населения с помощью карточек, в которых, как отмечают исследователи, «отсутствовала графа о совершенном преступлении. Это не было случайным и свидетельствовало лишь об одном: в данном случае писателя интересовало только наказание, т.е. вся исправительная система, которая бытовала на Сахалине» [7, с. 12].

Количественный анализ показал, что в книге слово «наказание» и производные от него слова («наказывать», «наказан», «наказанный» и т.д.) использовано 110 раз, что подчеркивает значимость этой темы для автора. Система наказаний присутствует также в названиях глав сахалинских очерков, например, в главе XXI: «Наказания. – Розги и плети. – Смертная казнь».

В указанной главе Чехов свидетельствует: «Розги, плети, прикование к тележке – наказания, позорящие личность преступника, причиняющие его телу боль и мучения, – применяются здесь широко» [11, т. 14–15, с. 332]. Далее автор описывает наказание плетьюми бродяги Прохорова в Дуэ за побег из тюрьмы. Чехов подробно передает психологическое состояние человека, который во время истязания точно в бреду мычит и хрипит, когда его кожа лопается от каждого удара плетью. Чехов не в силах наблюдать экзекуцию, его заключение по поводу происходящего таково: «От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании» [11, т. 14–15, с. 338].

Чиновники, охарактеризованные Чеховым-социологом как особая группа сахалинского населения, предстают в очерках как смесь Держиморды и Яго, двуличные господа, в общении с вышестоящими демонстрирующие интеллигентность, а по отношению к низшим использующие исключительно брань и кулаки. Чехов приводит показательный документальный факт: с каторжанином Золотаревым чиновники кутили и играли в карты, и жена каторжанина выговаривала ему, что он «водит компанию с людьми, которые могут дурно влиять на его нравственность» [11, т. 14–15, с. 319]. Подобным высказыванием автор передает обобщенное отношение к явлению.

Портрет одного из наиболее ярких тюремных администраторов, некоего майора Николаева, приведенный Чеховым в качестве наглядного экскурса в прошлое, включает его речевую характеристику и описание бесчеловечных по-

ступков по отношению к заключенным: он сажал в бочки провинившихся и приказывал катать их по берегу, заранее предупреждая, что те не останутся в живых.

Обычаи, заведенные на каторжном острове, побуждают Чехова сопоставить их с крепостническими порядками недавнего прошлого: отдачу каторжных в услужение частным лицам он называет подлинным крепостничеством; положение каторжанок, находящихся на содержании, автор оценивает как пример «в высшей степени унижительного для человеческого достоинства» [11, т. 14–15, с. 98].

Документальная основа сахалинских очерков отражена также в своеобразной инфографике, которая дает представление о том, в каком возрасте и по какой причине умирают каторжане. Приведенные цифры дают основание автору сделать убедительный вывод, что значительная смертность от чахотки в ссыльной колонии зависит главным образом от неблагоприятных условий жизни в общих тюремных камерах и непосильной тяжести каторжных работ, отнимающих у рабочего больше сил, чем может ему дать тюремная пища.

Представленный Чеховым в разных аспектах – нравственном, социологическом, философском – взгляд на систему наказаний в России позволяет ему сделать вывод о будущем: «Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей» [10, т. 4, с. 82]. Не природные условия – главный тормоз на пути процветания сурового края, о чем свидетельствуют чеховские слова, полные веры в грядущее: на Енисее «жизнь началась стоном, а кончится удастью, какая нам и во сне не снилась» [11, т. 14–15, с. 35].

В целом, газетно-журнальное публицистическое творчество Чехова 1880–90-х гг. явилось своеобразной энциклопедией художника-гуманиста, обличающей всю совокупность жестоких карательных мер, направленных на унижение и бесправие человеческой личности.

Литература

1. А. П. Чехов: энциклопедия / [сост. и ред. В. Б. Катаев]. М.: Просвещение, 2011. 696 с.
2. Высочайше утвержденная особая комиссия для разработки мероприятий, вызываемых изданием нового Уголовного уложения. Журнал 1 // Тюремный вестник. 1904. №2. Приложение. С. 1–24.
3. Есин Б. И. Чехов-журналист. М.: МГУ, 1977. 104 с.
4. Киселев В. С. «Русская Австралия»: маргинализация колониальных окраин в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Чехов и время: сб. статей / ред. Е. Г. Новикова. Томск: ТГУ, 2011. С. 280–294.
5. Кройчик Л. Е. Неуловимый Чехов: этюды о творчестве писателя. Воронеж: ВГУ, 2007. 248 с.
6. Новикова Е. Г. Кругосветное путешествие А. П. Чехова как поездка на Сахалин: позиция писателя // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3 (19). С. 75–81.

7. Прокурова Н. С. Нравственно-психологические аспекты проблемы преступления и наказания в русской литературе второй половины XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Московский педагогический университет, 2000. 60 с.
8. Станько А. И. Личность и публицистика А. П. Чехова. Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. 159 с.
9. Чехов А. П. В сумерках. Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986. 573 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

References

1. A. P. Chekhov: entsiklopediya / ed. By V.B. Kataev. Moscow: Prosveshchenie, 2011. 696 p. (In Russian).
2. Vysochaishe utverzhennaya osobaya komissiya dlya razrabotki meropriyati, vyzyvaemykh izdaniem novogo Ugolovnogo ulozheniya. Zhurnal 1 (*The supreme approved special Commission for the development of activities arising from the publication of the new Criminal code of laws. Journal 1*) // Tyuremnyi vestnik. 1904. No. 2. Prilozhenie. P. 1–24. (In Russian).
3. Esin B. I. Chekhov-zhurnalists (*Chekhov the journalist*). Moscow: MSU publ., 1977. 104 p. (In Russian).
4. Kiselev V. S. «Russkaya Avstraliya»: marginalizatsiya kolonial'nykh okrain v knige A. P. Chekhova «Ostrov Sakhalin» (*«The Russian Australia»: the marginalization of colonial outskirts in the book of A.P. Chekhov, «the Sakhalin Island»*) // Chekhov i vremya (Чехов и время) / ed. E. G. Novikov. Tomsk: TSU publ., 2011. P. 280–294. (In Russian).
5. Kroichik L. E. Neulovimyi Chekhov: etyudy o tvorchestve pisatelya (*Elusive Chekhov: Studies of writer's art*). Voronezh: VSU publ., 2007. 248 p. (In Russian).
6. Novikova E. G. Krugosvetnoe puteshestvie A. P. Chekhova kak poezdka na Sakhalin: pozitsiya pisatelya (*The Globe travels of A. P. Chekhov as a trip to the Sakhalin: Writer position*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 3 (19). P.75 – 81. (In Russian).
7. Proкурова Н. С. Nравstvenno-psikhologicheskie aspekty problemy prestupleniya i nakazaniya v russkoi literature vtoroi poloviny XIX v. (*The moral and psychological aspects of the problem of crime and punishment in Russian literature in the second half of XIX century*): abstract of thesis. Moscow, 2000. 60 p. (In Russian).
8. Stan'ko A. I. Lichnost' i publitsistika A. P. Chekhova (*The personality and publicist activity of A.P. Chekhov*). Rostov on Don: SFU publ, 2009. 159 p. (In Russian).
9. Chekhov A. P. V sumerkakh. Ocherki i rasskazy (*At dusk. Essays and Stories*). Moscow: Nauka, 1986. 573 p. (In Russian).
10. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (*A complete collection of essays and letters*): In 30 Vols. Pis'ma (Letters): In 12 Vols. Moscow: Nauka, 1974–1983. (In Russian).
11. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (*A complete collection of essays and letters*): In 30 Vols. Sochineniya (Writings): In 18 Vols. Moscow: Nauka, 1974–1982. (In Russian).

УДК 070 (091)

Т. С. Шевченко

**«ХОДИТЕ ДОСТОЙНО ЗВАНИЯ ВАШЕГО»: РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЛЕКСИКИ И ЦИТАТ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
ИЛЬИ СУРГУЧЕВА (1940–1945 гг.)**

В статье рассматривается языковое представление православно-христианской темы в эмигрантской публицистике И. Д. Сургучева (на материале сборника его текстов «Парижский дневник») на трех уровнях: идейно-содержательном, интертекстуальном, собственно лексическом. В статье анализируются интертекстуальные связи в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева. Различные типы интертекстуальных и паратекстуальных элементов рассматриваются в многообразии их взаимодействия и выполняемых функций. Интертексты из религиозной литературы делятся на библейские аллюзии и цитаты из церковных текстов (Библии, молитв, святоотеческих творений, гимнографии). Православные интертексты в публицистике Сургучева классифицируются нами на основе одиннадцати критериев: тип претекста, закреплённость в языке, сохранность формы, наличие указания на источник, стилистическая функция в тексте, синтаксическая роль,

воспроизводимость в языке публициста и др. На собственно лексическом уровне выделяются православная конфессиональная лексика различных тематических групп, употребляемая в прямом или переносном значении, и фразеологизированные выражения разговорного характера. На идейно-содержательном уровне христианско-православная тематика в миропонимании И. Сургучева связана с образами святого, священного. Область религиозной концептосферы уходит своими корнями в архаическую систему ценностей, передававшуюся через общерусское мифологическое и языковое сознание из поколения в поколение, и является средством воспитания у народа системы высоких моральных принципов, человеколюбия, духовной чистоты.

Ключевые слова: публицистика, И. Д. Сургучев, библеизмы, конфессиональная лексика, интертекстуальность, прецедентный текст.

T. S. Shevchenko

**«LIVE A LIFE WORTHY OF THE CALLING YOU HAVE RECEIVED»:
THE ROLE OF THE ORTHODOX VOCABULARY AND QUOTES
IN ILIYA SURGUCHEV'S EMIGRANT JOURNALISM (1940–1945)**

The article analyses the linguistic representation of the orthodox theme in Iliya Surguchev's emigrant journalism (based on "Paris Diary") at three layers: the ideological, the intertextual, the lexical. The article gives an analysis of intertextual relations in Iliya Surguchev's emigrant journalism. Different types of intertextual and paratextual elements as well as their dialogical relations and their various functions have been considered. Religious literature intertextures are divided into biblical allusions and quotes from religious texts (the Bible, prayers, patristic works, hymnology). The lexical layer includes the orthodox religious vocabulary of the

various thematic groups (used in a literal or figurative meaning) and colloquial idioms. Orthodox theme in Iliya Surguchev's worldview associated with the concept of sacred, holy. Sacred concept in the worldview of the emigrants is rooted in the depths of archaic system of values, transmitted through the common Russian mythological and linguistic consciousness from generation to generation and has become a means of educating of humanism, morality, purity.

Key words: journalism, I. D. Surguchev, biblicisms, religious vocabulary, intertextuality, precedent text.

Поздняя эмигрантская публицистика писателя, драматурга и журналиста Ильи Дмитриевича Сургучева отражает итоги его деятельности в духовной, творческой, общественной сфе-

рах, которые тесно переплетаются, в том числе в цикле публицистических статей «Парижский дневник» (1940–1945). Выходили эти статьи в эмигрантских изданиях: «Парижский вестник»,

«Новое слово». В настоящее время наследие И. Д. Сургучева находится в фокусе внимания литературоведов, журналистов, лингвистов [1, 2, 3, 6]. В 2016 г. 72 текста из «Парижского дневника» впервые объединены проф. А. А. Фокиным в сборнике, вышедшем отдельным изданием. Особенности языка и стиля поздней эмигрантской публицистики Сургучева предметом специальных исследований до сих пор не становились.

Среди автономизаций (определений, введенных автором в текст различными способами в качестве самохарактеристики), используемых в статьях «Парижского дневника», особое место занимают имеющие в своей основе признак конфессиональной принадлежности (богомolec, блудный сын, старче праведный, пылится на могиле Адама и т.д.), например: «И что мне в этом знамени, нищему, одинокому, на чужой земле живущему блудному сыну?» [5, с.12]; «Прислужник – мальчишка в кружевном стихаре – пожевывает, бормоча «Кирие элейсон», и искоса поглядывает на меня, раннего и почти одинокого богомольца» [5, с. 262] (здесь и далее подчеркнуто нами. – Т. Ш.). Также Сургучев атрибутирует себя по принадлежности к национальной группе (русский, иностранец, скиф и варвар, на чужой земле живущий, эмигрант и т.д.), социальной (нищий, из милости проживаешь, одинокий, Мафусаил, русский босяк, получеловек и т.д.), профессиональной (журналист, европейский журналист, репортер, беллетрист, корреспондент из Ставрополя-Кавказского, бумагомака и т.д.), биологической (существо, орущий младенец и т.д.). «Блудный сын» – это наиболее часто появляющийся в текстах «Парижского дневника» экзистенциальный маркер, отражающий принадлежность автора к христианскому типу мироощущения.

Религиозная тема проработана в сургучевской публицистике глубоко, так как начальное и среднее образование он получил в духовном училище и семинарии в его родном и до конца дней горячо любимом Ставрополе-Кавказском. Сургучев обращается к прецедентным текстам, среди которых, наряду с художественной литературой, важное место занимают Библия, святоотеческие творения, молитвы, церковные песнопения.

Нами обнаружены три слоя репрезентации православных конфессиональных понятий в языке «Парижского дневника»: 1) идейно-содержательный (есть главы, целиком посвященные аспектам православной культуры; библейские по происхождению лейтмотивы; вставные блоки рассуждений о церкви и вере и т.д.),

2) интертекстуальный (цитаты из церковных текстов и библейские аллюзии), 3) собственно лексический, который представлен словами, обозначающими понятия православной культуры, употребляемыми в прямом или же переносном значении (использование конфессиональной лексики в целях создания тропов – в роли того, с чем производится сравнение), и разговорными фразеологемами с опорными семами «Бог» и «черт».

1. Идейно-содержательный слой. Творчество Сургучева насквозь интертекстуально и полифонично, поэтому и христианские мотивы у него далеко не всегда ортодоксальны (так, он рассказывает, что гадает по Евангелию, верит в чтение судеб по звездам, в счастливые числа, исследует предсказания Нострадамуса и т.д.). Но только Бога Сургучев ставит во главу мироустройства (теоцентризм): «Лично для меня, например, не существует врачей, не верящих в Бога. <...> Всякий настоящий ученый обязательно верит в Бога» [5, с. 67]. «Маршал? Значит, верит в Бога. (Попробуй, в самом деле, не верить в Бога, когда стоишь во главе армии!)» [5, с. 135].

2. Интертекстуальный слой. Как отмечалось, Сургучев обладает профессиональными знаниями в сфере канонической православной церковной культуры. Это предопределяет то, что он использует, наряду со ставшими «крылатыми» библейскими выражениями, огромное множество **индивидуально-авторских цитат из церковных текстов**, то есть цитат, малоизвестных массовому читателю. Опора на православную веру, духовность, на российский пласт общемировой культуры и истории позволяет Сургучеву оставаться личностью даже в таких условиях, когда честь и достоинство находятся под ударом обстоятельств. Сургучев ставит творческое с подлинным и божеским в один синонимический ряд: «Как мы далеки от мира и как чужды и странны ему! Эта запрещенность и отрешенность от подлинного, божеского, творческого мира – страшна и непонятна» [5, с. 172]. С другой стороны, Церковь для него – это и есть искусство: «И разве можно сравнить запись у мэра с нашим торжественным венчанием, с его «Гряди, голубица», с питьем из одной чаши, с символом колец, лежавших на Божьем Престоле, с этим связыванием рук одним шелковым платком? Какими великими поэтами разработаны эти потрясающие чины!» [5, с. 95]. «Пасха, Господня Пасха. Пел на клиросе в галлиполийской церкви: какая это великая поэзия – поэзия Церкви!» [5, с. 178]. Публицист декларирует

необходимость построения здания человеческого общежития на основах, заложенных в религии, и опирается на христианское понимание смирения, духовного подвига: *«У апостола есть удивительный совет: – Ходите достойно звания вашего. – Будем ходить достойно звания нашего. И не дадим этому званию ни-где снизиться»* [5, с. 217]. Эта интертекстема – сквозная в его творчестве, начиная с романа «Губернатор» (1912).

Интертексты религиозного дискурса подразделяются на цитаты и библейские аллюзии.

В «Парижском дневнике» нами выделено около 70 библейских аллюзий и реминисценций и 90 цитат из церковных текстов. Так, отсылают к библейским образам аллюзии: *«Зачем вычисления, зачем эта арифметическая суета? Берите смирену, ладан и золото и угадайте звезду, по которой нужно идти и искать, искать, искать...»* [5, с. 13]; *«...на дверях маячит записка: «Отец и сын мобилизованы. Увидимся после победы». Какой-то остряк прибавил мелом: «Отец и сын мобилизованы, и святой дух улетел»* [5, с. 23]. В последнем примере трансформация формулы «Отец и Сын и Святой Дух» используется в ироническом контексте. У Сургучева иронизация над религиозным возможна только с целью речевой характеристики персонажа («какой-то остряк»), для подчеркивания бездуховности эпохи и общества. Еще одна библейская аллюзия целиком построена на явлении синтаксического параллелизма: *«В апрельскую ночь даже «под асфальтом» текут живоносные силы, подавая каштановое каштану, сиреневое – сирени, и розовое – розе»* [5, с. 172]. Само построение текста напоминает об общеизвестном: «Воздадите кесарева кесареви и божия богу» (Матф. 22:21). В нескольких текстах библейские аллюзии играют роль композиционной скрепы, например, запись от 28 октября 1941 г. пронизана лейтмотивом «Восьмой день»: Бог за 6 дней создал мир, седьмой день отдыхал, а восьмой день – сотворение общества – длится и поныне. Доказательством этой мысли в рассуждениях Сургучева является библейская цитата *«Тысяча лет пред очима Теоима, яко день вчерашний»* (молитва Моисея).

Библейские и другие цитаты из конфессиональной литературы, выявленные нами в «Парижском дневнике», разнообразны. Анализ текста позволил нам построить иерархию следующих одиннадцати критериев для классификации и дальнейшего изучения православных интертекстов в публицистике Сургучева:

1) тип претекста – Библия, Молитвослов, песнопения, святоотеческие творения;

2) закреплённость в языке – общеупотребительные (крылатые фразы, идиомы, популярные цитаты, тексты широко известных молитв), малоупотребительные, индивидуально-авторские;

3) сохранность формы – нетрансформированные, искаженные, трансформированные;

4) наличие указания на источник – эксплицитные, имплицитные;

5) выделение границ – стилистически маркированные, пунктуационно маркированные, немаркированные;

6) функция в тексте – информативная, экспрессивная;

7) тональность – возвышенно-пафосная, сниженно-ироническая (встречается только в речевых портретах персонажей и касается в основном общеупотребительных цитат);

8) синтаксическая роль – часть предложения, предложение, абзац;

9) воспроизводимость в языке публициста – единичное употребление, лейтмотив главы, сквозная цитата в творчестве;

10) отнесенность к персонажу – цитаты и аллюзии в словах автора или использующиеся для создания речевых портретов других персонажей (заметьте, что таковых меньше, в отличие от цитат из произведений литературы);

11) язык – старославянский, русский.

Конфессиональные цитаты, как мы сказали, Сургучев черпает из разных видов источников. В первую очередь, из Библии: *«А возрожденцы сидели в холодной кухне, как сыны человеческие. не имеющие преклонити где главу. – Ирония судьбы, – сказал бы чеховский казачок из «Ионыча»* [5, с. 28]. Эта цитата является трансформированной (претекст – «говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»; Матф. 8:20), стилистически маркированной, имплицитной (источник не указан), малоупотребительной; выполняет экспрессивную функцию, создает ироническую тональность («ирония» даже эксплицитована в ремарке о чеховском казачке). С точки зрения синтаксической функции она образует состав подлежащего в части сложносочиненного предложения, служит для построения сравнения – возрожденцы сравниваются с Христом. Еще пример библейской интертекстеми – *«Вспоминаю, как однажды я наугад развернул Евангелие и увидел такие слова: «Льна курящегося не угасит и трости надломленной не переломит». Это меня поразило, и я так же теперь поступаю со всякими книгами»* [5, с. 80]. Эта цитата является уже не трансформированной, а искаженной, то есть нарушение ее пер-

возданного вида не имеет своей целью выполнение какого-либо стилистического задания и скорее всего обусловлено ошибкой (претекст: «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы», Матф. 12:20). Цитата пунктуационно маркированная, эксплицитная, индивидуально-авторская; выполняет информативную функцию (текст гадания), служит для создания возвышенной тональности, в предложении является прямой речью-цитатой.

Цитаты часто черпаются Сургучевым из молитв, например, из молитвы Пресвятой Богородице в честь иконы «Всецарица», Кондак 8: «...масок нам не дали, и смерть, может быть, близка. Отложим попечение и горе имеем сердца» [5, с. 26] – нетрансформированная, стилистически маркированная, имплицитная, индивидуально-авторская; выполняет информативную функцию (служит темой в речи автора), создает возвышенно-пафосную тональность, границы цитаты совпадают с границами предложения.

Присутствуют цитаты из святоотеческих творений: «Страшен и тяжек естества чин», – *сказал преподобный Серафим Саровский. – Но, добавим от себя, ещё страшнее естества бесчиние*» [5, с. 190] – нетрансформированная, пунктуационно маркированная, эксплицитная индивидуально-авторская цитата, выполняет информативную функцию, создает возвышенную тональность, является прямой речью в предложении; интертекст здесь двуслойный: Саровский отсылает к «Побеждается естества чин» – цитате из религиозного песнопения. На основе цитаты Саровского Сургучев создает языковую игру, представляя окказиональную антонимическую пару: «чин» – «бесчиние».

Есть некоторые примеры цитирования гимнаграфии – религиозных песнопений: «*Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурю, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти... Твое море, Борис Иванович, было особенно бурно и холодно... Теперь ты доплыл до тихого пристанища. Да будет тебе легка чужая земля*» [5, с. 261] – нетрансформированная, стилистически маркированная (церковнославянский язык), имплицитная индивидуально-авторская цитата из Канона покаянного. Выполняет экспрессивную функцию, служит созданию возвышенной тональности, играет синтаксическую роль реплики в воображаемом диалоге. Интересно, что церковные песнопения становятся предметом отображенной в «Парижском дневнике» беседы с В. Д. Беневиным – знаменитым на всю Россию

ставропольским музыкально-культурным и церковным деятелем, который говорит автору-публицисту: «*Помни, болван, что на небе нет ни театра, ни твоей «изящной» литературы, ни живописи. Из всех искусств на небе есть одно: пение. Ангельское пение. «Ангелы поют на небесах». И из всех земных песен принята небесным хором одна: «О тебе радуемся» Турчанинова. Понял?»* [5, с. 73]. Сургучев на протяжении практически всей жизни пел в церковном хоре, и этот ряд интертекстов был ему особенно близок и дорог.

3. Собственно лексический слой представления православной темы. Помимо интертекстов (например, библеизмов), в языке публицистики Сургучева широко представлена православная конфессиональная лексика – слова, связанные с темой христианства. Православная конфессиональная лексика подразделяется на тематические кластеры и субкластеры и вводится автором ради повышения информативности либо экспрессивности публицистического текста, то есть используется в своем прямом значении или, на основе переносного, служит созданию образно-выразительных средств (тропов).

Предлагаем классификацию конфессиональной лексики в публицистическом тексте по тематическому критерию (в скобках приводим примеры из «Парижского дневника»):

1) основные понятия христианства (*христианство, святыни, грех, светопредставление, пророчество, преисподняя* и др.);

2) библейские персонажи и их атрибуты (*Господь, Христос, мученический венец, Крест, Рыбак, апостол, архангельская труба* и др.);

3) религиозное время (*Успенье, Пасха, Вознесение* и др.);

4) служение Богу и служители (*клир, отставные церковные органы, священник, попик, Папа, батюшка, пастор, протодиаконы, поизуменски, архиерейский, митрополичий, монах, хор, певчие, прислужник, богомолец, старообрядческий начетчик, клирошанка* и др.);

5) религиозные сооружения и их устройство (*а) храм, церковка; б) Царские Врата, Святой Престол, Божий Престол, алтарь, клирос, придел, стена алтарной половины, гробница; в) Крест, купол, колокола, ограда, паперть* и др.);

6) обрядовая деятельность (*а) богослужения, православный обряд, чины, архиерейская служба; б) литургия, передача божественной благодати, пасхальная обедня, пасхальная заутреня, панихида, торжественное венчание, молебен, причастие; в) пасхальные песнопения, кафизма, византийский акафист;*

г) Святые Дары, антиминс; д) икона, лампада, кадильный дым, крест, святая вода, свечи, просфора, чаша, поминаль, креститься; е) ризы, кружевной стихарь и др.).

Конфессиональная лексика часто употребляется в публицистике Сургучева в прямом значении:

«Через неделю в центре лагеря поставили палатку для церкви: какой-то калужский ба-тюшка унес на груди антиминс – стали возможны богослужения. Ещё через три дня образовался хор, начали репетировать «Христос рождается, славите», я брал самого низкого баса и думал, что вот так никогда не умрёт русская культура и что только в ней, культуре, и состоит наша главная сила, которой не страшны никакие врата адавы» [5, с. 194].

«Российская эмиграция могла бы быть похожей на град Китеж, опустившийся на дно озера Святояра... Там, где-то наверху, набежали злые вороги, хулят и оскорбляют святых, богохульствуют, бесчинствуют, а здесь... Звонят святые колокола, горят святые свечи, слышится тихий клир...» [5, с. 216–217].

«...Но вот один древний отшельник молился Богу, и лягушки мешали ему кваканьем. Он швырнул в них камнем и воскликнул:

– Замолчите, окаянные!

И лягушки ответили ему человеческим языком:

– Замолчи и ты, дурак. Мы сами восемнадцатую кафизму кончаем.

Наивное сказанье, но в нём есть чудесный просвет» [5, с. 241].

С другой стороны, конфессиональная лексика зачастую служит публицисту средством для создания тропов, то есть лежит в основе того, с чем сравнивается предмет или явление. Приведем примеры таких тропов:

1. Сравнения: «татары похожи на прото-диаконов» [5, с. 42]; «как отставные церковные органы, урчат голодные животы» [5, с. 66]; «я, как старообрядческий начетчик, давно подготовился к этим разговорам» [5, с. 177]; «Евгений Онегин», – это не только прелестная опера: это – вещь, вошедшая в наш обиход, как обедня, как пасхальная заутреня» [5, с. 248].

2. Эпитеты: «архиерейская кожа его ладони» [5, с. 112]; «с евангельской неторопливостью» [5, с. 286]; «так ворчливо, по-игуменски, всегда ругал меня за леность» [5, с. 292].

3. Метафоры: «люди облакаются в свои самые торжественные ризы, ждут с волнением полуночи...» [5, с. 14]; «французы жаждут мученического венца» [5, с. 70]; «догорели

огни демократических алтарей» [5, с. 82]; «в русской литературной церкви пресекался обряд посвящения, таинство передачи литературной благодати» [5, с. 132]; «в преисподней «Последних Новостей» – плач и скрежет зубов» [5, с. 228].

4. Гиперболы: «У нас, если книга выдерживала десять изданий, уже служили молебен» [5, с. 229]; «Сидели тут же какие-то старички в чистеньких костюмчиках: пиши с них иконы, да и только» [5, с. 303].

5. Аллегии: «Ах, Париж, Париж, царские врата человечества, как когда-то написал в своем посвящении в книгу один русский писатель. Ты замуровал свои царские врата. Ты, как неразумные поляки, снес со своей площади великолепный храм и плугом вскопал ту землю, на которой стоял святой престол» [5, с. 59]; «...существует верование, что когда на Святой Софии снова засияет Крест, то священник выйдет из стены и окончит литургию. У нас, у эмигрантов, есть что-то общее с этим священником. Все мы вошли в какую-то разверзшуюся стену. И вот, кажется, стена эта готова открыться, мы вот-вот выйдем, с Чашею в руках, низко поклонимся и скажем: – Твоя от Твоих. Вот Твои Дары. Вот – Твой огонь. Что сберегли – бери. Чего не сберегли – прости. И с миром отпусти по глаголу Твоему. Ибо видели очи спасение Твое» [5, с. 256–257].

С темой православия связано еще одно языковое явление, широко представленное в текстах Сургучева: устойчивые выражения разговорно-просторечного характера, содержащие названия противодействующих религиозных сил – Бог, черт и т.п. Подобные выражения включаются в речь как автора, так и других персонажей. Мы насчитали около 140 примеров в «Парижском дневнике». Чаще всего используются «Боже мой», «слава Богу», «черт возьми». Примеры других выражений, из речи автора: «Говорят, французы – не музыкальный народ: вот подите, создали «Фауста», «Кармен». Дай Бог всякому» [5, с. 17]. И всё живое сгорает раньше положенного ему от Бога срока» [5, с. 34]. «Обожаю шулюн, и вот если бы Бог привел сварить его где-нибудь поблизости от Булонского леса!» [5, с. 52]. «И, если Бог допустит до родной земли, схожу пешком из Москвы в Ставрополь» [5, с. 78]. Из речи других персонажей: «Да, вот ещё что. Вы нарекаетесь на свет Божий жить или, быть может, нареклись» [5, с. 40]. «Проклятая зажигалка, чтобы её черт побрал! Дайте, пожалуйста, спичку» [5, с. 41] –

из диалогов с В. И. Немировичем-Данченко. Иногда антиномичные лексемы сталкиваются в контексте: «*И чего нам ещё надо и от Бога, и от чёрта, и от земли, и от подземелья?*» [5, с. 92]. «*И куда, чёрт возьми, подевался этот торговец, такой кругленький, с рыжеватыми усиками? – Боже мой! Да вчера же впряг в свою повозку пару собак и попер на Орлеан*» [5, с. 46–47]. Присутствует метаязыковая рефлексия над данными словоупотреблениями: «– Но всё-таки, *чёрт возьми!* – Не произносите зря имя чёрта: на семь аршин вниз земля горит» [5, с. 40] (из диалога с В. И. Немировичем-Данченко). Как известно, церковь запрещает употреблять подобные выражения.

Рассмотрев особенности функционирования в публицистике языковых средств выражения православных понятий, отметим, что иногда, исключительно с целью создания иронической тональности, Сургучев вводит и иноконфессиональные лексемы: «*Клянусь Аллахом: сегодня Вам свистели и сегодня вам шикали ваши ближайшие друзья*» [5, с. 41]. При этом православная лексика редко используется в ироническом контексте.

Сверхцель употребления различных интертекстов – это утверждение идеи связи времен и ценности знания исторических корней для человека – носителя определенного языка с его уникальной историей. «Родства не помнящие» не могут жить полноценной жизнью, и, наоборот, генетическая культурная память помогает

выжить в пограничных ситуациях, например, в условиях вынужденной эмиграции.

В советской литературе использование конфессионализмов в те же самые 1940-е гг., когда писался «Парижский дневник», было крайне ограничено. В настоящее же время, по словам Н. Ф. Прядко, «открывается канал проникновения конфессиональной лексики в профанный дискурс» [4, с. 69]. В отличие от этих противоположно направленных тенденций в постреволюционной vs постперестроечной России, в языке Сургучева конфессиональная лексика чаще всего употребляется в подобающем ей торжественном значении.

Помимо библейского интертекста, в «Парижском дневнике» представлены широко интертекстемы литературные, паремии (пословицы, поговорки), латинские изречения. Но ни один текст или автор не цитируется так много, как Библия. По мнению Н. Ф. Прядко, православная конфессиональная лексика и цитаты «отличаются маркированностью в отношении «отечественный – чужеродный» [4, с. 67]. «Ходите достойно звания вашего» – наставление апостола Павла, приобретающее в контексте публицистики Сургучева, исполненного печали по утраченной им России, связь с известной формулой «Бог, Царь и Отечество». Именно благодаря вере в Бога, благодаря памяти о прежнем общественном устройстве, об отечественном искусстве эмигрант первой волны не теряет связь со своей Родиной.

Литература

1. Заморкин А. Б., Лепилкина О. И. Ставропольская публицистика И. Д. Сургучева начала XX века: жанрово-тематическая характеристика // В мире научных открытий. 2013. №11. 6(47). С. 177–181.
2. Маслова Ю. П. Интертекстуальная поэтика прозы И. Д. Сургучева 1898–1920-го гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2012. 22 с.
3. Николаев Д. Д. Илья Сургучев // Русская литература 1920–1930-х гг. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1, кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 591–637.
4. Прядко Н. Ф. Конфессиональная лексика в речевой практике современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. 2003. №2. С. 61–73.
5. Сургучев И. Д. Парижский дневник. 1940–1945. Ставрополь: ТоварищЪ, 2016. 310 с.
6. Фокин А. А., Нутрихин Р. В. Мистические аспекты творчества И. Д. Сургучева. Ставрополь: ТоварищЪ, 2015. 323 с.

References

1. Zamorkin A. B., Lepilkina O. I. Stavropol'skaja publicistika I. D. Surgucheva nachala XX veka: zhanrovo-tematicheskaja harakteristika (*Iliya Surguchev's Stavropol journalism of the beginning of the 20th century: genre and theme characteristics*) // V mire nauchnyh otkrytij. 2013. No. 11. 6(47). P. 177–181. (In Russian).
2. Maslova Ju. P. Intertekstual'naja poetika prozy I. D. Surgucheva 1898–1920-go godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (*Intertextual poetics of Iliya Surguchev's prose in a period of 1898–1920: abstract of a thesis*). Stavropol': SSU publ., 2012. 22 p. (In Russian).
3. Nikolaev D. D. Il'ja Surguchev (*Iliya Surguchev*) // Russkaja literatura 1920–1930-h godov. Portrety prozaikov (*Russian literature in a period of 1920–1930th: portraits of writers*): In 2 Vols. Vol. 1. Book. 1. Moscow: IMLI of RAS, 2016. P. 591–637. (In Russian).
4. Prjadko N. F. Konfessional'naja leksika v rechevoj praktike sovremennyh SMI (*Confessional vocabulary in modern media*) // Zhurnalistika i kul'tura russoj rechi. 2003. No. 2. P. 61–73. (In Russian).
5. Surguchev I. D. Parizhskij dnevnik. 1940–1945. (*Paris Diary. 1940–1945*). Stavropol': Tovarishh, 2016. 310 p. (In Russian).
6. Fokin A. A., Nutrihin R. V. Misticheskie aspekty tvorchestva I. D. Surgucheva (*Mystical aspects of Iliya Surguchev's creativity*). Stavropol': Tovarishh, 2015. 323 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / aver18071981@yandex.ru

Аргун Мальвина Родиковна – младший научный сотрудник отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии (Сухум, Абхазия) / ssalakaya@yandex.com

Беликова Яна Геннадьевна – студентка магистратуры института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / mvlaskova@sfedu.ru

Бронская Людмила Игоревна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / libron@yandex.ru

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ludku@yandex.ru

Гаврилкина Юлия Владимировна – соискатель кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / yulya.gavrilkina@mail.ru

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / galkina_e@rambler.ru

Гойбасханов Абдулхалим Абдурашидович – аспирант Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / violetta-sgy@mail.ru

Гусаренко Марина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / rgya-mk@yandex.ru

Денисов Сергей Александрович – младший научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (Москва) / Densera@yandex.ru

Добрынина Елена Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / helen_vl@bk.ru

Иванова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ivanovairinna@mail.ru

Кажаров Артур Гусманович – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик) / artur-kazharov@yandex.ru

Казаров Саркис Суменович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / ser-kazarov@yandex.ru

Каледин Максим Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zamnians@mail.ru

Ковалев Юрий Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / yatriumf@bk.ru

Кошман Юлия Александровна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 5stihiy@mail.ru

Кротов Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / kirillkrotov@mail.ru

Кудрявцев Александр Абакарович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kaa0210@yandex.ru

Кудрявцев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kaa0210@yandex.ru

Ласкова Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / mvlaskova@sfnu.ru

Лепилкина Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / oll5@mail.ru

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / linets-history@yandex.ru

Медведев Станислав Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / stanislav.medvedev2015@yandex.ru

Николаев Николай Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного университета (Волгоград) / nikcam@mail.ru

Николаенко Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / nickolai.nikolaenko@yandex.ru

Салакаев Сослан Шотаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии Абхазского государственного университета, старший научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии (Сухум, Абхазия) / ssalakaya@yandex.com

Сидоренко Станислав Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kafedra.tipp@mail.ru

Смыков Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира института истории и международных отношений Саратовского государственного университета (Саратов) / Smykov61@list.ru

Сонина Елена Владимировна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / elena_sonina17@mail.ru

Станько Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / kijour@sfnu.ru

Степаненко Никита Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / stepanenkonikita1993@yandex.ru

Тельменко Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / teilman@mail.ru

Тропин Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец) / tropin2003@list.ru

Цориева Инга Тотразовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН (Владикавказ) / tsorin@mail.ru

Чикаидзе Циснами Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / tsisnamy@mail.ru

Шевченко Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / shevchenko31569@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Argun Malvina – junior researcher, Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia Akademia, Sciences of Abkhazia (Sukhum, Abkhazia) / ssalakaya@yandex.com

Averyanov Anton – PhD in history, Associate Professor, Chair of Russian history in XX–XXI, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov on Don) / aver18071981@yandex.ru

Belikova Yanna – MA student, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov on Don) / mvlaskova@sfnu.ru

Bronskaya Irina – Dr. of Philology, Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / libron@yandex.ru

Chikaidze Tsisnami – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History and Political Science, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov (Vladikavkaz) / tsisnami@mail.ru

Denisov Sergei – junior researcher, Institute of archeology, RAS (Moscow) / Densera@yandex.ru

Dobrynina Elena – PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / helen_vl@bk.ru

Galkina Elena – Dr. of Political Science, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / galkina_e@rambler.ru

Gavrilkina Yuliya – postgraduate student, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov state law Academy (Saratov) / yulya.gavrilkina@mail.ru

Goybaskhanov Abdulhalim – Post Graduate, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru

Gryaznova Violetta – Dr. of Philology, Professor, Russian language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / violetta-sgy@mail.ru

Gusarenko Marina – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / rgya-mk@yandex.ru

Ivanova Irina – Dr. of Philology, Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ivanovairinna@mail.ru

Kaledin Maksim – Post graduate student, Chair of Criminal Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / zamnanc@mail.ru

Kazarov Sarkis – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov on Don) / ser-kazarov@yandex.ru

Kazharov Artur – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism, Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / artur-kazharov@yandex.ru

Koshman Yuliya – Post Graduate Student, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / 5stihy@mail.ru

Kovalev Yurii – Post Graduate student, Chair of Theory and History of State and law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / yatriumf@bk.ru

Krotov Kirill – Post Graduate Student, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / kirillkrotov@mail.ru

Kudryavtsev Alexandr – Dr. of Historical Sciences, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaa0210@yandex.ru

Kudryavtsev Evgenii – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kaa0210@yandex.ru

Laskova Marina – Dr. of Philology, Head of Chair of Translation and Information Technology in Linguistics, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov on Don) / mvlaskova@sfnu.ru

Lepilkina Olga – Dr. of Philology, Head of Chair of Journalism, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / oll5@mail.ru

Linets Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / linets-history@yandex.ru

Medvedev Stanislav – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Civil Law and Process, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / stanislav.medvedev2015@yandex.ru

Nikolaenko Nikolaj – PhD in History, Associate Professor, Chair of Historical, SocioPhilosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / nickolai.nikolaenko@yandex.ru

Nikolaev Nikolay – PhD in history, Associate Professor, Department of social and humanitarian disciplines, Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University (Volgograd) / nikcam@mail.ru

Salakaya Soslan – PhD in History, Associate Professor, Chair of history, archeology and ethnology of Abkhazia, Abkhazian state university, Senior Researcher, Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia Akademia, Sciences of Abkhazia (Sukhum, Abkhazia) / ssalakaya@yandex.com

Shevchenko Tat'yana – senior teacher, Chair of Journalism, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / shevchenko31569@gmail.com

Sidorenko Stanislav – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kafedra.tipp@mail.ru

Smykov Eugeny – PhD in History, Associate professor, Chair of Ancient History, Saratov State University (Saratov) / Smykov61@list.ru

Sonina Elena – post-graduate student, Chair of National and World Literature, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / elena_sonina17@mail.ru

Stan'ko Aleksandr – Dr. of Philology, Professor, Chair of History of Journalism, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov on Don) / mvlaskova@sfnu.ru

Stepanenko Nikita – post-graduate student, Chair of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / stepanenko31569@gmail.com

Telmenko Elena – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / teilman@mail.ru

Tropin Nikolay – Dr. of Historical Sciences, Head of Chair of History and Archeology, Elts State University named after I. A. Bunin (Elets) / tropin2003@list.ru

Tsorieva Inga – Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz) / tsorin@mail.ru

Velichko Ludmila – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ludku@yandex.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2018. № 1

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 04.04.2018

Формат 60х84 1/8

Усл. п. л. 26,74

Уч.-изд. л. 26,18

Бумага офсетная

Заказ 10

Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2